

Ф. Г. Шилов

ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

П. Н. Мартынов

ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

Ф. Г. Шилов
ЗАПИСКИ
СТАРОГО КНИЖНИКА
П. Н. Мартынов
ПОЛВЕКА
В МИРЕ КНИГ
«КНИГА»

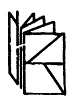

ЗАПИСКИ
ПРОШЛОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

Ф. Г. Шилов

ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

П. Н. Мартынов

ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ



МОСКВА «КНИГА» 1990

ББК 76.18
Ш 59

Составитель,
автор вступительной статьи и примечаний
А. П. ТОЛСТЯКОВ

Редактор Т. М. ПРИВАЛЕНКО

Ш $\frac{4502050000-102}{002(01)-90}$ 18-90
ISBN 5-212-00109-9

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Записки книжников, людей, причастных к книге, к книжному делу — издателей, типографов, книгопродавцев, библиофилов,— относятся к мемуарам особого рода. Своеобразие этих записок в том, что главным их героем, живым, самоценным, подлинным, является КНИГА, любовь к которой, работа с которой нередко составляет, заполняет всю жизнь и автора воспоминаний, и его персонажей. Книга в воспоминаниях книжников нередко персонифицируется, даже обожествляется. Она, дающая духовную пищу, делающая человека Человеком, предстает здесь как нечто святое. Любовь к ней определяет судьбу человека.

Писатель В. А. Каверин вспоминал в своих «Заметках о чтении» об одном интересном разговоре: «В двадцатых годах, часто бывая в букинистических лавках, соединявшихся одна с другой вдоль Литейного проспекта, я разговорился однажды с Ф. Г. Шиловым, известным знатоком старой книги. Речь шла о книжных собраниях, и он, к моему удивлению, заметил, что подлинных коллекционеров в Ленинграде давно уже нет. В ответ я немедленно назвал профессора Л., обладателя может быть самой большой в Советском Союзе библиотеки.

— Нет,—сказал Шилов,—Л. не коллекционер. Он дорожит книгой, но для него на первом месте не книга, а то, сколько она вследствие своей редкости стоит. Он, надо думать, не раз и не два с карандашом в руке подсчитал стоимость своей библиотеки. Она для него — капитал. Значит, это не книжник.

Я назвал Т., известного романиста, собравшего бесценную, хотя и не очень большую библиотеку, в особенности редкую потому, что в ней с большой полнотой был представлен XVIII век.

— Нет,—сказал Шилов,—и Т. не собиратель, книги нужны ему для работы, не сами по себе, а для того, чтобы написать новые книги.

Я спросил его, кто же тогда, по его мнению, собиратель, и он назвал две или три незнакомые фамилии.

— Что значит книголюб?—спросил он.—Это человек, для которого ничего нет на свете, кроме этой любви. Ни жены, ни детей, ни друзей. Книга для него — вся жизнь. А жены у него, между прочим, даже не может быть, потому что женщина книгу не любит» (цит. по кн.: Вечные спутники. Советские писатели о книгах, чтении, библиофильстве / Сост. А. В. Блюм. М., 1983. С. 71—72).

Конечно, Шилов, сам выдающийся букинист и собиратель, создает идеальный, редкостный, даже несколько гипертрофированный образ книжника, но такие подвижники книги были в жизни, и это удивительно.

Воспоминаний книжников в нашей стране издано сравнительно мало, хотя первым известным мемуарным свидетельством такого рода можно считать послесловие Ивана Федорова к Апостолу, напечатанному во Львове в 1574 году. Здесь основатель книгопечатания на Руси и Украине поведал историю своей жизни и скитаний, начиная с отъезда из Москвы в 1565 году и кончая появлением во Львове в 1572 году. Жаль, что не оставил воспоминаний замечательный издатель и книгопродавец XVIII века Н. И. Новиков. Собирался написать «Записки книгопродавца» знаменитый А. Ф. Смирдин, да так и не собрался. В 1879 году вышла в количестве 99 экземпляров небольшая книжка «Материалы для истории книжной торговли» с воспоминаниями петербургских книгопродавцев и издате-

лей И. Т. Лисенкова и Н. Г. Овсянникова. Затем появились записки Н. И. Свешникова, Д. В. Ульянинского, А. А. Астапова, С. Ф. Либровича, А. П. Бахрушина, Л. Ф. Пантелеева, В. Я. Адарюкова... В начале 30-х годов начал писать свои мемуары крупнейший русский антиквар-букинист П. П. Шибанов. Его воспоминания, которые он не успел завершить, напечатаны, хотя и не полностью, в начале 70-х годов. В известной мере к мемуарным книгам можно отнести и «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, вышедшие первым изданием в 1959 году. Следом вышли воспоминания Ф. Г. Шилова, И. Д. Сытина (написаны еще в 20-е годы), В. Г. Лидина, П. Н. Мартынова, Л. И. Борисова, С. Е. Поливановского, М. В. Сабашникова, Е. Д. Петряева, Н. В. Кузьмина, В. В. Лазурского, Н. Н. Покровского и др. Отрадно отметить, что в последние годы нашими издательствами выпускается все больше и больше мемуаров книжников.

В настоящий том вошли воспоминания двух известных ленинградских антикваров-букинистов — Федора Григорьевича Шилова (1879—1962) и Петра Николаевича Мартынова (1902—1969). Каждый из них полвека своей жизни отдал работе со старой книгой, держал в руках сотни тысяч книг, зачастую редчайших, а то и уникальных, а также рукописей, автографов, встречался с интереснейшими людьми своего времени. О многих замечательных современниках и книгах рассказали они в своих записках, которые как бы хронологически продолжают друг друга: Ф. Г. Шилов в основном вспоминает о событиях дореволюционных лет и сравнительно немного о советском периоде, а П. Н. Мартынов пишет исключительно о советском времени, начиная с 1920 года. В то же время оба книжника — современники, более сорока лет их деятельности прошли в одно время, в одном городе, они были свидетелями одних и тех же событий, встречались

примерно с одним и тем же кругом людей. Поэтому их воспоминания не только дополняют друг друга, но и органично сливаются как бы в единую книгу. Первое издание «Записок старого книжника» Шилова вышло в 1959 году. Одним из самых внимательных и придирчивых читателей их был П. Н. Мартынов. В своей книге, вышедшей спустя десять лет, он часто рассказывает о тех же людях и событиях, при этом нередко дополняя или уточняя сведения Шилова. То же и с рассказами о конкретных книгах. Воспоминания Мартынова содержат в себе как бы «комментарий» ко многим страницам шиловских записок. И этот «комментарий» не случаен. Свою книгу Шилов писал на склоне лет, полуслепой, очевидно, лишенный возможности проверить написанное по литературным источникам, полагаясь исключительно на свою память. И хотя В. Г. Лидин подчеркивает в предисловии к изданию, что «...в своих воспоминаниях, написанных в ту позднюю пору жизни, когда обычно память изменяет человеку, Ф. Г. Шилов обнаружил, однако, такую ясность внутреннего зрения, что дивишься ее свежести» (наст. изд., с. 12), даже исключительная память не может сохранить всех подробностей и мелочей. Несомненно, Мартынов в своих воспоминаниях поправлял Шилова в том, что ему было хорошо известно, например в передаче эпизода с приобретением Демьяном Бедным у Шилова писем из архива великого князя Константина Константиновича или истории о приобретении Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина древней Супрасльской рукописи. Представляется, однако, что существовавшее мнение о немалом числе натяжек и уклонений от истины в записках Шилова (см.: Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978. С. 162) преувеличено. Очевидно, их не больше, чем во множестве других мемуаров. Недаром такой строгий, педантичный исследователь,

как П. Н. Берков, в своих историко-библиофильских книгах часто цитирует и упоминает записки Шилова, в общем-то доверяя его сведениям. Выборочная проверка фактического материала в воспоминаниях Шилова при подготовке настоящего издания убедила в достоверности многих сообщаемых им фактов. Ф. Г. Шилов — много знающий, наблюдательный, талантливый даже литературно рассказчик, и его запискам, несомненно, суждена долгая жизнь.

В настоящем издании непосредственно в текст записок внесено свыше 50 поправок — уточнено написание фамилий, инициалов, названий книг, дат. Многие неточности оговариваются в примечаниях, в указателе имен приведены инициалы при фамилиях, упоминаемых Шиловым без инициалов.

В отличие от записок Шилова, воспоминания Мартынова были уже в первом издании очень хорошо подготовлены и самим автором, и, несомненно, П. Н. Берковым, ответственным редактором книги: материал выверен по литературным источникам, точно документирован, уточнен в беседах с другими букинистами и библиофилами. Поэтому при подготовке их для настоящего издания потребовались лишь небольшие уточнения и примечания.

Воспоминания Шилова и Мартынова необыкновенно ценны богатейшим фактическим материалом. Здесь и рассказы о букинистической торговле Петербурга — Петрограда — Ленинграда более чем за 70 лет, начиная с 90-х годов прошлого века, и удивительные портреты букинистов, знаменитых и забытых, и целая галерея библиофилов, людей, безмерно влюбленных в книги, страстных собирателей; и, наконец, рассказы о прекрасных, редких и ценных книгах, одно упоминание которых будоражит воображение знающего книжника.

Мемуары Ф. Г. Шилова и П. Н. Мартынова сочетают огромный фактический материал, зачастую

уникальный, с охватом большого исторического периода. Это делает их бесценным источником сведений по истории антикварно-букинистической торговли.

И ко всему эти воспоминания — увлекательнейшее чтение, которое так много дает душе истинного друга книги.

Ф. Г. Шилов

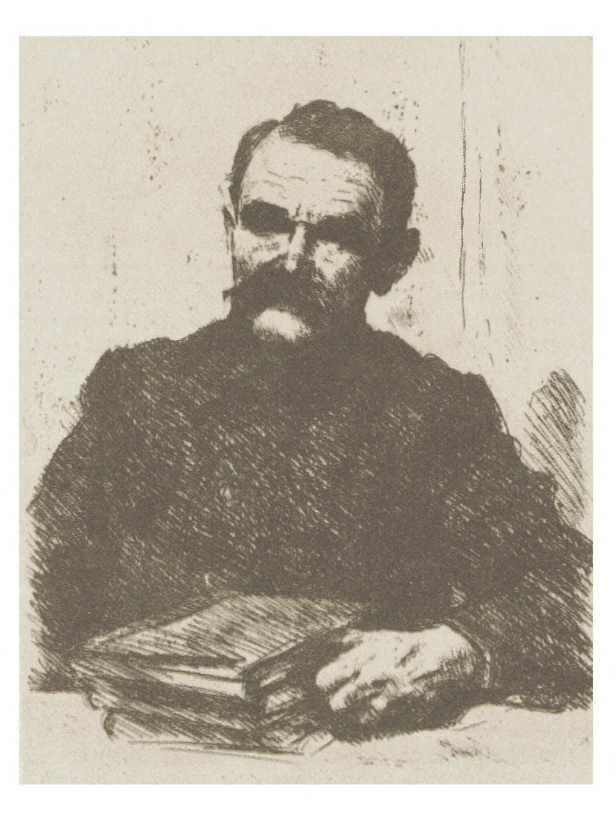
ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

«Записки старого книжника»

Федору Григорьевичу Шилову выпало за свою долгую и несомненно интересную жизнь познать немало поучительного. Свыше семидесяти лет общался он с высшим созданием человеческого разума — книгой. Сотни тысяч книг, зачастую замечательных, единственных, неповторимых, прошли через его руки. Тысячи и тысячи рукописей и автографов великих людей, начиная с Ломоносова и Пушкина, Петра I и Суворова и кончая нашими современниками, держал он в своих руках, и не только держал, но изучал и прославлял.

Удивительный дар дан этим самоучкам из народа, учившимся на медные пятаки, прошедшим тяжелое детство в мальчиках на побегушках,— русским книжникам-букинистам. Сами, своим путем познавали они величие Слова, полюбили его, стали его приверженцами и пропагандистами. Помогали знаменитым ученым и писателям собирать их библиотеки. Ездили по городам и весям огромной полуграмотной России, находя сокровища у невежественных потомков вельмож и отпрысков государственных людей прошлого, внимая поступи истории в указах Петра I, письмах Екатерины II, донесениях Суворова и Кутузова, горьких и пламенных призывах Радищева, в поэзии Пушкина и стихах декабристов,— и так вплоть до нашего века, до Менделеева и Сеченова, Горького и Куприна, Блока и Маяковского...

Все прошло через их руки, и, хотя люди эти были в большинстве своем малограмотные, глубоким национальным чувством ощущали они величие русской



Ф. Г. Шилов.
Офорт работы Г. С. Верейского

культуры, и немалый их труд положен во славу полноты книжного собрания и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, и Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и библиотек Академии наук СССР и Пушкинского дома...

Федор Григорьевич Шилов принадлежал к этому славному племени. По возрасту он один из последних представителей того поколения книжников, которое начинало свою деятельность в конце прошлого века, в глухую пору императорской России.

Добрым словом и дружбой дарили Шилова и профессор И. А. Шляпкин, и библиограф П. А. Ефремов, и академики С. И. Вавилов и И. Ю. Крачковский, и А. М. Горький, и Демьян Бедный...

В своих воспоминаниях, написанных в ту позднюю пору жизни, когда обычно память изменяет человеку, Ф. Г. Шилов обнаружил, однако, такую ясность внутреннего зрения, что дивишься ее свежести. Он живет в своем мире, полном воспоминаний о людях, с которыми дружил, о прекрасных книгах, которые держал в руках. Это воспоминания человека, страстно влюбленного в книгу, осуществившего немало изданий во славу ее, начиная со сборника «Похвала книге», в котором собраны мысли и изречения людей всех времен о книге и ее значении для человека.

Несомненно, не только люди старшего поколения, но и молодые читатели с интересом прочтут воспоминания старого книжника. По ним можно учиться, как нужно любить книгу. По ним можно лишний раз убедиться, как богат наш народ самородками во всех областях жизни, людьми с природным талантом,— а для того, чтобы быть книжником в истинном значении этого слова, нужны не только знания, но и талант, артистическое ощущение книги, этого тончайшего инструмента человеческой мысли.

Слово «букинист» в словарном толковании означает лишь торговца подержанными и старинными книгами. Но оно гораздо шире по своему истинному смыслу: огромна роль этих собирателей культурного наследства прошлого, которым не только книголюбы, но

и книжные хранилища во многом обязаны полнотой своих собраний.

Старый книжник передает молодым завет своей любви к книге, и в этом главное значение интересных воспоминаний Федора Григорьевича Шилова.

Федору Григорьевичу Шилову выпала на закате своей жизни одна из величайших для него радостей: он держал первое издание этой книги в руках, книга заинтересовала читателей, ему писали письма, он делал на книге авторские дарственные надписи... Правда, лишь на ощупь мог делать он эти надписи: Федор Григорьевич был почти слеп.

— Проел свои глаза на книгах,— сказал он мне раз грустно и иронически.— Ведь сколько я перечитал на своем веку всяческой мелкописи, да и рукописей перечитал порядком.

Книга эта скрасила для старого книжника горькие дни вынужденного бездействия; но все же оставаться совсем бездейственным он не мог. В один из своих приездов в Ленинград я встретил Шилова в Книжной лавке писателей. Все было позади для него: он не видел книг, не видел и людей, и, пожимая ему руку, нужно было назвать свое имя.

— Вот как хорошо, что вы приехали,— сказал он мне.— Я как раз думал о вас. Продается одна библиотека, я давно ее знаю, в ней есть кое-что интересное.

И он предложил мне сразу же посмотреть эти книги. Мы вышли с ним на Невский, поехали на Петроградскую сторону, но владельца библиотеки не застали дома и нам пришлось возвращаться ни с чем. Я хотел довезти Шилова до его дома.

— Не нужно,— сказал он.— Высадите меня где-нибудь на Невском. Сегодня день, когда я хожу по книжным магазинам... правда, маловато осталось старых книжников, но все-таки встретишь того или другого и поговоришь с ним.

Я с опасением смотрел ему вслед, как он шел, почти ничего не видя, только память вела его, но он знал Ленинград, как свои комнаты, он прожил в нем всю жизнь, помнил и газовые фонари, и торцы мостовой на

улицах чиновного и сановного Санкт-Петербурга, помнил и Петроград времен первой мировой войны, но истинным его домом стал великий город революции — Ленинград, именно в нем он и написал свою книгу, приобщившись к тем, слову которых всегда служил.

Образ старого книжника, бредущего по улицам Ленинграда, чтобы лишь вдохнуть запах книг, побыть возле них хоть несколько минут,— образ этот глубоко остался в моей памяти, и я радуюсь, что первое издание этой книги, ныне выходящей вторым изданием, не запоздало в свое время, что автор успел подержать его в руках.

Август 1964.

Вл. Лидин

ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В мальчиках. Покупатели. Продажа библиотеки Лескова. Первая дешевая покупка. Коллекция Рукавишникова. Ефремов как собиратель книг. Потоцкий. Библиотека Синицына. Письма Аракчеева.

Мне было восемь лет, когда меня отдали учиться грамоте к местному грамотею нашей деревни, строгому старику, дяде Никифору.

Дядя Никифор работать почти не мог и, для того чтобы чем-нибудь зарабатывать на хлеб, набрал около восьми учеников из нашей деревни. Сам он грамоте научился в Питере, где работал пекарем.

Учение было нехитрое. Собрав учеников, дядя Никифор усадил нас за стол, вручил по азбуке, и ученики, не знавшие хорошо букв, должны были читать молитву: «Боже, в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие», ведя указкой по неведомым им словам и буквам. После азбуки мы перешли на Псалтырь, которым и закончилось мое образование.

Родители, по обычаю всех ярославцев, отправили меня в Петербург. Делалось это так: предприниматели набирали десять-двадцать мальчиков и так называемые извозчики везли их

в Петербург, где распределяли по мастерским и торговым заведениям. Все расходы за провоз мальчиков и кормление их по дороге они взыскивали с будущих хозяев. Мальчиков более зажиточных родителей извозчик старался определить куда-нибудь на лучшие места, а дети бедняков буквально продавались в мастерские и мелочные лавки, где мальчиков ожидала тяжелая жизнь.

Я помню первое впечатление от Питера: был вечер, на Невском и на Садовой горели газовые фонари и светились витрины магазинов. На меня после сельской темноты и тишины это произвело волшебное впечатление.

Я был счастливее других мальчиков, которые не имели в Питере близких: мой отец служил приказчиком в свечной мастерской и, как старший, имел отдельную комнату. Остальные двадцать мастеров жили в одной комнате.

У отца на свечном заводе я прожил около двух недель. Отец приискивал мне работу — ему хотелось отдать меня в учение к торговцам платьем или краснорядцам, но подходящих мест не нашлось, и он устроил меня в книжники к Максиму Павловичу Мельникову, нашему земляку и даже родственнику. Мельников не был знатоком книги, но дело вел хорошо.

Вечером, после работы отец привел меня в магазин. Я оглядел полки с книгами и почувствовал себя, как в лесу. Приказчиком у Максима Павловича был его брат, Иван Павлович, сильно выпивавший.

Поставили меня за прилавок, а я стою ни жив ни мертв, не смею даже пошевелиться. Иван Павлович показал мне какую-то книжку и спросил:

— Это какая книжка?

Я прошептал: — Немецкая.

Он очень удивился: как я узнал? Книжка была действительно немецкая. Он показал мне другую книжку. Я смело сказал, что это тоже немецкая книжка. На этот раз книжка оказалась английской. Все кругом засмеялись, а мне стало стыдно, от смущения я не знал куда деваться.

Первое время я должен был подметать пол и отворять двери покупателям. Однажды я услышал какой-то странно придушенный голос: «Отворите дверь». Я подошел к двери — за ней никого не оказалось. Несколько минут спустя тот же голос, но уже настойчивее сказал: «Отворите дверь». Я снова подошел к двери, и опять за ней никого не оказалось. Тогда покупатель, стоявший у прилавка, рассмеялся и сказал, что это он подражал чревовещателю. Покупатель был знаменитый композитор Иоганн Штраус, дирижировавший в то время в Павловске оркестром. Я на всю жизнь запомнил его шутку.

Работал я уборщиком в книжной лавке недолго. Как-то на меня обратил внимание один из постоянных покупателей, Иван Яковлевич Дункан, главный врач петербургской полиции. Он лечил всю семью Мельникова бесплатно и был в магазине своим человеком. Дункан был большим оригиналом. Однажды он сказал Мельникову:

— Уступите мне этого молодца месяца на два.

— Да на что он вам? — удивился Мельников.

— Нужен.

Подумав, Максим Павлович согласился. Дункан сказал мне:

— Пересмотри все журналы (в книжной лавке были комплекты большинства толстых журна-

лов), в одном из них есть стихотворение Виктора Гюго в переводе Надежды Давыдовой. Подписано оно «Н. Д-ва»:

«По улице я шел, передо мной дитя,
Ему не более шести лет, и в этом возрасте
игрушек и конфет...» *

Ищи только не по оглавлению, в оглавлении его может и не быть, а перелистывай страницы.

Я начал искать, а Дункан, появляясь почти каждый день, спрашивал:

— Стихи нашел?

— Нет, еще не нашел.

— Ищи, ищи.

Так я искал несколько месяцев. Я просмотрел комплекты «Русского вестника», «Исторического вестника», «Отечественных записок», «Вестника Европы», «Русской мысли», «Северного вестника» — словом, все журналы за все годы, но стихов не нашел. Мне думается, что таких стихов там и не было. Просто Дункан хотел, чтобы я понемножку учился, и, вспоминая это теперь, думаю, что эти поиски были для меня небесполезными. Я чуть ли не с мальчишеских лет приучился к тщательной работе, впоследствии мне это очень пригодилось при разборе архивных бумаг.

Магазин Мельникова был забит книгами, а полуподвал и две верхние комнаты над магазином заполнены были остатками изданий, малоходкими книгами и, главным образом, журналами. В подвале стояли в полном порядке отдельные книжки журналов и отдельные тома собраний сочинений. Все это было записано в книгу в алфавитном порядке. Если нужен был какой-

---

* Цитирую на память, возможно, оно звучало несколько иначе.— *Ф. Ш.*

либо номер журнала, Максим Павлович мог моментально ответить, есть он или нет, и я немедленно приносил нужный номер. Номера журнала стоили на круг по 20 копеек, а отдельные тома из собраний сочинений до одного рубля. Следует сказать, что журналы доставались хозяину даром, потому что отдельно их не покупали, а брали в придачу.

В числе постоянных покупателей у Мельникова было много известных людей: страстный собиратель книг литературовед П. А. Ефремов, писатель Н. С. Лесков, знаменитый бас Ф. И. Стравинский, критик А. И. Введенский. Среди постоянных посетителей были два друга — Л. А. Леонидов и П. Д. Кедров, личности в своем роде интересные. Так, Кедров служил в управлении казачьих войск, был небогат, но тянулся за богатыми, собирая французские книги XVIII столетия и романтиков 40-х годов. Думается, однако, что он частично ими поторговывал. Леонидов где-то служил и прирабатывал у издателя В. И. Губинского, а также у других издателей. Он составил под двойным псевдонимом «Юрьев и Владимирский» книгу «Правила светской жизни и этикета. Хороший тон» и занимался компиляциями. Не зная английского языка, он перевел роман В. Скотта «Пертская красавица». У Максима Павловича он тоже иногда прирабатывал. Мельников был не очень силен в грамоте, и, если ему было нужно написать «дипломатическое» письмо, он обращался к Леонидову, за это Леонидов получал либо книгу, либо гравюру.

Однажды Мельников попросил его написать письмо некоему Новосельскому, богатому, но разорившемуся барину. Новосельский порядочно задолжал Мельникову, и тот хотел составить

такое письмо, чтобы и деньги получить и знакомого покупателя не обидеть. Леонидов почему-то заупрямился и не захотел писать письмо. Наконец после долгих упрашиваний он сказал:

— Дайте вот эту книгу, тогда напишу.

— Ладно, дам, только напишите.

Леонидов написал письмо и потребовал обещанную книгу.

Мельников рассмеялся:

— Шутник,—сказал он,—да эта книга стоит, по крайней мере, четвертной билет.

Но в спор вмешался Кедров и пристыдил Мельникова. Мельников не знал настоящей цены книги, видел ее впервые и обратил внимание только на то, что это том первый (больше и не выходило). Это была книга Бекетова «Собрание портретов россиян знаменитых...», экземпляр в красном марокене. Через два дня она оказалась в соседнем книжном магазине В. И. Клочкова, расцененная в 100 рублей. Мельников долго не мог простить эту свою промашку Леонидову.

Часто заходил к нам Н. С. Лесков, очень тучный, страдавший ожирением сердца. Каждый раз он просил Мельникова послать меня за сельтерской водой. Лесков чрезвычайно любил книгу. По всем каталогам, которые выпускал Мельников, он отмечал много книг и очень расстраивался, если книги оказывались проданными. Николай Семенович зачастую просил послать в соседний книжный магазин Клочкова за отмеченными книгами, говоря, что видел их там, но не переносит приказчика Потапыча.

— Я его терпеть не могу,—говорил Лесков.— Потапыч, если книги нет, отвечает прямо-таки со злорадством: «Нет-с!» Как будто подразнить хочет: тебе, мол, надо, а у меня нет-с, накось выкуси!

Между тем Потапыч был безобидным существом. Всю жизнь он работал у Клочкова, еще на Аничковом мосту, когда у Клочкова-отца там был ларь. После смерти старика Клочкова Потапыч заменил сыну Клочкова отца и, можно сказать, дал ему образование: Клочков-младший окончил какой-то частный пансион и стал человеком начитанным и образованным. Он одним из первых в 1885 году открыл на Литейном проспекте обширный для того времени книжный магазин под фирмой «Букинист В. И. Клочков».

Дела у Клочкова в новом помещении пошли блестяще. Он сумел привлечь к себе лучших покупателей. Позади магазина была небольшая комната, ставшая клубом библиофилов. Все библиофилы считали большой честью быть принятыми в этот кружок, где велись волнующие разговоры на книжные темы. Потапыч в эти разговоры не вмешивался, но был доволен своим питомцем, так поставившим дело, и оттого, может быть, немного даже и важничал.

Важный вид Потапыча и раздражал Лескова.

У Лескова в квартире во всех комнатах были книги, но главным образом в кабинете, в котором, между прочим, висело нечто вроде объявления: «Всё, кроме книги! Ни книг, ни жены не даю — зачитают!» Ценность своей библиотеки он сильно преувеличивал. Очень многие книги у него имели надпись: «Величайшая редкость», хотя книги были весьма обычные.

После смерти Лескова его библиотека была продана лавке Соколова. Продажа библиотеки Лескова была, конечно, крупным событием в книжном мире. Больше всего книг из библиотеки Лескова купил некто Тюменев, большой любитель книг, родом из рыбинских купцов; кое-что

и сам пописывал, и даже выпустил исторический роман под псевдонимом «И. Привольев» «Халдей: повесть из Новгородского быта XV века». Он так увлекся библиотекой Лескова, что решил купить всю лавку; это давало ему возможность первым просматривать все покупки и отбирать для себя самое интересное. Однако из библиотеки Лескова он купил хотя и много, но очень многое и упустил.

Книжная торговля у Тюменева все же не пошла. Любители не посещали его магазин, так как знали, что лучшие книги он отбирает для себя и в продажу не пускает. Лавку он вскоре закрыл, но страсти к книгам остался верен и собирал их до самой смерти.

Обычно покупать книгу ходил по адресам сам Максим Павлович Мельников. Покупали книги задешево, ценили обычно только лучшие, а остальные шли в придачу. Но метили все же каждую книгу, причем метилась себестоимость и продажная цена. Продажная цена не была обязательной, пометка ставилась только для ориентировки, но когда видели, что покупателю книга очень нужна, то не стеснялись надбавить, запрашивать в трипять раз больше, чем помечена. И сейчас еще попадаются книги с пометками не только моими, но еще Мельникова, то есть сделанными в пору моего раннего детства. Поражаешься, какой брали с покупателей хищнический процент: себестоимость помечена в 30 копеек, а продажная стоимость 1 рубль 50 копеек (метилось все, конечно, условными знаками).

Однажды Мельников послал меня в дом церковного ведомства к заведующему хозяйственной частью синода Ильинскому. Мне открыла жена Ильинского, молодая красивая женщина,



М. П. Мельников.
Портрет работы Н. Я. То ъяни ва. 1929

и повела через всю обширную квартиру. Книги лежали навалом, почти все они были религиозного содержания, много было синодальных изданий на лучшей бумаге и в прекрасных переплетах.

Я пересмотрел все книги и спросил, сколько я должен заплатить. Женщина сказала:

— Тридцать рублей.

Я так и замер.

— За все или за часть? — и, низко наклонив от смущения голову, я начал говорить нечто неопределенное, пораженный этой дешевизной.

Женщина ответила:

— Да вы посмотрите, сколько книг, ведь в четырех комнатах!

Тогда я понял, что это цена за все книги, заплатил тридцать рублей и начал связывать пачки. Их получилось около ста, от пуда до полутора каждая. Мне пришлось нанять семь извозчиков, чтобы привезти книги в магазин. Максим Павлович был недоволен, что я нанял не ломового извозчика, а семь легковых, но, хотя мне было всего двенадцать лет, я сообразил, что купил книги за 30 рублей, а хозяин продаст их, пожалуй, не менее чем за 3 тысячи рублей, и поразился хозяйской хищнической жадности.

Жилось у Мельникова мне, однако, неплохо, он не был ласков, но не был и жесток. Одевали меня прилично — курточка и брючки всегда были чистенькие и крепкие. Кормили сытно, почти так же, как ели сами, то есть обед состоял из трех блюд.

Нашим постоянным покупателем был, как я уже говорил, критик Арсений Иванович Введенский. Большого роста, длинноволосый, семинарского облика, он мне казался образцовым типом настоящего писателя. Введенский не был

библиофилом и собирал книги главным образом для работы. Должал он Мельникову постоянно, и, так как надежды получить с него деньги не было, Мельников издал две его книги по литературе, и автор причитающимся ему гонораром покрыл задолженность. Введенский редактировал у книгоиздателя А. Ф. Маркса произведения Лермонтова, Козлова, Полежаева и др. Кстати, в то время Введенского упрекали в том, что к сочинениям Полежаева он приложил не портрет поэта, а портрет какого-то его современника, молодого офицера: Полежаев был солдатом, офицерский чин ему присвоен уже после смерти. Арсений Иванович невозмутимо говорил, что отвечает за текст, а в отношении портретов он не специалист.

У Максима Павловича Мельникова я проработал восемь лет: четыре года мальчиком и четыре — продавцом, в ученичестве. Я счел, что пришло время получать жалованье. Мне хотелось первые заработанные деньги послать в виде подарка матери, сестренке, и я ждал два-три месяца, пока хозяин назначит мне жалованье. Так и не дождавшись, я решился наконец сказать об этом Максиму Павловичу. Сделал я это запинаясь и очень смущаясь:

— Назначьте мне жалованье...

— Жалованье? Сколько же вам угодно жалованья? — спросил он с издевкой.

Я был уже не рад, что попросил, но он не отстал от меня:

— Так сколько же вам жалованья? Может быть, вы захотите столько, что мне это будет непосильно, и я должен буду отказаться от ваших услуг.

Наконец я сказал, что мне все равно — 12 или 15 рублей в месяц. Он долго еще меня мучил

и в конце концов заявил, что будет платить 12 рублей.

Первая моя школа закончилась. Настало время делать самостоятельные шаги.

В 1899 году я перешел на работу к антиквару-книжнику Евдокиму Акимовичу Иванову. Это был добрейший человек, которого все любили. Но излишняя доброта, как известно, может принести и вред. В течение ряда лет он управлял крупной мебельной фирмой своего дяди Шагаева в Москве, а потом получил в наследство крупное антикварное дело Салищева в Апраксином дворе. В роскошном магазине, который он открыл, распродавались остатки салищевских антикварных предметов и много картин, большинство которых было им закуплено по пьяному делу и на векселя, причем многие картины были весьма сомнительные. В картинах я в то время ничего не понимал; единственное, что я помню из действительно ценного,—это коллекция гравюр из собрания Ф. И. Буслаева, знаменитого филолога. Коллекция эта привлекла много любителей, но картины все же шли плохо, и мы решили ликвидировать магазин.

У Иванова я работал недолго, но если восемь лет работы у Мельникова были для меня средней школой, то четыре года службы у Иванова были университетом. Я узнал здесь многих собирателей и коллекционеров, и так как мы держались в общем-то независимо и разбирались в искусстве, то посетители относились к нам с уважением и доверием.

Одним из частых посетителей антикварного магазина Иванова был Н. И. Рукавишников.

Рукавишников был крупным дельцом. Он занимался подрядами, строил Волховский цементный

завод, позднее стал его директором; строил он также трапезную Александро-Невской лавры. Вспоминая о строительстве этой трапезной, он рассказывал нам многое из бытовой жизни монахов. Трапезную строили день и ночь, и монахи, пользуясь ходом для строительных рабочих, водили по ночам женщин и приходили за полночь в нетрезвом виде.

Рукавишников владел магазином на Казанской улице под названием «Золото и серебро», где покупали золото, не гнушаясь и краденым. Однажды, когда Рукавишникова привлекли к суду за покупку краденого золота, он в суде прямо заявил, что и не отрицает покупки краденого золота.

— По моему мнению, и у вас цепь краденая,—сказал он судье. Судья возмутился.

— Ну, а как же,—продолжал Рукавишников,—ведь официально золота ювелирам отпускается примерно на один миллион рублей, а золотых вещей магазинами продается за год на пять миллионов! Откуда же четыре миллиона?

На этот раз его оправдали.

Рукавишников собирал все на свете. Квартира его была расположена позади магазина: в очень высоких, неуютных комнатах было развешано по стенам старинное оружие; у него было большое собрание вещей из слоновой кости и коллекция китайских фигур Будды—от самых миниатюрных до крупных, в человеческий рост; была у него и огромная коллекция по эротике, состоящая из различных предметов искусства. Рукавишников приобрел библиотеку знаменитого архитектора, строителя Исаакиевского собора Монферрана, которой он очень долго владел, и коллекцию гравюр и рисунков, состоявшую примерно из

шести тысяч листов. Среди них было много превосходнейших акварелей архитектора Тома де Томона, строителя здания Биржи и фонтанов в Царском Селе, Кваренги и др. Прекрасное собрание рисунков было у него и по Петербургу.

Рукавишников с большим юмором рассказывал, что к нему приехал как-то великий князь Николай Михайлович и просил показать ему коллекцию гравюр. Великий князь долго рассматривал гравюры и кое-что откладывал; после просмотра он обратился к Рукавишникову с вопросом, сколько будут стоить отобранные листы. Рукавишников ответил, что своих гравюр не продает.

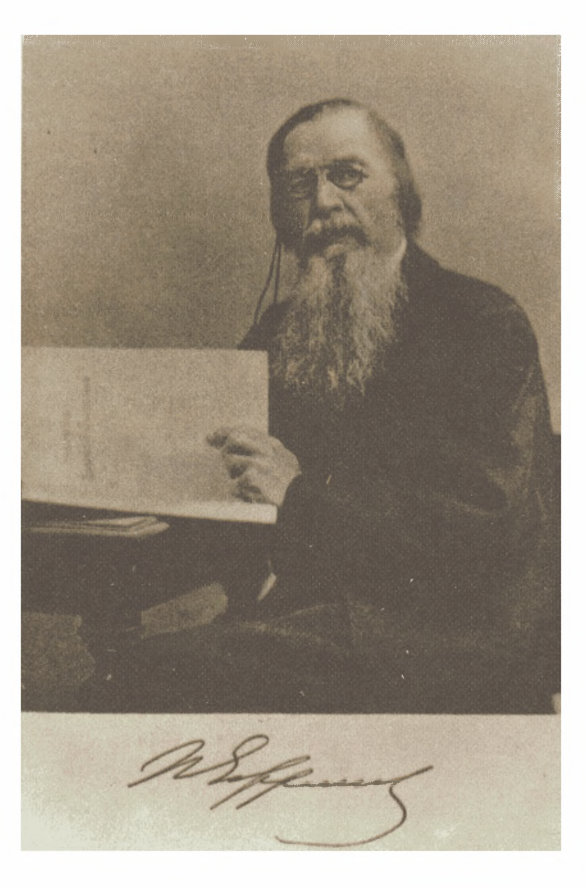
— Но почему же вы мне их показывали? — спросил недовольно великий князь.

— Потому что вы просили их показать, — ответил Рукавишников невозмутимо.

Купить же все это замечательное собрание привелось впоследствии, после смерти Рукавишникова, мне. Эта коллекция дала мне очень много с точки зрения изучения гравюры; я перевез коллекцию к себе на квартиру и с полгода изучал и разбирал ее, прежде чем пустить в продажу.

Мой первый хозяин, Максим Павлович Мельников, не был ни антикваром, ни знатоком книг. Занятие книжной торговлей было для него только доходной статьей. Все же когда в 1891 году он перевел свой магазин в новое помещение на Литейном проспекте, соперничавшее с отличным магазином Клочкова, то купил обширную библиотеку некоего Заешникова. Библиотека была в прекрасном состоянии, в ней было большое собрание гравюр, литографий и даже рисунков. Цен на них Мельников не знал, расценивал наобум, любителям это было наруку.

П. А. Ефремов



П. А. Ефремов

Главными собирателями в то время, запомнившимися мне на всю жизнь, были известный библиограф П. А. Ефремов, П. Я. Дашков и Д. А. Ровинский, составитель «Словаря русских граверов», собрания «Русские народные картинки» и др.

Позднее Ефремов переехал в Москву, в Питере бывал только наездом, но умирать приехал все же в Петербург. Его домик от крыльца до чердака был завален книгами и папками. Заболев и решив, наверное, что больше ему уже не собирать, он расстался со своим собранием и продал все гравюры, лубки и литографии антиквару Фельтену, так как букинистам такая крупная покупка была не под силу. Фельтен, хотя гравюрами и не занимался, все же коллекцию Ефремова купил, заплатив за нее небывалую по тому времени сумму — 75 тысяч рублей; нажил он на ней вдвое, если не втрое.

Ефремов, однако, поправился, страсть к собирательству пробудилась в нем с прежней силой, и он снова начал собирать, особенно в последние годы своей жизни. Но если раньше он покупал гравюры по гривеннику, то теперь приходилось платить уже по 10—15 рублей за листик: цены изменились, появились новые знатоки и собиратели. Коллекцию, какую он продал за 75 тысяч, теперь он не собрал бы и за миллион. Пора, когда Ефремов собирал, была порой дворянского разорения, помещики продавали свои усадьбы большей частью деревенским кулакам и купцам. Книги, гравюры, а тем более лубки, фарфор, мебель не были им нужны. Все это скупалось разъезжими антикварами. Почти в каждом городе были скупщики, которые скупали мебель,

бронзу, фарфор, а гравюры шли за гроши или в придачу. С гравюрами Ефремов, как мы видим, все же расстался, но книги он не продал. Его собрание книг было особенным. К книгам у него был необычный подход, и об ефремовских экземплярах стоит особо сказать. Ефремов варварски относился к книгам с точки зрения их сбережения. Началось это с редактирования им русских классиков. Для того чтобы иметь необходимые тексты, он брал наиболее совершенное по тексту издание, скажем, Пушкина, и выдирал из него то, что было ему нужно, остальное уничтожал. Все необходимые для нового издания иллюстрации и портреты он собирал из прежних изданий в единую брошюру и переплетал в одну книгу, иногда по 10, 20 и даже 30 брошюр вместе. Так он поступал с изданиями Ломоносова, Лермонтова и других классиков. Таким образом, в ефремовских экземплярах всегда нужно искать сюрпризов, и до сих пор по полноте всего собранного о том или ином писателе экземпляры из его библиотеки могут считаться исключительными. Так, у профессора И. Н. Розанова есть экземпляр Сочинений Кольцова, в который вплетено все, начиная от редчайшего первого издания до неизвестных статей и брошюр о Кольцове. Есть и в библиотеке писателя В. Г. Лидина подобный же ефремовский экземпляр Сочинений И. А. Крылова, где собраны все совершенно неизвестные первые публикации басен. Таков же экземпляр Сочинений А. Н. Радищева, находящийся у Н. П. Смирнова-Сокольского.

Друзьями Ефремова были историк С. Н. Шубинский, редактировавший «Исторический вестник», библиограф Г. Геннади, знаменитый бас

Ф. И. Стравинский. Многие подражали Ефремову, заимствуя его приемы собирательства. Ефремов всегда печатал какие-нибудь особенные экземпляры под своей редакцией: так, в библиотеке Стравинского был томик Жуковского на зеленой бумаге, посылая который Ефремов писал в письме: «Посылаю „Зеленого змия“, которого напечатано лишь два экземпляра — для тебя и для меня». Был Пушкин под редакцией Ефремова — экземпляр на розовой бумаге, позднее поступивший в Литературный музей. Был Лермонтов — два больших тома на особой бумаге, с особым портретом; находятся ныне в частном собрании.

Геннади, Шубинский и Ефремов издали специальную книжку под названием «Приключения пошехонцев», где Шубинский назван Шутинским, Геннади — Григорием Книжником. После Шубинского остался альбом, в котором Ефремов, Григорий Книжник и сам Шубинский изощрялись в стихах и анекдотах. Этот альбом мне показывала дочь Шубинского.

Обширнейшая и замечательная по своему составу библиотека Ефремова после его смерти разошлась по рукам.

Позднейшие собиратели делились на собирателей ефремовского и геннадиевского толка. Ефремов признавал редкость книги, лишь исходя из оценки ее содержания, Геннади же считал, что редкостью может считаться любая книга, напечатанная в малом количестве экземпляров. Это, разумеется, совершенно неверно. Так, например, С. Р. Минцлов выпустил два издания под названием «Редчайшие книги моего собрания», но после революции все эти редкости появились на рынке и определение степени редкости стало совершенно иным.

П. А. Ефремов похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Ленинграде. Его имя как собирателя может поистине считаться непревзойденным.

В 1891—1893 годах в Петербурге появился собиратель, военный в чине капитана, некто П. П. Потоцкий. Он усерднейше собирал литографии и гравюры, особенно на военные сюжеты, а также виды Петербурга и Украины. Это был еще совсем молодой, очень красивый человек, средства у него, видимо, были, и он собрал своего рода музей. Особенно хорошо было подобрано все, что касалось не только любимой, но попросту обожаемой им Украины. Он собирал также фарфоровые чашки с военными украинскими сюжетами, виды Петербурга в гравюре, фарфоре и живописи. Впоследствии, уже пожилым человеком, он стал работать в Артиллерийском музее. Средств для личных приобретений он уже не имел и собирал только для музея.

В трудном 1919 году я был как-то на квартире у Потоцкого. Жил он плохо и голодно. Я сказал ему:

— Павел Платоныч, ведь это же никуда не годится, продавайте гравюры или книги.

— Не могу,— ответил он,— умру, а не продам.

Только после долгих уговоров он стал отбирать дублеты и продавать в музеи города.

Вскоре Потоцкий получил предложение из Украины передать Киеву все его собрание с тем, что будет создан из его вещей музей, а его назначат пожизненным директором этого музея. Это предложение соответствовало его самым заветным мечтам, и все его вещи были перевезены в Киев. Это было огромное собрание, занявшее тринадцать вагонов. На полученный аванс он

очень удачно успел приобрести часть книг прекрасной библиотеки великого князя Константина Павловича, попавшей на Александровский рынок. Этой покупкой Павел Платонович очень пополнил свое замечательное собрание.

Под собрание Потоцкого в Киеве был отведен особый дом в Лавре и назван Музеем имени П. П. Потоцкого. Директором был сам Потоцкий. Мне не удалось побывать в Киеве, но Павел Платонович нередко писал мне, выражая полное удовлетворение тем, что его собрание стало народным достоянием. По специальности Потоцкий был военным историком, им написаны «История гвардейской артиллерии», «500 лет русской артиллерии» и другие книги.

В 1892 году появился новый собиратель — М. Синицын. Приобретал он очень скромно, вначале даже стеснялся заходить к крупным букинистам. Но затем купил как-то в Пскове на базаре связку книг старинных сказок и с тех пор сделался библиофилом. Человек он был совершенно необразованный, очень стеснялся этого, и все же собирательство стало целью его жизни. Впоследствии я его лучше узнал, дружил с ним почти до самой его смерти и по полной справедливости считаю, что Синицын был настоящим самородком. До сих пор, если попадется книга с экслибрисом Синицына, можешь быть уверен, что это в своем роде редкая, особая книга.

Синицын был родом из города Режицы Витебской губернии, родился в старообрядческой семье. Его отец был печником, печником стал и сын, едва ему минуло четырнадцать лет. Он оказался трудолюбивым и способным и вскоре по чертежам какой-то новой печи сложил печь лучше, чем сделали это все другие мастера.

Впоследствии, в 90-х годах, став уже крупным подрядчиком, преимущественно на железных дорогах, Синицын перенес свою деятельность в Царское Село, а позднее — в Петербург и Москву. В Москве он построил почтамт на Мясницкой, в Петербурге, на Невском,— дом Купеческого банка, на Садовой — Музей министерства путей сообщения.

Синицын богател, росло и его собрание. Он уже не довольствовался переплетами для своих книг работы известных в то время переплетчиков Ариничева и Ляндреса, а стал заказывать только роскошные переплеты у знаменитых и дорогих переплетчиков Ро и Шнеля. Нередко он платил по 100 и даже по 200 рублей за один переплет. Книги он приобретал и у Мельникова, и у Клочкова, особенно же много книг и рисунков купил у Фельтена из ефремовской библиотеки и чуть ли не всю жизнь жалел, что не купил всего собрания Ефремова, обвиняя в этом Клочкова.

Клочков умел привлекать к себе таких крупных клиентов в области антикварно-книжной торговли, как Синицын, Синягин, Александров, Соловьев. Он их ловко общипывал, хотя и казался человеком благодушным. Когда Фельтен распродавал библиотеку Ефремова, Синицын строил Фельтену дом на Васильевском острове. Фельтен был так много должен Синицыну, что сам предложил в счет долга взять у него все ефремовское собрание. Синицын решил посоветоваться с опытным человеком и обратился к Клочкову. Клочков всячески стал его отговаривать, убеждая, что лучше он, Клочков, купит ефремовское собрание и отдаст Синицыну самые ценные, отборные вещи: тогда, мол, Синицыну не придется сбывать ненужные ему экземпляры.



В. И. Клочков

Тот внял совету, решив кое-что еще отобрать для себя у Фельтена.

Но Клочков поступил совсем не так, как обещал: купив библиотеку Ефремова, он многие ценные издания распределил между другими клиентами, чтобы не потерять их. Правда, и Фельтен был не очень-то расположен именно книгами расплатиться с Синицыным, потому что был так много должен за постройку, что пришлось бы отдать все ефремовское собрание. Но все-таки собрание могло достаться Синицыну, и он долго не мог простить себе, что послушался чужого совета. И все же у Синицына было очень много вещей из ефремовского собрания. К нему попало, между прочим, все собрание сказок, представлявшее огромную ценность, и другие редкости. Отчасти было хорошо, что Синицын не купил всего собрания Ефремова: утратило бы свой облик его, синицынское, собрание, а Синицын имел своей целью собирать все, что относится к нашей родине. В его собрании были книги всех русских классиков, при этом в первоизданиях, все русские альманахи, русские иллюстрированные издания, книги с описанием путешествий по России, книги по русской истории, мемуары, записки, дневники, журналы, комплекты «Русского архива», «Русской старины», «Исторического вестника», все русские сказки, собрание которых было единственным в России. Было и бесконечное собрание книжных курьезов, вроде брошюры Ф. В. Каржавина «Описание вши» и брошюрки Фишера «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека».

По виду Синицын был настоящим русским богатырем. Человек сильный, горячий, не отступающий ни перед чем, если что-либо захотел.

Например, у себя на родине, в Режице, он владел участком земли близ вокзала. Построив дом, он решил устроить сад, в котором кроме фруктовых деревьев насадить также крупные лиственные и хвойные деревья. Обычно высаживают молодые деревья, а он захотел, чтобы у него сразу был густой, тенистый сад. И такой сад он действительно посадил, заказав для перевозки тридцати-, сорокалетних деревьев специальные большие дроги.

Синицын, как я уже сказал, был старообрядец, у него была молельня с целым иконостасом древних икон новгородского письма, целая библиотека книг по старообрядчеству и большое собрание старопечатных книг. Он даже издал большую книгу в защиту старообрядчества.

Синицын пристрастился также к картинам русской школы и накупил, например, много картин художника Вещилова, ученика Репина, писавшего картины и этюды из жизни старообрядцев. По заказу Синицына Вещилов взялся написать огромную по размерам картину «Протопоп Аввакум на костре». Условились, что за эту работу Синицын уплатит 100 тысяч рублей. Он выплатил больше, но Вещилов картину так и не закончил.

Однажды зимой меня пригласил поехать в провинцию В. В. Алексеев, старый антиквар, торговавший на Апраксином рынке еще до пожара. Приглашение этого почтенного человека мне польстило, и я согласился, в частности, еще и потому, что сам любил поездить по старым усадьбам. К тому же Алексеев был необычайно интересный собеседник, с таким спутником путешествие было вдвойне приятно.

Мы поехали ко мне на родину, в Ярославский край. До станции Чебаково ехали поездом, а там

наняли пару лошадей, чтобы поездить по захудалым усадьбам. Так мы побывали в усадьбе И. Н. Ельчанинова, в усадьбе помещика Воейкова и в других местах.

Ельчанинов, автор целого ряда книг по истории ярославского дворянства, был человеком хоть и не очень богатым, но большим книголюбом. Во время ярославского мятежа, в 1918 году, его архив и библиотека погибли от пожара; погиб, между прочим, и архив Аракчеевых, данный ему мной для обработки. Дело в том, что всесильный во времена Павла I и Александра I временщик А. А. Аракчеев был, как оказалось, ярославским помещиком; женившись на Хомутовой, он получил здесь в приданое имение, хотя родом Аракчеев был из новгородских дворян, а его детство прошло в Бежецком уезде Тверской губернии.

Архив Аракчеева попал ко мне случайно. Один из ходячих антикваров купил мебель в Бежецком уезде, в комоде оказался архив, а все мелкие антиквары знали мою слабость к рукописной старине. Так, не глядя, я и купил все бумаги, весом около пуда. В этом архиве оказались семейные бумаги, крепости на землю, на крестьян, жалованные грамоты на чины, ордена и разная семейная переписка. Подлинных писем самого Аракчеева было немного, но некоторые были весьма любопытны. Например, этот изверг пишет своей тетушке, бежецкой помещице Настасье Никитишне Жеребцовой, такое чувствительное письмо:

> «Тетушка-матушка Настасья Никитишна, вот бог даст мы с Вами скоро свидемся, и первой к Вам приедет мой друг Настенька. Примите ее ласково, она такая тихая, скромная и вдобавок всего боится, а я Вам расцелую ручки и пальчики».

В другом письме он пишет в том же духе:

«Тетенька-матушка Настасья Никитишна, Вы пишете выслать Вам шляпку за 30 рублей. Мы с Настенькой решили купить Вам шляпку по крайней мере за 100 рублей».

Там было и письмо к одному из его друзей:

«Дорогой друг,

я нахожусь в ужасном несчастье, не стало моего друга Настеньки, и виновник смерти ее любимый повар; более 40 человек моей дворни отдано под суд».

Следует напомнить, что речь идет о любовнице Аракчеева Настасье Минкиной, которая за жестокое обращение с крестьянами была убита дворовыми.

В одном весьма подробном письме Аракчеев пишет брату, управляющему водными коммуникациями Мариинской системы, который был отставлен и находился под судом.

«Милый брат,

не отчаивайся и не огорчайся, это не тебя обвиняют, а меня хотят уязвить. Ты, несомненно, не виноват, но нет моего благодетеля, и меня стараются уколоть и уязвить. А ты не огорчайся, что у тебя отбирают имущество. Приезжай ко мне и живи у меня, нам обоим хватит моего имущества, и будь у меня ты свой, как хозяин».

Кстати, у Аракчеева была великолепная библиотека, которая попала каким-то образом на рынок, и книги с его экслибрисом часто встречались. Экслибрис был гербовый, с девизом, звучавшим почти иронически: «Без лести предан».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Библиотека Помяловского. Оригинал Тиханов. Архив Дружинина. Библиограф Торопов. Антиквар Савостин. Аукционы. Переписка Екатерины II

В лавке Мельникова часто бывал известный в свое время филолог, профессор римской литературы Иван Васильевич Помяловский. Это был тщедушный, очень тихий человек. Покупал он главным образом иностранные книги, древнегреческие и латинские. Жил Иван Васильевич в Гатчине, хотя у него была и городская квартира на Надеждинской улице.

Помяловский предпочитал рукописи, хотя платил за них сущие гроши. Да и книги-то в то время стоили недорого. Если теперь посмотришь сохранившиеся старые метки цен, то диву даешься. Когда Мельниковым была приобретена библиотека историка-византиниста, профессора В. Г. Васильевского, Помяловский купил несколько рукописей из этого собрания, но те, которые стоили не дороже 25 рублей. Знаменитая же Супрасльская летопись — кирилловский памятник церковнославянского языка X—XI веков — была оценена в 100 рублей, но Помяловскому она показалась слишком дорогой, и он ее не взял. Думаю, что он всю жизнь помнил эту невероятную свою ошибку.

С Помяловским я познакомился, когда он был уже в преклонных годах и мало собирал. У него была громадная библиотека, бóльшая часть которой находилась в Гатчине. После смерти Ивана Васильевича наследники решили продать его библиотеку и просили за нее 40 тысяч рублей. Покупателей сразу не нашлось, и они по неразумию стали распродавать «на выбор» учреждениям и частным лицам, совершенно тем самым обесценив библиотеку.

В 1905 году, когда я только что начал самостоятельно торговать, наследники предложили антикварам С. П. Трусову, Н. В. Соловьеву, а также и мне купить часть библиотеки. Я поехал сговариваться после Трусова, предложившего наследникам лишь 4 тысячи, и то в рассрочку. У меня денег не было, но, посмотрев библиотеку, я убедился, что она стоит много дороже. Я стал искать компаньона и обратился к букинисту Ф. Н. Корягину с предложением выплатить ему вдвое, если он даст мне в кредит 5 тысяч. Корягин обещал, и я поспешил предложить наследникам эту сумму. Но тут появился уже завоевавший известность антиквар Соловьев, уверил наследников, что я покупатель несерьезный — где ему взять, дескать, 5 тысяч, когда у него и товару-то всего на тысячу рублей. Это было почти верно, но я рассчитывал, что меня ссудит деньгами Корягин.

Библиотеку приобрел Соловьев. В ней было очень много инкунабул и книг XVI—XVII столетий, которые впоследствии закупил специально приехавший из Рима папский нунций. Соловьев же получил звание комиссионера Ватикана и комиссионера Публичной библиотеки. Рукописи и архивные документы, все сразу и без разбора,

купил Н. К. Синягин. Собрание Синягина поступило позднее к антиквару П. В. Губару, бóльшая часть собрания которого распродавалась уже мной как через магазин, так и непосредственно с квартиры Губара.

Постоянным посетителем, если и не покупателем, был Павел Никитич Тиханов, служивший в Публичной библиотеке и собиравший главным образом рукописи. Это был человек высокого роста, весьма представительный, с грубым голосом. Он неизменно обращался ко мне со словами:

— Книги есть?

— Есть.

— Печатные есть?

— Есть.

— А писаные есть?

— Нет.

— Ничего у вас нет,— говорил он презрительно и, поворачиваясь, уходил.

Посмотрев как-то Супрасльскую летопись, о которой я уже упоминал, и узнав, что она оценена в 100 рублей, Тиханов не предложил никакой цены.

— Дорого, она уже не ценна, по ней работали,— сказал он.

Думаю, что он, как и Помяловский, всю жизнь не мог простить себе этого промаха.

Несмотря на то, что покупателем Тиханов был плохим, он собрал все же огромное количество рукописей, которые потом поступили по завещанию в Публичную библиотеку.

Тиханов был большой оригинал, забавный человек. Между прочим, он выпустил в 1891 году брошюру «Криптоглоссарий», где были собраны все вариации слов в значении «выпить» и их синонимы.

Одним из крупнейших покупателей Мельникова был В. Г. Дружинин, собиравший книги по русской истории, поморские рукописи и книги по поморскому старообрядчеству. Кроме того, он собирал русские запрещенные книги или издания, покалеченные цензурой, но с тем, чтобы они были без вырезанных страниц.

Василий Григорьевич Дружинин был чрезвычайно скромный, тихий человек, походивший на замкнутого ученого, а между тем он был очень богат, владел на Урале железными рудниками, дававшими громадные доходы. Жил он на Сергиевской в собственном особняке, роскошно обставленном. Когда он приходил, спрашивая чего-нибудь новенького, Максим Павлович приказывал все купленные за последнее время книги выкладывать перед ним на стол.

Дружинин в течение многих лет собирал книги, но держась своего плана и не уклоняясь в сторону. У него образовалась библиотека, помещавшаяся в пятидесяти шкафах. Впоследствии особняк был продан, и Василий Григорьевич переехал на казенную квартиру при помещении Археографической комиссии, ученым секретарем которой он состоял в течение двадцати пяти лет. Заседания комиссии происходили у Дружинина на квартире, и библиотекой его пользовались все члены комиссии. Из журналов он имел комплекты «Русского архива», «Русской старины», «Исторического вестника» и целый ряд других периодических изданий, в том числе все собрания актов.

Впоследствии Дружинин покупал книг очень мало (у него было уже все, что входило в план его собирания), но всецело отдался собиранию поморских рукописей, заводил знакомства и дружбу

с поморами. Собрание поморских рукописей у него было изумительное. Он обработал и издал немало поморских памятников и написал ряд книг по расколу и старообрядчеству.

Перед войной 1914 года Дружинин продал свои рудники, и, хотя оставался одним из директоров этих рудников, мало ими занимался. Дела его пошли хуже и хуже, и пришлось расстаться с частью книг.

При моем содействии он продал свое собрание запрещенных книг, а через некоторое время я узнал, что он продает старинную, можно сказать, музейную мебель. Торговал мебелью М. М. Савостин, о нем скажу ниже. Я купил эту коллекцию мебели, из которой голландский шкаф маркетри и шесть голландских стульев были представлены на выставке «Ломоносов и елизаветинское время».

Вскоре началась первая мировая война, я был призван в ряды армии и перед отъездом продал все эти вещи директору Сибирского банка за 25 тысяч рублей, а он перевез их в только что купленный особняк на Сергиевскую, угол Потемкинской.

Через некоторое время Археографическая комиссия переехала в свое помещение на Васильевский остров, где Дружинину предоставили квартиру; он был вице-президентом комиссии, а президентом был историк С. Ф. Платонов.

Все свои поморские рукописи Дружинин передал в библиотеку Академии наук СССР.

Василий Григорьевич Дружинин владел знаменитым архивом своего дяди, писателя А. В. Дружинина. В этом архиве было очень много неизданных писем Л. Н. Толстого, Тургенева, Гончарова, Фета и других писателей. Историк

русской литературы, профессор И. А. Шляпкин приготовил к печати целый ряд этих писем, предполагая опубликовать их в «Русском библиофиле». Шляпкин, человек в своем роде замечательный, страстный любитель книги, был другом детства Дружинина. После смерти Шляпкина Василий Григорьевич был его душеприказчиком, и благодаря хлопотам Дружинина библиотека Шляпкина поступила, согласно воле завещателя, в Саратовский университет и на Высшие женские курсы, а некоторые вещи были переданы Псковскому музею.

У Дружинина хранился «Дневник» Шляпкина, состоявший из двух книжек, никому не известный, нигде не опубликованный. В «Дневнике» было очень много сведений о профессорах и университетской жизни старого времени.

Из других собирателей стоит упомянуть имя Евдокимова.

Генерал Евдокимов не являлся боевым генералом, он был скромным преподавателем Инженерной академии.

Я приобрел у него замечательную вещь: журнал дежурных генерал-адъютантов. Существовал камер-фурьерский журнал, который печатался ежегодно в очень небольшом количестве экземпляров и в прежние времена очень высоко ценился, так как его получали лишь очень важные лица. Камер-фурьерский журнал ценился до 1000 рублей золотом за комплект. В нем была представлена вся официальная и повседневная жизнь царского двора. В отличие от него, журнал дежурных генерал-адъютантов не печатался, но был чрезвычайно интересен: там записывались все устные распоряжения царей и цариц; распоряжения скреплялись дежурными генерал-

адъютантами. Вот этот-то журнал за сто лет я и приобрел у генерала Евдокимова.

Очень небольшую часть материалов из журнала генерал-адъютантов Евдокимов опубликовал в «Русской старине», остальное опубликовано не было.

Очень интересной фигурой был А. Д. Торопов.

С Андреем Дмитриевичем Тороповым я познакомился незадолго до первой мировой войны в Лейпциге, на выставке книги и графики, где Андрей Дмитриевич был помощником комиссара выставки.

В 1914 году, когда началась война, Торопов должен был спешно ликвидировать экспонаты выставки и, как он говорил, сдал все экспонаты на хранение в одно из учреждений. В 1919 году Центральный комитет государственных библиотек предполагал послать Торопова в Германию для получения этих экспонатов. Его командировке было посвящено специальное заседание, но, так как у комитета не было валюты, поездка не состоялась. Таким образом, нам не удалось вернуть чрезвычайно ценные экспонаты; какова их судьба теперь, трудно сказать.

На Лейпцигской выставке были экспонаты Государственной публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук, лучшие книги из собраний членов Кружка любителей русских изящных изданий — М. Синицына, П. Рейнбота, Е. Тевяшова и других. Было большое количество подлинных рисунков наших графиков А. Бенуа, Е. Лансере, М. Добужинского и др.; издания Экспедиции заготовления государственных бумаг, лучшие издания Голике и Вильборг, типографии «Сириус» и других издательств России.

А. Д. Торопов собирал всякие печатные мелочи, притом не только листовки, плакаты, но и конфетные обертки — словом, все, что было напечатано. Библиотека его была довольно хороша, но главным образом — по разделу библиографии и печатного дела. Он был необыкновенно трудолюбив и усидчив, о чем можно судить хотя бы по тому, что он составил указатель к большому атласу А. Ф. Маркса, указатели к журналу «Нива» за все годы, редактировал «Книжную летопись» с начала ее существования.

В советское время Торопов работал в Книжной палате. Книжная палата помещалась в доме № 20 на Фонтанке, на втором этаже, а на первом находился книжный фонд, где при разборке выбрасывались различные плакаты и листовки; за ними-то и гонялся Андрей Дмитриевич. Благодаря такой близости к источнику коллекция Торопова росла необычайно быстро, и, пожалуй, его собрание можно было считать единственным. После смерти Торопова его собрание поступило в Институт книговедения.

Нередко к Е. А. Иванову заходил М. М. Савостин, самый знаменитый антиквар того времени (1901 год). Это был человек небольшого роста, гладко выбритый, изысканно одетый. Позднее я узнал, что у него было не столько знаний, сколько апломба. В том же доме, где находилась его роскошная квартира, помещался в первом этаже магазин под вывеской «Antiquité», где в определенные часы он принимал своих клиентов. Следует, однако, сказать, что Савостин продавал главным образом то, что у него вызывало сомнение в ценности или позастоялось. Магазин Савостина посещали, в частности, многие высокопоставленные лица.

Антикваром Савостин сделался случайно. Он служил коммивояжером у московского фабриканта парфюмера Брокара. Брокар коллекционировал картины, гравюры и всякую всячину, причем был известен весьма оригинальным отношением к предметам своей коллекции: он содержал постоянного реставратора и почти каждую картину калечил: если ему не понравится, например, почему-либо рука на картине, он приказывал ее убрать; в групповых картинах убирал зачастую фигуры. В своих картинах он часто разочаровывался и продавал их. По существу, это была его вторая фабрика, но только не парфюмерии, а фабрика по изувечиванию картин. Отправляя Савостина в поездку, или, как говорили коммивояжеры, в вояж, Брокар велел ему собирать всякое старье по провинции. Савостин занимался этим очень усердно, вначале с ошибками, а потом наловчился, стал понемногу разбираться в старине и возомнил себя антикваром. Он ушел от Брокара и, переехав в Петербург, открыл магазин, ставший вскоре одним из известнейших антикварных магазинов в городе.

После смерти Брокара его дети решили очистить собрание от хлама, накопленного их отцом. Они этот хлам разобрали, и наследники продали все вещи оптом Савостину. Савостин был расположен ко мне и продал мне тысячи листов гравюр и литографий по очень дешевой цене. Старые масляные картины, испорченные реставрацией покойного Брокара, Савостин отдал мне крайне дешево, а любители и кладоискатели покупали их у меня. Меня это очень устраивало, так как я начал самостоятельно вести дело на Литейном, в подвале, а с оплатой Савостин меня не торопил. Многие потом хвастали, что по

случаю приобрели картины знаменитых мастеров у «маленького букиниста и антиквара». Для себя я оставил несколько картин, в том числе картину «Спаситель», которую все признавали за подлинного Егорова *.

Однажды приходит ко мне в лавку старушка, одетая в черное, в черном платочке, и спрашивает:

— Покупаете ли вы древние книги?

Осведомляюсь:

— Старопечатные?

— Нет, батюшка, старописьменные.

Оказывается, что некоторые из ее книг были на выставке, и специалисты оценили их в 100 тысяч рублей. Публичная библиотека давала 35 тысяч, но владелица просила 50 тысяч. Я спросил, чье это собрание. Она ответила, что оно принадлежало ее покойному мужу Овчинникову, который проживал в селе Городец Нижегородской губернии.

— Покойный муж с вами переписывался, и ваши каталоги оказались у него на столе; вот я и обратилась к вам.

Такое ценное собрание было мне не по средствам. Тогда она предложила мне отдать собрание на комиссию, и мы договорились, что весной я приеду в Городец, где и решим все окончательно.

Я рассказал об этом случае Савостину, думая, что он, возможно, что-либо приобретет, и предложил ему поехать вместе.

С открытием навигации мы поехали поездом до Рыбинска, а дальше пароходом до Городца.

---

* Алексей Егорович Егоров, профессор исторической живописи (1776—1851).

Дом Овчинникова мы сразу нашли. Это было двухэтажное здание. В первом этаже находились кладовые, одну половину второго этажа занимали жилые комнаты, другую — две комнаты совершенно без окон: моленная и библиотека. Закрывались они, помимо обычных дверей, еще и герметическими железными дверями. По существу, это были два колоссальных несгораемых шкафа.

Хозяйка встретила нас очень любезно, показала некоторые старинные вещи, моленную, библиотеку. В моленной были прекрасные иконы строгановского и новгородского письма. Библиотека оказалась обширной, но большинство книг были копиями, все в отличных переплетах; впрочем, были книги и старинного письма с лицевыми изображениями. Основными ценностями библиотеки были два евангелия — XIII и XVI веков — в превосходных окладах. Особенно ценный оклад был на евангелии XVI века. По мнению Савостина, он стоил не менее пяти тысяч, а второе евангелие, хотя и в скромном окладе, было лицевым и таким ранним, что мы оценили его тоже в пять тысяч рублей.

Итак, мы с Савостиным решили, что десять тысяч стоят только эти две книги, остальные стоят тысяч сорок, значит, мы библиотеку покупаем. За чаем заговорили о цене. Хозяйка заявила, что она хочет восемьдесят тысяч рублей. Мы поразились:

— Ведь вы же назначали 50 тысяч, а Публичная библиотека предлагала только 35, и вы почти согласились.

— Так-то оно так, батюшка. Но ведь в Публичной библиотеке поставили бы книги в отдельную комнату и имечко покойного написали бы,

а ведь вам на барыши. Мне все книги оценили в сто тысяч, а 20 тысяч я вам скидываю на барыши.

Мы поразмыслили, но решили, что 80 тысяч очень дорого, тем более, что деньги должен был платить Савостин, а он в книгах ничего не понимал, да и я тогда не мог считать себя большим специалистом. Все эти книги поступили в дальнейшем в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Когда вспоминаешь людей, связанных с книгами, невольно всплывают в памяти и фигуры второстепенные, но характерные для такого сложного дела, как антикварная книжная торговля. Таким совершенно оригинальным человеком был Федор Никифорович Корягин. Когда я с ним познакомился, ему было уже лет тридцать пять, но он успел прожить два приличных состояния, полученных им по наследству.

Он был на аукционах первым покупателем, рисковал отчаянно, в книгах ничего не понимал, но, если с аукциона продавалась библиотека, он ее никому не уступал. К книгам он испытывал какое-то болезненное пристрастие, хотя почти всегда имел от них убытки.

Прокутив и проиграв последнее наследство, Корягин остался лишь в роскошном костюме и цилиндре, но не пал духом. Он пошел в «племянники» * на аукционы, где его прозвали «барином»; однако этот «барин» не стеснялся за полтинник тащить на голове какой-нибудь стол или диван, держа в левой руке свой элегантный цилиндр. За этот цилиндр и внешний вид ему, как

* «Племянниками» назывались подставные лица, набивавшие цену на аукционах.

«племяннику», давали не полтинник или рубль, как другим, а три и пять рублей. В «племянниках» Корягин пробыл недолго. Благодаря своей энергии и ловкости он вскоре стал полноправным членом корпорации аукционистов. Он не брезговал ничем, покупал все, что придется, и не пропускал ни одного аукциона. Но главной его страстью все же оставались книги.

Как-то продавалась с аукциона библиотека известного юриста С. Д. Пергамента. Все книжники принимали участие в аукционе, но маклак Корягин никому не уступил ни одной книги и набил цену на библиотеку Пергамента до 40 тысяч рублей. Правда, библиотека была замечательная, но в то время сумма в 40 тысяч была непомерной. Букинисты таких цен не платили, покупали книги за гроши, лишь Фельтен за библиотеку Ефремова заплатил 150 тысяч, да и то в два приема. Такие же библиотеки, как Пергамента, шли обычно за 5—6 тысяч. Но Корягин библиотеку все-таки купил и немало заработал на ней.

Когда Корягин вновь разбогател, он стал покупать в общем-то все, но специализировался все же на картинах и винах. Он завел подвал, скупал вина, продававшиеся в таможне бочками, и делал обороты в сотни тысяч рублей.

Корягин считался знатоком картин и был в свое время в картинном деле монополистом. Полагали, что у него на квартире картин не меньше, чем на миллион рублей, причем картин преимущественно русской школы. Все магазины Петербурга торговали большей частью картинами Корягина.

С годами и доходами увеличилась страсть Корягина к картежной игре. Очень часто он играл с художником Ю. Клевером. Клевер проиг-

рывал Корягину десятки тысяч рублей, причем художник играл на будущие картины. Случалось, Клевер задалживал чуть ли не сотни тысяч, тогда Корягин сажал его у себя на квартире, где художник иногда целый месяц жил и писал или подписывал разные картины. За последние годы у Клевера редко были картины, целиком написанные им: обычно работала группа менее талантливых художников (Розен, Оболенский и другие). Они подготовляли картину, Клевер же подправлял и подписывал, а в редких случаях проходил по ней кистью, и такая картина становилась прекрасной. Вот почему ранние картины Клевера, написанные им самим, очень ценны. Большая часть картин написана Оболенским и только подправлена Клевером. Подлинный Клевер — большая редкость.

Однажды я купил у тряпичников небольшую связку бумаг. В ней оказались донесения и переписка шефа жандармов, начальника III Отделения Бенкендорфа и адъютанта шефа жандармов Озерецковского.

Эта чрезвычайно интересная по своему содержанию переписка, как и многие другие документы, перешла в свое время к известному собирателю А. Е. Бурцеву.

В числе материалов исторических у меня было семь писем императрицы Екатерины II к одному из генералов шведской службы. В этих письмах Екатерина давала ряд указаний и в конце прибавляла, что прилагает 500 (или 1000) червонцев. В некоторых письмах она писала, что желает породниться со шведским королем путем женитьбы шведского королевича на русской принцессе.

Все письма были подлинными, писаны собственной рукой, но без подписи. Письма эти не опубликованы.

Как-то я похвастался перед А. М. Горьким, что у меня есть эти письма. Горький сказал: «Хотя я очень плохо разбираюсь во французском языке, но все же любопытно». Я ему отдал письма, но вышло так, что я долго потом не встречал Алексея Максимовича, затем он уехал за границу, и я его больше не видел. Когда Горький вернулся из-за границы, он жил уже не в Ленинграде, а в Москве. Так письма и остались у Горького, а вероятнее всего, он их передал в какое-либо хранилище.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Библиотека Шляпкина. «Россика» Дашкова. Букинистическая коммерция. Соловьев и его библиотека. Типография Собко. Книголюбы и дилетанты. Собрание Бурцева. «Пушкиниана» Онегина. Знаменитые подделки. Библиофилы. Дневник Теляковского. Бахрушины. Архивы Висковатова и Булгаковых

Как я уже говорил, особенно страстным собирателем книг был И. А. Шляпкин, человек особенной судьбы. Крестьянин по происхождению, Илья Александрович родился в деревне на берегу реки Сестры. Его родители были из крепостных, принадлежавших дворянам Благово. Отец занимался извозом, мать работала кухаркой. Чтобы дать племяннику образование, его дядя записался в павловские купцы и учредил частный пансион Юргенса. Директором пансиона был немец, который очень дивился званию «купеческий племянник». Вначале мальчики издевались над маленьким Шляпкиным, но он был настолько физически силен, что его вскоре стали уважать. По окончании пансиона Шляпкин поступил в университет, куда попасть было далеко не просто. Но Шляпкин давал уроки в богатых домах, в частности у князя Голицына, и ему помогли поступить в университет.

По окончании университета Шляпкин стал инспектором народных училищ. Кафедру ему долго не давали, поэтому он даже заявил на-

чальству, что откроет сенную лавку напротив университета и назовет ее лавкой профессора Шляпкина. Мне рассказывали, что лекции Шляпкина по истории русской литературы студенты слушали с увлечением.

Библиотека Шляпкина состояла из 30 тысяч томов, и каждая книга имела какую-нибудь особенность: либо она была с автографом, либо это был корректурный экземпляр, либо веленевый — словом, библиотека была уникальная. В 1917 году поклонники Шляпкина праздновали его 35-летний юбилей. В его доме близ станции Белоостров собрались ученики и почитатели. Был между ними и я, как личный поклонник и как представитель букинистов, которые просили меня поднести адрес от книжников Литейного проспекта. В этом адресе были такие строки:

«Дорогой и глубокоуважаемый

Илья Александрович!

...Нам, книжникам, Вы так же дороги, как науке и студенчеству. Профессор из народа, испытанный друг и знаток книги, тонкий ценитель наших, иногда скромных по виду сокровищ, Вы популярны в мире библиофилов и антикваров, как один из замечательнейших русских книговедов и книголюбов. Ваша богатая библиотека — зеркало Вашей души, ее святая святых, и мы счастливы и горды, что содействовали ее расцвету, помогая Вам в благородном труде собирания книжных редкостей.

По вашему любимому выражению — «Книги — друзья, которые никогда не изменят,— они неизменны и во времени, они — голос предков к потомкам».

В молодой, обновленной России ваше книгохранилище займет почетное место в ряду других и бережно донесет до грядущего поколения слова и мысли прошлых веков...»

На юбилейном празднике были друзья Шляпкина, ученики и товарищи. Между ними известный профессор, историк литературы С. А. Венгеров и многие пушкинисты.

Надо сказать, что в собрании Шляпкина было много автографов и особенно ценное собрание автографов А. С. Пушкина, которые Шляпкин опубликовал отдельной книжкой.

Илья Александрович обладал не только книгами, но и многими ценнейшими предметами старины. Позже Шляпкин рассказывал мне о приобретении некоторых вещей:

— В молодые годы я был в одном скиту на Крайнем Севере. В скиту была ризница, в которой хранился целый ряд аксамитных оплечий риз XVI столетия. Я попросил монаха уступить мне некоторые, и он дал мне два оплечья итальянского петельчатого бархата. Аксамит удивительной красоты! Через несколько лет я посетил этот скит. Ризницу по приказу высшего начальства порешили, золото выжгли. Вообразите, как я жалел о своей скромности, а теперь эти ризы погублены.

Шляпкин неутомимо собирал всевозможные изречения о книге. Я предложил издать эти изречения, тем более что у меня была тряпичная бумага, и сборник мы напечатали под названием «Похвала книге». «Похвала книге» имела блестящий успех, издание быстро разошлось и сделалось библиографической редкостью. В него были включены изречения, афоризмы о книге и похвалы ей, от цитат из священного писания, мыслей

книголюбов Древней Руси до изречений Чернышевского и Пирогова... На последней ее странице славянским шрифтом было напечатано, что книга издана «в годину войны с нечестивым германским и швабским родом трудами и тщанием дохтура слова Российского Илии Шляпкина, коштом книгокупца Федора Шилова...».

Павел Яковлевич Дашков был собирателем, который для удобства вырезал из книг гравюры. Несмотря на то, что это был культурнейший человек, он искалечил неимоверное количество книг. Дело в том, что Дашков собирал книги, посвященные России и русскому быту. У него была прекрасно подобрана «россика» на всех языках, и все, кто писал и печатал с иллюстрациями книги по истории России, тянулись к нему за справками. Нет почти ни одной, изданной Сувориным, иллюстрированной книги, в которой не было бы упоминания, что иллюстрации взяты из коллекции Дашкова. В числе таких книг были все книги историка Шильдера, все путешествия иностранцев по России, книги А. Брикнера, автора трудов по истории Петра Великого и Екатерины II, и множество других. Дашков широко позволял пользоваться своей библиотекой. Но так как не все, бравшие у него книги, возвращали их, то он попросту стал вырезать из книг гравюры, систематизируя их и помещая в папки. Он проявлял удивительное варварство, портя ценнейшие издания, зато его папки были настоящим кладезем для тех, кому нужно было подобрать те или другие иллюстрации для своей работы.

Дашков жил на Михайловской площади в своем доме, на втором этаже. У него было исключительное собрание не только гравюр и литографий, но и подлинных проектов и чертежей



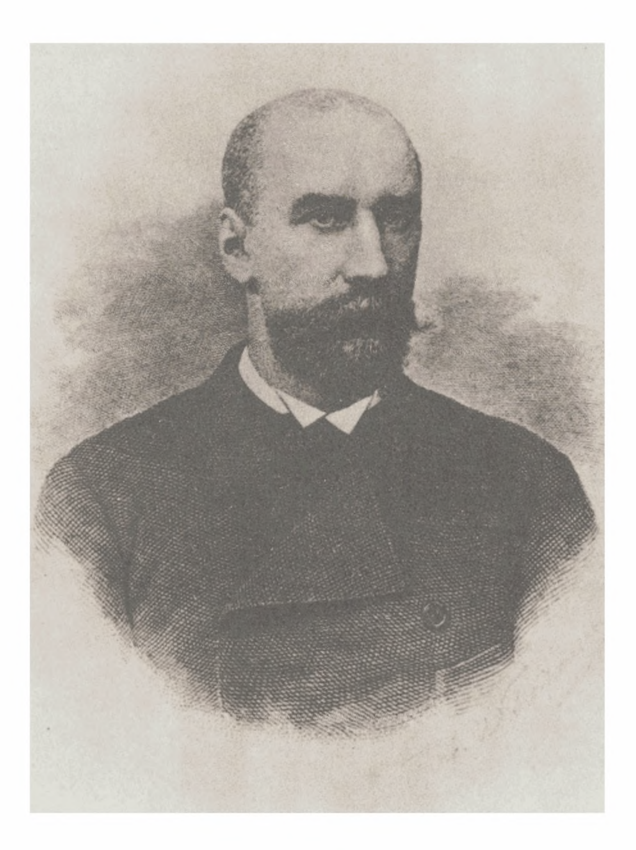
Похвала книге. 1917.
Обложка

старинных зданий. Между прочим, у Дашкова хранился родовой золотой сервиз, подаренный Вашингтоном его деду, государственному деятелю, во время его посольства в Америке. Куда поступило его собрание, я, к сожалению, не знаю.

Знаю только, что через несколько лет после смерти Дашкова историк Божерянов продавал из его собрания виды Петербурга, цветные листы Патерсена, которые были репродуцированы в книге «Невский проспект». А начальник архива ведомства учреждений императрицы Марии Шумигорский похитил наиболее интересные письма из этого архива. Не остался в стороне и начальник архива министерства народного просвещения К. А. Военский, присвоивший наиболее ценные документы из этого архива. Лишь после его отъезда за границу, в начале революции, жена Военского продала при моем содействии все сохранившиеся документы и переписку Государственной публичной библиотеке.

Возвращаюсь к книгопродавцам и букинистам. Несомненно примечательной в своем роде фигурой был В. И. Губинский. Губинский торговал в Апраксином дворе и очень много книг издавал сам, решительно по всем вопросам. Продавал он больше провинциальным торговцам. Издания Губинского очень устраивали провинцию, особенно книготорговцев Привислинского края. Они закупали у него полный ассортимент книг по всем вопросам, начиная от детских книг, кончая поваренной книгой Елены Молоховец и книгой Жука «Мать и дитя».

Губинский продавал книги в кредит, и это помогло ему нажить в конце концов миллионное состояние. Деятельность его началась с продажи газет и брошюр. Случайно ему удалось купить



П. Я. Дашков

остатки изданий книгоиздателя Федорова с правами на переиздание. Тут были и «Библейская история» Базарова, которая выдержала около сорока изданий, и сказки братьев Гримм, и ряд других книг. Поваренная книга Молоховец приносила ему ежегодно десятки тысяч. Поставщиками рукописей у него были всевозможные дельцы и литературные спекулянты.

Кроме произведений русских авторов, Губинский издавал много иностранных книг, очень плохо переведенных, в их числе был Вальтер Скотт.

Облик некоторых букинистов тоже был довольно примечательным.

М. П. Мельников часто посещал Александровский рынок, обходя всех тамошних книжников и по запискам подбирая те или иные заказы или недостающие тома; по своим знаниям он был поистине энциклопедист.

Среди букинистов встречались и серьезные книжники, например И. И. Иванов, выискивавший редкие и нужные книги, особенно учебники для высшей школы.

Был среди букинистов и один слепой книжник Щетинкин. Он настолько хорошо знал свое дело, что на ощупь определял, что это за книга. На всякий случай он держал при себе мальчика, который называл ему заголовки книг. Так слепой Щетинкин торговал более десятка лет.

Опишу нравы книгопродавцев того времени. При покупке книг или библиотек у частных лиц они цен не набивали, а если случалось, что по одному адресу приходило три-четыре человека, то трое отказывались от покупки, а четвертый покупал и после «вязали вязку». Допустим, библиотека куплена за 1000 рублей. Все четверо шли в трактир и там за чаем «вязали»: куплена за

1000, второй букинист дает 1200, третий — 1500, четвертый — 1800 и, наконец, первый дает 2000. Таким образом «навязали» 1000 рублей. Трое получают по 250 рублей, а купившему библиотеку она обошлась уже не в 1000, а в 1750 рублей. 750 рублей он дал отступного. Особенно это практиковалось, когда большие библиотеки или целые магазины шли за долги на аукционах.

Приведу и другой пример. На аукционе книги оценены в 10—20 тысяч рублей. Книжники и маклаки набьются в помещение до отказа и кричат: «Дорого!», не давая постороннему посмотреть или поторговаться. Торги откладываются; во второй раз повторяется то же самое. В третий раз книги идут с предложенной цены и покупают их два-три человека, остальные изображают публику. Вместо 10—20 тысяч книги идут за 1—2 тысячи рублей. Затем книжники идут в трактир и «вяжут вязку», причем каждый получает поразному. Вначале дают маломощным маклакам и «стрелкам», не имеющим ни гроша за душой, но на аукционах играющим роль публики и не допускающим посторонних покупателей. Если какой-нибудь посторонний покупатель прорвется и станет набавлять, то «стрелки» начинают торговаться, безмерно нагонят цену, а когда покупатель войдет в азарт, уступят ему и надолго отобьют у него охоту ходить на аукционы.

В трактире перед «вязкой» выдавали, как я сказал, вначале маломощным маклакам, «стрелкам» и «племянникам» от 50 копеек до 25 рублей на человека, смотря по покупке. Затем имеющие право на «вязку» усаживаются за столы и «вяжут»: куплено, допустим, за 2000 рублей, «племянникам» выдано 1000 рублей, другие расходы 500, товар стоит 3500 рублей. С этой суммы

начинается «вязка». Дают 4000, дают 5000. Кто-то заявляет: «продал». Значит, он получает из «повышенки» 1500 рублей, и если «вяжут» десять человек, то он получает 150 рублей и выходит из «вязки». Другой «вяжет» до 8000 и получает разницу уже из расчета 8000 не на десять человек, а на девять человек, и так далее. Наконец остаются только двое, которые, рассчитав всех восьмерых участников по разным расчетам, «вяжут на повышенку». Товар часто идет за 30 тысяч, и один берет его за эту сумму. Товар, может быть, 30 тысяч и не стоит, но купивший считает «вязку» в свою пользу. Фактически книги ему обойдутся в 15, а не в 30 тысяч, так как на его долю достанутся «вязка» и «повышенка». Такие торгашеские приемы в условиях частной книготорговли были вызваны как стремлением получить больше барышей, так и ослабить конкуренцию.

В конце XIX столетия только такие крупные букинисты, как В. И. Клочков или И. И. Иванов, имели магазины в центре города; бóльшая же часть книжников ютилась на Александровском рынке. Поэт И. В. Омулевский даже написал послание к букинистам Александровского рынка:

О, подпившая муза моя,
Поддержи мою лиру, чтоб я,
Взяв пример с летописцев-
подвижников,
Мог воспеть фарисеев и книжников,
В Александровском рынке гурьбой
Обступивших фасад лицевой...
О, сияющий книжной красой,
Александровский рынок ты мой!

Но более солидные книжники начали устраиваться на Литейном проспекте. Первым появился И. Г. Мартынов, потом В. И. Клочков,

Л. Ф. Мелин, М. П. Мельников, Д. А. Наумов, И. И. Иванов; на Симеоновской улице торговал в своем доме сначала А. С. Семенов, а потом и его сын под фирмой «Семенов и сын»; на Владимирской улице—П. Б. Богданов, приказчиком у которого был вначале М. П. Мельников, а позднее П. П. Крылов, который тоже открыл свой магазин; Загряжские имели лавки на Александровском рынке. И. И. Базлов торговал на Забалканском проспекте; он первый выдумал продавать книги на вес, за что его прозвали «американцем». Позднее он переехал на Литейный, 32, и был главным участником книгопродавческой складчины. Кое-кто из книжников устроился в районе Литейного проспекта, или, как его стали некоторые называть, на Книжной улице.

Настоящих антикваров тогда почти не было. И. Г. Мартынова можно назвать первым антикваром. Подлинными, образованными антикварами были Клочков, Мелин и Соловьев.

Мой хозяин, М. П. Мельников, хотя и имел антикварные книги, но плохо в них разбирался, и любители часто выуживали у него за бесценок весьма редкие книги.

Расскажу об одном из таких случаев. Максим Павлович купил остатки библиотеки известного критика, издателя журнала «Телескоп» Н. И. Надеждина. Надеждин был автором редчайшего «Исследования о скопческой ереси», напечатанного в количестве 25 экземпляров не для продажи. В книге этой были собраны сведения о скопчестве, преимущественно из документов министерства внутренних дел, и цветные рисунки, изображающие принадлежности, обстановку скопческих радений и портреты главных сектантов. В библиотеке оказалось 7 экземпляров этой

книги, и Мельников уступил Синицыну все 7 экземпляров за 140 рублей, то есть по 20 рублей за экземпляр, а по тому времени каждый экземпляр стоил около полутораста рублей!

Но если Мельников плохо разбирался в антикварных книгах, то Н. В. Соловьев считался среди книжников образованнейшим человеком.

Н. В. Соловьев был сыном известного ресторатора миллионера В. И. Соловьева. Он числился у отца управляющим Северной гостиницей, получал ежемесячно 500 рублей и, интересуясь книгами, стал покупать их и собрал в конце концов приличную библиотеку. Когда отец, рассердившись за что-то на сына, лишил его содержания, Соловьев, по совету своих друзей книгопродавцев-антикваров Синягина и Клочкова, решил открыть книжную лавку на Симеоновской улице, а для начала распродать свою библиотеку. Клочков порекомендовал взять в приказчики А. С. Молчанова, ставшего впоследствии большим знатоком книги. Это было в 1900 году. Затем Соловьев, человек несомненно инициативный, стал издавать журнал «Антиквар»; в журнале было много описаний частных библиотек, появились в нем и две статьи Н. В. Соловьева — о Максиме Горьком и Леониде Андрееве.

Отец, увидев, что сын умеет жить своим трудом, помирился с ним. Не желая, чтобы сын миллионера торговал в скромном помещении, он выселил Л. Ф. Мелина из дома Шереметьева на Литейном, 51, увеличил это помещение вдвое, отделал и открыл роскошный магазин. Я уже упомянул раньше, что Соловьев очень выгодно приобрел библиотеку И. В. Помяловского, за которую Соловьев-сын получил звание комиссионера Публичной библиотеки и библиотеки Ва-



Н. В. Соловьев

тикана. Помимо собрания Помяловского, он купил еще прекрасные библиотеки Н. И. Рукавишникова и архитектора А. А. Монферрана, а также ряд библиотек в провинции. Соловьев стал издавать хорошо аннотированные каталоги, а вскоре начал выпускать получивший известность журнал «Русский библиофил», выходивший на протяжении шести лет. До сих пор комплекты этого журнала, дававшего множество библиографических сведений, украшают библиотеку многих собирателей книг.

У жены Соловьева, балерины В. Трефиловой, было великолепное собрание книг по балету. Пользуясь ее коллекцией, Соловьев написал книгу «Мария Тальони» о знаменитой балерине пушкинских времен; книга эта весьма понравилась театралам.

Официальным редактором «Русского библиофила» считался Соловьев, но почти всю работу вел В. М. Андерсон, который хотя и являлся автором таких работ, как «Плюшар и его типография», «Аракчеев и его издания», но не был книжником. Поэтому «Русский библиофил» приобрел больше характер литературного журнала. Книжным делом Соловьев стал тоже мало заниматься, потому что отец пристроил его директором банка, кроме того, он сделался гласным городской думы, а в 1915 году заболел ангиной и умер от заражения крови. Перед смертью Соловьев оставил отцу письмо, в котором просил продать магазин А. С. Молчанову.

В. И. Соловьев исполнил просьбу сына. Он продал Молчанову магазин за невысокую цену, с рассрочкой на пять лет. Молчанов же расплатился с ним в один год. Соловьева это так рассердило, что он выселил Молчанова из своего

дома, в котором тот бесплатно занимал квартиру из пяти комнат. Соловьёв-отец был возмущен: при сыне магазин приносил все время убытки, Молчанов же, став хозяином, смог уплатить большой долг в один год.

Жена умершего Н. В. Соловьева Трефилова решила продолжать «Русский библиофил» и пригласила в качестве редактора проф. И. А. Шляпкина. Но в 1917 году это издание прекратилось. Позднее Трефилова уехала в Париж.

Я приобрел часть библиотеки Соловьева. Почти все книги были в изумительном виде, альманахи — в переплетах из цельной кожи работы знаменитого парижского переплетчика Паньяна; было много изданий Кружка любителей русских изящных изданий. Соловьев был членом этого кружка, неоднократно устраивавшего выставки книг. Я купил также из коллекции Соловьева около 20 писем Гончарова, преимущественно к писательнице О. А. Новиковой, несколько писем Тургенева и Толстого и весь собранный Соловьевым материал для книги «Бумаги А. А. Воейковой. История одной жизни. А. А. Воейкова — Светлана». Материал заключал около 300 автографов Жуковского, писем И. Козлова и других. Вся эта коллекция ныне находится в Пушкинском доме.

Еще в 1906 году умер Н. П. Собко, друг и сотрудник Д. А. Ровинского, составителя «Словаря русских граверов». В типографии Собко на Морской улице были сложены остатки изданий Ровинского и лежали некоторые незаконченные издания. После смерти Собко его сын отказался от наследства, так как за типографией числились долги.

Некоторое время спустя типографию решили продать с торгов в уплату задолженности. Ее

купил некто Табурно для социал-демократической партии, и типография стала печатать всякие брошюры и прокламации, пока не дознались власти. Типографию закрыли и хотели забрать для жандармского отделения. Но через некоторое время явились кредиторы и жандармское отделение пустило типографию с торгов. Продавались печатные машины и макулатура. Купил их один мелкий типограф. Когда он стал перевозить типографию и собрался вывезти также ее издания, метранпаж типографии Шевченко заявил, что куплены только машины и макулатура, а издания Ровинского и другие роскошные издания макулатурой не являются. «Я по смерти Собко расписался в приеме этого товара, все время хранил и потому этих книг не отдам»,— сказал он с твердостью. Типограф, дешево купивший машины, отступился от книг и увез только машины и макулатуру.

Все имущество Ровинского, часть библиотеки Собко и каким-то образом попавшей к нему библиотеки Г. Геннади Шевченко перевез к себе и лишь через несколько лет начал через посредника продавать букинистам — С. Н. Котову и мне. После двух-трех покупок мы с Котовым решили, что покупать у неизвестного лица такие редкости, как неизданный IV том «Русских народных картинок» Ровинского и другие, небезопасно, и, узнав от посредника происхождение вещей, решили от покупок воздержаться.

После смерти Собко мы и обратились к опекуну за разъяснением. Он сказал, что имущества не принимал, но не советует его покупать, пока не выяснит законность этого в дворянской опеке. Мы с Котовым дали друг другу слово, что если будем покупать, то вместе. Однако Котов, нару-

шив слово, тайком купил эти издания, спрятал в свою кладовую и несколько лет не обнаруживал.

Котов купил около 50 экземпляров неизданного IV тома «Русских народных картинок», несколько полных экземпляров монографии о Рембрандте в трех томах, много разных отдельных книг и отпечатков репродукций с картин Ван Остаде и учеников Рембрандта. Затем у вдовы Ровинского Котов приобрел право на издание этих вещей. Историк Н. Д. Чечулин, автор книги «Русский социальный роман XVIII века», разобрал эти листы, написал текст, оглавление, и Котов, не усомнившись в неправоте своего поступка, напечатал на обложке: «Издание С. Н. Котова».

По Литейному проспекту, в доме 49, работал книгопродавец Александр Кузьмич Гомулин; продавал он преимущественно остатки изданий.

У Гомулина находили приют и поддержку многие молодые писатели. Мне попалась, в частности, книжка Александра Грина с автографом: «Глубокоуважаемому Александру Кузьмичу Гомулину на память о хороших и плохих днях. А. Грин».

Следует упомянуть и о некоторых других книжниках, в частности о Сергее Петровиче Трусове, хорошо знавшем книгу. До открытия своего магазина он служил старшим приказчиком у Э. К. Гартье, книжника европейского типа, издававшего журнал «Российская библиография». Его магазин на Невском, 54, был самым роскошным в Петербурге.

Совершенной противоположностью сдержанному и вежливому С. П. Трусову был весьма «популярный» на Александровском рынке книжник

А. И. Федоров. Букинисты называли его в шутку «князь владетельный». Федорову эта кличка нравилась, и когда он запивал, а это случалось два-три раза в год, то брал извозчика и с бутылкой в руке ездил по городу, крича: «Я — князь владетельный! Дави всех, только мужиков не тронь!»

На Александровском рынке Федоров имел магазин в три этажа, с большим запасом книг. Продавал он недорого, поощрял любителей книг, и его все любили. Тип Федорова был весьма характерен для Александровского рынка.

Говоря о старых книжниках, следует также упомянуть о М. В. Попове, который торговал под Пассажем до его перестройки. После перестройки Пассажа он переехал на Невский, 66. Попов не был букинистом, но у него можно было достать всякую старую книгу, так как Попов строго придерживался правила — любую заявку на книгу нужно удовлетворить. Выучку ученикам давал он хорошую, но обходился с ними сурово, даже жестоко. Он внушал им, чтобы слова «нет» не было в их лексиконе.

— Хоть ты и знаешь, что книги нет, но скажи, что мы достанем, а пока выложи перед покупателем груду книг по вопросу, которым он интересуется, и непременно что-нибудь продашь. А заказ на книгу прими, даже если нет надежды ее достать. Покупатель за заказанной книгой придет несколько раз и каждый раз что-нибудь купит.

Если Попов замечал какой-нибудь промах мальчика, он подзывал виновного к прилавку, приказывая подобрать с пола бумажки, а пока мальчик подбирал бумажки у его ног, он безжалостно, незаметно для публики колотил его.

М. В. Попов составил крупное состояние. После его смерти дело наследовал сын, продавший

вскоре магазин некоему Ясному, который издал ряд книг и торговал до начала революции.

Очень часто к нам заходил начинающий в то время антиквар С. Тюнин.

Тюнин был совсем малограмотный человек, с трудом подписывал даже свою фамилию. Карьера его началась в одном плохоньком трактире на Охте, где он служил половым. Один ходячий антиквар обратил внимание на его расторопность и предложил работать вместе. Тюнин очень скоро вошел в курс случайных покупок и стал понемногу разбираться в картинах и мебели. Когда его учитель умер, Тюнин стал работать один, продавая случайные покупки в антикварные магазины, главным образом на Александровском рынке. Наиболее крупными из антикваров рынка были братья Смирновы, получившие известность как продавцы фальшивой бронзы, и Брайна Мильнер, которая подделками не занималась, за что ее очень уважали любители и знатоки вещей. Брайна продавала дорого, но и платила прилично, чем привлекала к себе ходячих антикваров вроде Тюнина.

Внутренний пассаж Александровского рынка, снаружи украшенного книжными магазинами и ларями, был полон старинных вещей. Здесь можно было купить все: от шишака Александра Невского до сабли Суворова, конечно, не имевших ничего общего с подлинными. Были торговцы, которые издевались над своими клиентами, искавшими в «навозной куче жемчужное зерно». Один такой торговец, старик Ваханский, с большим юмором рассказывал, как некий генерал купил у него бронзовые украшения от стола. Ваханский сказал генералу, что обещали принести еще три такие бляхи. Генерал приходил раз пять:

— Не принесли? А откуда хотели принести?

— Из Эрмитажа,— отвечал Ваханский доверительно,— уж совсем на липочке висят.

Но вернемся к Тюнину. Он начал торговать картинами крайне левых мастеров и футуристов. В эту же пору ему удалось купить картину школы Рембрандта, и он продал ее ювелиру Фаберже за 65 тысяч рублей. Может быть, это был и оригинал Рембрандта. Мало ли было в России необыкновенных находок! Ведь еще недавно в Нижнем Тагиле была найдена «Мадонна» Рафаэля, служившая, по сообщению художника И. Э. Грабаря, крышкой стула.

Многие художники писали портреты Тюнина. У меня был его портрет работы Судейкина, написанный, очевидно, во время увлечения Тюнина левыми художниками. По мнению многих, в том числе И. Э. Грабаря, Тюнин был очень талантливым самородком, с удивительно развитым художественным чутьем. Последние годы своей жизни Тюнин провел в Москве, где и умер.

Я особо остановился на Тюнине, потому что это был распространенный тип русского антиквара, обычно учившегося на медные пятаки и самостоятельно, благодаря природному таланту, сумевшего заслужить уважение людей науки и искусства.

Говоря о книжниках и антикварах, я не могу не вспомнить и некоторых из собирателей.

Одним из постоянных клиентов нашего магазина был действительный тайный советник П. В. Кухарский, занимавший должность чиновника особых поручений при министерстве путей сообщения. Собирал он гравюры, литографии и иностранные книги с гравюрами, но так как зарабатывал немного, то менял их, задалживал и всячески комбинировал дела с их покупкой.

Однажды он взял у нас том басен Лафонтена с гравюрами Одри. На другой день, вернув экземпляр, он утверждал, что некоторые гравюры выдраны и поэтому просит продать дешевле. Но я был уверен, что экземпляр полный, и решил не уступать. Торговался он неистово, но книгу все-таки взял. К такому способу прибегали зачастую и другие собиратели: уверяя, что экземпляр неполный, они старались снизить на него цену. Но настоящий собиратель неполного экземпляра не возьмет, и их уловки были по большей части шиты белыми нитками. Кухарский, однако, проявил прыть в одном случае.

У моего приятеля, художника М. В. Рундальцева, оказалось около десяти листов старинных гравюр Фрагонара, Буше и других художников, причем экземпляры были особенные — с легкомысленными сюжетами. Я гравюры купил, думая, что Рундальцев получил их от художницы Андреевой, вдовы художника академика М. А. Зичи. Часть листов я продал Синягину, часть Кухарскому, которому проговорился о предполагаемом происхождении гравюр. Он это учел и, не будучи даже знаком с Андреевой, заявился к ней и уговорил продать ему около 20 книг с гравюрами — изумительные экземпляры с двойными и тройными сюитами,— заплатив сущие гроши и совершенно ограбив Андрееву: каждая книжка стоила 500—1000 рублей. Забрав эти книги, он отвез их в Париж и устроил специальный аукцион. Каталог этого аукциона я позднее видел сам, распознав истинный облик действительного тайного советника.

Впоследствии выяснилось, что десять купленных мною у Рундальцева листов были получены не от Андреевой, а от некоего Шлотгауэра,

служащего Эрмитажа. Шлотгауэр, в свою очередь, получил их от Лемана, помощника библиотекаря Зимнего дворца, который разбирал библиотеку, приобретенную Николаем II у князя Лобанова-Ростовского. Помимо десяти листов гравюр, которые через Рундальцева попали ко мне, Леман похитил много редких книг и продал их букинистам. Никто об этом не догадывался. Заподозрил Лемана второй помощник библиотекаря, нашедший в его служебном шкафу ломбардные квитанции. Оказалось, что, помимо гравюр, Леман похищал вещи из кабинета Александра II. Лемана арестовали, началось следствие. Леман во всем сознался. У Кухарского, несмотря на его положение и звание, произвели обыск и отобрали гравюры. Лемана присудили к году тюрьмы.

Леман оказался масоном, оккультистом, другом известного шарлатана Папюса. В его архиве обнаружили протоколы заседаний масонского общества, в котором Леман исполнял обязанности секретаря. Среди членов этого общества были и великие князья.

Но вот в 1900 году на букинистическом горизонте появился совершенно необычайный собиратель книг — Н. К. Синягин, о котором я уже упомянул выше.

Вначале цель и смысл его собирания были нам неясны. Синягин начал с эротики, покупал порнографические картинки. Вскоре он познакомился и близко сошелся с Клочковым и Соловьевым и резко изменил характер своего собирательства. Он стал собирать книги по истории войны 1812 года не только на русском, но и на французском языке.

Позднее он выработал целый план собирательства лишь русских книг по истории войны 1812 года и всего, что касается России.

Собирал Синягин столь энергично, что в течении десяти-пятнадцати лет создал такое собрание книг, брошюр, гравюр, литографий и рисунков, изображающих виды русских городов, монастырей и церквей и быт русского народа, какое никто до сих пор не мог собрать.

Кроме того, Синягин собирал всех классиков в первых изданиях, иллюстрированные издания, народные сказки, народные песни.

После смерти отца, крупного хлеботорговца, Синягин получил большое наследство. На полученный капитал он построил больницу при Институте экспериментальной медицины, оборудовал ее по последнему слову техники и прекратил торговые дела.

Весь свой досуг Синягин отдавал собиранию книг. Днем он посещал магазины, а вечерами до поздней ночи работал над разборкой своих приобретений.

Все дублеты и неподходящие книги он продавал мне. Помимо собрания по эротике, в котором были книги XVIII столетия с гравюрами и такие книги, как «Маркиз де Сад», «Жизнь 12 цесарей и императриц», «Заветные сказки», у него была интересная коллекция цветных литографий 40-х годов, очень много французских акварелей, а также акварелей Зичи, Богданова и других. Между прочим, у него была коллекция акварелей Зичи, изобразившего русских царей и великих князей в непристойных позах.

Когда во время освящения церкви убили петербургского градоначальника фон дер Лауница, Синягин так перепугался, что все сомнительные вещи уничтожил, в том числе и акварели Зичи.

Однажды я взял на комиссию две карты, сделанные акварелью с прекрасными картушами.

Одна карта (размером 3×3 аршина, конца XVIII столетия) изображала путь от Москвы до китайской границы, другая представляла собой план Павловска. Павловским планом Синягин особенно заинтересовался.

Эти два плана были оценены в 1000 рублей, цена для того времени дорогая. Синягин, к которому я привез для показа эти карты, заколебался и обещал дать ответ вечером. Но вечером он не пришел, и я отвез карты их владельцу.

Утром приезжает Синягин и, узнав, что плана нет, страшно взволновался — вдруг карты владелец уже продал — и сидел в лавке все время, пока я за этим планом ездил.

Позднее Синягин воспроизвел в красках этот Павловский план в своем издании «Материалы к истории императора Александра I и его эпохи».

Синягин неоднократно ездил за границу и покупал в Берлине и Париже иллюстрированные издания, касающиеся России, отдельные гравюры и литографии.

Собирательство Синягина совсем не было похоже на собирательство большинства других. Он не был любителем-дилетантом, а собирал последовательно, целеустремленно.

Так, Синягин подготовил издание истории России в 12 томах, отредактированное Андерсоном. Из них второй том был посвящен Наполеону I и его сподвижникам. А дальше предполагалось издать целый ряд томов, посвященных русской литературе, русскому искусству, описанию Сибири и т. д.

План собирательства Синягина приходил к концу, так как в соответствии с его планом им было собрано все, что возможно. Оставалось оформление. Все книги и брошюры были отлич-

но переплетены по большей части Шнелем и его учеником Соколовым. Гравюры и рисунки были смонтированы на хорошей бумаге или наклеены на паспарту и помещались в превосходно сделанных папках. Синягин проделал колоссальную работу не только по собиранию, но и по оформлению своего собрания.

Неожиданно Синягин стал проявлять признаки психического расстройства. Болезнь быстро прогрессировала, и брат Синягина, наняв пароход, целое лето путешествовал с больным по Волге в сопровождении доктора, родственников и Андерсона; только беседуя о книгах, Синягин приходил в себя и рассуждал здраво. Осенью он поехал за границу. По приезде он в сопровождении врача заехал ко мне в лавку, рассказал, что был за границей, что очень много накупил книг, обстоятельно припоминая, какие именно.

Вспомнил он также, что не доплатил мне за три листа видов Санкт-Петербурга и за гравюры в красках Патерсена, и вдруг шепотом, озираясь, чтобы не подслушали, таинственно сказал:

— Знаете, из-за меня ведь чуть не началась война. Вильгельм не хотел выпустить меня из Германии и выпустил лишь тогда, когда наш император предъявил ультиматум.

Тут сопровождающий Синягина врач увел его. Больному становилось все хуже и в конце концов его отправили в психиатрическую больницу на Удельную.

После смерти Синягина библиотека досталась его брату. Брат все шкафы с книгами и стеллажи с гравюрами сдвинул в одну часть квартиры и запер, так как старые книги вызывали в нем отвращение. Покойный Синягин говорил не раз, что брат в руки не возьмет старой книги, а если

возьмет, то сейчас же вымоет руки. Вот каков был наследник этого замечательного собрания, стоившего не менее полутора миллионов рублей золотом и, возможно, жизни его собирателя.

В 1917 году в Петрограде появился молодой библиофил П. В. Губар, весьма часто посещавший магазин Суворина. Ему предложили приобрести библиотеку Синягина. Губар согласился купить, правда, за совершенные гроши.

В квартире Синягина уже разместилась какая-то воинская часть, и из страха потерять библиотеку Синягин-брат согласился продать ее Губару за 250 тысяч.

Губар настолько спешно перевез книги к себе на квартиру, что даже не захватил картотеки, так прекрасно разработанной и подготовленной к печати. Отдельные листы видов городов, главным образом Петербурга, Губар продал Центральному комитету государственных библиотек. Помимо редчайших листов Патерсена, Махаева, Дамам Демартре и других, среди гравюр оказалось много оригиналов Галактионова.

Комиссия оценила собрание в 200 тысяч, эксперты нашли возможным довести цену до 300 тысяч. В конце концов собрание отдельных листов было куплено Комитетом за 250 тысяч рублей для Государственной публичной библиотеки. Затем Губар продал музею города описание монастырей и церквей. Очень много книг ушло совсем в другую сторону — Губар продал их в Вашингтонскую библиотеку.

Губар открыл книжный магазин «Антиквариат». На новоселье пришли выдающиеся библиофилы. Для себя лично Губар оставил все первые издания Пушкина, исключительную коллекцию альманахов, все иллюстрированные издания, все

увражи, относящиеся к Петербургу, прекрасный подбор книг по истории Петербурга, увражи знаменитых зодчих: Кваренги, Тома де Томона — и целый ряд книг по истории нашего отечества. Между рисунками был подлинный рисунок Пушкина, рисунки Брюллова к новоселью Смирдина. Однако впоследствии он стал все это продавать, чем и занимался много лет.

Так распылилась замечательная библиотека Синягина. До сих пор время от времени попадаются еще книги с синим и красным ярлыком-экслибрисом (кстати, довольно безвкусным) Синягина.

К нам, в магазин Е. А. Иванова, частенько заходил очень скромный, застенчивый человек. Впоследствии я познакомился с ним ближе. Это был Александр Евгеньевич Бурцев.

Бурцев служил в меняльной лавке своего дяди и еще молодым человеком стал покупать собрания сочинений и старинные книги. После смерти дяди меняльная лавка перешла к Бурцеву, который преобразовал дело и превратил его в банкирскую контору. Работая сам, он привлек и своих двух братьев; дело его расширилось. Увлечение книгами также росло. Бурцев поставил себе за правило ежедневно заходить к кому-нибудь из букинистов, и таким образом в неделю раз он был у всех своих поставщиков. Его все знали и откладывали «бурцевиану».

Бурцев недостаточно хорошо разбирался в том, что ему предлагали, и потому среди превосходных вещей набрал немало ненужного, но любовь к книге инстинктивно направляла его на правильный путь собирания. Собрав по возможности всех классиков, Бурцев начал собирать подлинные письма и автографы, старинные рукописи.

Он купил все собрание автографов известного переводчика и страстного собирателя Ф. Ф. Фидлера, купил у меня весь архив «Живописного обозрения»; кроме того, он приобрел у меня письма Толстого, Тургенева, Гончарова, приобрел, между прочим, грамоту императора Франца II на присвоение Суворову звания фельдмаршала.

Описание своих сокровищ Бурцев стал опубликовывать в печати, но, к сожалению, без особого разбора. Вначале он издал библиографическую опись «Редкие книги из собрания А. Е. Бурцева», потом издал пятитомное «Описание редких российских книг и рукописей» и семитомное «Дополнительное описание библиографически-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей». Кроме того, Бурцев перепечатал немало редких книг целиком, воспроизвел много рукописей, издал «Сказки, рассказы и легенды крестьян Северного края», девять томов «Полного собрания этнографических трудов» и столько же — «Полного собрания библиографических трудов», издавал «Мой журнал», в котором перепечатывал рукописные материалы из своего собрания и снимки с рисунков и картин.

Картины и рисунки он тоже покупал «чохом». Художник С. Ю. Судейкин рассказывал, что Бурцев, покупая картины, выполнял, однако, тем самым и культурную роль, давая художникам возможность не продавать их основные картины на рынок, то есть в магазины, а только на выставки. Покупал Бурцев по-купечески: когда Судейкин вздумал поехать за границу, он обратился к Бурцеву с предложением продать ему все этюды и картины, которые у него накопились в мастерской, и Бурцев, не глядя, уплатил ему 2 тысячи рублей. На эти деньги художник уехал за границу.

Много покупал Бурцев у Рериха, Петрова-Водкина и других художников. Кое-кто из художников, узнав его пристрастие к русским сюжетам, стал злоупотреблять этой слабостью, то есть писать на русские сюжеты как будто специально для него, а по существу используя старые иллюстрации. Бурцев воспроизводил эти картины в своих изданиях, печатая их в 100—150 экземплярах, которые не продавал, а раздавал друзьям. Получая эти подарки, друзья нередко над ним же потешались.

Собрание Бурцева так разрослось, что он задумал организовать Музей русского искусства и литературы. На Бассейной, 10, он выстроил специальный дом с большими выставочными залами и стал устраивать периодические выставки картин и рисунков своего собрания.

Позже Бурцев пришел в разорение, и часть библиотеки была пущена через открытый им магазин в продажу. Продавал он дешево, и торговля у него пошла. Появились клиенты, многие очень уважали Бурцева за его аккуратность и порядочность. У него нередко бывали А. М. Горький, А. В. Луначарский, В. А. Десницкий, а также крупные библиофилы И. И. Рыбаков, З. И. Гржебин, издававший один из лучших сатирических журналов 1905 года «Жупел» и в первые годы Октябрьской революции основавший крупное издательство, которое печатало книги главным образом в Берлине. Вскоре, однако, Бурцев закрыл свою лавку и стал жить тем, что сдавал на комиссию по аукционам этюды и картины Рериха, Судейкина и других художников, а бóльшую часть своего архива продал Пушкинскому дому и Публичной библиотеке. Сравнительно недавно литературоведом И. Л. Андрониковым

была обнаружена в Актюбинске значительная часть архива Бурцева, включавшая рукописи, письма и автографы русских писателей от Ломоносова до наших современников. Все это бесценное собрание было приобретено у дочери Бурцева Ольги Александровны Государственным архивом литературы и искусства, где ныне и находится.

Оригинальным собирателем был Н. Ф. Бокачев, служащий Волжско-Камского банка.

Николай Федорович Бокачев собирал главным образом старинные карты и планы городов. В этой области он был почти единственным собирателем, а потому торговцы мало интересовались такого рода вещами и старинные карты были на рынке весьма редки. Кроме карт, Бокачев собирал описания и виды русских городов и описания библиотек. По этим разделам им был издан единственный в России каталог.

Коренастого, в своем непременном английского покроя пальто, Бокачева можно было всегда встретить и в магазине крупного антиквара, и на развале Александровского рынка.

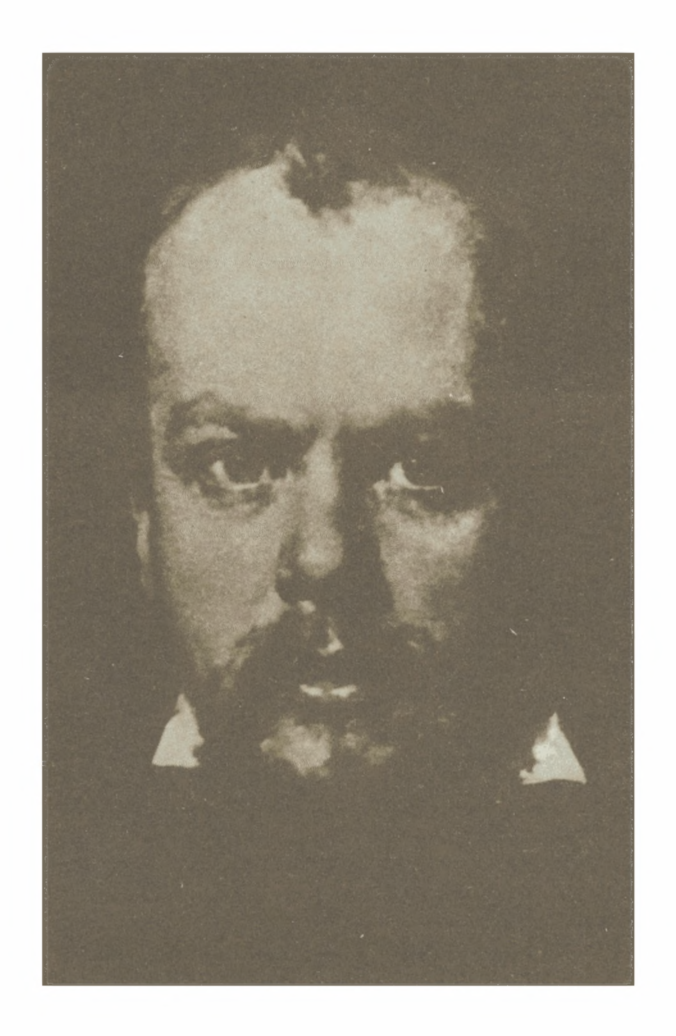
Он жил на Выборгской стороне одиноко, семьи у него не было. Как-то дворник обратил внимание, что Бокачева давно не видно. Квартира оказалась запертой изнутри. Взломали дверь и нашли его мертвым. Вскоре появились наследники. Вводить их в права наследства взялся известный коллекционер П. Е. Рейнбот. Но наследство заключалось лишь в книгах и картах, к которым наследники остались весьма равнодушны. Поэтому они были очень рады, когда Рейнбот рекомендовал им покупателя, своего друга, тоже коллекционера, М. А. Остроградского. Остроградский купил все собрание за 20 тысяч, пере-

вез к себе, отобрал для себя все наиболее интересное, а остальное продал А. С. Молчанову, перепродавшему вскоре все собрание в Москву. Так распалась эта замечательная библиотека, от которой остались лишь три тома ее описания. Главная же часть, самая нужная и интересная, состоявшая из видов городов, отдельных листов и увражей, так и осталась не описанной.

Одним из известнейших библиофилов моего времени был П. Е. Рейнбот. Он не обладал таким обширным собранием, как Бурцев, Синягин, Синицын, но у него были исключительно редкие книги, находившиеся в отличном состоянии. Особенно редкие книги он переплетал в Париже.

Основным отделом библиотеки Рейнбота стала «Пушкиниана». Он собрал все первые издания Пушкина, все альманахи того времени, все журналы, в которых печатался Пушкин, и всю литературу о Пушкине. Кроме того, он собирал первые издания произведений иностранных, особенно французских, классиков. Немецких иллюстрированных изданий XVIII столетия было вообще тогда очень мало, у Рейнбота же эти иллюстрированные издания были подобраны с исчерпывающей полнотой. Он собирал также старинные книжные переплеты, и можно сказать, что у него был целый музей переплетов с суперэкслибрисами, великолепными тиснениями и всевозможными украшениями. Пожалуй, это была единственная по богатству коллекция переплетов в России. В советское время подобную коллекцию собрал В. А. Десницкий.

В Кружке любителей русских изящных изданий Рейнбот был очень деятельным членом. Он часто ездил за границу и был хорошо знаком с А. Ф. Онегиным (Отто) — владельцем замечательного собрания пушкинских автографов.



А. Ф. Онегин (Отто)

Об Онегине следует сказать особо. Онегин, живший в Париже, в течение многих лет неутомимо собирал «Пушкиниану» повсюду, во всех странах. Нередко получал и я от него письма с просьбой прислать то или другое издание. Собирая свою коллекцию, Онегин старался ознакомить с ней возможно большее число людей в России. Познакомившись с В. Н. Коковцовым, министром финансов, Онегин показал ему свое собрание. Коковцову сокровища Онегина очень понравились, и, приехав в Петербург, он обратился к своему однокашнику по лицею Рейнботу с вопросом, не следует ли приобрести собрание Онегина.

— Я горячо посоветовал приобрести собрание Онегина для Пушкинского дома,— рассказывал мне Рейнбот.

Министра финансов Коковцова интересовала только цена коллекции, а Онегин был русским патриотом и желал получить лишь небольшую ренту на жизнь и небольшую сумму на пополнение коллекции, с тем что после его смерти все собрание будет передано Пушкинскому дому.

Вскоре «Пушкиниана» Онегина была приобретена на следующих условиях: Онегин получает определенную сумму единовременно, а затем по 10 тысяч в год; после смерти Онегина собрание поступает в Пушкинский дом Академии наук, так же как и все имущество и капитал Онегина, находящийся в банке, с тем чтобы использовать их для дальнейшего пополнения коллекции.

После смерти Онегина, согласно договору, собрание его получил Пушкинский дом. Для получения коллекции в 1921 году в Париж ездил директор Пушкинского дома историк С. Ф. Платонов.

Рейнбот поступил на должность библиотекаря в Пушкинский дом — разбирать онегинское собрание. Он издал записки современницы Пушкина Смирновой-Россет, разоблачив подделку записок ее дочерью. Личная библиотека Рейнбота была постепенно распродана после его смерти, но и до сих пор, хотя и очень редко, попадаются чудесно переплетенные книги из собрания Рейнбота, неизменно восхищающие книголюбов.

Мне за мою жизнь пришлось встречаться со многими собирателями не только книг, но и картин. Расскажу о некоторых из них, и в первую очередь о Деларове.

Павел Викторович Деларов служил юрисконсультом министерства путей сообщения, а все свободное время отдавал собиранию картин. У него была исключительно ценная библиотека по искусству; он занимался изучением живописи и считался знатоком даже за границей. Директор Берлинского музея не раз присылал ему картины на экспертизу.

Однажды Деларов приобрел картину у кассира Общества поощрения художеств И. В. Васильева. Эту картину и еще шесть миниатюр Васильев купил у некоего Ковалькова, зятя графа Адлерберга, министра двора при Александре II. Картина была голландской школы, требовала большой реставрации. За всю покупку Васильев заплатил 1600 рублей.

Промыв картину, Васильев пришел в восхищение и показал ее Деларову. Продавая, как многие деляги-антиквары, каждую шпагу за шпагу Суворова, а каждую картину голландской школы за Рембрандта, Васильев заявил Деларову, что это настоящий Рембрандт, и продал ему картину за 6 тысяч рублей.

Через несколько дней Деларов пришел к Васильеву и заявил, что картина не Рембрандта, а либо копия, либо второстепенный голландец и 6 тысяч не стоит. Поэтому он решил картину вернуть и требует возврата денег.

Васильеву было жалко расставаться с 6 тысячами, и он обратился за юридическим советом к сенатору Мякинину, тоже коллекционеру картин. У Мякинина была прекрасная галерея, про которую он с гордостью говорил, что хотя ни одного Рембрандта или Рафаэля у него нет, что в его галерее картины второстепенных художников, но зато все подлинные.

Мякинин пояснил Васильеву, что он может не брать картину обратно, если не желает, потому что если это Рембрандт, то ему цена не 6 тысяч, а 100 и если Деларов даже и обратится в суд, то ему откажут.

Несколько лет спустя Деларов послал эту картину на экспертизу в Берлин к известному искусствоведу Вильгельму Боде. Ее признали подлинным Рембрандтом. Когда приезжал в Петербург американец Морган, Деларов продал ему эту картину за 140 тысяч рублей.

Среди антикварных вещей, а больше всего в живописи, всегда было много подделок. Некий Вечтомов был специалистом подделывать картины «под голландцев», он наплодил буквально тысячи подделок, причем многие из них были превосходны, не хуже оригиналов; тем не менее ни одной картины, подписанной именем Вечтомова, я не видел. Он скупал старые дубовые доски и писал на них своих «голландцев» и «фламандцев». Под конец он покупал даже старые дубовые бочки, распиливал их на доски и на досках этих писал.

А. И. Циммерман, очень хороший реставратор, специализировался на подделках миниатюр и делал их превосходно.

Реставратор Солнцев подделывал картины русской школы и ухитрился однажды продать поддельного Айвазовского такому специалисту, как антиквар Корягин.

Подделки бывали и в других областях искусства.

Богатый коллекционер А. В. Звенигородский, собиравший византийские эмали, поручил описать их Н. Кондакову и немецкому ученому А. Шульцу. Эти описания были изданы на трех языках — русском, немецком и французском — с изумительной роскошью, особенно описание Кондакова. Рисунки были в красках с золотом, переплет целой кожи был сделан с инкрустацией в византийском стиле, с парчовой суперобложкой, закладка книги была выткана золотом и серебром. В Публичной библиотеке построили для этого издания киоск, о котором В. В. Стасов написал специальную книгу, тоже изданную роскошно. Книга «Византийские эмали» в продажу не поступала, все экземпляры были раздарены учреждениям, высокопоставленным лицам и выдающимся ученым. Случайно попавшие на рынок экземпляры продавались по 1000 рублей золотом.

Когда же Звенигородский разорился и принужден был продать свою коллекцию эмалей, оказалось, что две трети его собрания были подделкой; отсюда и сама книга потеряла ценность и значение.

Однажды я купил в складах художественных предметов при петергофских дворцах партию гравюр и этюдов маслом, написанных каким-то великим князем, кажется, Петром Николаевичем.

Этюды были сделаны недурно, писаны в районе Мурманской железной дороги. Реставратор Солнцев все их у меня купил, довольно нагло заявив, что они будут у него «Левитаны».

Случалось и так, что картина оказывалась подлинная, но антиквары не признавали за подлинник и картина шла за гроши.

Однажды два ходячих антиквара купили в Лесном у дворника какой-то дачи, принадлежавшей иностранцу, кажется, англичанину, две старинные картины.

С этими картинами, купленными за 15 рублей, антиквары пришли к реставратору Филатову и предложили ему купить их. Но Филатов купить отказался, считая, что картины не стоят его работы. Тогда картины были предложены довольно крупным антикварам Александровского рынка — братьям Смирновым и Брайне Мильнер, но и те не захотели купить.

Огорченные неудачей, владельцы картин рискнули предложить их Напсу, первоклассному реставратору и знатоку картин старой школы. К их удивлению, Напс предложил им привезти эти картины к нему домой. После тщательного осмотра Напс спросил цену, антиквары заломили 200 рублей, наивысшую цену, о которой они мечтали. Напс для виду поторговался, но заплатил. Одна из картин оказалась школы Рембрандта.

В тот же день Напса посетил известный коллекционер того времени камер-юнкер Данзас, который, увидев картины, предложил одну из них продать ему. Напс запросил 5 тысяч рублей. Поразмыслив, Данзас картину купил и оставил ее у Напса для реставрации.

Напс еще не начал реставрировать, как зашел к нему Деларов, который тоже заинтересовался

картиной и стал просить ее продать. Напс ответил, что картина уже продана Данзасу за 5 тысяч рублей. Тогда Деларов предложил 10 тысяч.

Напс все же отказался продать, но тут вмешалась его жена, славившаяся своей жадностью.

— Я берусь уладить дело,—сказала она.— Я снесу деньги Данзасу, скажу, что картина оказалась краденой и полиция отобрала ее.

Данзас взял деньги обратно, для виду пожалел о картине, на самом же деле был даже рад, потому что не был уверен в ее действительной ценности.

Некоторое время спустя он рассказал кому-то, что купил картину, которая оказалась краденой, и полиция отобрала эту картину. Тот, кому он рассказал про этот случай, имел отношение к прессе, и утром в газете появилось сообщение о краденой картине и об участии в этом деле полиции.

В полиции сообщением заинтересовались. Начальником сыскного отделения в то время был Путилин, человек очень энергичный. Он приказал произвести расследование. Стали тянуть на допрос обоих ходячих антикваров, Напса, Данзаса, Деларова и владельца дачи. Вызвали экспертов, которые признали, что это Рембрандт или один из его учеников. Дело было передано в окружной суд для решения, кому же принадлежит картина. Все предъявляли свои права, в том числе и ходячие антиквары. Суд присудил картину хозяину дачи.

Стоит рассказать и о другом случае в этом же роде.

У некоего Сахарова, служившего в библиотеке Академии художеств, появилась папка цветных английских гравюр. Он предложил эти гравюры

А. С. Молчанову. Тот решил, что это репродукции, и приобрести отказался. Тогда Сахаров предложил гравюры одному из братьев Берчанских — Аркадию. Берчанские не считались серьезными антикварами и были известны под прозвищем «племянников Левитана». По женской линии они действительно были племянниками Левитана, но, кроме того, они подделывали и сбывали очень много фальшивых «Левитанов».

Аркадий Берчанский купил у Сахарова эти гравюры, оказавшиеся подлинными. Выяснилось, что Сахаров выкрал их из библиотеки Академии художеств, куда в свое время поступило все собрание гравюр и увражей польского короля Станислава-Августа Понятовского, и эта папка, хранившаяся с XVIII столетия, попала к Сахарову нечестным путем.

Берчанский вскоре уехал в Париж. Там он стал понемногу сдавать эти гравюры на аукционы, и они пошли по необычайно высокой цене. За все гравюры он получил колоссальную сумму, купил виллу под Парижем и стал жить как рантье.

В 1908 году ко мне зашел довольно скромный на вид покупатель и спросил, нет ли у меня недорогих книг.

— Какого содержания? — осведомился я.

Он ответил:

— Все равно. Можно в переплетах и без переплетов.

— Для чего же вам?

— Да видите ли, у нас в театре ставят пьесу Леонида Андреева «Профессор Сторицын», и для бутафории мне нужны книги.

Я предложил выбрать из макулатуры. Он выбрал в сарае книг пудов на десять и заплатил мне

за все около 15 рублей. Это был бутафор Александринского театра И. Н. Шугай. Он был очень доволен покупкой, прислал мне на премьеру билет в ложу, и с тех пор мы с ним близко сошлись. Шугай покупал антикварные вещи, и поэтому его квартира была маленьким музеем. Вещи у него имелись действительно изумительные.

У директора императорских театров В. А. Теляковского было два сына: художник и инженер. После смерти отца инженер решил продать отцовский архив. Теляковский вел подробный дневник всех театральных дел, записи его имели первостепенное значение; дневник состоял из 70 печатных листов.

Шугай познакомил меня с сыном Теляковского, и мы около десяти лет бесплодно торговались с ним из-за оценки этого дневника. Публичная библиотека предлагала ему за весь архив 100 тысяч рублей, он же хотел 125 тысяч. Когда библиотека соглашалась на эту сумму, Теляковский просил 150 тысяч. Так и не могли сговориться, о чем я тогда очень жалел, так как помимо дневника архив состоял из громадного количества писем артистов, писателей, художников и лиц высшей администрации николаевского времени. Теперь, несомненно, все это находится в наших хранилищах.

В 1904 году появился новый покупатель старинной книги Николай Яковлевич Колобов. В книгах он разбирался слабо, но всегда усердно торговался. Позднее выяснилось, что он очень богатый человек, крупный лесопромышленник.

Николай Яковлевич воспылал нежной любовью к книге, но так как семья Колобовых была типичной купеческой семьей, где книг не терпели, то Колобову приходилось приносить книги домой тайком, черным ходом.

Когда семья построила новый дом у Крестовского моста, где в первом этаже была контора, а на третьем этаже квартира Николая Яковлевича, Колобов устроил книгохранилище на чердаке и по ночам тайком разбирал книги. Библиотека его росла не по дням, а по часам. Несмотря на свою отчаянную скупость, Колобов хотел иметь редкие и интересные книги.

У Колобова было немного времени для собирания книг, так как он вел обширное лесное дело, поэтому в книжные магазины Колобов забегал лишь попутно.

— Что есть интересного?

И вот ему предлагали, как тогда говорили, «колобовский товар». Что же это был за товар?

Колобов познакомился с историком Н. П. Лихачевым, автором исследований «Разрядные дьяки XVI века», «Бумажные водяные знаки» и других, и начал подражать ему в манере приобретать книги, то есть стал покупать все книги, изданные с начала книгопечатания до 1850 года, кроме медицины, техники, экономики и статистики. Вот это и называлось у нас «колобовским товаром».

Когда умерла его мать, Николай Яковлевич стал покупать книги на крупные суммы, но торговался при этом невыносимо. Торговался нудно, плаксиво гнусавя:

— Ну уступи, ведь я вон сколько покупаю, ведь мне все уступают... Василий Иванович вчера даже целую пачку прибавил.

Запросят у Колобова, скажем, 500 рублей; так до тех пор, пока не уступят рублей за 300, он не перестанет торговаться.

Клочков пошел с ним на хитрость:

— Николай Яковлевич, зачем нам так торговаться, терять время и портить нервы? Давай

договоримся по-деловому. Сколько процентов скидываешь с каталога?

После долгих споров условились скидывать 40 процентов, но чтобы уже не торговаться. Для того, чтобы Колобову первому выбирать по каталогу, условились, что ему будут посылать корректуры, и Колобов по корректурным листам выбирал почти все книги. Но цены в корректуре Клочков ставил на 50 процентов выше обычных цен. Он действовал таким образом довольно долго, под конец даже посылал Колобову карточки, а не корректуры, чтобы сэкономить на наборе.

Клочков так сумел наладить торговлю с Колобовым, что специально посылал в Москву за старыми и старинными книгами. Названия книг переписывались на карточки, и карточки с завышенными ценами посылались Колобову для отметки желаемых книг.

Кто-то разъяснил Колобову, что Клочков его обманывает и назначает для него специальные цены. Тогда Колобов вооружился старыми каталогами, явился в магазин и попросил по каталогу одну книгу. Там быстро сообразили, в чем дело, и ответили — «продана», другую — «продана», и так все книги, какие он спрашивал, оказались «проданными». Тогда Колобов сам направился к полкам и обнаружил на них книги, которые спрашивал. Он разругался с Клочковым и долго у него ничего не покупал.

После смерти матери и брата Колобову было трудно отлучаться из конторы и приходилось покупать книги у ходячих книжников и «стрелков». Некоторые мелкие букинисты так приспособились, что ежедневно до открытия конторы, от 8 до 10 утра, человек десять-пятнадцать ожидали выхода Колобова, и он ежедневно покупал

множество пачек. Разумеется, среди хлама попадались и ценные книги, но все же больше всего было именно хлама. Колобов так увлекался массовыми покупками, что после смерти букиниста Нарышкина купил всю его лавку, в которой, разумеется, было немало завали, набравшейся за десять лет. Наконец он завел библиотекаря, но тоже совершенно неопытного человека, по профессии почтальона. Но тот ему понравился; представитель Колобова стал ходить по магазинам и покупать книги, ничего в них не понимая. Увидев это, я заявил Колобову, что его представителю книг продавать не буду. Но многие продавали, даже входили в сделку с ним, опутывая Колобова, несмотря на всю его скупость.

Колобов построил специальное здание для библиотеки, очень хороший особнячок в два этажа, оборудовал отличными полками и мечтал привести книги в порядок. Но это так и не осуществилось.

Из московских библиофилов чаще всего посещал меня Алексей Петрович Бахрушин. Это был очень тучный, но довольно живой, жизнерадостный человек. Он, несмотря на свое большое состояние, очень любил поторговаться. Как-то он захотел приобрести у нас колоссальную и курьезную акварель в золотой раме, размером сажень на сажень, не помню ее содержания (кажется, изображалась русская история в миниатюрах, с многочисленными фигурами). Акварель эта производила впечатление колоссальной иконы. Мы оценили ее в 600 рублей. Бахрушин начал с 400, дошел до 500, каждый день заходил и торговался. Наконец он сказал:

— Да ты бы запросил и уступил, потешил бы покупателя, а то как в аптеке,— и наконец купил за 550 рублей.

Бахрушин собрал исключительную библиотеку. Книгу он любил искренне, написал даже книжку-дневник под названием «Кто что собирает», в которой дал очень меткие и остроумные характеристики наиболее известных московских собирателей. Книгу издал библиограф и книголюб Л. Э. Бухгейм очень хорошо, с портретами. Кроме написанной им книги Бахрушин издал в четырех частях каталог своих книг со снимками библиотеки и кабинета.

Бахрушин очень уважал книжников, в его собрании было более 300 портретов букинистов и собирателей книг, на многих фотографиях была биографическая справка.

Умер Бахрушин в 1904 году. Его библиотека по завещанию поступила в Исторический музей.

Зачастую посещал наш книжный магазин и родственник А. П. Бахрушина Алексей Александрович Бахрушин, собиравший книги исключительно по театру. В этой области он был почти единственным собирателем с таким широким размахом. Кроме книг, А. А. Бахрушин собирал и все материалы, относящиеся к театру, вплоть до афиш, костюмов, скульптуры и живописи. Еще при жизни он передал свой музей государству, продолжая пополнять его все время. После смерти А. А. Бахрушина в бывший отцовский музей поступил на службу его сын и немало поработал, продолжая дело отца и пополняя музей экспонатами.

В Москве много собирателей передали государству свои библиотеки и музеи: Третьяков, Солодовников, Бахрушин, Солдатенков, Цветков и, наконец, два брата Щукиных — имена достаточно известные.

Петр Иванович Щукин, с которым я больше всего имел дела, хотя лично с ним ни разу не



А. П. Бахрушин

встречался, собирал рукописи и автографы, миниатюры и предметы персидского искусства. Говорили, что его коллекция персидских вещей не уступала коллекции Вильгельма II.

Я продавал Щукину только письма, автографы и рукописи. Заглазно продавать рукописи было весьма трудно. Обычно я писал ему:

«Предлагаю к приобретению,— называю 5—10 наименований,— цена такая-то». Щукин отвечал почти всегда телеграфом: «Высылайте». И в течение десятка лет наших деловых отношений не бывало недоразумений. Может быть, и не всегда он был доволен покупкой, но зато к нему попадали такие редкости, которые покрывали все случайно попавшие малоценные вещи.

Как-то я приобрел архив военного историка А. В. Висковатова, известного автора и издателя исследования «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с древних времен». Архив был скучный, но в нем оказался один том формата писчей бумаги. В этом томе было переплетено около 500 листов архива, содержавшего различные государственные документы. Мне запомнилась одна тетрадь — инструкция генералу Суворову, отправляющемуся на Урал для ревизии горных заводов. Императрица Екатерина испещрила почти все страницы инструкции своими поправками, многое вычеркнула, указывая, что сделано это ею собственноручно.

Другой интересный архив, который я приобрел, принадлежал братьям Булгаковым. Булгаковы были почтдиректорами, один московским, другой петербургским, и славились как перлюстраторы.

Например, Александр I пишет Кутузову:

«Михаил Илларионович, на место Беннигсена следовало бы назначить генерала Чичагова,

мною весьма уважаемого, но, по-моему, он не подходит, поэтому назначьте Чичагова к себе. Дайте ему лестное назначение, а командиром на место Беннигсена назначьте такого-то, а это письмо уничтожьте».

Булгаков переписал в свою тетрадь это письмо, которое Кутузов, вероятно, уничтожил. Тетрадь содержала около 100 листов, в ней было, значит, не меньше 200 перлюстрированных писем.

В этом же архиве оказалась связка донесений некоего генерала Алексеева. В истории войны 1807—1812 годов этот генерал совершенно не упоминается, но, оказывается, в подготовке к войне он принимал деятельное участие. Среди этих донесений были обнаружены два наказа Александра I генералу Алексееву. В первом говорится, что он, генерал Алексеев, посылается в Польшу для обследования дорог на случай прохождения войска, если будет война с Наполеоном, и ему рекомендуется изыскать такие дороги, чтобы тяготы прохождения войска не так были обременительны населению. В другом наказе говорится:

«Генерал Алексеев, из того, что я вам пишу, вы видите, как я вам доверяю. Помимо рескрипта, данного мною вам об устройстве и выборе дорог, вы, главным образом, смотрите, какое имеют настроение поляки по отношению нас и французов, и дайте им понять, что мы все усилия приложим для их благоустройства, а также дайте понять, что чья возьмет — бог волен.

Но если они будут придерживаться французской ориентации, то разорены будут наверное.

В ваше распоряжение даются все военные и гражданские власти. Александр».

В архиве оказалось около 500 донесений генерала Алексеева на имя императора и на имя министра двора князя Волконского, ярко рисующие политическую атмосферу той эпохи.

В архиве братьев Булгаковых было очень много подлинных писем Аракчеева, Волконского и других. И этот ценнейший архив чуть не погиб.

В Петербурге жила 96-летняя старушка фрейлина Булгакова. Она принялась за уничтожение ненужных ей писем и стала их выбрасывать. Тряпичники случайно подобрали этот архив и сложили на своей бирже, в огромном сарае на Петроградской стороне. В этом сарае можно было купить разнообразнейшие товары, начиная от костей и тряпок до драгоценнейших инкунабул и рукописей.

Архив Булгаковых попал в этот сарай, а мои поставщики, которых я в свое время проинструктировал, принесли мне однажды около двух пудов исписанной бумаги. Не без волнения я спросил, во сколько они расценивают принесенное. Они попросили полтораста рублей и предложили купить еще старинный станок красного дерева для отжимания белья. От бельевого станка я отказался и послал их к антиквару и реставратору Сосновскому. Тот купил станок, оказавшийся печатным голландским станком, вывезенным Петром I из Голландии. У Сосновского этот станок купил граф Ферзен. Весь же архив Булгаковых в конечном итоге оказался в наших хранилищах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Букинист Шибанов. Библиотека Нащокина. Картавов. Малышев. Книгопродавец Мелин. Книжник и литератор Картыков. Ясинский. Архив Сидорова. Розыски по деревням. Архив Разумовских. Архив Меншикова

С Павлом Петровичем Шибановым я познакомился еще в 1904 году, когда только начинал самостоятельно вести книжную торговлю, и знакомство наше не прерывалось до конца жизни. В последние годы мы оба служили в «Международной книге»: он — в Москве, я — в Ленинграде.

Шибанов считался одним из лучших антикваров-букинистов в России. После смерти отца и брата он завел торговлю гражданской книгой и стал издавать каталоги. В этом деле ему помог очень опытный книжник А. М. Старицын. Первые три каталога вышли в восьмую долю листа, а остальные — в шестнадцатую, с иллюстрированной обложкой. Оборот каталога он украсил маркой — нога, пронзенная костылем, что должно было изображать ногу Василия Шибанова, якобы предка Шибановых. Из истории известно, что Иоанн Грозный в момент гнева пронзил ногу Шибанова острием костыля. Каталоги Шибанова издавались периодически (их вышло более двухсот). Издавались они весьма тщательно и изящно, соревнуясь с каталогами европейских фирм.

Благодаря этим каталогам Шибанов приобрел широкую известность. В них перечислялись лучшие книги, иногда уже проданные. Делалось это исключительно для рекламы. Некоторые каталоги были тематические: книги по расколу, по русской истории, иногда каталоги, целиком посвященные тем или иным приобретенным библиотекам. В 1912 году был издан каталог, посвященный 1812 году, в котором сообщалось, что книги из этого каталога продаются только всем собранием. Это было тоже характерно для Шибанова, понимавшего, как трудно составить полное собрание по тому или другому вопросу. Наиболее интересные книги Шибанов оставлял себе и таким образом собрал прекрасную библиотеку.

Несмотря на свой букинистический опыт, Шибанов, случалось, и ошибался в оценке книг. Был такой случай.

Когда ленинградскому отделению «Международной книги» была предложена для покупки библиотека, принадлежавшая прежде великому князю Константину Павловичу, пригласили Шибанова для оценки и сказали, что за библиотеку просят 30 тысяч. Шибанов посмотрел и заявил:

— Не стоит. Самое большое — заплатите 6 тысяч.

Однако библиотека была продана владелицей за 100 тысяч. Остатки этой библиотеки попали к букинисту Александровского рынка Ф. П. Наумову. Я купил у него «Описание Ярославской губернии», сочиненное в управлении губернатора и им подписанное, с двумя картами, сделанными от руки, с великолепными картушами, изображающими город Ярославль. Книга была переплетена в красный марокен и поднесена губернатором императору Павлу I.



П. П. Шибанов

Для магазина «Антиквариат», в котором я тогда работал, мною было куплено из этой библиотеки много превосходных изданий, например 38 листов архитектурных чертежей Царского Села, «Катальные горы в Царском Селе» и ряд уникальных книг.

В 1927 году Шибанов сделал в Москве доклад: «Дезидерата русского библиофила». Этот доклад имел колоссальный успех, прения заняли два вечера. Но, когда он прочел этот доклад в Ленинградском обществе библиофилов, я выступил с резким возражением.

— Мы, молодежь, во всяком случае, младшее поколение книжников,— сказал я,— не согласны с вами. То, что вы хотите купить, вы расцениваете баснословно дешево, а то, что хотите продать из залежавшегося у вас, оцениваете втридорога. Где вы купите за 5 рублей книгу 1730 года «Езда в Остров любви», когда даже второе издание стоит в пять раз дороже? Где вы купите «Путешествие» Радищева за 250 рублей, когда оно золотом стоило 500—600 рублей? Какому библиофилу вдруг потребовалась библия Скорины? Книги XVI и XVII веков у вас обозначены как дезидерата, но это не более чем ход, чтобы найти покупателей.

Следует, однако, сказать, что расценки были произведены Шибановым в интересах антикварного магазина «Международная книга», в котором он тогда работал. Брошюра, содержащая расценки, была выпущена в 1927 году «Международной книгой», и, справедливости ради, надо отметить, что в предисловии к ней Шибанов сам пишет, что список составлен для знатоков-библиографов в надежде получить от них поправки и дополнения. Впрочем, ведь и само понятие «редкая книга» весьма относительно; время вносит свои поправки в оценки, и то, что высоко

ценилось вчера, сегодня может ничего не стоить; но случается, что и недооцененная в свое время книга находит позднее признание и обретает истинную свою цену как действительная редкость.

В 1934 году собирались праздновать юбилей П. П. Шибанова.

«7/1—1934 г.

Дорогой Федор Григорьевич,

сегодня мне принесли на дом Ваше письмо; я заболел 8 декабря, все еще не выхожу из дому, завтра — месяц,— писал он мне.— Здоровье восстанавливаю медленно, главное, не проходит одышка. А между тем работы у меня уймища, хотя меня и дома не оставляют без работы, присылая сюда то корректуру, то карточки, то еще что, а теперь, когда должно увеличиться число выпускаемых каталогов до четырех, я прямо не вижу просвета. И, главное, ко всему этому мое нездоровье.

Касательно чествования дело обстоит так: задумала это дело Цекубу* по своей личной инициативе и потребовала автобиографию. Это было очень кстати, потому что все равно я намеревался хлопотать о персональной пенсии. Автобиографию я дал и больше ничего не знаю. Говорят, пишут мое житие на разных языках, с другой стороны, говорят — чествование будет в очень тесном кругу...

Чествование они собирались устроить в январе и ждут только моего выздоровления. К какой дате оно приурочено, я не знаю, говорят: «Вы у нас единственный!..»

---

* Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

Следует сказать, что Шибанов работал не за страх, а за совесть. Он прожил всю жизнь для книги и был первым книжником-антикваром в России. В советское время он много поработал в антиквариате «Международная книга», где им был выпущен ряд отличных каталогов. В 1925 году Государственное издательство выпустило его книжку «Антикварная книжная торговля в России».

Мне удалось случайно приобрести весьма ценную библиотеку друга Пушкина — П. В. Нащокина. Эта библиотека продавалась несколько лет (вероятно, просили дорого, а библиотека была изрядно потрепана). Я, еще молодой антиквар, об этой библиотеке ранее ничего не слыхал и сразу купил ее. Привезя в Петербург, я сообщил о своей покупке Л. И. Жевержееву, который был в то время усердным собирателем.

Жевержеев был сын купца, получивший большое наследство и не знавший, что с ним делать. Вначале он увлекался футуризмом — он поддерживал поэтов-футуристов, издавая их произведения, а потом увлекся театром: стал собирать костюмы, эскизы декораций. Собрал почти музей, а затем заинтересовался книгами. Известен выпущенный им каталог под названием «Опись моего собрания», том первый. Впоследствии, когда дела у Жевержеева пошатнулись, он начал распродавать свое собрание. Я купил у него много рисунков, гравюр и книг, но особо хороших книг было мало.

Библиотека Нащокина привлекла внимание Жевержеева, и он забрал ее у меня. Но на другой день он прислал все книги обратно. Его библиотекарь сообщил мне, что все издания у Жевержеева уже имеются. Я спорить не стал, но причина возврата меня удивила. Книги были прекрасные,.

большинство из них выпущено в XVIII столетии — преимущественно из библиотеки деда Нащокина.

Вскоре все разъяснилось: оказалось, Жевержеев услышал от Клочкова, что библиотека Нащокина продается много лет и оценена очень дорого. Он побоялся на этой покупке потерять, не понимая действительной ценности собрания.

Книжно-букинистическое дело до революции было у нас поставлено кустарно, люди культурные занимались этим делом редко; обычно книжники выходили из среды мальчиков — учеников книжных лавок, без всякого образования, можно сказать, полуграмотных. Образованных книжников было очень мало: П. П. Шибанов, Л. Ф. Мелин, Н. В. Соловьев, В. И. Клочков и П. А. Картавов.

Картавов имел пристрастие к собирательству с юных лет. Его отец был человек состоятельный, содержал увеселительные сады «Ливадия», «Аркадия» и другие, но Картавов после смерти отца ликвидировал дело и жил на капитал и доходы от прав на пьесы и оперетты, которые его отец покупал в собственность.

Собирательство Картавова было весьма разнообразным. Сначала он стал собирать все издания Вольтера и все, что напечатано о Вольтере в России, задумав издать книгу «Вольтер в России».

Кроме того, он собирал библиографию, и подбор справочников у него был великолепным.

Затем он решил издавать журнал «Весельчак». На этом он порядочно потерял и на некоторое время излечился от издательской мании. Картавов начал собирать почтовые марки и собрал их очень много, собирал экслибрисы и книжные ярлыки.

Однажды Картавов купил у макулатурщиков архив Соляной конторы, дела со времен Петра Великого до начала XIX столетия. Этот архив он разбирал в течение многих лет. В нем оказались замечательные материалы, и главным образом автографы. Это определило новую линию в собирательстве Картавова.

Половина прибылей от соли шла на расходы царского двора, поэтому документы о многих церемониях двора попали в архив Соляной конторы. Например, документы о расходах на похороны Петра I, расписки царевича Алексея Петровича, архитектора Растрелли, Разумовского и много других.

Между прочим, были обнаружены два письма М. В. Ломоносова, писавшего в соляные варницы, чтобы ему прислали сведения о количестве залегаемой в глубину и ширину соли. На первый запрос ему долго не отвечали, и Ломоносов в следующем письме повторил свою просьбу, сопроводив ее крепким ругательством.

Помимо ценных автографов Картавов собрал несколько комплектов бумажных водяных знаков, систематизировал их, и таким образом это явилось продолжением труда Н. П. Лихачева «Бумажные водяные знаки» (1899—1900). О бумажных знаках он выпустил небольшую книжку «Исторические сведения о гербовой бумаге в России», напечатанную только в 100 экземплярах.

Картавов когда-то приобрел архив Лисенкова, в котором были оригиналы первых литературных произведений Некрасова, Шевченко и ряда других писателей. Кое-что он попробовал издать, например два выпуска библиографических записок «Литературный архив» и три номера «Библиографических известий о редких книгах». Он



П. А. Картавов

издал также «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, но все издание было сожжено, попало в продажу лишь несколько экземпляров, так что, по существу, издание Картавова чуть ли не более редкое, чем первое издание.

В погоне за автографами Картавов не знал меры.

В начале революции на собрании, на котором выступал В. И. Ленин, в тот момент, когда Владимир Ильич закончил свою речь возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!», Картавов вбежал на сцену с открытым альбомом и попросил Владимира Ильича:

— Будьте добры, напишите мне последние слова Вашей речи.

И Ленин написал.

Под конец жизни Картавов поступил в Книжный фонд только для того, чтобы иметь возможность рыться каждый день в огромном количестве макулатуры. Там же он собрал единственную в СССР коллекцию обложек и громадное количество книжных ярлыков и экслибрисов. Собрание «Вольтер в России» он, когда уже стал слаб и часто прихварывал, продал при моем посредничестве в одно из хранилищ в Москве.

Одним из крупнейших собирателей книг и гравюр в начале XX века был директор Волжско-Камского банка Федор Степанович Малышев.

Малышев происходил из крестьян, в юные годы начал работать сельским писарем и познал воочию все нужды и беды крестьян. Он видел, как пьянство и кабаки губят крестьянство, и в своей волости собрал крестьян для того, чтобы они общим сходом вынесли решение закрыть кабаки.

В волости удельное ведомство ежегодно продавало с торгов известную часть казенных лесов.

Торги были фикцией, так как леса в удельном ведомстве скупали кулаки-лесопромышленники, а крестьяне работали у них за гроши. Малышев договорился с Нижегородским удельным ведомством, чтобы оно продавало лес волости, а там бы уже делили и раздавали участки крестьянам. Малышев настаивал также на уничтожении кабаков. Материальное положение крестьян в волости несколько улучшилось, но властям это не понравилось. Малышеву сообщили, что его хотят убрать и перевести в Сибирь.

Предупрежденный об этом друзьями, Малышев оставил волость и уехал в столицу. Там он поступил по рекомендации одного земляка в Волжско-Камский банк на должность уборщика: подавал чай, разносил по отделам бумаги, подметал пол, а в свободное время слушал лекции в Технологическом институте (позднее сделался вольнослушателем). Впоследствии Малышев был избран членом правления банка.

— Я хочу построить у себя на родине,— сказал он мне как-то,— большой дом, который пропитаю несгораемым составом и в котором помещу все мои гравюры и книги, чтобы местное население ими пользовалось.

Конечно, его собрание вряд ли было нужно тогда крестьянам, но говорил он об этом с юношеским пылом, хотя в то время ему было не менее 60 лет.

Кроме гравюр, Малышев собирал русские и зарубежные издания по истории революционного движения в России. Эта часть библиотеки была у него подобрана прекрасно.

После Октябрьской революции Малышев работал в Главбуме, и его проекты выделки бумаги были приняты во внимание. Несмотря

на преклонный возраст, он старался быть полезным делу строительства новой жизни, но стало сдавать зрение, и он почти ослеп.

Когда здоровье Малышева совсем пошатнулось, он решил распродать книги и вещи. Большая часть собрания была продана им при моем содействии книжному магазину «Антиквариат», в котором я тогда работал.

Собрание же гравюр Малышев продал через «Международную книгу» в один из музеев Харькова. Я помню трогательную картину: когда вывозили его папки с гравюрами, Федор Степанович, уже слепой, с горечью расставался со своими мечтами библиофила.

В молодые годы Малышев был связан с вятскими революционными деятелями, которые издали в 1877 году альманах «Вятская незабудка» и выпускали другие книги. Позднее в своем имении Малышев устроил тайную типографию для печатания прокламаций и листовок. Личность, как мы видим, незаурядная, с интересной судьбой.

Следует упомянуть и о другой весьма любопытной фигуре.

Я не знаю происхождения книгопродавца Льва Федоровича Мелина, но человек он был образованный. Став чиновником, он понял, что карьеры не сделает, так как для этого нужны деньги, связи и родовитость. Он стал приглядываться к торговому делу.

Больше всего ему понравилось книжное дело, которое для начала не требовало больших средств. Когда я двенадцатилетним мальчиком приехал в Петербург, Мелин открыл книжную лавку в доме Шереметьева по Литейному, 51. Начал торговать Мелин очень скромно, для по-

сылок и черных работ взял мальчика, К. Н. Николаева, ставшего впоследствии очень крупным букинистом в Москве.

Мелин сразу же выделился из среды других букинистов, стал подбирать хорошие и содержательные книги. Он обходил мелких книжников и выуживал у них все, что попадалось лучшего. Мелкие книжники хоть и ругали его за это «саранчой», но охотно продавали ему. Знание языков, а он говорил по-немецки, по-английски и по-французски, даже с блеском, тоже выделяло его среди других книжников.

Мелин завел у себя отдел новых иностранных книг. Побывав за границей, он стал выписывать оттуда в большом количестве дешевую беллетристику, которая часто продавалась по пониженной цене, причем он конкурировал даже с М. О. Вольфом и Мелье.

Мелин специализировался на литературе о театре и балете, особенно усердно подбирал книги о цирке и уличных представлениях. В этой области он не имел конкурентов, чем привлек к себе многих артистов и поклонников театра. Затем Мелин занялся подбором книг по оккультизму, издал несколько очень грамотных каталогов. Он разбогател, расширил дело и выжил букиниста Семенова из пристройки к шереметьевскому дому. Теперь на этом месте стоит огромное здание, занимаемое Ленкниготоргом.

Семенова он, разумеется, выжил, чтобы не иметь рядом конкурента, но и его вскоре постигла та же участь. Н. В. Соловьев занял соседнее помещение, отделал роскошный магазин, и Мелину пришлось переехать на Литейный, 60.

Здесь Мелин стал торговать больше для любителей, чем для широкой публики, и все же дела

у него шли неплохо. Но на него надвигалось несчастье — он стал слепнуть.

К началу революции он почти совсем потерял зрение, но все же заходил к книжникам, предлагая образовать книжный кооператив, книжную коммуну и пр. На Литейном и Невском часто можно было встретить фигуру высокого согбенного старика, в очень засаленной шубе и громадных ботах,— Мелина на этих улицах многие знали. После смерти одной дочери и ухода от него другой внешне он очень опустился, завел дома с десяток кошек, редко кого принимал. Все же не один клиент сохранил о нем добрую память и кое-чем его поддерживал. Когда Лев Федорович умер, то оказалось, что у него сохранились прекрасные книги, все тщательно завернутые в бумагу. Сохранился даже полный комплект «Исторического описания одежды и вооружения российских войск с древних времен». Книги купил магазин Ленкогиза, где работал И. С. Наумов, и перепродал их потом московской Книжной лавке писателей.

Другой книжник, Михаил Николаевич Картыков, был сыном вологодской кружевницы. Мать его, несмотря на вдовство, сумела дать образование двум своим сыновьям. Михаил Николаевич пристрастился к книгам и собрал изрядную библиотеку.

Я ежегодно ездил на родину через Вологду. В Вологде была обязательная пересадка, поезда приходилось ждать по десять часов, а случалось, почти сутки, и я пользовался случаем, чтобы побывать у местных антикваров и книжников. Каждый раз я много покупал у вологодского букиниста Мякишева: он-то и направил меня к Картыкову.

Домик Картыкова находился в районе Вознесенья, где сосредоточивался весь кружевной торг. Вся площадь, все переулки два или три раза в неделю наполнялись кружевницами, продающими кружева. Вологодские кружева славились на весь мир, это был один из главных промыслов крестьян губернии. Мать Михаила Николаевича слыла большим знатоком кружев.

Картыков оказался человеком очень искушенным в книгособирательстве. У него был отличный подбор книг по библиографии, каталоги всех столичных букинистов, прекрасно подобранный отдел этнографии. Он усердно занимался собиранием песен и других этнографических материалов.

В то время, когда я познакомился с Картыковым, он составлял англо-русский словарь, но эта его работа, как и многие другие начинания, не увидела света.

Картыков пробовал сам писать (он показывал мне целый ряд своих работ), но в Вологде печататься было негде—она была в то время большой деревней,—и я посоветовал Картыкову ехать в столицу, где легче всего испробовать свои литературные силы.

Вскоре Михаил Николаевич действительно перебрался в Петербург, но литературных успехов так и не добился. Надо, однако, отметить, что на основе собранных им этнографических материалов Картыков издал под псевдонимом «Багрин» небольшую книжку «Скоморошьи и бабьи песни».

Эта книжка произвела тогда большое впечатление и вызвала многочисленные отклики. И. А. Шляпкин напечатал о ней в «Новом времени» прекрасный отзыв. Никто только

не догадывался, что эти «скоморошьи и бабьи песни» были сочинены самим Картыковым.

С литературой дело все же не получилось, и Картыкову пришлось поступить чиновником в Государственное коннозаводство, где управляющим был в то время Карнаухов, совмещавший эту работу с управлением имениями известного богача князя Голицына, внука Суворова.

Голицын решил издать историю великого фельдмаршала и обратился к полковнику Козлову, женатому на внучке Суворова. Козлов взялся за эту работу.

Первый том «Истории Суворова» был напечатан весьма роскошно, но второй том написан не был, потому что Козлов, внешне несколько похожий на петербургского градоначальника Трепова, в 1905 году был случайно убит.

Карнаухов, узнав, что у него в канцелярии работает чиновником литератор, предложил Картыкову написать второй том «Истории Суворова». Картыков накупил целую библиотеку о великом полководце и написал второй том («Суворов», 1911), который был издан так же роскошно, как и первый.

Но военным историком Картыков не сделался. Оставив службу в коннозаводстве, он поступил к П. А. Картавову для ведения его книжных аукционов.

В начале Октябрьской революции Картыков опять появился в Вологде и выпустил солидную для того времени книгу «Русские песни», с предисловием профессора Н. К. Пиксанова.

Позднее М. Н. Картыков перебрался в Москву, где одно время заведовал книжным магазином Госиздата.

С Иеронимом Иеронимовичем Ясинским я был знаком много лет не только как с писателем, но и как с коллекционером редких книг, гравюр и особенно рисунков. У него было много вещей Шишкина, Федора Васильева и других. Когда он редактировал «Биржевые ведомости», то в день получки его поджидали десятки ходячих антикваров: кто за долгом, кто с товаром. У меня в лавке он также покупал всегда много книг. После получки уплатит долг, а книг наберет на еще бóльшую сумму.

Его домик с отдельным павильоном для гостей на Черной речке всегда был полон, там было оживленно и весело. Кроме того, и семья у Ясинского была большая.

Перед революцией я был на военной службе и долго не видел Ясинского; когда же в 1919 году мы повстречались с ним на Литейном, он жил уже без семьи в Доме Армии и Флота. Он повел меня к себе, и мы долго беседовали, вспоминая молодые годы. Комната у него была неуютная, нетопленая. Ясинский рассказал, что продал свой домик какому-то гражданину, который должен за это до самой смерти кормить его обедом раз в неделю. Я усомнился в практичности такой сделки, но Ясинский уверял, что это очень для него выгодно и удобно.

— И люди хорошие. Когда я приезжаю на неделе, так тоже кормят обедом...

У Ясинского был довольно большой литературный архив как личной переписки, так и приобретенных писем. Часть архива он подарил собирателю Э. П. Юргенсону, а часть купил я. Среди купленных мною писем было много интересных, литературных. Издавая свои журналы «Живописец», «Ежемесячные сочинения», «Беседа»,

«Провинция» и будучи ранее редактором и фельетонистом «Биржевых ведомостей» (писал под псевдонимом «Независимый»), Ясинский часто помогал молодым писателям; многие письма к нему были проникнуты благодарностью за его отзывчивость и помощь. Были в архиве и письма классиков: Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др.

Хорошо помню письмо Л. Н. Толстого времен Севастопольской обороны в редакцию журнала «Современник». В этом письме Толстой писал, что, перечитывая свои последние рассказы, почувствовал в них невольное подражание рассказам И. С. Тургенева и что он хочет просить у Тургенева разрешения посвятить ему один из рассказов. Как известно, в «Современнике» был помещен рассказ Толстого «Рубка леса (Рассказ юнкера)» с посвящением Тургеневу.

Значительный интерес представляли письма А. М. Горького. В частности, было письмо Горького к И. Ясинскому по поводу известного инцидента, когда Горький потребовал у издателя одного из журналов, чтобы вычеркнули его имя из списка сотрудников. Дело в том, что журнал этот объявил конкурс на лучший роман и жюри присудило премию И. Ясинскому, представившему роман под псевдонимом. Когда был объявлен результат конкурса и издатель уведомил читателей, что премия присуждена Ясинскому и его роман будет печататься в журнале, Горький заявил издателю, что печататься с Ясинским он не может. Это было связано с напечатанным в свое время романом Ясинского «Первое марта», вызвавшим возмущение демократических кругов.

Ясинский был писатель не без способностей, но недостаточно принципиален, твердой линии поведения у него не было, и Горький с прямотой

заявил ему в письме, что не считает для себя удобным печататься в одном издании с ним.

В 1905 году Ясинский очень меня уговаривал издавать газету. Я категорически отказался. Он начал меня убеждать, доказывая, что расходы на издание самые пустяшные, сотрудников не нужно ни одного — он заменит всех сотрудников. Газета будет вечерняя, под названием «Революция». На первой странице будет помещаться роман — он уже написан, а на трех следующих страницах — выдержки из утренних газет, которые он же обязуется вырезать. Он ручался, что газета будет интересная и себя оправдает. Каково же будет направление газеты и какую она займет политическую линию, его нисколько не волновало.

Позднее я убедился, что Ясинский во всех своих коммерческих расчетах был наивен и всегда ошибался. Все его журнальные начинания были также непрактичны.

В начале революции мне сообщили, что по соседству с дачей Ясинского продаются рисунки и картины. Продавал совершенно не известный мне человек. По многим приметам я узнал, что это вещи из коллекции Ясинского, в которой находился, между прочим, весьма любопытный портрет Петра I на дереве. Портрет этот был написан очень неплохо, я полагаю, что прижизненный.

Я ничего не купил, чуя недоброе. Позднее оказалось, что новому владельцу дачи Ясинского надоело кормить его по воскресеньям, он затеял с Иеронимом Иеронимовичем ссору и не только не стал кормить его обедами, но выгнал из мезонина и выбросил все его вещи.

Последний раз я посетил Ясинского, когда он жил на Невском в Доме книги. Здесь он писал свою последнюю книгу «Роман моей жиз-

ни», автобиографическую повесть. Он был уже очень стар.

Когда я уходил, Ясинский сказал, что коллекционер от коллекционера не должен уходить с пустыми руками, но он сейчас так беден, что ему нечего дарить, а поэтому просил взять на память хоть фотографии. Он дал мне пять своих фотографий, которые я храню до сих пор. У меня была еще одна его фотография с такой надписью: «Легко меня порвать, но трудно со мной порвать». Ее я передал дочери Ясинского Татьяне Иеронимовне.

В связи с воспоминаниями о Ясинском всплыло кое-что из далекого прошлого.

В благовещенье 1905 года у меня собралось несколько друзей. Мы благодушно распивали чай, когда пришел Карп Парамонович, ходячий книжник, и сказал мне:

— Иди по адресу. Продаются гравюры и рисунки.

— Что ты, Парамонович,— воскликнул я, имея в виду праздничный день,— ведь сегодня «птица гнезда не вьет».

— Иди, ты купишь,— настаивал пришедший.

Товарищи посоветовали пойти. Карп Парамонович добавил, что владелица торговцам не продает и надо отрекомендоваться художником или любителем, потому что она обожглась на каком-то торговце Крислипе.

Я знал этого старика Крислипа. Его считали мошенником, но все тузы-собиратели и аристократы принимали его, потому что он умел доставать замечательные вещи. Попав к этой даме, к которой меня сейчас направляли, Крислип, очевидно, обманул и ее.

Дама оказалась дочерью знаменитого в 30—

60-х годах натурщика Тараса Михайлова, с которого писали Брюллов, Бруни, Басин и все выдающиеся художники — его современники; сам же Михайлов подбирал и хранил всякие этюды и пробные отпечатки гравюр. Кроме того, многие известные художники дарили ему гравюры с надписями, и у него собралось таких гравюр и этюдов целые сундуки.

Первый вопрос старушки был:

— Вы художник?

— Нет, я не художник, а любитель и немного рисую.

Я купил очень много этюдов и гравюр. Эта покупка, можно сказать, обогатила меня. Но и до сих пор я раскаиваюсь, что из этой коллекции продал больше торговцам, чем любителям.

Много гравюр попало к А. Пальчикову, собиравшему рисунки и гравюры. Он, между прочим, издал «Альбом русских народных песен», им собранных и переложенных на музыку. Издал он также альбом «Перечень печатных листов И. И. Шишкина», причем офорт и многие фототипии были напечатаны на шелку.

В 1905—1906 годах выходило множество юмористических журналов. Выйдет два-три номера — и журнал запрещают. Архивы этих недолговечных журналов, остававшиеся бóльшей частью в типографиях, периодически вместе с макулатурой продавали на бумажные фабрики, а там мои агенты выбирали писаное и приносили мне. Я покупал у них и худое и хорошее, а потом разбирал.

Так мною был приобретен архив журнала «Живописное обозрение». Тут было множество оригиналов рукописей как напечатанных, так и не принятых, но оставшихся в редакции, громадное

количество рисунков, между которыми попадалось немало рисунков известных художников, в частности Айвазовского.

Этот архив я целиком продал А. Е. Бурцеву.

Как-то совершенно случайно я приобрел две чрезвычайно редкие фотооткрытки. На одной из них был изображен А. М. Горький с М. Ф. Андреевой, на второй — Л. Н. Андреев со своей первой женой. По всему было видно, что фотооткрытки эти были изготовлены каким-то досужим коммерсантом из обычных снимков и пущены в продажу без согласия снявшихся. Даже подписи на них искажали фактическое положение вещей. Одна из открыток имела подпись «Горький с женой Андреева», хотя М. Ф. Андреева всего лишь однофамилица писателя. Подпись на другой открытке также тенденциозна: «Андреев с женой Горького». Снимки сделаны были одновременно, о чем говорит и окружающая обстановка и даже позы сфотографировавшихся. Как известно, А. М. Горький и Л. Н. Андреев в свое время были весьма дружны, и коммерсант рассчитывал, что у части публики подобного рода фотооткрытки вызовут особый интерес.

Однажды министерство внутренних дел опубликовало извещение о продаже с торгов старых архивных дел.

Начались торги. Купил один «картузник», кажется, по 3 рубля за пуд. Я и С. Н. Котов тут же сговорились с этим «картузником», что купим у него не менее 60 пудов по 100 рублей за пуд. Бумажник свез всю макулатуру, около 330 пудов, к себе в сарай, где мы с Котовым пересмотрели и выбрали 60 пудов. Мы обнаружили немало любопытных материалов, которые разобрали по содержанию, потом разделили на две равные части и по жребию, кому какая достанется, поделили.

Мне досталась, между прочим, кипа весом около 10 фунтов по сектантству эпохи Александра I. Эти очень интересные документы у меня купил один из чиновников того же министерства, но при этом заявил в министерство, что на рынке продаются ценные материалы архива.

Ко мне пришел начальник архива, какой-то штатский генерал, и начал мне угрожать тем, что отберет у меня архив, что я не имею права торговать архивными делами и пр.

Через несколько дней меня вызвали в сыскное отделение. Начальник сыскного отделения спросил меня:

— Как попали к вам архивные дела?

Я подробно рассказал ему о продаже министерством с торгов старых архивных дел и о том, что из 300 пудов старых дел мы выбрали те, которые имели историческое значение.

Тогда начальник изменил тон и стал ругать чиновников, которые по невежеству продали ценные документы.

После посещения начальника сыскного отделения ко мне опять пришел начальник архива и уже униженно просил продать ему некоторые дела.

Среди купленных бумаг было около пяти пудов дел о Сибири, около пуда — дел по санкт-петербургскому ополчению в войну 1812 года, дела о польском восстании и другие. Вот какие ценности списывали в макулатуру невежды из министерства внутренних дел!

В 1907 году мною был куплен архив А. С. Сидорова, известного общественного деятеля на Севере. Сидоров был сын архангельского торговца. Получив среднее образование, а затем личное дворянство и прослужив некоторое время у золотопромышленника Базилевского, он подал

заявки на золотоносные прииски, сделался сам золотопромышленником и разбогател.

Сидоров открыл на свои средства много школ и подал правительству проект об образовании в Сибири университета. Он предлагал губернатору Восточной Сибири Муравьеву 25 приисков и крупную сумму денег на осуществление своего проекта, но Муравьев отклонил его предложение.

Тогда Сидоров обратился к губернатору Западной Сибири Дюгамелю с таким же предложением. Дюгамель запросил министерство народного просвещения, которое отказалось от предложения из-за того, что Сидоров «подлого» происхождения.

Много раз Сидоров подавал докладные записки о том, что кораблям надо отправляться в океан через Белое море.

Он давал средства Географическому обществу на организацию экспедиции на Север для поисков путей в океан через сибирские реки и для устройства тоннеля сквозь Уральские горы.

Все материалы и проекты оказались в этом архиве. Внуки Сидорова выбросили архив из сарая на даче в Озерках, а дворник продал его тряпичникам, от которых он и попал ко мне. Я разобрал архив и предложил его Публичной библиотеке.

Бывший в то время директором Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко изъявил желание приобрести архив, но с оговоркой, что платить дорого за такие архивы он не может.

Мы порешили на 500 рублях. Но тут неожиданно заявился известный в свою пору экономист и публицист П. Б. Струве, ставший впоследствии белоэмигрантом. Увидев бумаги архива, он поинтересовался, как они попали ко мне. На мое разъяснение он ответил:



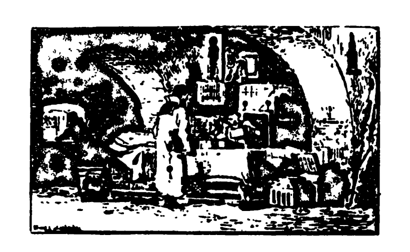
Экслибрис Ф. Г. Шилова

— Сидоровы мои родственники. Это люди состоятельные, и я удивляюсь, что они так относятся к архиву их энергичного и знаменитого в Сибири предка.

Через несколько дней ко мне зашла одна дама, которая объяснила, что архив продан дворником по недоразумению, что они сожалеют об этом и готовы его купить, так как среди бумаг могут оказаться компрометирующие семью документы, которые они желали бы уничтожить.

Я отказался продать даме архив, считая, что среди бумаг много полезных и в будущем очень нужных документов, материалов и проектов.

Тогда она дала мне слово, что просмотрит все бумаги, изымет чисто семейные материалы, а остальное обязуется сдать в государственное учреждение по моему указанию.



Антикварная Книжная Торговля

Ѳ. ШИЛОВА.

ПЕТРОГРАДЪ

Литейный проспектъ, домъ Маріинской больницы. № 56

Телефонъ № 133-30.

Каталогъ № 27.

АВТОГРАФЫ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ И РУКОПИСИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Каталог № 27.
Обложка

Примерно через год зашел ко мне некто Шидловский и спросил, не знаю ли я, где находится архив Сидорова.

— Не только знаю, но и имею право архивом распоряжаться,— ответил я.

Я направил его к владелице архива с письмом, в котором просил передать архив в Академию наук. Сразу же после Октябрьской революции Шидловский приступил к работе по описи и исследованию этого архива.

В эти же годы мною был куплен архив главной конторы графа Строганова. Архив этот приобрел П. Б. Струве и по его материалам написал двухтомную работу «Хозяйство и цена» (1913—1916). В архиве Строганова были представлены подробные сведения о ведении хозяйства в больших поместьях в 30—50-х годах XIX столетия.

Из книгопродавцев, пожалуй, я один серьезно занимался рукописями и автографами. В 1915 году я даже выпустил (под № 27) каталог автографов, писем, документов и рукописей, собственно, единственный в России.

Дела мои шли удачно, и я позволял себе каждое лето ездить месяца на два в деревню, куда уже с весны отправлял жену с детьми.До моего приезда жена обычно жила у своих родителей в Данилове, а когда я приезжал, мы отправлялись в деревню Мишутино, где у нас было небольшое крестьянское хозяйство, довольно приличный дом в пять небольших комнат, снаружи обитый тесом, внутри оштукатуренный и оклеенный обоями. Около дома с трех сторон садик, насаженный еще в детстве мной и моим братом. Я с головой окунался в интересы стариков и деревенской жизни: косил, молотил.

Когда я ехал за женой в Данилов, то проездом на день останавливался в Ярославле и непремен-

но покупал что-нибудь у местных букинистов и антикваров.

Однажды я купил на базаре связку рукописей. Это оказались произведения одного крепостного поэта, принадлежавшего помещику Власьеву. Все стихи и поэмы были подписаны: «Натуральный поэт Иван Розов в славной и знатной усадьбе Василево».

Усадьба эта, в прошлом действительно обширная и богатая, в мое время была уже разрушена. Главное здание, построенное по образцу Михайловского дворца, было обнесено с одной стороны высокой стеной, с другой — широким рвом.

Власьев был небогатым помещиком, но в екатерининское время один из Власьевых оказал двору какую-то услугу, за что и был награжден поместьями и деньгами.

Усадьба Василево выделялась среди других власьевских имений. В последние годы она принадлежала некиим Шевичам, которые, как рассказывали наши крестьяне, до того обеднели, что занимали хлеб у крестьян. Наконец они уехали в Петербург, где у них были какие-то родственники, оставив усадьбу на попечение небогатого помещика Матвеева. Тот стал приводить имение в порядок и обнаружил необычайное количество разных ценных вещей.

Если бы Шевичи внимательно относились к своему имуществу, они могли бы прожить безбедно: в подвалах оказались бочки старинных вин, запасы всевозможного дерева для дорогой мебели, старинный фарфор, картины и пр.

Часть вещей Матвеев продал, часть вывез, усадьба осталась заброшенной. Оставшиеся вещи понемногу растаскивали арендовавшие землю

крестьяне. Через много лет и я купил в этой деревне ценные вещи.

Так, я приобрел у матери нашего священника картину Пимена Орлова «Мальчик с обручем». Старуха покрывала этой картиной крынки с молоком, а теперь эта картина занимает почетное место в Русском музее. Пимен Орлов, один из лучших учеников Брюллова, умер очень молодым, и его вещи чрезвычайно редки.

В нашей деревне я купил у крестьянина полдюжины золоченых бокалов и очень редкую фарфоровую фигурку «Казанская татарка». О ценности этой фигурки я узнал, когда приехал в Петербург. Как-то ко мне зашел А. М. Долгорукий, крупный придворный.

— Ну, что привез, Шилов, из деревни? — спросил он меня.

— Ничего особенного, вот только фигурку императорского завода, да и то битую.

— Битых не покупаю.

— «Казанская татарка».

Долгорукий заинтересовался фигуркой и рассказал мне ее историю.

Она была сделана по заказу Екатерины II и должна была изображать ее портрет в костюме татарки с Андреевской звездой (Екатерина II по случаю поимки Пугачева записалась в казанские дворяне).

Вот какие редкие и интересные вещи удавалось иногда найти там, где их никак не ожидаешь!

Совершенно случайно я купил у тряпичников архив Потехина, не писателя, а его брата — юриста Павла Антиповича, который в 70-х годах вел ряд политических дел, в том числе дела нечаевцев.

В материалах архива обнаружилось много

любопытного. Например, песни, которые распевали нечаевцы. Одну из них я частично запомнил:

Все устарелое уничтожим,
Города мы их сожжем
И жизнь новую начнем...

Потехин был юрисконсультом княгини Голицыной, владелицы небезызвестного имения Карабиха, впоследствии приобретенного поэтом Н. А. Некрасовым. В архиве Потехина я обнаружил копии переписки о приобретении братьями Некрасовыми этого имения. Среди бумаг имения было курьезное письмо одного крестьянина княгине.

«Ваше сиятельство, я, крестьянин вашего села Карабихи, жил в Петербурге много лет, нажил некоторое состояние и на склоне лет по зову моих родственников решил вернуться на родину, где построил хороший дом и, не привыкнув жить без дела, решил открыть постоялый двор, но управляющий вашего сиятельства господин Строганов запретил мне торговать крепкими напитками, а на другом конце села г. Некрасов торгует».

Некрасов Федор Алексеевич — брат поэта Николая Алексеевича — был владельцем водочного завода.

Сын Ф. А. Некрасова, Константин Федорович, был впоследствии известным издателем. Он издал много описаний ярославских церквей, завел в Ярославле отличную типографию, издавал журнал «София». В его же издательстве под редакцией Александра Блока вышло собрание стихотворений Аполлона Григорьева и два тома стихотворений Каролины Павловой под редакцией Валерия Брюсова.

Однажды мой приятель М. М. Сизов предложил мне поехать с ним в Боровичский уезд Нов-

городской губернии, уверяя, что продается библиотека Суворова.

Приехав в Боровичи, мы взяли тройку и поехали в усадьбу, но не в Кончанское, место ссылки Суворова, а к какому-то помещику Титову. Там действительно оказалась библиотека Суворова, только не генералиссимуса, а петербургского губернатора, внука знаменитого Суворова.

Сизов предложил поехать заодно еще в несколько мест, где у него были знакомые. Мы поехали в усадьбу графов Кушелевых. Священник кушелевской церкви показал нам барельеф, вделанный в заднюю стену церкви около могилы Александра Павловича Кушелева, крестника Екатерины II. Барельеф работы Шубина, подписной, великолепно исполненный, изображал Екатерину II. Я попросил священника продать барельеф.

Священник согласился продать, тем более что для ремонта церкви ему были очень нужны деньги, но без разрешения архиерея идти на эту сделку не решался.

— Свезу,— говорил он,— ему старинные царские врата. Надеюсь, он согласится, тем более что врезано не церковное, а портрет царицы.

Почти безрезультатно разъезжали мы на тройке еще дня три и уже собрались домой, но Сизов решил заехать еще к одному священнику.

Священник не очень охотно, но все же велел поставить самовар. Разговорились, рассказали, что мы собираем старинные вещи.

Священник сообщил нам, что в его церкви ничего нет, а в другом приходе есть древняя церковь. Сизов все же попросил батюшку показать его церковь. Тот согласился, и, пока самовар закипал, мы направились туда. Как только вошли в церковь, Сизов пошел в алтарь, где была

ризница, и начал рыться в ризах. Ожидая его, я поинтересовался книгами на клиросе, многие из них оказались дониконовские; среди книг были и возглашения. Я отложил запрещенные возглашения Иоанна Антоновича и Константина Павловича (первый, числящийся царем только номинально, был убит при Елизавете, а второй отрекся от престола). Сизов вышел из алтаря, захватив три ризы, и спросил: сколько за них заплатить?

— Не знаю,— сказал священник.

— Я могу вам дать 15 рублей,— предложил Сизов.

Священник согласился.

Тогда спросил и я, не продаст ли он мне книги.

— Да возьмите.

Я заплатил 25 рублей, и священник был очень доволен.

После чаепития мы поехали в старую церковь соседнего прихода. Там Сизов опять пошел в алтарь, а я забрался на колокольню. Церковь была старинная, деревянная, на колокольне висело несколько колоколов, на одном значилось: «Anno Domine. 1601». Когда я спустился, Сизов клал уже что-то в мешок.

После того, как мы отъехали на некоторое расстояние, Сизов вынул из мешка водосвятную чашу и две лампады. Чаша была великолепна. По борту ее шла надпись славянской вязью: «Сию водоосвященную чашу я, Мина Хомутов, положил в дом священномученика Димитрия Солунского бежецкой пятины, Белозерской половины, Устьрецкий погост. Одна половина моя, другая казенных, лета 1670».

Чашу я продал музею Штиглица, а в настоящее время она занимает почетное место в Эрмитаже, в отделе русских древностей.

С Сизовым я познакомился в свое время в Да-

нилове, где он занимался скупкой старинных вещей в церквах и усадьбах. У нас богатых усадеб не было, а были разорившиеся помещики, готовые продать что угодно. Но церкви были старинные, и в них часто попадались чудесные старые люстры, жалованные прежде помещиками. Вот на эти люстры Сизов и обратил внимание. Он выписывал от Оловянишникова новые паникадила рублей по 60 за штуку и предлагал их попам, добавляя еще 50 рублей деньгами, и попы охотно расставались с изумительными люстрами.

Таким образом из Ярославской, Вологодской и смежных губерний Сизов вывез сотни люстр, а они ценились от 200 до 1000 рублей, смотря по роскоши и сохранности.

Однажды Сизов купил за 100 рублей икону. Она оказалась в золотом окладе, и он ее продал за 30 тысяч рублей. Купил он раз в одной из церквей царские врата и несколько икон, которые оказались очень старинными. Царские врата он продал через кого-то Николаю II для Федоровского собора в Царском Селе, заработав на них и иконах очень крупно.

Я упоминаю об этих случаях для характеристики нравов приобретателей и для характеристики невежества тех, кто являлся хранителем сокровищ.

По моему совету Сизов ездил на Украину в имение графов Разумовских. Оттуда он привез из Батуринского дворца и церкви, построенных Разумовским, золоченую мебель, необычайных размеров диваны, подзеркальники и другие вещи, а для меня привез архив графов Разумовских, переписку и другие бумаги.

Разумовские, как известно, обладали огромными имениями и всевозможными богатствами. В начале прошлого столетия последний из

Разумовских поселился в Вене, женился на дочери банкира или какого-то очень богатого коммерсанта, который выдал дочь за него из-за титула.

Княгиня Васильчикова, секретарь Разумовского, заверила меня, что Разумовский уплатит мне за архив большие деньги, но Г. К. Лукомский, которому я дал опубликовать из этого архива некоторые письма (напечатаны в «Старых годах»), не порекомендовал мне везти архив за границу, и я продал его в Публичную библиотеку.

Я глубоко удовлетворен тем, что интересный архив остался в России.

Из поездок в провинцию мне вспоминается поездка в Калязинский уезд Тверской губернии. Есть недалеко от Кашина г. Калязин, совсем захудалый в ту пору, а вблизи от него находилась небольшая запущенная усадьба Ушаковых.

Барский дом, построенный в начале XIX века, стоял на берегу Волги, в этом плёсе не очень широкой. У одного из владельцев усадьбы, Н. В. Ушакова, было две дочери, которым Пушкин посвятил стихотворения, а за одной серьезно ухаживал.

Библиотека сохранилась с пушкинских времен, но книги были мало примечательны. Я купил лишь несколько первых изданий Пушкина и подорожную цесаревича Константина Павловича.

В Бежецке по предложению одного из провинциальных антикваров я приобрел библиотеку довольно интересную не столько по содержанию, сколько по записям, которые были на книгах, особенно старинных.

Надписи начинались с петровского времени и продолжались до 60-х годов XIX столетия.

Например: «Сию книгу купил в Ростове на ярмарке. Бежецкий мещанин Иван Ревякин, а заплатил 20 алтын в 1717 году».

Дальше идет: «Купеческий сын Михайло Ревякин купил сию книгу в г. Кинешма и дал за нее одну полтину в 1740 г.»

Эти записи продолжались до тех пор, пока один из Ревякиных стал городским головой г. Бежецка, и, наконец, один из Ревякиных пишет на книге: «Принадлежит дворянину Матвею Ревякину».

Надписи кончались примерно на 1875 году.

Дворяне Ревякины книг не покупали!

Когда по приглашению разъездного антиквара я пришел в дом дворян Ревякиных, то книги лежали в сарае на полу. Я их купил и привез в Петербург. Этим собранием я привел в умиление историка Н. П. Лихачева, который, веря в наследственную любовь к книгам, приобрел почти всю библиотеку Ревякиных.

Лихачев — о нем я уже упоминал раньше — даже генеалогию своего рода связывал с историей библиотеки Лихачевых. На эту тему он написал книгу «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки». В ней Лихачев, приводя записи на книгах, доказывает, что из поколения в поколение Лихачевы покупали, собирали и дарили книги в монастыри и церкви.

Усадьба одного из Лихачевых была в Пошехонском уезде. Мне говорили, что там блестящая библиотека, и я решил ее осмотреть. Библиотека занимала две обширные комнаты и была в отличном состоянии. Ею ведала интеллигентная старушка, которая следила за порядком и сохранностью библиотеки.

Книги в большинстве были издания 30—40-х годов XIX столетия. В библиотеке были собраны

почти все первые издания Пушкина, Языкова, Жуковского и много других книг. Мне показали зал, который был сплошь обит металлическими гербами рода Лихачевых; в собрании гравюр было много английских в красках.

Сам владелец усадьбы жил в Воронеже. Позднее я завел с ним переписку, и он выписывал у меня книги по каталогу.

В начале революции библиотека Лихачевых поступила в одно из ярославских хранилищ, не потерпев урона.

Одной из лучших и капитальных моих покупок было приобретение библиотеки полковника Богуславского в Риге.

Антиквар Габихт предложил мне поехать с ним в Ригу, поставив при этом условие, чтобы я не мешал ему покупать вещи, а он не будет вмешиваться в мои книжные покупки.

И вот мы приехали в Ригу к полковнику Богуславскому.

Началось с того, что после общего обзора продающихся вещей Габихт спросил о цене миниатюр.

Богуславский ответил, что оценивает их по 25 рублей.

— Это дешево, я вам заплачу по 40, даже по 50 рублей,— сказал Габихт.

Богуславский был приятно удивлен, и Габихт сразу же расположил его к себе. Потом за гравюры полковник запросил по 40 рублей, а Габихт дал по 60. Так расценивал хитрый антиквар все мелочи. Но когда перешли к крупным вещам, то за два екатерининских кресла, которые Богуславский ценил по 250 рублей за каждое, Габихт предложил по 150. Так, незаметно для себя, полковник скинул на крупных вещах две-три тысячи

рублей, не подозревая, что Габихт купил все очень дешево.

Потом дошла очередь до меня, и мы с Богуславским приступили к оценке книг. Книги были превосходные, почти всё — издания XVI века на французском языке. Богуславский сам их собрал и знал им цену. По правде сказать, подобные собрания были действительно редки. Какие-то обстоятельства заставляли Богуславского спешно покинуть Ригу, и только потому он и расставался с книгами. Он даже не успел наклеить на них гербовый, в красках с золотом, экслибрис.

За книги я предложил 4500 рублей. Он, правда, уступил их за эту цену, но, видимо, остался недоволен. Это было можно понять по тому, что Габихта позвали к обеду, а меня нет, видимо, считая меня торгашом, хотя я оценил книги очень честно.

Когда я привез библиотеку в Петербург, то первым делом наклеил на все книги экслибрисы (Богуславский мне их отдал), и сейчас время от времени книги с экслибрисами Богуславского встречаются в букинистических лавках.

Кстати, о Габихте и его проделках. В юности он служил лакеем, а затем поваром у князя Долгорукого. Долгорукий был холост, много путешествовал и брал с собой Габихта. Будучи прекрасным поваром, Габихт приобрел в аристократическом кругу связи и знакомства, которые потом ему очень пригодились.

С разрешения князя он сделался «антикваром», то есть доставлял знатным лицам те или иные старинные вещи, а потом открыл магазин на Каменноостровском проспекте.

Как-то, будучи в Москве, он купил у букиниста Зверева довольно большой архив А. С. Мен-

шикова — командующего войсками в Крыму до февраля 1855 года. В этом архиве оказались бумаги и более старинные, чуть ли не самого Александра Даниловича Меншикова.

Габихт купил весь архив за 500 рублей — в те времена архивные бумаги не ценились, частных любителей было мало. Но Габихт сумел продать архив не то за 20, не то за 30 тысяч рублей. У него был приятель, управляющий графа Орлова-Давыдова. Габихт привез архив к нему, декоративно разложил бумаги и, пользуясь знакомствами, попросил одного из друзей Долгорукого предложить Николаю II при случае взглянуть на архив.

Такой случай подоспел. Николай II был на каком-то полковом празднике. Знакомый Габихта доложил Николаю II об архиве, и тот наложил резолюцию купить его для Морского архива. Была назначена комиссия, которая после сытного, тонкого обеда, устроенного Габихтом, покупку одобрила.

Однажды мне привезли из провинции небольшой архив. В нем оказались письма презираемого Пушкиным Фаддея Булгарина к своему приятелю, некоему Ушакову.

«Дорогой друг,— писал в одном письме Булгарин,— я приехал благополучно. Вчера был на балу, познакомился с А. С. Пушкиным. Москва его избаловала, он много со мной говорил, я произвел на него прекрасное впечатление, он, кажется, меня полюбил...».

Как известно, Пушкин не очень-то полюбил Булгарина!

С провинцией вообще связано для меня немало памятных случаев. Например, в 1909 году я поехал в Вильно. Заходил в несколько книжных лавочек, где торговали преимущественно учебниками. На мой вопрос, нет ли чего старинного,

предлагали или какой-нибудь учебник 70-х годов, или затрепанный роман.

В одном магазине продавец, желая все же что-нибудь продать, принес из кладовой четыре тома «Угро-русских песен» Головацкого. Я книги купил. В другом магазине повторилась та же история: после предложенного всяческого хлама мне принесли Головацкого. Так в разных местах я купил 5 экземпляров.

Наконец, я добрался до одного крупного букиниста, которого встречал в Петербурге. Я с изумлением рассказал ему, что у всех букинистов оказались почему-то книги Головацкого, и он признался, что торговцы брали эти книги у него; кроме того, у него осталось еще около 50 экземпляров. Я их все забрал, потому что в Петербурге они были большой редкостью и за невысокую цену я мог осчастливить моих покупателей.

Вспоминая свои покупки в провинции, я не могу не упомянуть о поездке в усадьбу Фирлей-Канарской, к которой меня направил вологодский книжник Мякишев. Это была помещица-старушка, во многом напоминавшая гоголевскую Коробочку. Да и весь разговор с ней очень напоминал беседу Чичикова с Коробочкой.

— Так вы покупщик?—спросила она.— Что же вы покупаете? Есть у меня мед и маринады своего изготовления. Могу немного уступить.

Когда я сказал ей о цели своего приезда, она сначала усомнилась, кому может быть нужен такой товар, но потом охотно показала мне все, что у нее было.

Я купил у нее рукописное описание Грязовецкого уезда, очень подробное и обстоятельное—с чертежами, планами и пр.,—и весь семейный архив.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Книголюбы. Рейтерн. Библиотека Обольянинова. Магазин Достоевского. Братья Успенские. Библиотека Лихачева. Библиотека Щеголева. Автографы Пушкина. Архив Военского. Борьба книготорговцев с букинистами. Типы собирателей

Возвращаясь к библиофилам и книголюбам, я прежде всего должен рассказать о В. И. Яковлеве.

Это был тихий, скромный человек, служивший в Купеческой управе. Его большая квартира на Невском была вся завалена книгами, рисунками, гравюрами и всевозможными редкостями.

В 80-х годах Яковлев был владельцем издательства и занимался книжной торговлей. Им было выпущено в серии «Русская книжная торговля» много книг, среди которых была и «Сказка о бочке» Свифта. Книга эта по решению цензурного комитета подлежала уничтожению, и у Яковлева сохранился лишь единственный ее экземпляр. В его библиотеке был отдел запрещенных и сожженных книг, который позднее поступил в Библиотеку Академии наук. Основная часть библиотеки Яковлева состояла из книг XVIII — начала XIX века и была в отличном состоянии. Я не помню всех редкостей, но не могу забыть альбом карикатур на Наполеона, собранный

в начале XIX века нашим послом в Лондоне графом Воронцовым и купленный Яковлевым у В. И. Клочкова из воронцовской библиотеки. Карикатуры были наклеены на бумагу и переплетены в зеленый марокен.

Частым посетителем моей лавки был В. А. Верещагин, собиравший русские иллюстрированные издания. С букинистами он держался высокомерно, считал себя большим знатоком. На основе своего собрания и случайно полученных сведений он составил книгу о руских иллюстрированных изданиях. Несмотря на множество ошибок и пробелов, книга была встречена критикой одобрительно.

В эту пору начал собирать иллюстрированные издания и Н. К. Синягин. Верещагин продал ему всю свою библиотеку за 7 тысяч рублей. Цена была по тому времени небывалая, но, по существу, Синягин поступил правильно — он сразу заложил фундамент для своей, в будущем замечательной, библиотеки.

Верещагин хоть и держался важно (он имел звание камергера), но всегда был без денег, так как жалованья ему не хватало. В Кружке любителей русских изящных изданий он считался специалистом по русским иллюстрированным изданиям, а когда Верещагин приобрел известность своими книгами: «Русская карикатура», «Веер и Грация», «Старый Львов» и другие, то был приглашен редактировать журнал «Старые годы».

Следует вспомнить еще об одном вначале скромном собирателе К. А. Иванове. Он был учителем, зарабатывал мало, и оторвать от семьи на приобретение книги даже 5 рублей ему было трудно. Но есть поговорка: «Не имей сто

рублей, а имей сто друзей»,—а у Иванова были друзья, такие знатоки книги, как профессор И. А. Шляпкин, историки С. Ф. Платонов и Н. Д. Чечулин, В. Г. Дружинин. Они посоветовали Иванову заняться составлением учебников по истории, обещая помочь получить одобрение для пользования ими в школах: Шляпкин и Платонов состояли в комиссии по просмотру и одобрению учебников истории; естественно, они делали это лишь потому, что считали Иванова способным создать хороший учебник.

Первый же учебник Иванова «Средняя история» был одобрен министерством народного просвещения, после чего Иванов начал подбирать исторические материалы и всерьез занялся составлением других учебников. Так, он составил учебники по древней, средней, новой, потом по русской истории и ряд книг историко-бытового характера. Довольно большие доходы от создания учебников дали Иванову возможность широко покупать книги, но покупал он главным образом то, что относилось к истории. Собрав все, что его могло интересовать в этой области, Иванов стал собирать и книги по искусству.

Книгу Иванов любил сердечно. В 1880 году, еще школьником, он перевел элегию Стефана Яворского, написанную им перед смертью и обращенную к книгам своей библиотеки:

О, как вы часто в руках моих, книги, бывали,
Свет, утешенье мое!
Вас покидаю; питайте других, изливайте
Ценное миро свое...
Вы мне богатством и славой великою были,
Раем, предметом любви—
Дали мне свет и любовь мне доставили знатных,
Почести дали мои...

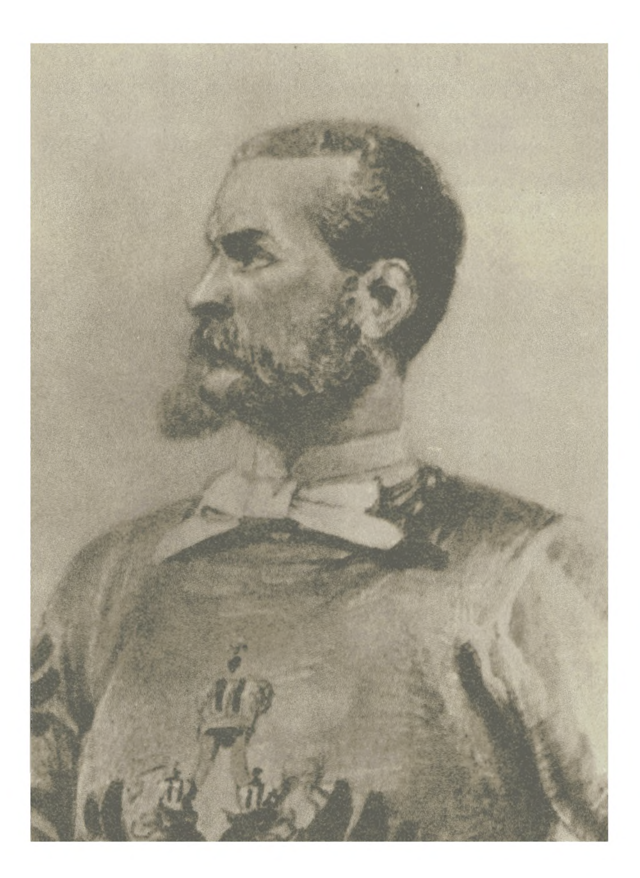
Другой собиратель, художник-гравер Михаил Викторович Рундальцев, хоть и имел звание академика, но специального образования не получил. Он кончил училище Штиглица, потом самоучкой стал неплохим гравером. Особенно хорошо у него выходили портреты. Он всегда немного льстил тем, портреты которых рисовал, но зато пользовался большим успехом у заказчиков. Рундальцев оставил много портретов писателей, композиторов и артистов.

Я забирал у него все пробные отпечатки и всегда брал несколько экземпляров с ремарками. Экземпляров 25—30 делалось с неосталенной доски. Потом ремарка счищалась и доска покрывалась гальваническим способом сталью. Осталенная доска выдерживала тысячи экземпляров, но с неосталенной доски отпечатки получались мягче и сочнее.

Рундальцев рекомендовал мне различных клиентов, он же познакомил меня с Вакселем, обладателем огромной коллекции автографов; но особенно я был доволен, когда он познакомил меня с Е. Е. Рейтерном, сыном живописца, работы которого есть в Третьяковской галерее и в Русском музее.

В молодые годы Рейтерн собирал всевозможные гравюры и рисунки, но позднее остановился только на русских гравюрах и литографиях, признавал лишь художников-граверов, и его коллекция была единственной в России и, безусловно, в мире.

Рейтерн вначале завещал всю свою коллекцию Русскому музею, но потом обстоятельства его жизни изменились, ему не на что было жить. Через друзей он начал переговоры с Русским музеем о том, чтобы музей выплачивал ему за



Е. Е. Рейтерн

его собрание хотя бы небольшие суммы равными частями, дабы он мог просуществовать; жить ему оставалось недолго. Наши музеи в начале революции были еще не устроены в денежном отношении и могли предложить Рейтерну только 25 тысяч, притом в рассрочку, а в 1918 году, когда стоимость денег катастрофически падала, это, конечно, не могло его устроить.

Но, когда Рейтерну предложили найти покупателя, который заплатил бы ему немедленно 200 тысяч, он сказал:

— Я и за миллион не продам частному лицу. Я завещал Русскому музею, и это должно быть в музее, а денег, которые предлагает музей, мне, может быть, хватит на жизнь.

Я приходил к нему каждую субботу. Он меня ждал, приготовив папки с гравюрами, которые считал возможным продать, показывал мне каждый лист и назначал цену, всегда недорогую, но речь неизменно шла лишь о каждом листе отдельно.

После посещения Рейтерна я преисполнялся к нему все бóльшим уважением. Это был действительно коллекционер, который прощался со своими гравюрами, как с друзьями, и, прощаясь, заново переживал все то, что было связано с увлечением минувших лет.

Я купил у него около пятидесяти листов Рембрандта, папку «клейнмейстеров», целый ряд листов Дюрера, нидерландского гравера и живописца Луки Якобса (Лейденского) и много другого. Однажды между гравюрами попались четыре рисунка.

— Это хорошие рисунки, Шилов, возьмите их рублей за 50,— сказал Рейтерн.

Я сам видел, что рисунки хорошие, но ни подписей, ни содержания хорошенько не

разглядел, полагаясь на Рейтерна. Когда я принес рисунки домой и рассмотрел их, они мне очень понравились.

Я показал рисунки известному искусствоведу С. П. Яремичу. Тот пришел от рисунков в восторг и просил продать ему один из них за 500 рублей, а на остальные рисунки обещал прислать покупателя, который за три рисунка заплатит 3 тысячи рублей. Яремич объяснил мне, что два рисунка принадлежат кисти голландского художника Ван Бларанберга, а два — Моро-младшего.

Сам я подписей не разобрал, но была надпись «апробасьон Кошен», то есть «одобрил Кошен», которая ввела меня в заблуждение. Шарль-Николя Кошен был гравер, и я подумал, что рисунок сделан учеником Кошена, который и одобрил его. Оказалось же, что речь шла о Кошене — министре финансов при Людовике XV.

Я сообщил Рейтерну, сколько выручил за рисунки.

— Это ваше счастье,— ответил он.— Я за них, наверное, недорого дал, потому что не увлекался рисунками.

В конце концов Русский музей предложил Рейтерну 50 тысяч рублей за русские гравюры, предложил и квартиру в музее. На новой квартире Рейтерн прожил очень недолго. Через несколько месяцев он умер. Но желание его сбылось — коллекция поступила в Русский музей.

Зимой 1908 года я познакомился с Н. А. Обольяниновым. Он собирал книги с картинками, кроме тех, что были описаны у Верещагина, и фарфор, но тоже не с теми марками, которые значатся в справочниках Селиванова и Петрова,— иначе говоря, он хотел описать то, что еще никем не описано.

Обольянинов происходил из старинной дворянской фамилии, его предкам были жалованы имения в Новгородской губернии еще Иоанном Грозным. Образование он получил в Варшавской гимназии, а затем окончил Военно-медицинскую академию, уехал в родовое имение, сделался земским начальником.

Интересна такая подробность биографии Обольянинова. Когда петербургское дворянство подносило царю по какому-то случаю всеподданнейший адрес, Обольянинов телеграммой на имя предводителя дворянства сообщил, что хотя он и столбовой дворянин, но адреса не подпишет. В ответ на эту телеграмму Обольянинову сообщили, что от должности земского начальника он отстранен.

В одном из соседних имений продавалось разное имущество: мебель, фарфор и библиотека. Обольянинов все это купил и начал приводить библиотеку в порядок: выписал переплетчиков, переплетные инструменты, материалы. Зимами он стал ездить в Петербург собирать иллюстрированные книги. Неудивительно, что ему без большого труда удавалось находить много книг, не описанных Верещагиным, потому что библиографические работы последнего всегда были поверхностны.

В этом Обольянинов убедился, познакомившись с иллюстрированными книгами в Публичной библиотеке. Мало того, Верещагин описывал книги не слишком точно. Вот почему Обольянинов и решил пересмотреть все русские иллюстрированные книги и описать с натуры все иллюстрации, применяя точный метод их описания. Не зная хорошо книг, он вначале часто делал ошибки, но постепенно приобрел навык.

Обольянинов пересмотрел огромное количество книг Публичной библиотеки, Академии наук, целый ряд частных собраний — А. Е. Бурцева, Н. К. Синягина и других. Таким образом, он описал почти все собрания иллюстрированных книг в Петербурге.

Общаясь со многими любителями и библиографами, Обольянинов научился критически относиться к некоторым изданиям, сравнивая дублетные экземпляры разных собраний и внося поправки в свое описание.

Затем Обольянинов стал кое-что печатать в журналах «Русский библиофил» и «Старые годы», выпустил дополнение к «Словарю русских граверов» Ровинского и вместе с В. Я. Адарюковым составил «Словарь русских литографированных портретов», рассчитанный на три тома (вышел только том I).

Пересмотрев книжные собрания Петербурга, Обольянинов по той же системе работал в Румянцевском музее и в крупных московских библиотеках.

Вскоре он познакомился с одной женщиной, страстно влюбился и забросил все свои работы.

Как-то зимой я встретил его в Петербурге. Он приехал, чтобы продать свою библиотеку Соловьеву.

— Почему же продать и почему Соловьеву,— удивился я,— а не мне?

Он ответил, что мне продаст еще охотнее, но ведь для этого надо ехать к нему в усадьбу. Мы тут же условились о дне, когда я приеду.

Приехал я в Моклочное вечером и сразу же занялся библиотекой. Мы просматривали книги одну за другой, и Н. А. как бы прощался с каждой книгой. Это была не продажа, а грустное

расставание с близкими друзьями. Библиотека Обольянинова была несомненно интересна, особенно для собирателей иллюстрированных книг. Впоследствии, в 1916 году, я издал его книжку «Игры детские. Заметки о русских иллюстрированных изданиях». Книга эта была отпечатана в количестве 200 экземпляров с наклеенными иллюстрациями.

Некоторое время спустя после покупки мною библиотеки Обольянинов телеграфировал мне, чтобы я опять приехал в Моклочное и забрал его фарфор. Еще через некоторое время он мне написал, чтобы я нашел антиквара для покупки мебели, а через год он продал и свое имение.

Работа по описанию иллюстрированных книг была Обольяниновым почти закончена, но заброшена. Почитатель Обольянинова, некто Апфельбаум, взялся подобрать и систематизировать карточки. Обольянинов писал мне из Москвы, предлагая издать его труд, но, зная незаконченность каталога, я отказался, дав, однако, ему некоторую сумму на издание. Работа получилась отличная. Это было действительно полнейшее описание почти всех иллюстрированных книг и альбомов. Обольянинов назвал его «Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 годов». Он вышел в Москве в 1914 году в двух томах.

Книга получила много лестных, но, к сожалению, поверхностных отзывов. Попутно Обольянинов продолжал работать над «Словарем русских граверов» Ровинского.

Когда началась первая мировая война, Обольянинов стал работать в лазарете врачом. В 1916 году он простудился и умер. Его работы до сих пор являются неоценимым пособием для всех, кто любит и изучает книгу.

Я очень хорошо помню жену Ф. М. Достоевского, Анну Григорьевну. Она собирала все, касающееся жизни и творчества мужа. Позднее все собранное ею перешло в Музей Достоевского. При жизни Федора Михайловича они жили небогато, приходилось самим и издавать, самим и заботиться о распространении своих изданий. В 1880 году в «Российской библиографии» было напечатано объявление, что книжный магазин Ф. М. Достоевского высылает все имеющиеся в продаже книги как учреждениям, так и частным лицам, что заказы выполняются быстро и аккуратно.

Собственно, магазина как такового не было, а при квартире Достоевских в Кузнечном переулке (ныне улица Достоевского) был склад его изданий. Достоевским помогал подросток, который заделывал бандероли и посылки и относил их на почту. Этот подросток был некто П. Г. Кузнецов, умерший в 1943 году. Он был хорошо знаком со мною и много рассказывал о работе книжного магазина Ф. М. Достоевского. Разумеется, магазином руководила Анна Григорьевна.

О том, как нуждались Достоевские, я знаю из писем Федора Михайловича к Любимову — секретарю «Московских ведомостей». У меня было много этих писем, в которых Достоевский просил денег, иногда даже очень мелкие суммы.

Случайно мною было приобретено около тридцати записок Достоевского к ментранпажу типографии А. Траншеля, где печатался редактировавшийся Достоевским «Гражданин» с «Дневником писателя» в 1873—1874 годы. По этим запискам видно, что выпускающим и редактором был сам автор. Кузнецов написал краткие воспоминания о своей работе у Ф. М. Достоевского,

которые в 1940 году отдал мне, а я передал их Ор. Цехновицеру. Впоследствии они попали к литературоведу профессору Л. П. Гроссману, а от него — в Государственный архив литературы и искусства.

Весьма любопытными фигурами были три брата Успенские. Один из них, Александр Иванович Успенский, был директором Археологического института и является автором двухтомной работы «Императорские дворцы», каждый том толщиной в 6 вершков, с многочисленными снимками, исполненными фотогравюрой. Он же составил «Словарь художников в XVIII веке, писавших в императорских дворцах» и словарь «Царские иконописцы и живописцы XVII века».

В ту пору, когда работа Успенского «Императорские дворцы» была еще в рукописи, возник вопрос о ее издании. Средств у Археологического института для издания такого обширного, объемистого труда не было. Что было делать?

Помог случай, который мог иметь место только в царской России. Петербургскому часовщику Линдену повезло в коммерческих делах. Он разбогател, захотел стать знатным и получить орден, который давал бы всяческие привилегии. Успенский выхлопотал для него орден, а Линден «пожертвовал» на издание книг 40 тысяч рублей. Брат же Успенского, Василий Иванович, написал и опубликовал мифическую генеалогию Линдена.

В. И. Успенский издал очень много памятников древней русской литературы, большую часть — в содружестве с археологом С. Писаревым. Кроме того, они издали знаменитый Коран, экземпляр которого хранился в Публичной библиотеке,— ныне Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этот Коран весит

пуда полтора и представляет собой точную копию оригинала. У меня было два или три экземпляра этого Корана.

Во время войны 1914 года Успенский написал летопись в лицах «О тевтонской брани на Словени». Я издал эту шуточную летопись, написанную в стиле XVI века.

Кроме того, я издал альбом «Народные картинки» в подражание лубочным картинкам XVIII века. Текст в альбоме принадлежит Успенскому, а перерисовки — художнику Шаховскому. Мною были выпущены также два альбома «Наши недруги в карикатуре», составленные им же.

В. И. Успенский занимался и собирательством, интересуясь книгами по древнерусскому искусству и по истории, а также всевозможными древностями, главным образом церковными.

Самым ученым и интересным из братьев Успенских был Михаил Иванович, служивший до революции инспектором учебных заведений. Он основательно знал древнееврейский и халдейский языки. У него была огромная библиотека, состоявшая главным образом из книг по искусству. Михаил Иванович имел большое собрание рукописей и множество икон; почти все иконы он принес в дар Эрмитажу. Из рукописей после Успенского осталось пять певческих книг, неопубликованные ноты на народные песни XVII века, представлявшие большой интерес, и сборник неизданных стихотворений Огарева, который Михаил Иванович купил на рынке в Воронеже. Мне этот сборник показался сомнительным, но специалисты признали его подлинным.



Н. П. Лихачев

Одним из крупнейших собирателей книг был историк Николай Петрович Лихачев, о котором я уже говорил. Но мне хочется сказать о нем подробнее. Мое знакомство с Лихачевым началось с первых дней моего приезда в Петербург, то есть с 1891 года, когда Лихачев был еще студентом.

В 1891 году антиквар М. П. Мельников купил библиотеку профессора В. Г. Васильевского, историка-византиниста. Среди книг был ряд рукописей. Несколько рукописей купил Лихачев, но одну из них Мельников оценил (очевидно, из-за толщины) в 100 рублей. Лихачев был не в состоянии тогда заплатить такую крупную сумму и попросил эту рукопись отложить, но не являлся около недели.

За это время рукопись смотрели многие ученые — П. Н. Тиханов, филолог И. В. Помяловский, об ошибке которого в отношении этой рукописи я уже упоминал вначале, и другие. Мельников у всех просил 100 рублей. Как-то во время отсутствия хозяина в магазин зашел московский антиквар Большаков, и я, двенадцатилетний мальчик, среди другого товара показал ему и эту рукопись, запросив 150 рублей. Большаков купил, и я был страшно доволен, что мне удалось выгодно продать. Мельников был тоже, по-видимому, доволен. Но явился Н. П. Лихачев и, узнав, что рукопись продана неизвестному лицу, страшно рассердился и пожаловался Л. Н. Майкову, вице-президенту Академии наук.

В дело вмешалась полиция и по распоряжению обер-прокурора синода К. П. Победоносцева разыскала рукопись у московского антиквара Силина. За рукопись пришлось заплатить 700 рублей, чтобы она не попала в частные руки. К со-

жалению, по молодости лет я не поинтересовался, что это была за редчайшая рукопись *.

Книжное собрание Лихачева росло и росло: оба этажа в его доме были заняты шкафами. Лихачев собирал не только в России, но и за границей, и не только книги и рукописи, но и надписи на глине, камнях, папирусы и пр.

Собирательство книг и всяких печатных изданий превратилось у Лихачева в библиоманство. В 1926 году, будучи заведующим магазином «Антиквариат» П. В. Губара, я купил на Александровском рынке архив Балашева, первого министра полиции после войны 1807 года. Когда Балашева хоронили, над его могилой была произнесена речь, которая потом была напечатана. В архиве оказалось 4 экземпляра этой брошюры с речью. Я расценил их по 10 рублей за экземпляр, и Лихачев решил взять все четыре, а на мой вопрос, зачем ему столько, он ответил, что хочет быть их единственным владельцем. Вскоре после революции Лихачев передал всю свою библиотеку Академии наук. Академия наук назначила Лихачева пожизненным директором его музея, и он с большим энтузиазмом выполнял свои обязанности, на свое жалованье и некоторые сбережения продолжая пополнять библиотеку всякими редкостями.

Архив Балашева я предложил Археографической комиссии. Балашев ведал политическим сыском, и в его архиве были тысячи документов, изобличавших различных приверженцев французов. Упоминались представители очень знатных фамилий, все они были под наблюдением Балашева. Особенно любопытен был его дневник,

---

* Речь идет о Супрасльской летописи.

который велся очень усердно. Дневник и записки занимали 24 книги большого формата.

Кажется, этими записками пользовался Л. Н. Толстой, когда писал «Войну и мир», а вообще как будто этот архив никем не разработан, между тем в нем имеется очень интересный исторический материал.

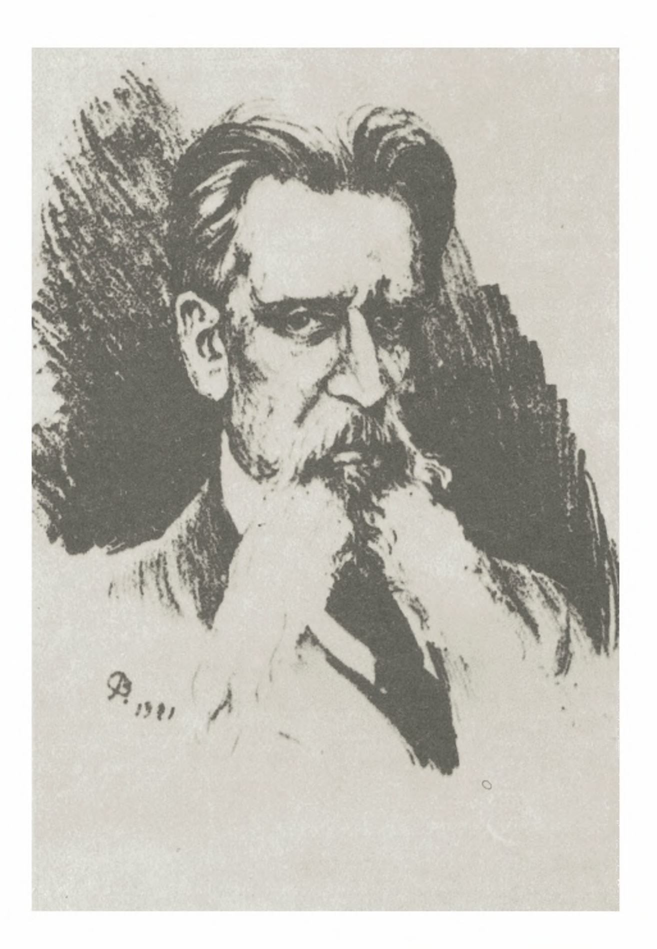
До сих пор еще можно встретить много отличных книг с большим, голубого цвета, изображением стрекозы — экслибрисом Е. Н. Тевяшова.

Евгений Николаевич Тевяшов, член Кружка любителей русских изящних изданий, собирал русские иллюстрированные издания. Он собрал громадную коллекцию русских иллюстраций, гравированных и литографированных, уничтожил и испортил бесконечное количество книг, вырезая нужный материал, но коллекция его гравюр и виньеток была первоклассной.

Тевяшов и сам был отличным офортистом, он гравировал сухой иглой и сделал много копий с Рембрандта. Помимо книги «Описание нескольких гравюр и литографий», он составил один из выпусков «Материалов для описания русских иллюстрированных изданий».

Вдова Тевяшова после его смерти продала отдельные листы из собрания антиквару Фельтену. Уже во время блокады Ленинграда в Великую Отечественную войну лучшие книги из библиотеки Тевяшова при моем участии попали в Книжную лавку писателей и в Публичную библиотеку.

Особо я должен сказать о писателе-историке П. Е. Щеголеве. С Павлом Елисеевичем Щеголевым я был знаком с самого начала моей самостоятельной торговли. Он был моим постоянным покупателем. Павел Елисеевич готовился сначала



Е. Н. Тевяшов

стать востоковедом, но сделался историком литературы и пушкинистом.

Щеголев издавал журнал «Былое» и завел свой книжный магазин под фирмой того же названия. Заведующим у него был энергичный человек — А. С. Молчанов, но дело все же не развилось, потому что Щеголев все лучшие книги забирал себе, так что магазин, собственно, служил источником пополнения его большой и чрезвычайно интересной библиотеки.

Щеголев был скуповат и всегда торговался, но однажды он, не торгуясь, купил два листка рукописи, чему я крайне удивился и даже попросил его объяснить этот поступок. Павел Елисеевич снисходительно пояснил мне, что листки эти исписаны рукой Пушкина.

Конечно, мне надо было самому додуматься до этого, так как я знал происхождение автографа. Как-то зашел ко мне художник Ю. П. Анненков и попросил посетить его: приехал двоюродный брат Анненкова и привез из провинции целый архив. Я замешкался на несколько дней, а когда зашел, то архив был уже продан Пушкинскому дому.

— Тут есть еще семейные бумаги,— утешил меня владелец архива.

— На что же мне семейные бумаги? — ответил я.

Все же, проглядев их, я обнаружил пачку писем философа и публициста П. Л. Лаврова к П. В. Анненкову, другу Тургенева, и несколько писем Тургенева к нему же. Я письма взял.

Через несколько дней Анненков принес мне записки Катенина о Пушкине, в них и были вложены два листка — выписки из Оренбургского архива, на которые я не обратил внимания. Те,

кому я их показывал, не догадались, что это автограф Пушкина, только Щеголев сразу определил подлинник.

После смерти П. Е. Щеголева эти два листка купил Пушкинский дом, и их история описана Ю. Г. Оксманом в томе «Литературного наследства», посвященном Пушкину.

Говоря о пушкинских автографах, я не могу не вспомнить собирателя И. В. Столярова.

И. В. Столяров собирал все, что касается истории России, и вообще «россику». Он купил у меня атлас бассейна Дона, путешествие Корба и целый ряд записок путешественников по России. Ему удалось приобрести обширную библиотеку гр. Клейнмихеля, бывшего при Николае I министром путей сообщения. В этой библиотеке был великолепный экземпляр книги Висковатова «Историческое описание одежды и вооружений российских войск с древних времен», в зеленом марокене, и 7 автографов Пушкина: 6 писем к А. П. Керн и отрывок стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты».

Собирательство Столярова было кратковременным. Он уехал в Москву и продал мне всю библиотеку, в том числе автографы Пушкина. Экземпляр книги Висковатова купил у меня артист и режиссер В. Р. Гардин, а автографы Пушкина приобрел Пушкинский дом; у меня до сих пор хранится расписка Б. Л. Модзалевского, хранителя Пушкинского дома, напоминающая мне о том, какое национальное сокровище было в моих руках.

Как-то я купил у тряпичников архив самарского губернатора Свербеева, сына известного славянофила. В этом архиве было много писем Аксаковых, Хомякова, А. К. Толстого и ряда других.



П. Е. Щеголев. Силуэт работы Е. С. Кругликовой

Я пригласил П. Е. Щеголева. Он просмотрел все и сказал, что сам купить не может, так как у него нет в данное время свободных денег, да и опубликовать этот материал сейчас негде. Он попросил меня уступить ему лишь один конвертик с письмами самарского помещика графа Толстого к министру внутренних дел Плеве.

Я подарил Щеголеву этот конвертик с письмами.

После смерти Павла Елисеевича много его книг поступило в Книжную лавку писателей и, к счастью, разошлось главным образом по писательским библиотекам.

Коллекцию альманахов купил П. В. Губар, один альманах с автографом Пушкина приобрел литературовед И. С. Зильберштейн. Он же в 1937 году купил у меня очень интересный альбом рисунков, главным образом портретов современников Лермонтова. Между ними были два рисунка самого Лермонтова: один очень забавный — на бивуаке, где среди друзей изображен в полулежачем положении Лермонтов, обросший бородкой, со стаканом вина в руке.

Альбом этот принадлежал одному из товарищей Лермонтова по Кавказу. Всего в альбоме было около полутораста рисунков. Этот альбом я хранил около двадцати лет.

Примерно в 1910 году я приобрел библиотеку Любимова, директора Азиатского департамента. Она лежала на Кокоревских складах в течение двадцати-тридцати лет. Библиотеку пришлось покупать по описи, ибо книги лежали в ящиках и для осмотра были недоступны.

В библиотеке оказался большой отдел по Китаю, по истории, географии; все книги были в отличном виде и было много общепризнанных редкостей вроде «Исторического описания Российской коммерции» М. Чулкова (двадцать один том полностью). Любопытно, что, когда Любимов под видом русского купца путешествовал по Монголии и Тибету для изучения неведомых тогда стран, он брал с собой книги Чулкова, что было видно из надписей на книгах.

О путешествиях Любимова мало известно, очевидно, его труды не были напечатаны.

Без лишней скромности могу сказать, что покупка этой библиотеки много прибавила к моему авторитету букиниста.

Не могу не вспомнить и еще одну небезынтересную личность — К. А. Военского.

С Константином Адамовичем Военским у меня было очень давнее знакомство. Он служил в Цензурном комитете, и вот исподволь стали появляться книги, считавшиеся сожженными, вроде «Истории Екатерины II» Бильбасова. Книги эти пускал в обращение, конечно, сам Военский. Когда в начале революции раскрылись склады Цензурного комитета, в них оказался весь тираж книги Бильбасова и масса других книг, считавшихся сожженными или, по крайней мере, запрещенными.

Сам Военский много писал о войне 1812 года, и эти материалы были им выпущены в трех больших томах. Кроме того, он составил библиографию литературы о войне 1812 года.

Военский был педантичен и свой архив держал в полном порядке. В его домашнем архиве было много интересного.

Среди писем оказались письма Л. Н. Толстого, документы из архива министерства народного просвещения и, между прочим, один очень интересный документ — отношение Николая I о необходимости принять все меры к недопущению из средней школы в высшую малоимущих людей, чтобы не дать им возможности получать личное дворянство.

В революционные годы меня разыскала вдова Военского и просила купить библиотеку и архив мужа. Библиотеку я купил, а архив предложил Публичной библиотеке, которая была чрезвычайно довольна приобретением.

В архиве Военского оказалось очень много интересных документов. Было у него и небольшое собрание предметов, относящихся к войне

1812 года: трубка якобы Наполеона, ростопчинские афиши, карикатуры Теребенева.

Вернемся, однако, к годам, предшествовавшим Октябрьской революции. 1910 и 1911 годы были бурными в книжной торговле, особенно букинистической.

Крупные книготорговцы, как Карбасников, Луковников и ряд других, объединенные в Общество книгопродавцев, затеяли борьбу с мелкими книжниками и букинистами. Они постановили не делать скидки на новые книги тем, кто не является членом Общества, а между тем мелкие книжники немного торговали и новыми книгами, особенно учебниками. Я хотя и не нуждался в новой книге, но из солидарности к товарищам примкнул к обиженным.

Крупные книжники обвиняли букинистов в том, что они торгуют крадеными книгами, и если не делать скидки, то они не будут покупать новых книг. Тогда станет ясно, что каждая появившаяся в продаже у букиниста новая книга — краденая.

Букинисты посовещались друг с другом и начали записываться в члены Общества книгопродавцев. Количество членов Общества стало огромным.

Литературовед М. К. Лемке, автор книги «250 дней в царской ставке» и редактор первого Полного собрания сочинений А. И. Герцена, стал на сторону букинистов. Букинисты ему верили — он был их постоянным покупателем и, кроме того, управлял издательством М. Стасюлевича и хорошо знал книгопродавческое дело. Лемке собрал букинистов, членов Общества, и посоветовал им получить в свою пользу голоса от провинциальных книжников.

Букинисты составили воззвание к своим провинциальным коллегам, предложив, чтобы они слали свои голоса на имя М. К. Лемке, и предупредив, чтобы доверенности были безымянные, для того чтобы Лемке мог передать голос кому угодно, так как каждый присутствующий член имел право иметь три голоса. Дело это не обошлось без недоразумений, но в конце концов партия Карбасникова осталась в меньшинстве, и все принятые ею меры против букинистов остались безрезультатными.

Тогда крупные книжники вышли из Общества книгопродавцев и образовали Общество книжного дела, причем в «Петербургской газете» появились интервью, в которых заправилы противостоящей букинистам группы — Карбасников, Луковников, Ясный и прочие — объяснили, почему они организовали другое общество. (Такие фирмы, как Суворин, Думнов, Вольф и Глазунов и другие, не вступали в борьбу с букинистами.)

В качестве ответной меры букинисты решили открыть кооперативный книжный склад «Книгопродавческая складчина». Главными организаторами были И. И. Базлов, И. Е. Козлов, Митюрников. Я тоже был членом правления и принимал в организации склада деятельное участие.

Мы стали принимать целые тиражи учебников, издателями которых были сами авторы, и все другие хорошие книги авторских изданий. В первый же год «Складчина» дала блестящие результаты: целый ряд очень нужных книг можно было получить только там. Поэтому Карбасников и другие члены Общества книжного дела вынуждены были для приобретения ряда книг обращаться в «Складчину» и, вступая в дальнейшие отношения с ней, продавать книги по

себестоимости. «Складчина» просуществовала около трех лет и закрылась, когда борьба крупных книжных заправил с букинистами закончилась.

Карбасников подозревал букинистов в покупке краденых книг. В какой-то мере он был прав. Действительно, многие книжники не слишком интересовались происхождением книг. К таким относились, в частности, А. К. Гомулин в Петербурге и Кирилл Николаев в Москве. Кстати, Николаев, скупая целые издания, сразу делал их редкими. В начале революции, когда книжная торговля была национализирована, на складе Николаева нашли, например, сотни экземпляров второго тома Сочинений Е. Баратынского, выпущенных Академией наук. Покупатели, приобретшие первый том, месяцами искали второй, но Николаев пускал его в продажу по одному экземпляру как редкость.

Иногда по воскресеньям я ездил в Москву, почти исключительно на Сухаревку. Там были сотни ходячих книжников. Целую неделю они повсюду скупали товар, а в воскресенье вывозили на Сухаревку. Однажды я купил у них более 50 книжных росписей XVIII и начала XIX века.

Книжные росписи всегда были редки, а впоследствии и совсем пропали, и приобрести такую партию было очень заманчиво.

Когда я прямо с поезда приезжал на Сухаревку, Николаев был уже там. Он быстро обега́л все палатки и, пока я возился около двух-трех палаток, он отбирал самое ценное, а потом уже, не торопясь, делал второй обход.

В Москве, как и в Петербурге, было много книжников, и некоторые пользовались большой популярностью. Особенно прославился

А. А. Астапов. Я застал его уже в почтенном возрасте, когда свою лавку со всем товаром, а книг у него было огромное количество, он продал своему приказчику И. М. Фадееву, выговорив право сидеть в магазине, когда ему вздумается.

И действительно, Астапов постоянно сидел в магазине в особом глубоком кресле, иногда подавая реплики и принося Фадееву часто большую пользу своими знаниями и своим авторитетом.

К юбилею Астапова в 1912 году Л. Э. Бухгейм издал посвященную ему книжку, в которой были помещены воспоминания Астапова о своей пятидесятилетней работе.

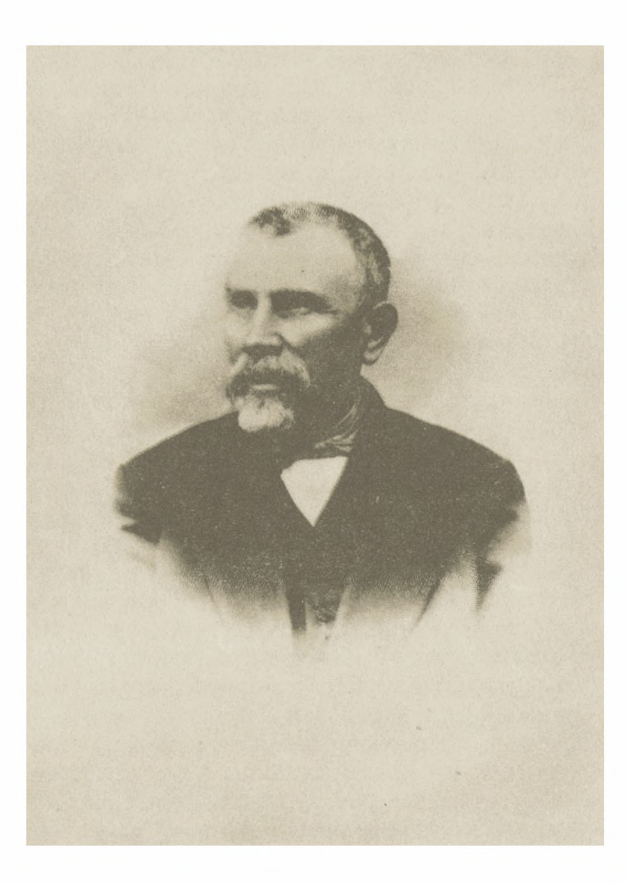
Все московские библиофилы очень уважали Астапова. А. П. Бахрушин в своей книге «Кто что собирает» тоже упоминает о нем очень тепло.

Любимым выражением Астапова было: «Для меня книжечка отрада, для меня больше ничего не надо».

Это своего рода изречение часто потом перепечатывалось на пригласительных билетах книжных базаров, устраиваемых в Москве.

С разного рода особенностями и навыками собирателей пришлось мне встретиться в моей жизни. Расскажу о некоторых из этих собирателей, может быть, и не очень примечательных, но характерных для своего времени.

Федору Антоновичу Каликину, когда я с ним близко познакомился, было уже около 75 лет. Но он был еще энергичен, подвижен и моложав. Его глаза светились и были очень выразительны. Работал он в Эрмитаже и частично в Русском музее, главным образом по реставрации икон и старинных картин: в этом деле он был большой искус-



А. А. Астапов

ник и знаток. Знания свои он получил, разумеется, не сразу. Он долгое время работал у Н. П. Лихачева, и, когда Лихачев увлекался собиранием икон, Каликин жил у Лихачева на его коште и определенной зарплате.

Когда же Лихачев продал свое собрание икон Русскому музею, Каликин стал прирабатывать в Русском музее и, позднее, в Эрмитаже, поступив в его штат. Опыт у Каликина был большой, так как еще до революции он по поручению Лихачева часто ездил на Север и в Прибалтийский край, добывая для него всевозможные рукописи, главным образом поморские. Так как он сам был старообрядцем, то хорошо знал, как нужно обходиться с людьми этого толка, где купить рукописи, а где иконы или литье.

Собрание В. Г. Дружинина, у которого Каликин в свое время работал, поступило, как я уже говорил, в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук. Но Каликин и впоследствии на протяжении нескольких лет продавал много дружининских рукописей: он говорил, что большинство их было куплено им для Дружинина, но по ряду обстоятельств, от Каликина не зависевших, не удалось сдать их собирателю. Библиотека Академии наук, где я работал в ту пору, охотно их покупала. Немало еще было приобретено превосходных вещей, вроде пандектов XV века, как уверял Каликин (мне казалось, что они более поздние, но все же я не был таким знатоком, чтобы судить об этом более определенно).

Однажды Каликин сообщил мне, что собирается поехать в экспедицию и купил фотоаппарат для съемок бытовых интересных вещей. Летом же он собирался съездить к себе на родину в Вологодскую область, а попутно побродить и по

Ярославской области. Лет ему в ту пору было уже 79, но энергия у него была, как у молодого. Впрочем, многие антиквары были такими же: Федор Ермолаевич Антонов, Тихон Большаков, В. В. Алексеев — все они дожили до глубокой старости. Вероятно, их энергию поддерживали разъезды по России, интересные находки и деревенский воздух.

Понаслышке имя собирателя книг и различных вещей П. М. Исаева я знал еще до революции. Знал и он обо мне, но встречаться нам не приходилось. Только в 30-х годах я случайно познакомился с ним. Оказалось, что у нас масса общих знакомых. Исаев предложил мне книгу, напечатанную в Тобольске: «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Это был первый журнал, издававшийся Панкратием Сумароковым в Тобольске в 1789—1791 годах, во время губернаторства Селифонтова. Селифонтов, весьма просвещенный человек, был сенатором при Екатерине II, имел обширную библиотеку и был не только обладателем книг, но и усердным читателем. Родом Селифонтов был из села Сывороткино, Борисоглебского уезда, Ярославской губернии, отстоявшего от моей деревни на 30 верст. В 1910 году я купил у потомков Селифонтова библиотеку, в которой оказался и «Иртыш» и все другие тобольские издания XVII—XVIII веков. Библиотека была большая и интересная, и между любителями было немало разговоров об этом моем приобретении.

Исаев собирал книги, гравюры и древние русские вещи. У него было большое собрание литья, библия Пискатора и периодика XVIII века, которой он гордился и не продавал из своей коллекции никому.

Однажды, когда я работал у П. В. Губара в лучшем в то время антикварном магазине, он принес мне для начала упомянутый «Иртыш», как бы желая проверить, полный ли у него экземпляр. Он слышал, что библиотека Селифонтова была в свое время куплена мною и что я должен хорошо разбираться в книгах такого рода.

Экземпляр Исаева был отличный. Купленный мною в библиотеке Селифонтова был хуже. После длинных переговоров я уговорил Исаева продать мне книгу и с этого времени ближе с ним познакомился.

В эти годы коллекция Исаева стала понемногу таять, особенно собрание журналов XVIII века. Он почему-то начал их продавать, и это угнетало его; стало таять и его здоровье. Я счел нужным рассказать о нем, как об усердном и чрезвычайно преданном книге собирателе.

С Владимиром Яковлевичем Курбатовым, автором прекрасных книг «Павловск», «Петербург» и книги по истории и теории садового искусства «Сады и парки», я познакомился в 1904 году. Он собирал венецианские издания, рисунки и гравюры архитектурного характера. Из колекции Рукавишникова Курбатов купил у меня оригинальные рисунки Тома де Томона и Кваренги: все это, несомненно, было ему нужно для его трудов.

В начале революции В. Я. Курбатов работал в Музее города консультантом. Сильно нуждаясь, я решил продать свою коллекцию рисунков и акварелей Садовникова и предложил ее Курбатову, но тот за неимением денег отказался. Покупателей сразу не нашлось, а потом мои обстоятельства переменились и я отказался от мысли продавать коллекцию. Вдруг является Курбатов с предложением от Музея города продать

ему эту коллекцию. Хотя я и отказывался, но Курбатов все же уговорил меня. Коллекция поступила в Музей города, где заняла особый садовниковский зал. Садовников был искренний певец Петербурга, в его красках город оживал, и сейчас меня радует, что эта коллекция нашла свое настоящее место и доступна всем, кто любит наш великий город Ленина и его историю.

В 1937 году магазин «Главсевморпути» приобрел любопытную рукопись — дневник капитана Ваксел-я, написанный на полуголландском, полунемецком языке. Капитан Ваксель принимал участие в экспедиции Беринга и вел этот дневник. Магазин хотел продать рукопись Арктическому музею, но я предложил продать ее в Публичную библиотеку. Я попросил А. И. Андреева, который в то время работал в Институте Севера, посмотреть рукопись. Он нашел ее весьма интересной и посоветовал Публичной библиотеке ее купить. Рукопись была издана под редакцией того же Андреева. Книга имела успех, она внесла определенный вклад в науку по изучению Севера.

В 1925 году в Ленинграде был отпразднован юбилей Ивана Павловича Перевозникова, старого, уважаемого книжника. В адресе, который ему поднесли, было сказано:

«Глубокоуважаемый Иван Павлович!

На заре возрождения нашей Родины исполнилось 75 лет Вашей жизни и 60 лет плодотворной и неутомимой работы по книжному делу. Мы, младшие товарищи Ваши, с радостью вспоминаем о годах совместной работы с Вами.

Вы смотрели на книгу не как на товар, а как на нечто более высокое и с полным правом могли сказать о книгах словами Стефана

Яворского: «Вы мне богатством и славой великою были, раем, предметом любви,— дали мне свет и любовь мне доставили знатных, почести дали мои».

Вы теперь самый старший представитель старой школы книжников».

Перевозников в ту пору был действительно не только старейшим представителем книжников старой школы, но и наиболее уважаемым. Книгу Перевозников любил страстно и самоотверженно.

Мне хочется сказать несколько слов о библиотеках, принадлежавших частным лицам, и в первую очередь о библиотеке И. Д. Смолянова. В ней было около 3000 книг историко-революционного и историко-литературного содержания, много редчайших книг вроде первого издания «Капитала» К. Маркса на русском языке, вышедшего в 1872 году, много книг и брошюр В. И. Ленина в первых изданиях, большое собрание зарубежных и подпольных изданий, в том числе Герцена, Чернышевского, Плеханова и других.

Очень хорошо была представлена периодика XVIII столетия (все лучшие журналы эпохи).

В отделе библиографии находились очень редкие издания: «Библиографическое описание книг» Сопикова со страницей о Радищеве, которая была вырезана цензурой, «Книжные редкости» Геннади, переплетенные с целым рядом других очень редких брошюр того же автора, «Описание редких российских книг и рукописей» А. Бурцева в пяти томах — издание, напечатанное в количестве 100 нумерованных экземпляров не для продажи, и другие.

Были в библиотеке Смолянова и комплект «Колокола» А. И. Герцена в отличном виде, все

выпуски «Полярной звезды», книги Чернышевского и Салтыкова-Щедрина с автографами. Самый же главный отдел библиотеки И. Д. Смолянова — это радищевский, то есть все, что написано о Радищеве,— книги, брошюры, оттиски, журналы, где помещены статьи или упоминания о Радищеве, и почти все издания сочинений Радищева: два современных списка «Путешествия», Собрание сочинений Радищева в шести частях, выпущенное его сыновьями, лондонское издание Герцена, издание Шигина 1868 года, издание Ефремова 1872 года, издание Суворина на японской бумаге, напечатанное в количестве 100 экземпляров, несколько позднейших изданий, выпущенных «Историческим журналом», и, конечно, почти все советские издания. По словам В. А. Десницкого, в библиотеке было и редчайшее издание «Путешествия», выпущенное П. А. Картавовым, которого не имел даже сам издатель, но я, осматривая библиотеку Смолянова, этого издания не обнаружил.

В начале революции появился серьезный собиратель книг, И. Б. Штейн. Собирал он недолго, потому что стал компаньоном по книжному магазину некоего литератора Бернштейна. Магазин этот под фирмой «Картонный домик» помещался на Литейном проспекте, в бывшем помещении В. И. Клочкова. По старой памяти сюда приносили много редких, ценных книг. Штейн приобретал их для себя, и у него собралась великолепная библиотека. В ней было, между прочим, около 600 французских книг по истории Французской революции XVIII века, многие очень редкие, среди них огромный план Парижа эпохи этой революции. Довольно много в библиотеке Штейна было художественных произведений XVIII века

с гравюрами, главное же — большое собрание книг по искусству, таких, как «Древности Российского государства» Ф. Солнцева в шести томах и с шестью альбомами в лист, великолепный альбом «Виды Санкт-Петербурга» Махаева, «36 видов Санкт-Петербурга» в издании Плюшара, «Невский проспект» Садовникова — раскрашенный свиток, представляющий обе стороны Невского проспекта в 30-х годах прошлого столетия.

Я думаю, что о такой отличной по подбору книг частной библиотеке стоило упомянуть, ибо собирание книг диктуется не только любовью к книге, но и рвением, а зачастую и благородным самоотречением.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пополнение библиотек. Издательство «Всемирная литература» и М. Горький. Частные издательства. Редкие находки. Юбилей. «Дешевая книга». Книжная лавка писателей. Писатели и ученые — собиратели книг. Демьян Бедный. Пушкинист Лернер. Переписка Л. Н. Толстого

После Великой Октябрьской социалистической революции при библиотечном отделе Наркомпроса был образован Центральный комитет государственных библиотек. В его функции входила покупка, национализация и охрана библиотек. Заведующим покупочной комиссией был Михаил Леонидович Лозинский, известный поэт и переводчик. Я был консультантом. При комитете образовали книжный фонд. Для начала купили большое собрание гравюр и рисунков, относящихся главным образом к Петербургу и другим городам, и целый ряд библиотек.

Меня в первые же дни командировали в село Городец для покупки собрания рукописей Овчинникова. Собрание было огромное, в нем находилось много редкостей, например лицевое евангелие XII века и рукописи XVI века. Но, когда я приехал в Городец, выяснилось, что собрание уже поступило в Библиотеку имени В. И. Ленина.

Вскоре я перешел на службу в экспертную комиссию при Наркомвнешторге. Комиссию

возглавлял А. М. Горький, который и пригласил меня на эту работу.

Комиссия была организована для разборки складов Елисеева, Кокорева, Преловского, Успенского и других, где было сложено огромное количество всякого имущества, брошенного в большинстве случаев бежавшей за границу буржуазией, придворными и высокопоставленными лицами.

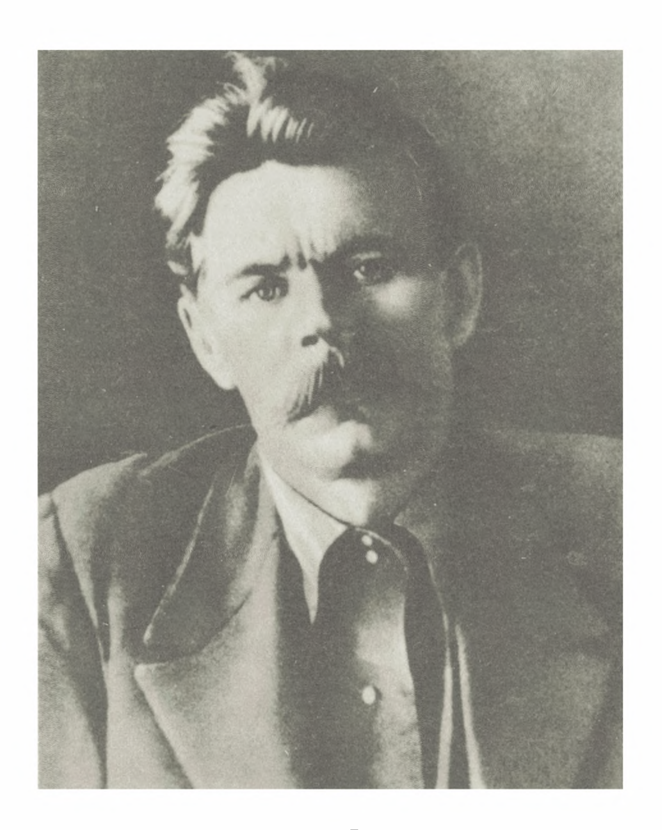
Вещи музейного значения отправлялись с этих складов на выставку, белье, платье, обувь — в отдел социального обеспечения для раздачи населению, мебель и посуда — в магазины для продажи.

Книги же рабочие относили в какую-нибудь кладовую и там сваливали в общую груду.

Когда об этом узнал А. М. Горький, он добился, чтобы книги были разобраны специалистами. Этой работой занялись А. С. Молчанов и я.

Рукописи, семейные альбомы и фотографии мы отбирали для Центрального архива, книги музейного значения — на выставку, книги обычного порядка — в Государственный книжный фонд.

Рапорты о работе над книгами принимал сам Горький, причем во всякое время дня, и сам же определял, куда назначить целые библиотеки, как это было, например, с библиотекой великой княгини Ксении Александровны. Эта обширная библиотека была сложена на складах Преловского в длинных ящиках из-под яиц; насчитывалось до 80 таких ящиков. В первых же ящиках, которые мы вскрыли, оказались большие фолианты в красных марокенах с гербами французских королей. По указанию Алексея Максимовича все книги были перевезены в Публичную библиотеку.



А. М. Горький

Библиотека адмирала Чихачева, упакованная в металлические запаянные ящики, с каталогом, напечатанным в Париже, по указанию Горького была передана Географическому обществу.

Библиотеки князей Кантакузен, Голицына и Вяземского, а также бывшего министра юстиции Щегловитова были переданы в Государственный книжный фонд, куда попало огромное количество мелких книжных собраний и библиотек.

Издательство «Всемирная литература», которое возглавлял А. М. Горький, не имело своей библиотеки. По совету Молчанова и моему А. М. Горький решил создать из бесхозных библиотек одну основательную библиотеку для издательства.

Он порекомендовал занять дворец бывшего великого князя Владимира Александровича, где до этого помещался театральный отдел. Горький предложил мне стать комендантом дворца. Я отказался, объясняя тем, что отвечать за такой дворец трудно, потому что там, вероятно, многих вещей уже нет.

Горький сказал:

— Вы возьмитесь хоть временно, у меня есть человек, который не побоялся бы ответственности, но он сейчас болен. Это К. П. Пятницкий.

— Назначьте комиссию,— ответил я,— в которую войду и я.

Назначили комиссию из пушкиниста Н. О. Лернера, библиотекаря издательства «Всемирная литература» Н. Н. Бахтина и меня, и мы начали работать по описи имущества дворца.

Во дворце было три библиотеки: библиотека Александра II — между Белым и Верещагинским залами, библиотека Владимира Александрови-

ча — в первом этаже, рядом с его кабинетом, и библиотека его жены — в третьем этаже.

Работать было трудно, книг мы не описывали. Залы промерзли, мы зябли, а греться ходили в столовую Наркомпроса.

Правда, столовая тоже не отапливалась, потому что обеды выдавались там на дом, но зато нам разрешили греться на кухне и давали обед.

Наша комиссия решила, что для библиотеки хватит парадных комнат, и Горький передал вторую половину дворца Дому ученых.

Заведующим хозяйством Дома ученых Горький назначил Родэ, человека весьма распорядительного, и тот стал энергично действовать.

Для собраний потребовались стулья. Родэ попросил их у меня. Я дал, но стульев все же не хватило, так как собрания в Доме ученых были многолюдными. Вскоре Родэ снова попросил стульев, но я отказал. Тогда Родэ пожаловался Горькому, и я получил от него такое письмо:

> «Т. Шилов, мои распоряжения, как директора издательства «Всемирная литература», должны быть для вас обязательными. Нельзя относиться к ученым неблагожелательно, как это допускаете вы. Дайте ученым столько стульев, сколько найдете нужным.
>
> *М. Горький*».

Сознаюсь, что это письмо несколько обидело меня, так как я был только членом комиссии, но не признать справедливости требований А. М. Горького, заботившегося об ученых, было нельзя.

Вскоре мне пришлось ехать в деревню. Проездом через Москву я решил повидаться с Горьким, который жил тогда в Москве. Алексей

Максимович встретил меня очень радушно, а когда я попросил подписать мне командировку в Ярославль, он сказал:

— Я вам подпишу что угодно, только не ссорьте меня с учеными.

После этого инцидента Родэ стал просить Горького передать весь дворец Дому ученых. Горький на это согласился. Пришлось нам искать новое помещение, и после некоторых поисков мы остановились на помещении, где находилось издательство «Всемирная литература» — на Моховой, 36, и заняли в верхнем этаже семь больших залов.

К этому времени на складах остались лишь книги и ноты. Для реализации этих книг решили пригласить все заинтересованные учреждения. Но не было работников, а главное, транспорта. Мне поручили обследовать все склады и выяснить хоть приблизительно, сколько там находится книг. Я подсчитал, что их было примерно около 3 миллионов томов. Ленкогиз, музыкальный отдел, Государственный книжный фонд и издательство «Всемирная литература» должны были вывезти их своими силами.

Но вдруг последовало запрещение разбирать книги на складах; было приказано возить книги в помещение банка Юнкера на Невский, 12. Все заинтересованные учреждения прислали своих работников для отбора книг. От нашего издательства работало там десять-двенадцать опытных и специально проинструктированных работников. Нам не нужны были какие-нибудь необычайные редкости. Поэтому работа наша была чрезвычайно проста: подбирать книги на всех языках — по одному экземпляру, но во всех характерных изданиях. Так, например, если Воль-

тер — пусть хотя бы в десяти разных изданиях, но по одному комплекту каждого. Кроме того, отбирали все словари в любом количестве, книги по истории литературы на всех языках, библиографические справочники, а также всю переводную беллетристику на русском языке.

Привезенные в мешках книги разбирались, систематизировались, записывались в инвентарь и переписывались на карточки. Дублеты, попавшие случайно, отправлялись в Книжный фонд.

Кроме того, два-три наших человека постоянно работали в Книжном фонде, который передавал им все, что могло быть полезным для библиотеки «Всемирной литературы». Через Книжный фонд мы получили прекрасные библиотеки, например библиотеку прокурора Хрущова — более 10 тысяч томов художественной литературы на иностранных языках; библиотеку И. А. Всеволожского, бывшего директора императорских театров, полученную нами прямо из его имения. Ее мы принимали от поэта Дм. Цензора, работавшего по охране памятников искусства.

Я и С. Котов погрузили книги в вагон и сами сопровождали его. Библиотека была великолепная, но половину мы отдали в Книжный фонд, чтобы не нарушать своего плана комплектования. Кроме того, мы приобрели библиотеку графа Орлова-Давыдова и библиотеку филолога и историка литературы Ф. Д. Батюшкова с книгами по истории западной литературы.

Наша библиотека росла не по дням, а по часам. За три года работы мы собрали около 100 тысяч наиболее ценных книг, и все по одному экземпляру каждого издания. Вот почему из всех составленных в то время библиотек наша оказалась наиболее долговечной.

Мы устроили читальный зал, по стенам расставили шкафы красного дерева, в которых разместили справочный отдел. Литераторы, работавшие в издательстве — А. А. Блок, К. И. Чуковский,— деятельно помогали нам. Библиотека пережила издательство, и ее приняла под свое покровительство Публичная библиотека.

Вскоре было объявлено о национализации всех книжных запасов. Закрыт был и мой магазин, но я продолжал работать в библиотеке.

Признавая, что еще некоторое время следовало бы сохранить частную инициативу в антикварной книжной торговле, Горький обратился в Петросовет с просьбой об открытии некоторых букинистических книжных магазинов.

К. А. Федин показывал мне выписку из постановления Петросовета:

> «Слушали: заявление М. Горького об открытии книжных магазинов Бурцева, Молчанова и Шилова.
>
> Постановили: открыть означенные магазины на правах национализированных, а бывших владельцев привлечь в качестве заведующих».

Торговали мы около года, и очень удачно, но в силу разных обстоятельств магазины все же было решено закрыть.

Я перешел работать в магазин Цектрана, которым заведовал Д. С. Левин. Это был очень культурный человек, хотя и не книжник. Я стал его заместителем и заведующим складом. Как предприятие железнодорожников, мы имели большие преимущества перед другими магазинами.

В эти годы образовалось очень много частных издательств: «Радуга» Клячко, «Петроград» Гес-

сена, «Мысль» Вольфсона, «Сеятель» Высоцкого и др. Госиздат и рабочее издательство «Прибой» неохотно принимали счета частных издательств, а наши счета принимали безвозбранно. С другой стороны, мы покупали книги у частных издательств, и нам получать от них счета также не возбранялось. Мы закупали огромное количество их книг, в некоторых случаях даже целые тиражи. Большую часть мы отсылали в Москву, где был наш главный склад, а остальное продавали оптом Когизу и «Прибою».

Главное же наше преимущество было в том, что мы снабжали все железнодорожные школы округа и даже две школы в Москве. Особенно удобным для нас было то, что накладные с нашей печатью принимались на всякое расстояние и наши книги шли бесплатно по всем железным дорогам.

Несмотря на благоприятные условия работы, меня все же тянула к себе старая книга — таковы были уже привычка и склонность, выработанные десятилетиями. Я купил для нашего розничного магазина прекрасную библиотеку Максимова, большого библиофила. В ней был блестяще подобран отдел библиографии. Через некоторое время я купил библиотеку Р. М. Кантора с изумительно подобранными книгами по истории революционного движения. Там были почти все жандармские списки, полнейший подбор брошюр 1905 года, очень много заграничных изданий брошюр, первых изданий Ленина, Плеханова, а также много подпольных брошюр и листовок. Эту библиотеку мы продали целиком Коммунистическому университету.

Вспоминая о приобретениях, я должен сделать некоторое отступление, ибо многие прошлые

находки стали ныне достоянием всего народа, оказавшись в государственных хранилищах.

Во время моей работы в Пушкинском доме мною было приобретено очень много рукописей и автографов. Как-то пришли ко мне два молодых человека и просили помочь им устроить архив Кутузова. Это были два брата Тучковы, какие-то отдаленные потомки фельдмаршала.

Я был поражен богатством материала и сказал им, что, по существу, это стоит больших денег, но средства наших государственных хранилищ ограниченны. Я пообещал устроить архив за невысокую цену в Москве или Ленинграде, в Публичной библиотеке и Пушкинском доме. Братья ответили, что им не так важны деньги, как сохранение архива.

Я немедленно отправился к ученому секретарю Пушкинского дома Г. А. Гуковскому. Тот горячо отозвался на мое предложение, и на другой же день весь архив был приобретен за 6 тысяч рублей.

В этом архиве было огромное количество черновиков приказов и распоряжений Кутузова, все грамоты и патенты за подписями Екатерины II, Павла I и Александра I, письма знаменитых русских и иностранных лиц.

Впоследствии через мои руки прошел архив К. Кавелина и его отца, современника и друга Карамзина. В архиве было более 300 писем художников к художнику-пейзажисту Павлу Александровичу Брюллову и между ними — несколько писем Марии Башкирцевой. Она писала Брюллову как члену правления Товарищества передвижных художественных выставок, прося его поместить некоторые ее картины в Русский музей и напоминая, что ее произведения охотно покупа-

ют музеи Европы; но ей хотелось бы, пусть бесплатно, поместить картины в музей своей родины.

В дореволюционные годы у меня бывал и кое-что продавал Павлищев — племянник А. С. Пушкина; он всегда приходил с казачком. Этот казачок стал впоследствии оперным певцом. Павлищев предложил мне около 100 писем О. С. Павлищевой, сестры Пушкина, и много писем семьи Павлищевых. Я их отправил, естественно, в Пушкинский дом. Туда же через мое посредство поступил и мраморный бюст Тютчева работы скульптора Ухтомского.

В марте 1927 года Общество библиофилов, членом которого состоял и я, решило устроить мой и А. С. Молчанова юбилей.

Юбилейное заседание происходило в помещении Общества. Вступительное слово сказал директор библиотеки Эрмитажа О. Э. Вольценбург, затем основатель Общества библиофилов В. К. Охочинский прочел доклад «35 лет на службе книге». Коллекционер гравюр А. И. Доливо-Добровольский сделал доклад «Горизонты и задачи антиквариата». От ассоциации книжных работников говорил А. И. Аникеев, от букинистов — Соломин.

Мне поднесли адрес, затем были прочитаны приветствия от Археографической комиссии Академии наук и многих учреждений и частных лиц. С. В. Чехонин поднес мне свою монографию с надписью скорописью в стиле XVII века — «Ярославскому мудрецу книги в день его юбилея от изографа Сергея Чехонина».

Была выпущена книжечка-памятка с портретами Молчанова и моим работы художника Бриммера.

Мне хочется вспомнить еще один случай, связанный с А. М. Горьким.



Ф. Г. Шилов (в верхнем ряду первый справа) с библиофилами Москвы и Ленинграда

Незадолго до закрытия моего магазина я предложил «Красной газете», которой принадлежал магазин «Дешевая книга», передать мне все ценные книги, а я по взаимному расчету передам в их магазин дешевую и массовую книгу.

Заведующему издательством «Красная газета» Классу моя мысль понравилась, но он просил меня повременить с этим. Я вздумал написать А. М. Горькому и попросить его рекомендацию Классу. Через несколько дней я получил от Алексея Максимовича ответ:

«Посылаю Вам записочку для Класса. Желаю успеха.

А. Пешков».

Классу Горький написал большое письмо, в котором говорил, что хорошо меня знает, что я люблю и знаю книгу и что было бы хорошо, если бы «Красная газета» купила «Антиквариат» Шилова, а его самого взяла на работу. Дорогие книги можно было бы передать в «Антиквариат», с тем чтобы в «Дешевой книге» были действительно дешевые книги.

С этим письмом я пошел к Классу и спросил, пришел ли он к какому-нибудь решению. Тот ответил, что ждет еще мнения сотрудников.

— А я принес рекомендацию,— сказал я и вынул письмо.

Класс вскипел:

— Мне не надо никаких рекомендаций, я враг рекомендаций!

Я обиделся и сунул письмо обратно в карман.

Вернувшись к себе в магазин, я застал там П. Е. Щеголева и рассказал ему об инциденте с Классом. Щеголев сказал:

— Рекомендация рекомендации рознь. Напрасно вы не сказали, чья рекомендация. От

рекомендации Горького он бы не отказался. Ну что ж теперь делать? Пошлите ему вашу рекомендацию почтой.

Я сгоряча и послал, а теперь жалею, что не сохранил автографа Горького. Продавать свой магазин «Красной газете» я передумал и объявил в газетах о распродаже книг по случаю прекращения торговли.

После закрытия магазина, в конце 1929 года, я поступил в магазин Техиздата агентом по продаже книг. Работал также в Технологическом институте, в палате мер и весов и в Новой технической библиотеке. Но мне была нужна настоящая работа, к которой я привык и по которой скучал, поэтому я поступил в книжный и художественный магазин «ОХР» *, работая одновременно в Книжном фонде по отбору литературы для «Международной книги», а затем в Укркниготорге, для которого закупал старые книги.

В 1933 году меня перевели в «Международную книгу», в экспертный отдел. Работа заключалась в продвижении русской книги за границу. Для этого составлялись индивидуальные списки, а также каталоги, которые рассылались во все страны (в течение года я выпустил более 30 каталогов по различным вопросам).

Больше всего через «Международную книгу» расходилось книг по изучению недр России, в частности по геологии; это было естественно, так как другие страны интересовала экономическая жизнь России.

Через год я вернулся в Укркниготорг. Старую книгу здесь уже не покупали, но при магазине

---

* Объединение художников-реалистов.

решили открыть антикварный отдел, где я и начал работать.

Но меня тянуло к писателям и ученым, ведь я всю свою жизнь имел с ними дело. Поэтому я перешел в Книжную лавку писателей. Годы работы в ней считаю для себя очень плодотворными. При моем содействии лавка приобрела немало библиотек и собраний рукописей и автографов, в том числе библиотеку ближайшего сотрудника А. М. Горького по издательству «Знание» К. П. Пятницкого, библиотеку и собрание автографов литературоведа П. Н. Медведева. В библиотеке Медведева были прекрасно подобраны все первые издания как самого Пушкина, так и его поэтического окружения. В собрании автографов были главным образом автографы поэтов конца XIX—начала XX века: Н. Гумилева, А. Блока, В. Брюсова, Андрея Белого, В. Маяковского и многих других. Мы купили также ряд писем А. М. Горького, в том числе, например, его письмо к Шаляпину от 1913 года.

В этом письме Горький писал:

> «...Помни, кто ты в России... Ты больше аристократ, чем любой Рюрикович... Ты в русском искусстве музыки первый... и так хотелось бы, чтобы ты понял твою роль, твое значение в русской жизни!»

Особенно важные документы мы купили у одной неизвестной женщины. Это были материалы по организации Управления по делам искусств. Среди них были в подлинниках протоколы тридцати заседаний, на которых присутствовали работники искусств и общественные деятели, собранные Горьким,—А. Бенуа, сам А. М. Горький, А. Н. Тихонов (Серебров) и много художников. На этих заседаниях решено было

образовать самостоятельное Управление по делам искусств и Управление по охране памятников старины.

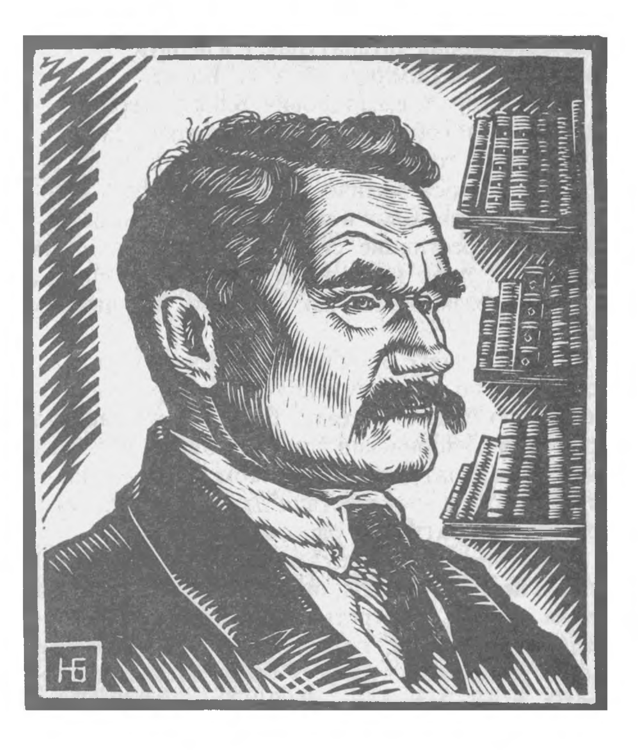
Книжная лавка писателей устроила несколько базаров и выставок. Особенно хорошо были организованы базары и выставки в Доме писателей. Выставлены были книги из собрания В. А. Десницкого: редкие издания Крылова, ряд первых изданий Ленина, Плеханова, Чернышевского и других, коллекция переплетов от XV до XX веков, очень много марокенов с суперэкслибрисами пап, кардиналов, королей и разных именитых людей. Десницкий выставлял также превосходно оформленные книги французских романтиков.

Профессор Н. К. Пиксанов устроил выставку своего собрания всех изданий и более чем ста списков комедии Грибоедова «Горе от ума».

Г. А. Гуковский выставлял книги XVIII столетия. Особенно замечательным было собрание французских иллюстрированных изданий, подобранное хронологически, с последней четверти XVIII века по первую четверть XIX века.

Из собрания В. П. Исакова, о котором скажу дальше, были представлены все лучшие издания XVIII века вроде четырех томов Лафонтена, четырех томов Мольера, Руссо, Вольтера с гравюрами Буше и пр.

Я хочу особо сказать о своих встречах с писателями, об их библиотеках. В библиотеке каждого писателя отражались не только вкусы и характер владельца, но и творческое лицо его. Я же, работая, в частности, в Книжной лавке писателей, имел возможность узнать многих советских писателей, литературоведов, ученых, и общение с ними было не только приятным, но и глубоко поучительным.



Ф. Г. Шилов. Гравюра на дереве Н. Л. Бриммера

Особенно часто мне приходилось встречаться с писателями во время моей работы в издательстве «Всемирная литература», и в первую очередь мне хочется вспомнить об А. А. Блоке.

Александр Александрович Блок интересовался театром и собирал все, что касалось театра.

В первые годы революции он очень мало заботился о своей внешности, ходил обычно в потертой шинели. Блок в магазинах усердно разыскивал интересующие его пьесы, стоя либо на корточках, либо на коленях (пьесы и брошюры о театре размещали, как правило, на нижних полках).

У меня в лавке Блок познакомился с молодым человеком по фамилии Лабутин, который попросил у него билеты в театр. Блок тут же написал пропуск в Суворинский театр. Лабутин, который был очень культурным человеком, близко сошелся с Блоком и впоследствии даже помогал Бекетовой в литературных работах о Блоке.

Лабутин оказался неудачником. После смерти Блока, не имея работы, он распродал все письма Блока к нему, портреты и письма разных знаменитых артистов, которым его отец всячески в свое время помогал. Тут были письма и портреты В. Н. Давыдова, В. В. Стрельской, Липковской и целого ряда других лиц, поднесенные Карпу Лабутину и имеющие дарственные надписи.

После смерти Блока его жена Любовь Дмитриевна получила все наследство и права на издания Блока, приобретя возможность усиленно собирать книги по любимому ею балету. Собрание у нее было довольно большое, о чем свидетельствует такой факт. Когда я купил собрание Худекова, автора трехтомной «Истории танцев», то

Любовь Дмитриевна смогла из него выбрать только какой-нибудь десяток листов. У Худекова же было около 100 разных литографий Тальмы, около 80 — Фанни Эльслер. Потом Любовь Дмитриевна купила у меня архив балерины Трефиловой, задумав написать книгу по балету, но развивавшаяся болезнь помешала этому. После смерти все ее собрание поступило в Театральный музей, а то, что сохранилось от библиотеки А. А. Блока, перешло в Пушкинский дом.

Поэт Михаил Алексеевич Кузмин был большим любителем книг, но собирал немного. М. А. Кузмин знал несколько языков и покупал главным образом изящные издания с несколько фривольным уклоном. Он был чрезвычайно образованным человеком, любил музыку, прекрасно играл на рояле и сам писал ноты. Я был знаком с М. А. Кузминым много лет. Он бывал у меня на родине, в г. Данилове Ярославской области, и с удовольствием вспоминал этот город, сказав мне как-то, что написал даже рассказ из даниловского быта.

М. А. Кузмин умер в Мариинской больнице (теперь больница имени Куйбышева) в 1936 году. Во время выноса тела покойного шел густой снег, но, несмотря на плохую погоду, М. А. Кузмина провожало в последний путь много людей — пожалуй, все жившие в Ленинграде писатели. Среди них выделялась крупная, засыпанная снегом фигура Алексея Толстого...

Василия Петровича Исакова я помню еще юношей-комсомольцем, покупающим в магазине «Международная книга» первые издания книг французских романтиков. Позже, на протяжении по крайней мере двадцати лет, я его знал как покупателя преимущественно французских книг

XVII—XIX веков. Вначале Исаков покупал по неопытности средние и плохие экземпляры книг, но потом стал менять их на лучшие. Таким образом у него образовалось прекрасное собрание.

Я убедился, что Василий Петрович очень искренне любит книгу. Можно указать на один факт. В 1929 году Общество библиофилов издавало «Альманах библиофила». Перед этим Василий Петрович нередко посещал заседания Общества, и ему пришлось иметь дело с «Альманахом». Резко возражал он против публикования переведенной с французского языка статьи «Является ли женщина библиофилом?», в которой доказывалось, что женщина любит книгу только как предмет роскоши.

Более детально я познакомился с библиотекой Исакова, выбирая в 1940 году книги для выставки в Доме писателя. Осматривая библиотеку, я поражался большому и систематичному собранию книг. Для того чтобы так подобрать библиотеку, как сделал это Исаков, надо было прежде всего иметь страстную любовь к книге и неимоверное упорство.

Весной 1942 года я проходил по улице Связи мимо квартиры Исакова. Смотрю—крыша разворочена. Значит, попала бомба или снаряд. Я повернул во двор, поднялся в его квартиру над подвальным помещением. Квартира была не закрыта, и я вошел в комнату: по стенам стояли книги, но кругом были мусор и камни...

Я стал искать управдома. Это была женщина, мирно копавшая в тот момент грядку посреди двора. Я спросил ее:

— Почему у вас в таком состоянии квартира Исакова? Не заперта...

— Квартира заперта.

— Нет, не заперта. Это возмутительно — такое отношение к чужому имуществу.

Она пошла со мною в квартиру Исакова и дорогой сказала:

— Да у него в квартире ничего и нет.

— А книги?

— А кому нужны теперь книги? Вот разве осенью, когда холодно будет, так на топливо разберут.

Естественно, моему возмущению не было границ.

Мы позвали дворника, достали железа, гвоздей и заколотили двери. Наутро я занес записку в Союз писателей и в Литфонд с просьбой принять меры для охраны библиотеки. После войны мне опять пришлось проходить по улице Связи. Дом, где жил В. П. Исаков, восстанавливался, но квартиры все были пусты и только отделывались. Сердце у меня упало. Как же библиотека Василия Петровича, неужели погибла? Управдом был уже другой. Я просил его рассказать о судьбе библиотеки Исакова, но узнал, что Василий Петрович приезжал с фронта и перенес библиотеку в другую квартиру. Все же того горького чувства, какое испытал при виде брошенной, беспризорной библиотеки, я никогда не забуду.

Одним из самых серьезных библиофилов советского времени надо считать Василия Алексеевича Десницкого.

. Он начал собирать книги с юных лет, еще в семинарии, и собрал их изрядно, но его собрание было расхищено. С начала революции он снова начал собирать, делая это с большим знанием и вниманием.

В настоящее время библиотека Десницкого является одним из лучших частных собраний, где

имеются вещи действительно уникальные, напечатанные иногда лишь в единственном экземпляре. Есть там, например, книги на пергаменте с великолепными миниатюрами XV века, целый ряд отличных инкунабул. Будь у Десницкого каталог собрания с комментариями и указаниями особенностей каждого экземпляра книги, он был бы незаменимым библиографическим справочником. Ныне после смерти В. А. Десницкого его собрание целиком перешло в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина.

Соратником В. А. Десницкого по собиранию книг был его большой друг Александр Евгеньевич Кудрявцев, который подбирал все по своей специальности — истории Англии и Италии — и приобрел действительно исключительные вещи.

Во время Великой Отечественной войны Кудрявцев эвакуировался из Ленинграда, но в дороге скончался. Его жена, возвратясь из эвакуации, предложила мне купить часть книг из библиотеки Кудрявцева. Я запротестовал против частичной продажи библиотеки: продавать нужно или все сразу, или беречь библиотеку, разбивать же прекрасно подобранные книги — преступление. Но вдова с сожалением говорила, что расстаться с книгами заставляет ее крайняя необходимость. Тогда я посоветовал ей продать библиотеку, принадлежавшую ее дочери и состоявшую из рядовых книг. Жена Кудрявцева так и поступила. Исключительно ценная библиотека Александра Евгеньевича Кудрявцева сохранилась.

Большим любителем книги является поэт Всеволод Александрович Рождественский. В его библиотеке очень хорошо подобраны иностранные книги, особенно французские.

В. А. Рождественский перевел стихи Фертио, посвященные книге. Одно время Общество библиофилов хотело устроить концерт, на котором должны были исполняться стихи и песни, посвященные книге. Мы решили обратиться к Рождественскому, чтобы он написал стихи, с тем чтобы положить их на музыку, и тот охотно согласился (к сожалению, это не осуществилось). Лучшие стихотворения Рождественского, помещенные в томе избранных его стихотворений, находятся в разделе «На полях книг». Рождественским написаны и другие стихотворения о книге.

Прекрасно подобрана библиотека профессора Н. К. Пиксанова, в ней главным образом книги о Грибоедове и его эпохе, в частности литература того времени. У него в собрании имеется более 150 списков комедии «Горе от ума» и все печатные издания этого произведения, начиная с 1833 года.

Я знал Пиксанова, когда он был еще студентом. Он уже в то время собирал книги о Грибоедове.

Превосходную библиотеку книг XVIII столетия собрал Григорий Александрович Гуковский. В его библиотеке представлены почти все журналы XVIII столетия, а также отдельные виды изданий, начиная от Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова. Особенно хорошо представлены всевозможные оды и брошюры, которые особенно редки. Можно с уверенностью сказать, что журналы XVIII столетия подобраны Гуковским исчерпывающе.

Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов) часто заходил ко мне и много накупал книг. В каждый приезд он проводил у меня немало

времени. Приходил с утра и целый день просматривал все имеющиеся книги, одну за другой. Лишь по закрытии лавки он возвращался к себе в вагон, в котором жил те несколько дней, что находился в Ленинграде. Туда я и отвозил его многочисленные покупки.

Помню, однажды мне случайно попала часть архива одного адмирала. В бумагах, помимо семейной переписки, были документы, относящиеся к воспитанию и образованию великого князя Константина Романова, поэта.

Я предложил архив Ефиму Алексеевичу. Он просмотрел и говорит:

— Очень интересно.

— Так покупайте.

— Не знаю, стоит ли — мне это как будто ни к чему.

Так он архива и не купил.

Демьян Бедный собрал действительно необычайную библиотеку, хотя и говорил, что собирает только книги, нужные ему для работы. Например, он купил книжонку «43 способа завязывания галстука», прочитав которую написал целую сатирическую поэму о старом быте. Он приобретал много книг и в Москве — у всех книжников, но больше всего у Шибанова. В декабре 1928 года он мне писал:

«Уважаемый Федор Григорьевич!

Помнится, что Вы предлагали мне книжечку изд. 1789 г., перевод с французского Ф. Каржавина "Описание вши". Занятый другими покупками, я позабыл об этой книге и забыл также, сколько Вы с меня спрашивали за нее. Не помню точно, Вы мне ее предлагали или кто другой, и в Питере или в Москве?

Если книгу предложили Вы, и если она у Вас еще имеется, то вышлите мне ее. Есть ли новинки?

Сердечный привет Александру Игнатьевичу. Я очень и очень благодарен ему за оказанное мне дружеское внимание. Вчера приобрел за три рубля «Позорище странных и смешных обрядов», очень хороший экземпляр. Для моей библиотеки взял я потому, что на нем оказалась собственноручная отметка владельца книги. Кого бы Вы думали? — Кондрата Рылеева! Декабриста! Вот что он читал. Старик Шибанов предложил мне немедленно, по его мнению, сногсшибательную цену — 30 руб., чем очень меня насмешил. Такие экземпляры не перепродаются. Им цены нет. Поглядывайте, Федор Григорьевич, на надписи; попадется еще Рылеев — возьму. Но это очень редкий случай.

Как ваши дела? Желаю Вам — и тем самым нам — успеха! Привет.

Демьян Бедный».

Однажды у меня в магазине Демьян Бедный встретился с Александром Игнатьевичем Андреевым, о котором и упоминает в письме. Тот был тогда ученым секретарем Археографической комиссии. Андреев обещал Демьяну Бедному передать некоторые издания Археографической комиссии и, очевидно, сделал это. Здесь же, у меня в магазине, они вспоминали свои студенческие годы, когда оба учились в семинаре профессора С. Ф. Платонова. До университета Демьян Бедный учился в военно-фельдшерской школе. Он говорил:

— Помню, когда я поступил в университет, вы меня все приняли не очень радушно, как

красноподкладочника, и вы не ошиблись, подкладка-то действительно оказалась красной.

Ныне исключительно богатая библиотека Демьяна Бедного является филиалом библиотеки Литературного музея в Москве.

Я многие годы был знаком с пушкинистом Н. О. Лернером, автором книги «Труды и дни Пушкина», получившей академическую премию Петра Великого.

Библиотека Н. О. Лернера была обширной, но с подбором книг преимущественно о Пушкине. В каждой книге было большое количество вкладных листов и листочков, испещренных его малоразборчивым почерком. Николай Осипович был необычайно трудолюбив и усидчив. У него было немало начатых работ, между прочим, и о книжниках-букинистах. Книгу «Труды и дни Пушкина» он дополнил вдвое. Все дополнения сделаны были на полях и на вкладных листах. Библиотеку Н. О. Лернера купила впоследствии Публичная библиотека.

Н. О. Лернер был необычайно остроумный человек, но со странностями. Был такой случай. П. В. Губар в Обществе библиофилов устроил выставку «Альманахи пушкинской эпохи». Лернер предложил сделать на выставке доклад. Губар охотно согласился. Вечер был назначен, публики собралось много. Все ждут Лернера, а его нет и нет. Кто-то сказал, что он приходил, побыл в зале и быстро ушел. Я и Молчанов решили поехать к нему на квартиру. Когда мы приехали к нему, то нашли Лернера в постели. Он категорически, ссылаясь на свою стеснительность, отказался делать доклад на таком обширном собрании. Тогда нам на помощь пришла его жена. Она посоветовала сказать Лернеру, будто вся

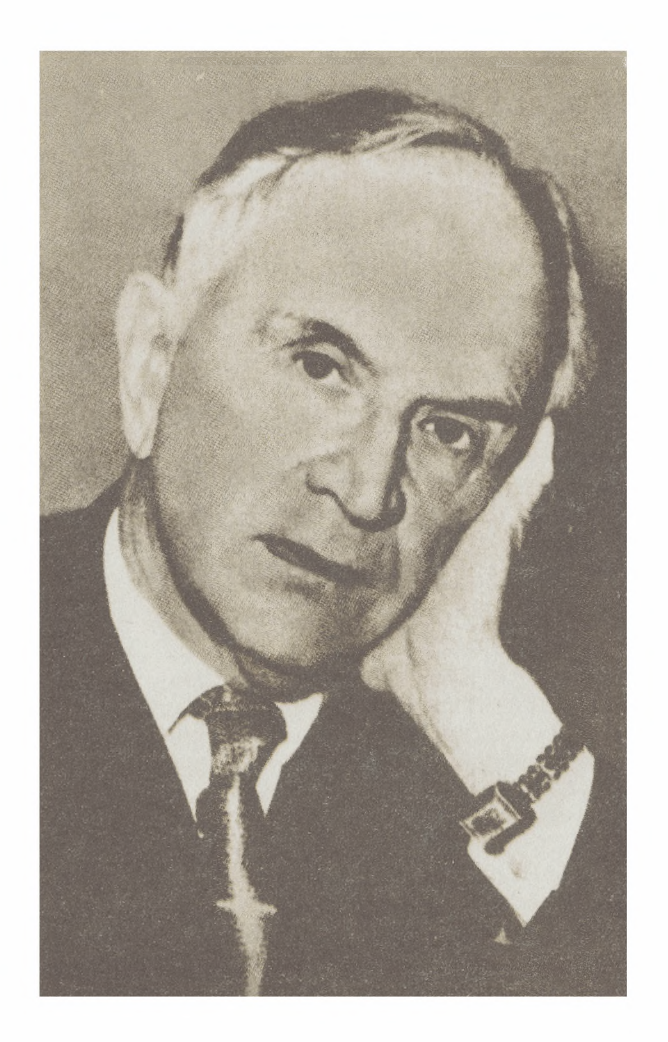
публика уже разошлась и что доклад надо будет сделать в узком кругу библиофилов. Мы с Молчановым так и поступили. Тогда Лернер согласился, и мы все трое поехали. Лернер, увидев, что публики много, опять смутился. Но на этот раз мы его не отпустили и уговорили выступить. Доклад Лернер сделал замечательный, а после собрания даже благодарил меня и Молчанова за то, что мы его подбодрили.

У меня, как я уже говорил, имелся альбом рисунков современников и друзей М. Ю. Лермонтова, который я приобрел у семьи Столыпиных. В этом альбоме были и два рисунка Лермонтова. Лернер так заинтересовался ими, что прислал ко мне на квартиру фотографа заснять эти рисунки. Николай Осипович сообщил мне, что пишет книгу о Лермонтове и Мартынове, которая в ближайшее время выйдет в свет.

Прошло некоторое время, я слышал, что книга Лернера была уже набрана, но в свет она так и не вышла.

Большим любителем книг является Л. И. Раковский. Это единственный из всех писателей, который не говорил, что собирает книги только для работы. Раковский любит книгу как таковую. Ядром библиотеки Раковского является литература конца XVIII—начала XIX века.

Московских писателей я мало знаю; кроме библиотеки Демьяна Бедного, видел собрание книг В. Г. Лидина. Его сравнительно небольшая библиотека меня поразила. В собрании Владимира Германовича Лидина имеется, между прочим, ряд книг из библиотеки Г. Р. Державина. Что касается других книг—главным образом изданий XIX века,—то все они в изумительном состоянии. Особенно запомнилось мне



В. Г. Лидин

«Живописное путешествие от Москвы до китайской границы» А. Мартынова. Этот экземпляр в желтом марокене фолио, с текстом на русском и французском языках и тройной сюитой акварелей, сделанных Мартыновым, принадлежал ранее, по всей вероятности, самому художнику. Кроме того, у Лидина довольно большое собрание автографов писателей-классиков.

В декабре 1941 года исполнилось 50 лет моей работы с книгой. Художник Верейский сделал мне к этой дате подарок — мой литографированный портрет.

А в январе 1942 года, во время блокады Ленинграда, сгорел дом, в котором я жил. Пожар был настолько ужасен (и не только для меня), что был даже описан в рассказе Всеволода Воеводина «Книжная лавка», напечатанном в № 4 журнала «Звезда» за 1945 год.

Я жил на пятом этаже. При всем старании пожарные ничего не могли сделать с огнем. Напор воды был недостаточен, вода из шлангов не поднималась выше второго этажа. Я пробовал выкидывать книги, но пачки разбивались, книги рассыпались, примерзали к снегу и льду (было свыше 35 градусов мороза). Мы сидели на остатках своих пожитков, не зная, куда деваться.

После пожара я заболел и пролежал месяца два в больнице. Принявшись после этого за приведение в порядок своей библиотеки, я выяснил, что половина книг погибла, очень много книг совершенно испорчено.

Остатки отдела библиографии я продал Публичной библиотеке, а остальное, уцелевшее,— Книжной лавке писателей.

Во время блокады я вынужден был расстаться с самыми ценными для меня вещами — книгами,

которые я мечтал сохранить до конца жизни. Пришлось расстаться со всеми раритетами, в том числе с небольшим, но приятным собранием автографов. Одно утешение, что все мое собрание поступило в Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Между прочим, у меня были некоторые курьезные автографы: например, договор, подписанный Л. Н. Толстым, Чертковым, Софьей Андреевной Толстой и другими, не пить крепких напитков и не угощать ими никого.

Была очень красивая инкунабула — библия 1472 года, напечатанная Кобергером в Нюрнберге, и целый ряд первых изданий, многие из них с автографами. После пожара сохранились картины Сверчкова, Кившенко и небольшое собрание гравюр.

Работая еще в Укркниготорге и часто заходя во все книжные магазины, я купил однажды в «Академкниге» рукописную книгу форматом писчей бумаги, очень толстую. Это оказался том документов Комиссии о строениях за 1729—1730 годы, в котором оказались очень любопытные материалы по истории Петербурга. Здесь было много документов за подписями архитектора Земцова и заведующего городскими садами Шредера; очень много материалов о ремонте и устройстве 1, 2 и 3-го петербургских садов. 3-й сад являлся одновременно и зоологическим, потому что были документы, касающиеся ремонта клеток и птичников. В 1729 году от князя Меншикова поступали требования на людей для работы в его садах, а в 1730 году, когда Меншиков был выслан, последовали приказы послать в Москву тысячи разных деревьев из бывших меншиковских садов.

Мне, разумеется, хотелось пристроить эту книгу в надлежащее место. Я предложил ее Ботаническому саду — там отказались, Музею города, Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажу — все по разным причинам отказались; наконец ее купила Академия архитектуры в Москве. А рукописи этой все же надлежало быть в Ленинграде. Кстати, туда же пришлось продать подлинные проекты архитектора Старова и его современников.

У меня имелась любопытная переписка Л. Н. Толстого с редактором «Правительственного вестника» К. Случевским. Когда Толстой написал статью о голоде, цензура ее не пропустила. Толстой послал статью в Лондон, и Чертков напечатал ее на английском языке. В наших газетах появились выдержки из английских газет. Эти выдержки не понравились правящим кругам, и Софья Андреевна Толстая написала Случевскому, прося напечатать ее заявление. Случевский запросил об этом начальника Главного управления по делам печати Феоктистова, который ответил Случевскому, что печатать заявление не следует.

Тогда сам Лев Николаевич отправил два письма — одно почтой, другое с оказией, — где пишет:

> «...в газетах появились перепечатки из английских газет моей статьи о голоде, но от перевода на английский и с английского на русский получились неточности и приписываемые мне мысли не только чужды мне, но и противны всем моим убеждениям.
>
> Примите, милостивый государь, уверения в моем почтении.
>
> *12 февраля 1892 г.*
>
> *Лев Толстой*».

Случевский снова обратился к Феоктистову. Тот ему ответил:

«Дорогой Константин Константинович. Разве вы не видите, что эта пара супругов втирает вам очки. Если бы они хотели напечатать опровержение, они могли бы напечатать в любой газете, а они хотят напечатать в «Правительственном вестнике», как в официальном органе. Не печатайте ни в коем случае.

Феоктистов».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В Библиотеке Академии наук СССР. Вавилов. Крачковский. Художник Верейский. Итоги жизни. К молодому поколению

Некоторое время спустя, слегка оправившись после болезни, я зашел в Библиотеку Академии наук СССР, чтобы поблагодарить директора библиотеки Иннокентия Ивановича Яковкина за любезность, заключавшуюся в следующем. Я хлопотал об установлении стажа для получения пенсии по старости и обратился к М. Л. Лозинскому с просьбой удостоверить, что мы с ним с 1917 по 1919 год работали в Центральном комитете государственных библиотек, где он был председателем закупочной комиссии, а я — постоянным консультантом. Через несколько дней я получил два удостоверения: одно от М. Л. Лозинского, а другое от И. И. Яковкина, к которому Лозинский обратился по телефону с просьбой уточнить даты моего поступления в комитет и ухода. Яковкин, также работавший в комитете, без моей на то просьбы написал на бланке библиотеки удостоверение, аналогичное справке Лозинского. Меня это растрогало, и я использовал первую же возможность лично поблагодарить Яковкина. Иннокентий Иванович принял меня

очень любезно и между прочим спросил, что я делаю. Я сказал, что из Книжной лавки писателей ушел и пока ничем не занят. Он ответил:

— Вы библиотеке очень нужны, но вот нет штатной должности, не сможем дать вам продовольственной карточки.

Я заявил, что имею карточку пенсионера, а поступить на работу на целый день не решаюсь, потому что еще очень слаб.

— Ну что ж, давайте договоримся иначе,— решил он и предложил, чтобы я работал по два часа в день. Так мы и договорились.

Библиотека Академии наук не столь популярна, как Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина или Библиотека им. В. И. Ленина, но в качестве библиотеки-музея имеет огромное значение. Это первая библиотека в России, основанная Петром I.

За десять лет мне посчастливилось познакомиться со всеми сокровищами Библиотеки Академии наук. В ней сохранилось, в частности, немало книг с пометками Петра I из собственной его библиотеки. Есть книги из библиотеки и сына Петра — царевича Алексея Петровича.

Первая моя работа была — просмотреть закупленную библиотеку знатока древнерусской живописи М. И. Успенского.

Эта закупка была неудачной, так как Успенский в течение двадцати лет распродавал по частям свои книги, а Библиотека Академии наук приобрела то, чего не покупали книготорговцы: главным образом книги религиозного содержания. Рукописный отдел библиотеки Успенского был, однако, неплохим, потому что рукописи он в розницу не продавал. Результатом моего просмотра было то, что половина книг была возвращена владельцам.

Следующей моей задачей было пересмотреть весь магазин № 1 запасного фонда, чтобы отметить для библиотеки наиболее редкие книги. С этой целью я на особо редких книгах делал условные пометки: единица означала, что книгу без разрешения дирекции нельзя выдавать никому; двойка — что книгу можно выдать, но лишь после проверки в каталоге; книги без пометок можно выдавать спокойно.

Кроме того, при входе в магазин № 1 была большая груда книг, которую Яковкину очень хотелось разобрать. Я постепенно, в свободное от более спешных работ время, разбирал эту груду. В ней были книги преимущественно большого формата. Между прочим, там оказалось несколько экземпляров сочинения Солнцева «Древности Российского государства», в шести томах, книга А. Орешникова «Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам», вышедшая в 1884 году и в продажу не поступавшая, «Русские достопамятности» А. Мартынова и «Успенский собор в Москве» И. Снегирева, напечатанная в небольшом количестве экземпляров, а также очень много других ценнейших книг. Между ними оказалась и редчайшая книга «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где помещена статья К. Тулина (один из псевдонимов В. И. Ленина) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Книга в свое время (в 1896 году) была сожжена, и случайно сохранившиеся экземпляры очень высоко ценились.

Я работал два часа в день и, кроме того, по заданию президента Академии наук С. И. Вавилова два дня в неделю обходил всех книжников города в поисках особо редких книг. Сергей

Иванович хотел, чтобы ничто на рынке не проходило мимо нашей библиотеки. С этой же целью он требовал от «Академкниги», чтобы каталоги антикварных книг в первую очередь присылались в библиотеку и направлялись частным лицам только после отбора нужных для нее изданий. Правда, это не всегда исполнялось.

Мне иногда удавалось находить вещи редчайшие. Так, я нашел переплетенный том, содержащий подлинные документы дела Евдокии Лопухиной, дела царевича Алексея Петровича и «листовки Полтавской баталии», в которых указывается, сколько взято пленных, пушек и прочих трофеев. Дело Алексея Петровича встречалось и раньше, а дело об измене Петру Великому жены его Евдокии Лопухиной было известно лишь в общих чертах, в частности его использовал в одном из своих исторических романов К. Валишевский. В нем, между прочим, были воспроизведены письма Евдокии Лопухиной к ее любовнику Глебову, в которых она писала: «Милый, ненаглядный, несмотря ни на что, приходи, я жду тебя» и т. д. Дело о Лопухиной и афиши о победах под Полтавой я видел в первый раз в своей жизни.

Оценка библиотек и отдельных книг, предлагаемых Библиотеке Академии наук, тоже лежала на моей обязанности, главным же образом мне было поручено оценивать фонды самой библиотеки. Яковкин находил, что для оценки фондов Библиотеки Академии наук жизни одного человека не хватит, для этого надо организовать целый институт. Устроили совещание. Я, между прочим, сказал, что математика на что уже точная наука и то имеет теорию вероятностей и приближенные вычисления. Следовательно, оценка биб-

лиотечных книг также может быть в какой-то мере приблизительной. Тогда Яковкин сказал:

— Цените так, как если бы вам в лавку принесли их для продажи.

Сначала я оценивал справочный отдел. Выдающиеся издания я оценивал каждое отдельно, потом подбирал для каждой полки 5 книг по 100 рублей, 10 книг по 50 рублей, 25 книг по 10 рублей, остальные — по 5 рублей и подсчитывал стоимость каждой полки. С одной стороны, это весьма сокращало время, с другой — в итоге получалась почти точная оценка. Многие справочники приходилось оценивать особо, например десятитомный справочник Чемерзина «Оригинальные издания французских книг». Издание это в Ленинграде не было известно ни одному библиофилу; выпущено оно в 1925—1935 годах в Париже, имеет многочисленные снимки с титульных листов. Издание, правда, описывает только французские книги, но в этой области совершенно затмевает Брюне, Грессе и другие справочники.

После того я принялся оценивать подсобную библиотеку Рукописного отдела и влившуюся в нее библиотеку Н. К. Никольского, в которой было много редких и ценнейших книг вроде «Полного собрания русских летописей», «Патрологии» Жака-Поля Миня в 220 томах, в полном виде встречающейся чрезвычайно редко.

Затем я оценивал особый фонд, содержавший более чем 1500 инкунабул из Готской библиотеки, между которыми нашлись редчайшие. Самое древнее издание — это Псалтирь 1459 года на пергаменте. Самое интересное — географический атлас Птолемея, в котором все карты имели прекрасно сохранившуюся раскраску.

Было также шесть томов венецианского издания Аристотеля.

Из более поздних изданий тоже были уникальные вещи, например труды американского Ученого общества за подписью секретаря общества и Вашингтона, «Горе от ума» Грибоедова, без указания года и места напечатания: этого издания известны только два экземпляра. Но несомненно, что оно выпущено значительно раньше первого, известного, издания 1833 года. Книга эта напечатана была, видно, на примитивном печатном станке, бумага — простая, сложенная вчетверо.

Есть и такое издание, как воспроизведение номера газеты коммунаров с запекшейся кровью Марата. Репродукции были напечатаны в количестве 50 экземпляров Анатолем Франсом, в библиотеке которого находился оригинал газеты.

Я оценивал также русские книги XVIII века, представленные особенно хорошо. Следует сказать, что, помимо основных книг библиотеки, в ней есть и книги влившейся библиотеки Эрмитажа. В отделе книг XVIII века находятся изумительные по декоративному оформлению вещи, например три экземпляра издания «Коронация Елизаветы Петровны», выполненного на веленевой бумаге, имеющего красный, тисненный золотом переплет, с великолепно раскрашенными гравюрами. Такие экземпляры мне еще не приходилось видеть. Имеется любопытное собрание лубочных народных сказок из библиотеки П. А. Ефремова, причем многие сказки представлены в нескольких изданиях. Здесь же хранится зарубежная и подпольная литература, первые издания В. И. Ленина и Сочинения Радищева в ефремовском издании, как известно, уничтоженном.

Сохранившийся экземпляр подарен А. Н. Пыпиным.

Вскоре мне дали другую работу — разбирать книги в магазине № 19, настолько загруженном, что всевозможные издания были сплошь свалены во всех проходах между стеллажами, а некоторые проходы были заполнены до потолка. Между прочим, в одном из проходов под грудой книг я нашел два альбома времени Петра Великого и Елизаветы с чертежами постройки Петербурга и альбом чертежей флота петровского времени, которые я тотчас передал в Рукописное отделение библиотеки. В проходах находились книги преимущественно из библиотеки Н. П. Лихачева. Обнаружил я здесь также иллюстрированное издание Данте XV века.

После смерти Иннокентия Ивановича Яковкина я вошел в штат библиотеки, работая там по четыре часа, а остальное время проводя на книжном рынке и оценивая предлагаемые библиотеки. На Тучковой набережной мною было разобрано около 60 тысяч разных книг из различных библиотек, принадлежавших ранее частным лицам. Тут я тоже нашел немало ценных книг вроде атласа Крузенштерна или «Жития святых» Ключевского.

Когда Институт востоковедения переехал в Михайловский дворец, освободив весь пятый этаж, туда были перевезены 600 ящиков с книгами из библиотек Виленской Иезуитской академии и Петербургской духовной академии. Хотя эти библиотеки были перевезены и не полностью, там оказалось много замечательных книг; среди них — первые издания Декарта и редчайшие издания Птолемея, география XVI века, около 30 инкунабул. Особенно же ценным было собрание

(около 50 томов) из библиотеки Яна Казимира, польского короля, современника Иоанна Грозного; книги этой библиотеки имели великолепные датированные именные переплеты с кожаным тиснением.

Все книги этих библиотек были мною разобраны по содержанию, а наиболее ценные — более 25 тысяч томов — переданы особому фонду. После разборки из других хранилищ было перевезено 500 ящиков с так называемыми вторыми обязательными экземплярами. На самом же деле там было упаковано все, что библиотеки, сдававшие литературу, находили почему-то для себя лишним, хотя между действительно устаревшими оттисками и брошюрами оказалось очень много ценных, например около 20 брошюр В. И. Ленина в первых изданиях.

Много книг было отобрано по истории наук и произведений классиков науки в первых изданиях: книги Менделеева, Меншуткина, Мушкетова, Карпинского, Бутлерова, Циолковского и ряда других ученых. Более 10 тысяч книг и брошюр, иллюстрирующих жизнь Ленинграда, по всем отраслям, вплоть до каталогов коммерческих фирм, отчетов всяких обществ и прочее, мы передали Музею города. В том же плане было отобрано все относящееся к Москве (около 4 тысяч изданий), Киеву и Одессе. Н. П. Лихачев особенно увлекался казанскими изданиями. Я выделил из его библиотеки брошюры и оттиски казанских изданий по всевозможным вопросам; многие представляли чрезвычайную редкость.

Мною были оценены библиотеки ученых Ф. Н. Чернышева, А. П. Федченко, Домаскевича,

Подкопаева, академика Берга с книгами по ихтиологии, собрание рукописей Ф. А. Каликина, преимущественно поморских, значительно пополнившее имевшееся собрание поморских рукописей В. Г. Дружинина.

В филиалах библиотеки Академии наук есть вообще много крайне интересных вещей. Мне приходилось видеть в Пушкинском доме «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева с автографом Пушкина и такие редчайшие книги, как «Пригожая повариха» М. Чулкова или трагедия Я. Княжнина «Вадим Новгородский», вырванная по распоряжению Екатерины II из 39-го тома «Российского феатра» и сожженная.

В Ботаническом институте есть подлинные работы Линнея и замечательные инкунабулы по ботанике: два тома таблиц с натуральными листьями и цветами, изданные в XVIII веке.

В библиотеке Института материальной культуры помимо замечательных увражей и карт хранятся подлинные акварели и рисунки Айвазовского.

Библиотека Пулковской обсерватории имеет 80 инкунабул, первые издания трудов Коперника и книгу знаменитого астронома Иоганна Кеплера с его автографом.

Список сокровищ наших библиотек не имеет конца. Я и не берусь их перечислять, а только упоминаю о том немногом, что мне довелось самому увидеть, а иногда и помочь нашим книгохранилищам достать или сохранить.

Еще работая в Книжной лавке писателей, я нередко встречался с С. И. Вавиловым, до того как он стал президентом Академии наук. Особенно же хорошо я узнал Вавилова, когда стал

работать в библиотеке. Сергей Иванович очень любил книгу, особенно старинную, и при этом научного содержания.

В 1943 или 1944 году ко мне заходил милейший человек и образованнейший книголюб, Р. К. Карахан. Он заведовал в московском Доме ученых выпиской книг из-за границы. Карахан хотел повидаться со мной, а главное, передать поручение от Вавилова.

— Вавилов задумал открыть антикварный книжный магазин и приглашает вас для его организации,— сказал Карахан.— Сергей Иванович обещает выхлопотать льготные условия планирования оборота, так как предполагается, что магазин будет торговать главным образом антикварно-научными книгами, русскими и иностранными, и гравюрами.

Но директор Книжной лавки писателей Г. М. Рахлин не хотел и слушать о моем уходе. Вскоре, однако, я тяжело заболел и проболел целый год, совсем не работая. За это время я списался с Караханом, который известил меня, что Вавилов хочет при «Академкниге» расширить антикварный отдел и что на втором этаже уже открыта комната для ученых. По указанию Вавилова начали издавать каталог антикварных книг, имеющихся в ленинградском и московском магазинах. Каталог был тощенький и настолько малограмотный, что в нем часто помещались одни и те же книги, но с указанием совершенно различных цен. Это вызывало недоумение покупателей. Например, книга в ленинградском отделении стоит 20 рублей, а через несколько страниц — в московском — 60 рублей. Вот Карахан и писал мне, чтобы я в Ленинграде начал руководить отделом книг для ученых и составлять каталоги. Он же



С. И. Вавилов

будет составлять каталоги книг московского отделения. Карахан хорошо знал старую книгу, он был учеником П. П. Шибанова в «Международной книге», библиотекарем и секретарем Демьяна Бедного, а также секретарем Вавилова в кружке по изучению старой книги при Доме ученых.

С. И. Вавилов, как говорят, нутром любил старинную книгу, чувствуя ее прелесть и сознавая ее пользу. Вавилов мечтал о полном и подробном описании всех русских книг, находящихся в Библиотеке Академии наук, и по его распоряжению библиотека начала эту работу. Он мечтал широко развить микрокнигу, чтобы пользование редкими, в особенности научными, книгами было возможно во всех уголках Союза. Миниатюрные фотокопии книг удобны для пересылки, их легко читать с увеличителем. Вавилов всегда был первым защитником и покровителем старой книги, ее хранения и распространения. Когда, например, была издана инструкция о покупке старых книг букинистическими организациями, в которой предписывалось не покупать периодических изданий, Вавилов горячо протестовал против этого пункта инструкции. Он просил разрешения покупать старую периодику хотя бы для государственных библиотек и учреждений, и как раз в день смерти Сергея Ивановича было получено извещение из Москвы, что по заявкам ученых в одном из магазинов Ленинграда разрешается покупка периодических изданий. Ныне периодика широко приобретается нашими букинистическими магазинами.

В издательстве «Всемирная литература» я часто встречался с Игнатием Юлиановичем Крач-

ковским. В те годы он был членом редакционной коллегии, а я организовывал библиотеку. Он не знал, что я был издателем библиографической редкости «Похвала книге», в которую включены были редчайшие восточные стихи и изречения о книге, частично в его переводах. Одно из изречений, принадлежащее поэту IX века Ибн-Ясиру, я всегда вспоминаю, когда думаю о своей жизни книжника:

> «Я стал одинок, но со мной говорят умершие, и книги рассказывают мне про их мудрость, скрытую от меня раньше... Не умер человек, оставивший нам знание, которым мы будем пользоваться и после его смерти».

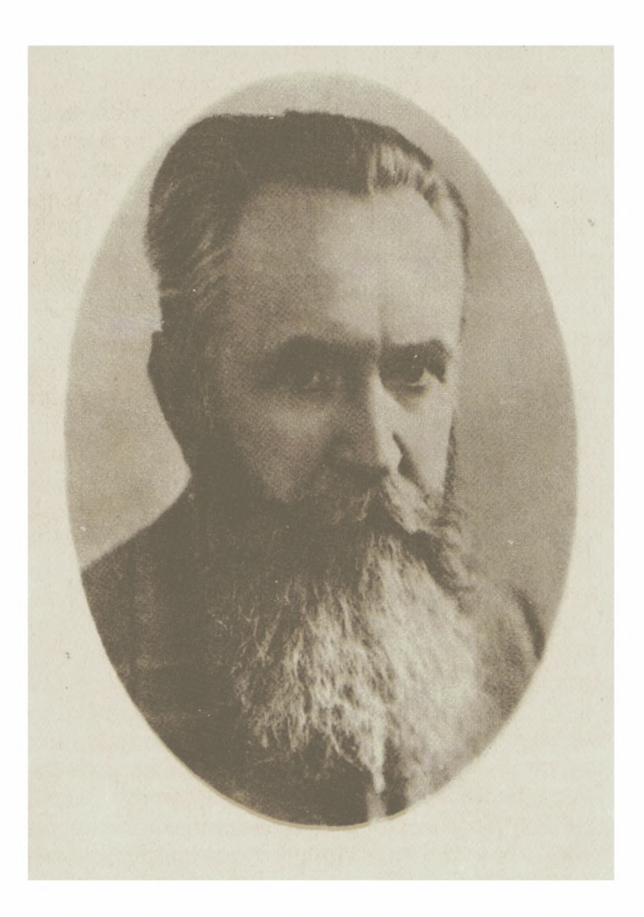
В Академии наук председателем ученого совета библиотеки был Крачковский. Здесь мы с ним сблизились, и позднее он сделал доклад в Доме ученых именно о выпущенном мною совместно с И. А. Шляпкиным издании «Похвала книге». Доклад этот он приурочил, как он мне сказал, приблизительно к тридцатой годовщине со дня выхода этой книги. Крачковский начал с того, что вот два деятеля задумали выпустить эту книгу: один давно умер, профессор Илья Александрович Шляпкин, а другой здравствует и находится сейчас среди нас — это Федор Григорьевич Шилов. Далее Крачковский сказал, что «Похвала книге» в некоторой степени способствовала тому, что и он начал собирать материалы о книге, но исключительно арабские, что собрал он их довольно много и думал издать книгу как изречений, так и украшений арабских книг.

— Но один датский ученый,— вздохнул он тут с сожалением,— предвосхитил меня и издал такую книгу, и при этом великолепно,— Крачковский показал собравшимся книгу.— И вот я решил уже такую книгу не печатать, но прочту вам кое-какие изречения из собранных мною материалов.

И он с чувством прочел действительно замечательные арабские изречения о величии книги и значении ее для человека.

Впоследствии я с ним сошелся еще ближе, встречались мы уже как добрые знакомые. Крачковский был необычайно милым, обаятельным человеком. Я помню, как он председательствовал на заседании, когда обсуждали книгу И. М. Кауфмана «Библиография библиографических словарей и справочников». Выступающие — докладчик Д. В. Лебедев, исполнявший обязанности директора Библиотеки Академии наук, О. Э. Вольценбург, и особенно ученый секретарь Археографической комиссии А. И. Андреев — нашли множество недостатков в этой книге. Потом выступил И. Ю. Крачковский и сказал, что он, может быть, профан, но книгу эту прочитал от доски до доски, или, вернее, от обложки до обложки, получив величайшее удовольствие. Возможно, надо было что-нибудь и прибавить к этой книге, но следует судить о том, что есть, а есть много хорошего. Автора можно только приветствовать и похвалить за то, что он проделал такую огромную работу.

Автор книги сидел тут же, взволнованный доброжелательством Крачковского, а выступающие после него уже хвалили работу. Даже



И. Ю. Крачковский

докладчик признался в заключительном слове, что читал эту книгу в общем-то с интересом.

Крачковский должен был читать у нас в Библиотеке Академии наук доклад о своей новой работе. Но доклад не состоялся; вечером накануне Игнатий Юлианович засиделся за работой до полуночи—обычно же он всегда пил вечерний чай в 9 часов,—а после полуночи внезапно умер. Хоронили его очень торжественно. Траурный митинг открыл академик Д. В. Наливкин, говорили академик Струве и другие со скорбью и от чистого сердца: И. Ю. Крачковского все любили.

Библиотека Крачковского состояла из 40 тысяч томов, и я всегда удивлялся, как у него хватало времени на собирательство. Много позднее я прочитал книгу Игнатия Юлиановича о его работе над арабскими рукописями; эта изумительная книга написана как поэма в прозе.

На похоронах Крачковского я встретил художника Г. С. Верейского, который сказал мне, что рисовал его в гробу, и спросил, есть ли у меня литографированный портрет Крачковского его, Верейского, работы.

— Я вам обязательно подарю,—пообещал Верейский. И действительно, он подарил мне портрет позднее. Это одна из наиболее удачных работ Верейского, находится она в моем собрании вместе со многими другими работами Верейского, очень талантливого портретиста нашего времени.

Верейский прослужил около двадцати лет в Эрмитаже, где заведовал отделом гравюр. Любовь к гравюре дала ему возможность воспринять и понять все прелести графики и ее технику.

Особенно хорошо у него получались литографированные портреты, сделанные им в двух сериях,—писателей и художников. Верейский, сам большой любитель и коллекционер, сделал также ряд портретов библиофилов и коллекционеров, например В. А. Десницкого, А. С. Молчанова, сделал и с меня очень удачный литографированный портрет. Почти одновременно он сделал с меня два офорта. Зная, что я собираю все гравюры и литографии, которые чем-либо связаны с книгой, Верейский до сих пор дарит мне время от времени портреты лиц, близких к книге. Так, я имею портреты Б. Н. Окунева и академика Берга, сделанные Верейским на фоне книг.

Работая в Библиотеке Академии наук в течение десяти лет, я, старый книжник, пережил немало приятных минут, находя прекрасные редчайшие книги, некоторые из которых я видел впервые. И мне кажется теперь, что я встретил много добрых, хороших друзей, которых не знал прежде. Ведь книги по своему умению дружить очень похожи на человека.

Воспоминания мои подходят к концу. Я уже стар, мне изменило зрение. И вот, когда человек подводит итог своей жизни, он всегда хочет думать, что хоть в малой степени, но принес пользу своему народу. Хочу думать так и я. Без этой мысли вся жизнь и все, что сделано, показалось бы бесцельным.

Мне захотелось рассказать молодому поколению о многих встречах с интересными и известными людьми, о замечательных книгах, документах, находках, которые иногда по-новому освещают нам события прошлого, о собирании и сохранении нашего национального богатства.

Я отдал всю свою жизнь книге, и она мне отплатила сполна. Благодаря ей я познал всю глубину человеческого разума, общался с замечательными людьми, радовался величию дел великих мастеров.

От души желаю молодому поколению любить и ценить книгу, беречь ее для будущего, как наши предки сохранили книги для нас, оставив нам это бесценное наследство.

П.Н. Мартынов

ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ

Несколько слов о книге П. Н. Мартынова «Полвека в мире книг»

На вопрос: «Ваше любимое занятие?» — К. Маркс отвечал: «Рыться в книгах». В. И. Ленин писал: «Без книг тяжко». «Прощайте, друзья!» — шептал умирающий Пушкин, обращаясь к любимым книгам.

Подобные примеры любовного отношения великих людей — и не только великих — к книгам можно приводить без конца. Советский читатель проявляет большой интерес к книгам о книгах, о собирателях книг, книгопродавцах, букинистах. «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, «Друзья мои — книги» В. Г. Лидина, «Записки старого книжника» Ф. Г. Шилова имели большой и заслуженный читательский успех и вызвали ряд более или менее удачных подражаний.

Книга П. Н. Мартынова по своему содержанию и характеру изложения примыкает к традиционным «повестям старых книжников», возникшим в русской литературе во второй половине XIX века,— воспоминаниям И. Т. Лисенкова, Н. Г. Овсянникова, Н. И. Свешникова, А. А. Астапова — и упомянутым «Запискам» Ф. Г. Шилова, вышедшим уже в наше время.

«Полвека среди книг» — книга, которая действительно заслуживает того, чтобы ее прочитать! Автор ее — человек уже немолодой, обладающий трезвым, умным взглядом на жизнь, наблюдательный, не лишенный своеобразного юмора и сохранивший прекрасную память. Умело, хотя и без соблюдения строгих литературных норм рассказывает он о том, что прошло перед его глазами и при его участии за полвека советской букинистическо-антикварной торговли.



П. Н. Мартынов

П. Н. Мартынов уже много лет печатает в различных библиографических и книготорговых изданиях — в журналах «В мире книг», «Советская книжная торговля», «Книжная торговля» — отрывки из своих воспоминаний. Но одно дело — маленькие статьи и заметки, другое — большая книга. Впервые выступая перед читателем с книгой, и притом в таком трудном жанре, как мемуары, П. Н. Мартынов с самого начала прочно овладевает нашим вниманием. Он обладает едва ли не важнейшим качеством, которое привлекает симпатии читателей к мемуаристам,— житейским и литературным тактом, диктующим ему отбор фактов и их освещение. П. Н. Мартынов знает по своей теме много больше того, что говорит, и поэтому говорит о том, что в самом деле заслуживает рассказа. Ему присуща литературная и личная скромность, он решительно непохож на тех мемуаристов, в воспоминаниях которых почти на каждом шагу проглядывает мысль, что автор — центральная фигура в среде и в событиях, о которых он повествует. П. Н. Мартынов умеет сохранить должные пропорции, и поэтому его личность нигде не выступает на передний план в такой степени, чтобы заслонить остальное и остальных. И даже тогда, когда по ходу изложения он рассказывает о себе, о своем детстве, первых и последующих шагах на букинистическом поприще, он умеет придать своему повествованию характер обобщения, типизации: за личностью автора мы видим жизнь и судьбу многих тысяч молодых русских людей накануне Великой Октябрьской революции и в последующие годы. В конечном счете при чтении этой книги создается впечатление, что П. Н. Мартынову личное начало в повествовании нужно только для того, чтобы иметь право и возможность от своего имени рассказать молодому поколению советских читателей о старой книге и людях старой книги. Но его воспоминания с интересом, пользой и эстетическим удовольствием прочтут не только молодые читатели.

Я отметил выше, что П. Н. Мартынов ведет свой рассказ умело, хотя и без соблюдения литературных

норм. В его простом, порою неправильном с грамматической и стилистической точки зрения разговорном русском языке есть своя прелесть, свое очарование. Мы слишком привыкли к сглаженной, нивелированной, олитературенной речи, царящей в наших книгах и статьях. Признавая в теории право каждой эпохи развивать и творить язык, на практике мы делаем все, чтобы устранить из печатного текста сколько-нибудь своеобразное, отходящее от привычного, «среднего» языка. Некоторые наши издательские редакторы исходят из неверного положения, что только их собственная речь есть истинная и непререкаемая норма, и поэтому лишь те мемуары нелитературных людей (актеров, военных, инженеров, врачей и т. д.) оказываются не только интересными по своему фактическому содержанию, но и эстетически действенными своей художественной формой, редакторы которых сохраняют уважение к манере изложения мемуариста и не стремятся уложить материал в прокрустово ложе сомнительных рецептов из области стилистики. Неторопливая, «бытовая» манера повествования, почти разговорная интонация воспоминаний П. Н. Мартынова несомненно придают особую прелесть его книге, столь богатой фактическим материалом.

По сравнению с воспоминаниями других «книжников», даже с «Записками» Ф. Г. Шилова, книга П. Н. Мартынова имеет в глазах советского читателя немалое преимущество: в то время как его предшественники рассказывали либо только о букинистической торговле XIX — начала XX в., либо больше о дореволюционном и бегло — о советском периоде (Ф. Г. Шилов), в книге П. Н. Мартынова от начала и до конца говорится о советской книжной торговле, о советских букинистах, антикварах и собирателях, о книжных редкостях советского времени и о многом другом. В ней говорится о том, что нигде не напечатано, о многих людях, о которых только здесь и будут сохранены сведения для истории советской книжной торговли, советского библиофильства.

Превосходно зная мир ленинградских «книжников» и собирателей, П. Мартынов живо изображает и круп-

ных людей, с которыми ему приходилось сталкиваться на «книжной» почве в течение ряда десятилетий, и тех «маленьких», но интересных работников книги, о которых легко и «естественно» забывает случайный покупатель букинистического магазина, но которые занимают немалое место в воспоминаниях истинных книголюбов и в конечном счете в истории нашей культуры.

В самом деле, книгопродавец-букинист, антиквар — не простой «работник торговой сети», которому безразлично, продает ли он гвозди, оглобли или гречневую крупу. «Работники книжного прилавка» (конечно, не все, есть и среди них «случайные люди», которые не удерживаются в мире книг) в большинстве глубоко преданные своему делу люди, влюбленные в него, часто приходящие в книжную торговлю из любви к книге. Они, как и многие типографские работники, очень начитанные, любознательные, пытливые люди. Среди «торговых работников» они отличаются своей культурностью, интеллигентностью. «Книжники» — полезные, хотя, на взгляд поверхностного наблюдателя, и незаметные деятели прогресса: благодаря их проницательности, вдумчивости, профессиональному чутью сохраняются для науки, для собирателей, для исследователей и редчайшие памятники культуры прошлого, и литературные документы современности, которым угрожает уничтожение вместе с архивами их владельцев после смерти последних. В воспоминаниях П. Н. Мартынова читатель найдет много примеров подобного рода.

Книга старого советского букиниста-антиквара учит нас ценить людей его профессии. После ее прочтения начинаешь понимать, почему же молодые книжные работники, которые на наших глазах стали за книжные прилавки в 20—30-е годы, остались верны избранному делу.

Ко всем достоинствам книги П. Н. Мартынова присоединяется еще одно — ее документальность, добросовестная проверка сообщаемых сведений и по печатным источникам, когда они существуют, и по устным консультациям со старыми коллегами по профессии и старыми собирателями. Это делает книгу чем-то

бо́льшим, нежели обычные мемуары. Перед нами источник сведений по истории ленинградской букинистическо-антикварной книжной торговли за несколько десятилетий.

Я твердо убежден, что разные категории советских читателей по достоинству оценят интересную книгу П. Н. Мартынова.

П. Н. Берков

ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ

ОТ АВТОРА

В беседах со мной различные собиратели старых и антикварных книг часто советовали мне написать свои воспоминания о столь интересном, по их мнению, периоде антикварно-букинистической торговли, как двадцатые — тридцатые годы. Этот период для истории книжной торговли очень важен, а в литературе почти не затронут, не освещено и то, что происходило в последующие годы. Поэтому я решил сообщить некоторые подлинные сведения о букинистической торговле и букинистах, поделиться с читателями моими воспоминаниями о библиофилах и собирателях старых и антикварных книг, гравюр, литографий и рисунков, а также рассказать о судьбах некоторых ленинградских библиотек и отдельных книжных собраний за четыре десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции.

В своих записках я касаюсь лишь самого памятного из пережитого мною в мире книг за многие годы, описываю встречи с людьми, с которыми я общался по книжным делам, и события, свидетелем которых мне случалось быть. Конечно, это лишь малая часть из того, что мне пришлось испытать на моем жизненном пути.

Все фактические сведения — имена, даты, улицы, номера домов — сверены и уточнены мною по достоверным источникам.

Мои воспоминания разделены на два периода: первый — с 1920 по 1930 год (с незначительными экскурсами в предреволюционные годы), второй — 1930—1950 годы.

Прошу читателей извинить меня за плохой язык и стиль повествования, я ведь впервые в жизни стал писать воспоминания, воспользовавшись досугом, случайно мне выпавшим.

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку.

М. Горький

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Немного о моих детских и юношеских годах в Петербурге и в деревне. Как я стал книжником

Родился я в Петербурге в 1902 году в семье петербургского ремесленника, бывшего крестьянина. Нас, детей, было четырнадцать человек — двенадцать мальчиков и две девочки. Я был тринадцатым ребенком и одиннадцатым из числа мальчиков. Конечно, не у всех детей были отдельные кровати. За стол у нас садились в строго установленное время, иногда более двадцати человек. В семье, кроме детей, отца и матери, были еще дедушка, бабушка и другие престарелые домочадцы.

Я помню, как в годы моего раннего детства приходили к моим старшим братьям товарищи — студенты, которые приносили младшим детям сласти и детские книги. Иногда они брали малышей на руки, садились к столу и читали им сказки. У моих родителей были знакомые и родственники из книжного мира, которые тоже дарили нам книги. Я с интересом разглядывал картинки в книгах и детских журналах «Тропинка», «Игрушечка», «Задушевное слово». Сначала жадно слушал все, что мне читали вслух взрослые,

а вскоре выучился читать сам и с увлечением стал поглощать книги. С восьми лет я был уже постоянным посетителем детской читальни на Коломенской улице.

В библиотеке швейцар, раздевая, гладил меня по голове и хвалил за то, что я часто прихожу за книгами,— ведь большие перерывы делать нельзя, иначе нарушится связь в чтении «Путешествий Мурзилки»... Швейцар знал всех детей по именам, знал, кто что читает, и всегда без ошибки выдавал нам одежду (номерков не было) и советовал не забывать о библиотеке. Посещения библиотеки производили на меня глубокое, головокружительное впечатление. Я не мог долго заснуть и мечтал только о том, чтобы скорей наступал следующий день, когда снова можно явиться в библиотеку, в это прекрасное царство детских книг. Работа библиотекарей меня восхищала и удивляла: как это они в такой массе книг моментально находят нужную книгу. Я мечтал, что, когда выросту, буду работать в библиотеке: ведь как много тогда смогу прочитать книг!

Когда мне с матерью случалось бывать у знакомых, я первым делом смотрел по сторонам — не стоит ли где-нибудь книжный шкаф или этажерка, чтобы, пока взрослые занимаются разговорами, порыться в книгах. Знакомые у родителей были бедные, если не считать моей крестной, которая служила старшей кухаркой в семье миллионеров. Ее хозяева имели собственные особняки на Сергиевской улице (ныне ул. Чайковского) и на Каменноостровском проспекте (ныне Кировский пр.). Крестная меня очень любила и баловала. Мы с матерью часто бывали у нее в гостях, когда господа уезжали на дачу или отдыхали на заграничных курортах. Я бегал по

утопающим в роскоши комнатам и однажды, попав в домашнюю библиотеку, стал там хозяйничать. Здесь были серьезные старинные книги на русском и иностранных языках в изданиях XVIII—XIX столетий. За рассматриванием этих книг меня и застала крестная. Зная, что я очень много читаю и люблю книги, она стала меня пробирать. «Книги до добра не доведут,—говорила она,—попадешь из-за них в тюрьму, сгноят тебя там, как твоего брата Гришу». Крестная целовала меня и повторяла: «Брось, Петя, возиться с книгами, подрастешь, я из тебя банкира сделаю, для этого книг не надо, деньги надо».

Все чаще и чаще я стал посещать детские читальни и очень мало гулял во дворе, а когда изредка появлялся среди ребятишек, они дразнили меня «грамотеем», зная, что я много времени провожу в читальне и мало принимаю участия в их играх и шалостях. В наказание за это они меня затаскивали в стоявшую во дворе снеготаялку и пихали мне в рот папиросу, чтобы я приучался курить. В этой снеготаялке малыши потихоньку от родителей покуривали, тайно принося из дома папиросы. В окурках на полу снеготаялки утопали ноги.

Помню я, как в годы первой русской революции к нам на квартиру приходила полиция и производила обыск. Полицейские рылись в студенческих книгах и тетрадях моего старшего брата, перерыли все в доме. После ухода полиции моя мать стояла на коленях перед иконой, молилась и повторяла: «Слава богу, что Гришеньку не нашли». Но спустя некоторое время Гриша был задержан полицией на какой-то конспиративной квартире, посажен в тюрьму и умер там

от чахотки. Все в нашей семье были потрясены, мать очень плакала, а потом сильно захворала.

Моя мать с младшими детьми иногда ездила на детские спектакли и представления в Народный дом на Петроградской стороне, в Петровский парк и Народный дом графини Паниной на Тамбовской улице. В Петровском парке в 1913 году мы смотрели грандиозное представление на воде «Взятие Азова». В этом спектакле участвовало много артистов и статистов, разодетых в цветные военные костюмы петровского времени, много было бутафорских кораблей и пушек. Стреляли пушки, взрывались и тонули корабли, в воздухе пахло порохом, и была канонада настоящей баталии.

Весной мы с матерью часто отправлялись на прогулки в живописные пригородные местности Петербурга: Славянку и Саблино Николаевской (ныне Октябрьской) ж. д., Лахту Приморской ж. д. (вокзал был в Новой Деревне), Ириновку Ириновской ж.д. (вокзал был на Большой Охте). Вагоны на Приморской и Ириновской линиях были небольшие, скорость движения также небольшая. Детям нравился тихий ход поезда, и они любовались из окон вагонов живописной природой этих мест. Иногда случалось, что один из вагонов сходил с рельс. Вагон поднимали домкратом, устанавливали на рельсы, и поезд следовал далее. Пассажиры подчас и не подозревали, что было крушение. Бывали мы с матерью на кладбищах — Волковом и Преображенском. На Волково мы ехали на конке. После посещения могил родственников мы шли отдыхать и закусывать на Волково поле за кладбищем, перейдя по мосту речку. Здесь в дни больших летних праздников, таких, как троица, бывало большое

скопление народа. Дымились самовары, которые давали за плату отдыхающим жители Волковой Деревни; целые семьи закусывали на разостланных прямо на траве скатертях, сновали многочисленные торговцы-разносчики, предлагавшие всевозможные закуски, баварский квас, мед и другие прохладительные напитки.

На Преображенское кладбище мы пробирались на «паровике» (так называли паровую конку), которая отправлялась за Невскую заставу от 1-й Рождественской улицы (ныне 1-я Советская ул.) и угла Лиговской улицы, у дома барона Фредерикса. Можно было попасть на Преображенское кладбище и поездом Николаевской ж. д., доехав до станции Обухово, но дети просили ехать на «паровике» — это интересней. Мы выходили на конечной остановке все закопченные, так как всю дорогу из трубы паровика валил черный дым, а вагоны были полуоткрытые и мы высовывали головы из вагона. По дороге на кладбище мать мыла нам лица водой из речушки, которая была на пути к кладбищу, и нам это очень нравилось. С кладбища домой мы возвращались поездом по железной дороге.

Ежегодно на лето мы уезжали в деревню. Поездом мы ехали до ст. Луга, здесь останавливались в доме у сестры отца. Этот дом находился на берегу реки Луги и утопал в зелени плодовых деревьев. У тети гостили мы несколько дней. Потом на нескольких крестьянских телегах отправлялись по Городецкому шоссе в деревню, где у нас был свой маленький домик с огородом. В пути нам навстречу с криками: «Питерские едут!» — выбегала деревенская детвора, чтоб открыть ворота при въезде в деревню. Детям раздавались гостинцы, которые закупались для этой

цели в Петербурге. В своей деревне ребятишки также приветствовали нас криком: «Питерские приехали!» В первые дни по приезде у нас всегда оставались ночевать некоторые наши сверстники. По ночам мы долго не смыкали глаз, все шептались: мы рассказывали о наших городских делах, они — о своих, деревенских. Засыпали только под утро, крепким, безмятежным сном. Будил нас аромат приготовленного матерью кофе, топленого молока и вынутых из русской печи горячих булок. Протирая глаза от слепящих лучей солнца, мы вставали и всегда видели у раскрытого окна жеребенка Поньку, который прибегал сюда каждое утро, чтобы получить от нас кусок хлеба с солью.

По заведенному обычаю, к нам в дом приходили приветствовать отца соседи, начиналось угощение и беседы о городских и деревенских делах.

На большие праздники крестьяне варили домашнее пиво. Заранее сушили на русских печах хмель и парили солод, воздух в избах был насыщен приятным запахом этих продуктов. Перед самым праздником начиналась варка пива в огородах около бань. Ребятишки бегали то к одному, то к другому варщику и первыми пробовали приятное на вкус и ароматное сусло. В избах шла усиленная уборка, хозяйки мыли полы, топили бани, поочередно мылись мужчины и женщины. Ребята и взрослые, напарившись докрасна, вылетали из бани и бросались разгоряченные в реку. Я тоже нередко это проделывал.

Я очень любил бывать на лугу у опушки леса, где обычно пасся скот. Мы помогали пастуху отгонять коров и овец, которые стремились попасть в поля, засеянные клевером, гречихой

и рожью, а он рассказывал нам интереснейшие истории о своих встречах с кабанами, волками и рысями и о том, как он спасал от них скотину. Рассказывал он нам и сказки, а иногда наигрывал на самодельном рожке чудесные мелодии. Нравилось мне бывать в «ночном». Пасти лошадей в лесу ночью отправляли подростков постарше. Они садились верхом на лошадей, позади себя сажали одного-двух малышей, пожелавших ехать с ними в «ночное», и отправлялись в путь. Добравшись до места, они стягивали лошадям передние ноги путами и пускали пастись. Чтобы было потеплей и не кусали комары, разводились костры. У костров старшие рассказывали занятные истории, подчас такие страшные, что у многих мурашки по коже бегали. Таинственный шорох и треск, огоньки светлячков в лесу волновали малышей, все вокруг казалось неведомым и жутким. Аромат клевера, доносившийся с ближайших полей, опьяняюще действовал на нас, и, прижавшись друг к другу, мы засыпали.

Однажды в конце лета я вместе с несколькими деревенскими малышами в возрасте 6—8 лет отправился в лес собирать грибы. Вскоре началась гроза и ливень, в лесу потемнело. Мы сбились с дороги и блуждали по лесу до самого вечера. На поиски нас отправилось почти полдеревни: все, кто хорошо знал лес. Нас нашли около непроходимого болота. Мы были мокрые, голодные и усталые, но зато с полными корзинами грибов. После этого я почти сутки спал крепким сном.

Вдоль нашей деревни, в небольшой низине протекала среди зарослей извилистая речка, на одном берегу которой были расположены бани крестьян, на противоположном — простирались

заливные луга. На эту речку мы ходили ловить рыбу, кто удочкой, а кто сачком. Купаться ребята бегали на речку немного подальше от деревни, где были среди лугов прикрытые деревьями живописные омуты.

Лет до пяти я еще не умел плавать, в воду заходил по колено и ловил в реке сачком мелких рыбок — «серков». Однажды, когда я стоял на берегу омута и смотрел, как купаются другие, меня неожиданно столкнул в воду один из деревенских мальчишек. Таким грубым способом приучали в деревне малышей к воде и купанию. Я, захлебываясь и барахтаясь, выплыл к берегу. Конечно, за мной следили ребята постарше и утонуть бы не дали. После этого я стал смелей и выучился плавать. Теперь я иногда с улыбкой вспоминаю, как меня в детстве приучали к воде.

Мы бегали также за несколько километров на живописные озера вблизи Городецкого шоссе, ловили там рыбу бреднем и катались на лодке около берега, в камышах. Любили бывать и на лесной речке, название которой было Студенка. Речка эта пересекала Городецкое шоссе, к ней вела тропинка с шоссе, по которой спускались крестьяне, чтобы напоить лошадей и самим освежиться. Вода в речке была ключевая и очень приятная на вкус. Здесь мы любили играть, делать запруды и наблюдать за проезжавшими по шоссе в город и из города крестьянскими телегами, встречали знакомых, которые возвращались с базара, они нас угощали пряниками и баранками. Проезжали по шоссе телеги, наполненные покупками, с заснувшими, подвыпившими возницами, лошади которых самостоятельно плелись в свои деревни. Некоторые ребята, притаившись около шоссе в кустах, вертели из газетной

бумаги цигарки и «козьи ножки». Вместо табака насыпали растертые сухие листья или мох и курили это зелье. От едкого дыма все дружно чихали, кашляли, утирали глаза от набегавших слез. Я тоже попробовал этой «прелести» — покурил. Настоящего табака у ребят не водилось, а спички были у многих.

Находясь на шоссе, мы как-то увидели промчавшийся мимо нас автомобиль (или, как тогда говорили, «мотор»). Для деревенских ребят это было диковинкой. Ребята постарше решили рассмотреть необыкновенную машину поближе. На другой день собралась на шоссе изрядная группа любопытных. Старшие ребята задумали перед проходом машины свалить дерево на шоссе, чтоб на некоторое время задержать ее для обозрения. Перед приближением машины гигантская сосна с грохотом упала поперек шоссе. Из кустов стали выскакивать ребята как бы на помощь, чтобы сдвинуть дерево, а сами так и впивались в подъехавшую машину любопытными взорами и мешали освободить проезд. Наконец ствол был сдвинут с дороги, и хитрецы получили за помощь на гостинцы.

Конечно, мы не только играли и шалили, но и работали, особенно в страдную пору. Помогали взрослым окучивать картошку, сушили и сгребали сено, возили снопы и навоз. Под осень мы собирали ягоды и грибы, которые заготавливались впрок, на зиму.

Некоторые помещики в нашей местности охотились в своих лесах. Как-то летом помещик Фандерфлит объявил о предстоящей большой охоте в районе села Смерди, около станции Фандерфлит Варшавской ж. д., за Лугой. Руководили охотой сам помещик и члены его семьи. Из бли-

жайших деревень был собран народ — мужики и ребятишки, которые должны были участвовать в облаве на зверей. Я также принимал вместе с ними участие в этой охоте. На месте сбора нам объяснили, что мы должны делать и как вести себя в лесу. Нас, ребятишек, поставили в ряд, вперемежку со взрослыми, и указали направление. В лесу мы должны были шевелить палками кусты, шуметь, свистеть. Все это мы проделали с большим удовольствием. Изредка у нас из-под ног выскакивали маленькие зверьки, похожие на хорьков. Из кустов выпархивали с шумом какие-то большие птицы. На одной из прогалин с удивлением на нас смотрела лосиха с двумя лосятами; когда мы стали приближаться, они убежали в гущу леса. Охота продолжалась почти целый день и кончилась под вечер. За участие в облаве я получил французскую булку и двугривенный; это был первый мой трудовой заработок.

В 1913 году во время летнего нашего пребывания в деревне мать получила из Петербурга сообщение, что скоропостижно умер отец. Через год грянула первая мировая война, старшие мои братья ушли на фронт. Началось разорение и распад нашей большой трудовой семьи. Мать моя, у которой было уже подорвано здоровье, осталась одна с несколькими малолетними детьми. С этого года прекратились наши ежегодные поездки на лето в деревню и закончилось мое беззаботное детство — я должен был работать, чтобы помогать семье.

В 1915 году наши родственники помогли матери определить меня в книжное дело фирмы Риккер. И вот я попадаю в мир книг, но не в библиотеку, как мечтал раньше, а в книжную торговлю. Передо мной колоссальные склады

с большими штабелями и стеллажами разнообразных книг. Первое время я очень уставал, выполняя различные поручения старших. Запах свежей типографской краски и клея меня дурманил.

В том же 1915 году скончалась и моя мать, буквально на груди моего умершего старшего брата, которого она пришла навестить в Мечниковскую больницу.

Подрастая и присматриваясь к жизни различных слоев общества, я стал замечать резкие контрасты в распределении жизненных благ. Это породило у меня мысль ознакомиться с экономической литературой, чтобы в дальнейшем учиться на экономиста. Я обратился сперва к популярной литературе, затем стал заглядывать и в серьезные труды: Карла Маркса, Адама Смита, Давида Рикардо и др. Но события военных лет, смерть родителей и родственников отвлекли меня от осуществления этой мечты. Кроме того, я втянулся в книжное дело и полюбил его, а суровые законы экономики чувствовал каждый дёнь на себе самом, трудом добывая хлеб насущный.

На одном из народных гуляний я познакомился с несколькими юношами из рабочей и ремесленной среды, с которыми стал посещать места отдыха и развлечений. В те годы рабочая и торговая молодежь в воскресные и праздничные дни любила принимать участие в народных гуляниях в Петровском, Екатерингофском, Удельнинском парках и в саду Народного дома. Часто выезжали в пригороды — в Озерки, Шувалово и Парголово, где на озерах катались на лодках и купались. Мы любили бывать на лесной ферме, около станции Шувалово. Находилась она в противоположной от озера стороне, в лесу, до нее нужно

было идти несколько километров пешком через усыпанные цветами поля. Здесь протекала речка Каменка с чистой ключевой водой, на берегу которой стоял весь в зелени дом. На ферму заходили, чтоб закусить в деревенской обстановке на свежем воздухе. Здесь всегда были замечательный домашний квас, ржаной деревенский хлеб, домашние пшеничные булочки. После отдыха мы уезжали домой с наловленной в речке рыбой, с ягодами, грибами и букетами полевых цветов.

Неизгладимые в памяти дни юности оставили в моей душе светлый след на долгие годы. Ведь именно в ту пору я полюбил книгу и связал свою судьбу с книжным делом на всю жизнь.

В первые послереволюционные годы я буквально окунулся в море редкостных антикварных книг на русском и иностранном языках из частных библиотек. Мне приходилось разбирать национализированные книжные фонды, находившиеся во дворцах, особняках и на складах Петрограда. Я тогда впервые и ознакомился со многими замечательными книжными сокровищами.

В дальнейшем я работал с антикварной и старой книгой в ленинградских книжных объединениях: Петрогосиздат, «Международная книга», Ленокогиз, «Академкнига» — и в Книжной лавке писателей Литературного фонда СССР.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Букинистическая торговля и букинисты Литейного проспекта в двадцатых — тридцатых годах

Центром букинистической торговли Петрограда, а затем Ленинграда являлся Литейный проспект. Здесь были расположены десятки букинистических магазинов, лавок и ларей.

В эти годы уже не существовало в доме № 55 солидного антикварно-книжного магазина Василия Ивановича Клочкова, который одним из первых начал букинистическую торговлю на Литейном проспекте. До того букинисты ютились в маленьких ларях, узких проходах, подворотнях и в неотапливаемых подвалах Александровского рынка. Василий Иванович, образец культурного книжника-антиквара, пользовался большим уважением многих библиофилов. Отличный знаток старой книги, он был незаменимым помощником всех собирателей-книголюбов. Для них он издал более 600 каталогов редкостных и замечательных книг и рассылал эти каталоги во все концы России. Сам Василий Иванович имел прекрасное собрание таких книг. У него было несколько различного вида художественных книжных знаков. В букинистических магазинах еще и теперь попадаются книги с его

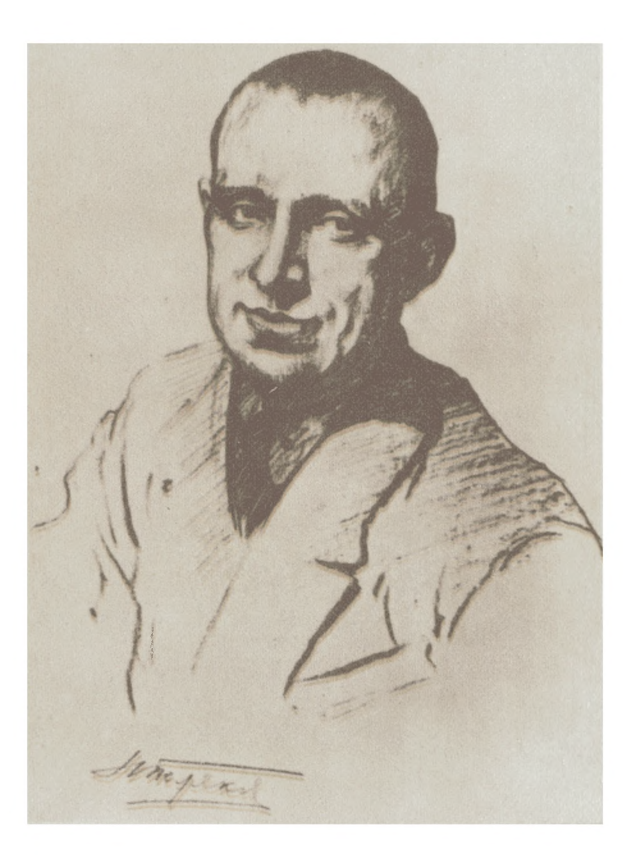
экслибрисами. Умер В. И. Клочков в 1915 году, в возрасте пятидесяти пяти лет. Похоронен он на Смоленском кладбище.

Не стало на Литейном проспекте, в доме № 51, и другого известного в свое время антикварно-книжного магазина, принадлежавшего Николаю Васильевичу Соловьеву. Магазин был отделан в стиле ампир, всегда заполнен старинными фолиантами в марокенах, множеством редкостных русских и иностранных изданий XVII—XIX столетий, гравюр, литографий, рисунков и рукописей. Николай Васильевич, влюбленный в книгу, уже в 24-летнем возрасте имел солидную библиотеку, часть которой легла в основание книготоргового дела, которое он открыл в 1901 году. Приобретение Соловьевым целого ряда крупных библиотек — И. Т. Лисенкова, М. И. Пыляева, И. В. Помяловского, А. А. Половцева, А. Пальчикова, Демидова, В. Рукавишникова, М. Александрова, С. С. Татищева и других — привлекло в магазин много библиофилов и коллекционеров. Умер Н. В. Соловьев 14 августа 1915 года.

Когда-то блиставший на петербургском книжно-антикварном рынке как большой знаток серьезной букинистической русской и иностранной книги, известный книжник-антиквар Лев Федорович Мелин в эти годы уже не торговал на Литейном. Одряхлевший, почти слепой, он жил один в доме № 60 по Литейному проспекту и распродавал остатки своих книжных сокровищ. Время от времени он добирался с чьей-либо помощью до букинистических магазинов, где продавал свои книги, и всегда любил побеседовать с букинистами. Меня он часто приглашал для консультации о ценах на то или иное старинное

издание, так как цены в это время на книжном рынке были неустойчивые, а его осаждали «холодные книжники» с Александровского рынка и другие лица, надеясь «выудить» за бесценок что-нибудь редкостное. Но у Льва Федоровича трудно было дешево купить ценную книгу: он обладал чутьем первоклассного книжника-антиквара. Лев Федорович всегда старался задержать меня у себя и много рассказывал о европейском книжно-антикварном рынке, о постановке дела в заграничных букинистических фирмах, о своих приобретениях книжных раритетов у парижских букинистов на набережной Сены. С гордостью говорил о купленных по сходной цене полных сюитах раскрашенных гравюр Гейслера, о «Картинах России» П. П. Свиньина, рисунках (виды Петербурга) Патерсена, показывал письма к нему Максима Горького, Анри Барбюса, Ромена Роллана по делам, связанным с его книжной деятельностью. Книги Льва Федоровича были пропитаны специфическим запахом, и, заходя в тот или иной букинистический магазин, можно было определить по запаху, что на книжных полках есть издания, купленные у Мелина.

В 1922—1923 годах объединились три крупных петроградских букиниста — Н. В. Базыкин, И. Ф. Косцов, Н. А. Поляков — и создали фирму букинистической торговли под названием «Экскурсант» (Литейный пр., № 47). Н. А. Поляков, выходец с Александровского рынка, большой знаток букинистической книги, был умелым организатором букинистической торговли. Эта группа букинистов хорошо поставила дело как на местном рынке, так и в провинции, выпускала солидные печатные каталоги. Обладая бóльшим, нежели отдельные букинисты, капиталом, они



Н. А. Поляков. Портрет работы Н. Я. Тальянцева. 1929 г.

создавали значительные запасы книг, устанавливали свои цены на книги при покупках у населения, работая вне конкуренции. Молва шла, что у них можно достать все. Ввиду того что эти букинисты скупали книги большими партиями, иногда целыми библиотеками и всегда преуспевали, они получили прозвище «акул»; их называли также «аптекарями», потому что цены у них были твердые и высокие. (Некоторые считали, что прозвище «аптекарей» они получили потому, что в доме, где находился их магазин, была аптека, но это неверно.) Среди покупателей можно было слышать: «Я это приобрел у акул» или «Зайдем к аптекарям, там всегда что-нибудь раскопаем уникальное».

Магазин «Экскурсант» был большой, с хорошим ассортиментом книг, периодики и многотомных изданий Петербургского университета, Русского исторического общества, Археологического общества, Географического общества, Археографической и Археологической комиссий, Общества любителей древней письменности и др. Рассылая каталоги, магазин получал много иногородних заказов, которые срочно выполнялись, отсутствующие в наличии книги разыскивались по городу в других магазинах и на складах. В дальнейшем эти три букиниста стали работать раздельно: И. Ф. Косцов открыл магазин в доме № 46 по Литейному проспекту, Н. В. Базыкин — в доме № 21, Н. А. Поляков остался владельцем фирмы «Экскурсант» в доме № 47 и продолжал вести дело с прежней солидностью. Этот магазин любили посещать научные работники, писатели, художники, артисты и другие собиратели-книголюбы. Здесь можно было встретить приезжавших из Москвы Маяковского,

Есенина, Демьяна Бедного. Николай Александрович Поляков имел слабое здоровье, ему пришлось перенести операцию в области сердца.

Магазин Ивана Федоровича Косцова был очень приятный и основательный, всегда был наполнен ценными изданиями отличной сохранности. Здесь можно было встретить «Древности Государства Российского» Ф. Г. Солнцева, «Древности Босфора Киммерийского», тридцатитомное «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова, «Полное собрание гравюр Рембрандта», «Материалы для русской иконографии» Д. А. Ровинского и другие уникальные многотомные издания. В магазине были отделы литературоведения, истории, искусства, естествознания, классической литературы, современной русской и иностранной книги, встречались и редкостные антикварные издания. Магазин выпускал каталоги и обслуживал через почту провинциальных покупателей.

Магазин Николая Васильевича Базыкина имел отделы исторической литературы, языкознания, литературоведения, археологии, естествознания, беллетристики и поэзии. Товарный фонд был небольшой, а помещение просторное, поэтому некоторые полки оставались пустыми. Николай Васильевич жаловался на плохую торговлю, магазин его находился вдалеке от других магазинов, был последним от центра к Неве. «Раньше,— говорил он,— дело было поставлено у меня шире, в ассортименте имелось много разнообразной антикварно-букинистической литературы, немало встречалось редкостей, и торговля шла хорошо». Он поставлял книги видным государственным деятелям. Постоянным покупателем у него был великий князь Константин Константинович

(поэт К. Р.), с которым он нередко встречался, а иногда и бывал у него по книжным делам в Мраморном дворце на Миллионной улице (ныне улица Халтурина). Базыкин говорил, что Константин Константинович переписывался как библиофил с Ефимом Алексеевичем Придворовым (Демьяном Бедным), он видел эти письма. Видел их и литературовед Н. О. Лернер, о чем говорил мне уже в наше время, в 1925 году.

Старейший петербургский букинист Илья Иванович Базлов в эти годы торговал вместе со своей дочерью Елизаветой Ильиничной в маленькой лавочке, в доме № 30. Из-за тесноты большая часть книжных запасов, связанная в пачки по отделам и отдельным дисциплинам, находилась в заднем помещении, тоже очень тесном. Илья Иванович, всегда жизнерадостный, с улыбкой встречал покупателя, усаживал на старенький стул, а сам уходил в заднее помещение, где отыскивал нужную книгу, развязывая пачки, которые висели на стенах и даже на потолке. Ассортимент этой лавочки отличался от других букинистических магазинов тем, что было в нем много интересных мелочей — брошюр, оттисков и проч. Крупных изданий почти не встречалось. Среди этих брошюр, листовок и оттисков попадались очень ценные материалы для научно-исследовательской работы. Лавочка Базлова часто посещалась многими учеными, преподавателями и литераторами. Здесь я встречал историка революционного движения и декабристоведа Павла Елисеевича Щеголева, автора «Библиографических записок о редких книгах» библиографа Петра Алексеевича Картавова и др. В конце двадцатых годов здесь я познакомился с будущим президентом Академии наук СССР Сергеем Ивановичем



Н. В. Базыкин. Портрет работы Н. Я. Тальянцева. 1929 г.

Вавиловым, который в то время не был еще академиком.

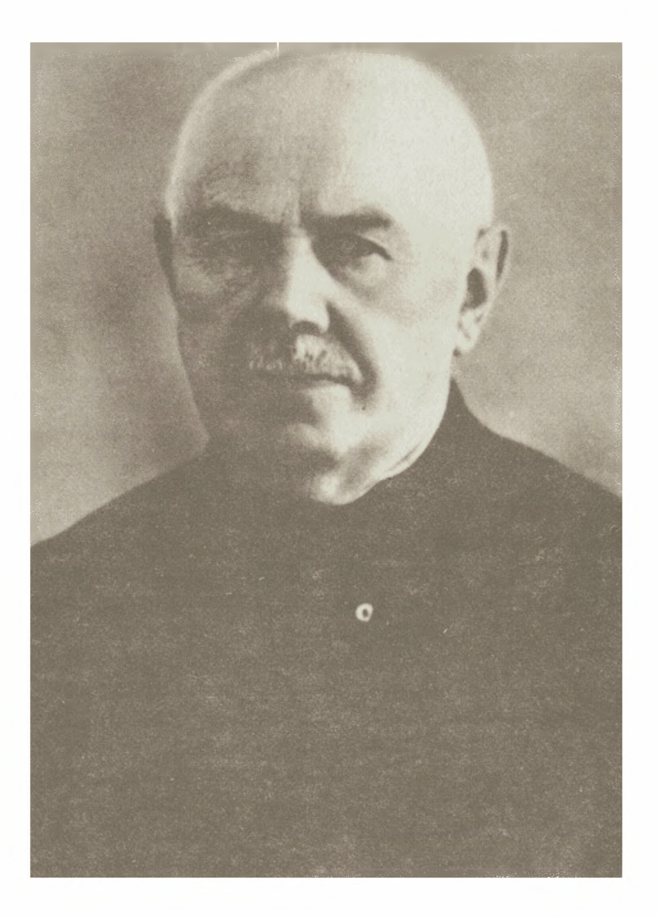
Я в эти годы жил в летнее время на даче в Озерках, вблизи озера, вставал утром рано, в 6—7 часов, до завтрака купался в озере в любую погоду, часто для закалки ходил пешком через Удельнинский парк до трамвайной остановки на 1-м Муринском проспекте (до Озерков трамвай еще не доходил). Приезжал я на Литейный за полчаса-час до открытия магазинов, остановка была вблизи лавки Базлова, в которую я часто заходил по книжным делам и беседовал с Ильей Ивановичем. В это время я наблюдал все процессы утренней работы букиниста, до открытия торговли. Как-то во время одной из наших бесед Илья Иванович заметил, что я свежо выгляжу и загорелый. Я сообщил ему, что живу в Озерках, ежедневно купаюсь до работы, а в хорошую погоду и загораю. Этот наш разговор навел его на мысль о переезде в Озерки, на свежий воздух,—ведь ему приходится длительное время находиться в тесном, душном и пыльном помещении, работая со старой книгой. Со временем он осуществил свое намерение. Базлов с семьей жил почти до самой смерти в Озерках.

В свое время, как рассказывал Илья Иванович, его лавку, которая помещалась на Забалканском проспекте (ныне Московский пр.) в доме № 24, у Технологического института, посещали Д. И. Менделеев, Н. С. Лесков, автор трудов по финляндскому вопросу М. М. Бородкин, автор работ по воздухоплаванию А. Родных, друг и душеприказчик Л. Н. Толстого В. Г. Чертков, Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич, критик А. А. Измайлов.

Илью Ивановича любили студенты и молодые ученые. Посещая его лавку, они всегда находили что-нибудь интересное и по доступным для них ценам. Базлов для бедной учащейся молодежи практиковал продажу книг в кредит, записывая долги в заборную книгу. В 1895 году Базлов впервые в Петербурге начал продажу книг и нот на вес, чтобы книги были всем доступны, по 20 копеек за фунт, на выбор. Илья Иванович был букинистом-энтузиастом, прибыль не была для него главной целью. Любовно и заботливо он обслуживал покупателей, старался дать книгу в нужные руки. Бородкин как-то в шутку сказал: «Базлов и в Библии найдет материал о Финляндии». Конечно, есть еще в живых люди, которые помнят Илью Ивановича как обаятельного человека и благодарны ему за помощь в подборе литературы, когда они в молодые годы рылись в его книгах.

Знакомясь с неопубликованными воспоминаниями И. И. Базлова, мы узнаем, что свою работу со старой книгой он начал в 1888 году, на развале и в ларях Александровского рынка. В дальнейшем он имел лавки на Забалканском проспекте, Екатерининской улице (ныне Малая Садовая ул.) и Литейном проспекте. Занимался этот букинист и издательской деятельностью. Им изданы следующие книги: «Сопротивление материалов» Лауэнштейна, «Архитектурные формы гражданских построек» Браузеветтера, «Металлические конструкции гражданских сооружений» Ферстера, «Фотография» Шмидта и др. Издавал он и каталоги, один из которых был краеведческий и назывался «Русская земля».

Во время революционных событий 1905—1906 годов Базлов и члены его семьи оказывали



И. И. Базлов

помощь раненым, отвозили их в больницу, нанимая на собственные деньги извозчиков. Бастовавших студентов Технологического института семья Базловых кормила завтраками. Рискуя быть схваченным полицией, Базлов открыл ворота, за которыми были заперты бастующие студенты Технологического института.

В Петербурге существовало тогда Общество попечения о детях, отданных в учение. Общество это ставило во дворах некоторых больших домов ящики, чтобы жильцы клали туда разные ненужные им предметы. Все собранное в Обществе разбиралось, а затем продавалось с аукциона. Среди различных вещей в ящиках попадались и книги. «Я,—вспоминал Базлов,—купил на одном из этих аукционов повременное издание о судимости и брошюры со списками лиц, разыскиваемых полицией. Жалея что-либо выбрасывать на бумагу, я все пустил в продажу. Через некоторое время дворник дома, где я жил, сообщил моей жене по секрету, что мною интересуется городовой. После этого я был как-то остановлен около своей лавки местным городовым, который передал мне приказ явиться в Охранное отделение. Утром на другой день я туда явился, ходил по многим комнатам, пока мне не указали круглый зал, где был произведен мне допрос, сначала вежливо, а потом строже, с угрозами: где я взял злополучные книги и брошюры о разыскиваемых лицах? Я объяснил, что не подозревал о секретности брошюр и купил их во время аукциона. После допроса в лавку приходили инспекторы по делам печати и пугали всевозможными карами». Очевидно, наблюдение за лавкой Базлова не было снято, и в дальнейшем там стали появляться какие-то подозрительные личности. В 1914 году

были произведены аресты среди букинистов, которых подозревали в распространении нелегальной литературы и связях с революционерами. В числе арестованных оказались И. И. Базлов и А. К. Гомулин.

В 1929 году, после национализации книжных магазинов, И. И. Базлов стал работать товароведом в государственной книжной торговле. Весной 1940 года семидесятипятилетний Илья Иванович возвращался домой после работы в магазине и при переходе улицы попал под машину. С переломом ноги он был отправлен в больницу, где пролежал около месяца и умер 20 мая. Похоронили его на Преображенском кладбище.

Две дочери Ильи Ивановича (Елизавета Ильинична Базлова и Валентина Ильинична Абрамова), которые начали помогать отцу еще в 1907—1908 годах, поныне здравствуют и являются старейшими книжницами Ленинграда. Они длительное время работали в книжном деле и вышли на пенсию в очень преклонном возрасте. Одна из них, как говорил Илья Иванович, «начала знакомство с книгами с пеленок», находясь полуторагодовалым ребенком в корзине, стоявшей в книжной лавке родителей.

Букинистический магазин Александра Кузьмича Гомулина помещался в доме № 57 на Литейном проспекте. Работал Гомулин вместе со своей дочерью Марией и был известен тем, что не любил особенно разбираться в приобретенных по случаю книгах, предоставляя это покупателям. А покупал Гомулин большие партии книг — все, что ему предлагали. Покупатели рылись в больших грудах книг в заднем помещении, так как в самом магазине было тесно и на полках помещалось очень мало литературы. Покупате-



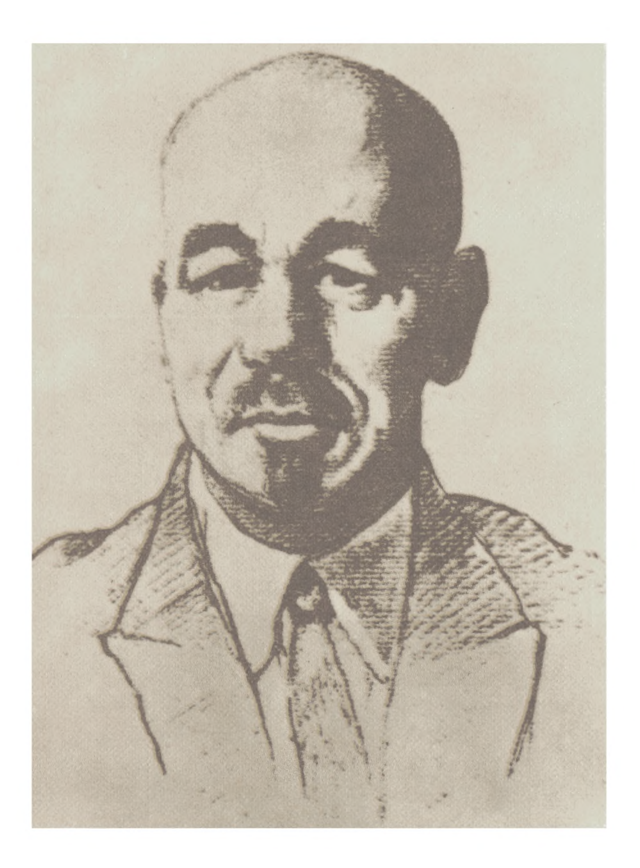
А. К. Гомулин. Портрет работы Н. Я. Тальянцева. 1929 г.

лю, нашедшему нужную книгу, Александр Кузьмич называл цену, тот предлагал свою,— Гомулин старался продать книгу за любую цену, только бы она у него не оставалась. Он составлял каталоги и рассылал их в провинцию, которая в значительной мере и поглощала книжные остатки. В магазине Гомулина среди большого количества малопримечательных изданий мелькали и книжные жемчужины, и по сходной цене. К Александру Кузьмичу любили заходить порыться в книгах известные собиратели-книголюбы Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

А. К. Гомулин начал свое дело еще в девяностых годах XIX века. Он покупал на льготных условиях остатки изданий, не разошедшихся по каким-либо причинам. Как-то Александр Кузьмич купил несколько десятков экземпляров книги Владимира Ильина «Развитие капитализма в России». Они быстро стали у него расходиться. От Бонч-Бруевича Гомулин позднее узнал, что автором этой работы был В. И. Ленин.

В соседнем магазине букиниста Семена Николаевича Котова (в доме № 59) преобладала букинистическая литература по археологии, архивоведению, востоковедению, истории, литературоведению и лингвистике. Все отделы были строго систематизированы. Котов издавал печатные каталоги для провинциальных покупателей. У него всегда можно было найти что-нибудь интересное и редкостное, но и цены назначались крепкие. Вести дело помогал Котову его сын Николай Семенович, который и по сие время работает в букинистической торговле.

В 1922 году в доме № 57 по Литейному проспекту открыл букинистический магазин



С. Н. Котов. Портрет работы Н. Я. Тальянцева. 1929 г.

И. С. Соломин, по профессии журналист. Помощником у него был опытный букинист В. А. Крюков, который и тепёрь работает в книжном деле. Товарный фонд магазина Соломина состоял из художественной литературы, собраний сочинений русских и иностранных писателей, поэзии, искусства, комплектов художественных журналов «Аполлон», «Старые годы», «Мир искусства», «Столица и усадьба», «Художественные сокровища России» и других. Соломин впервые стал переплетать произведения классиков и комплекты художественных журналов в пестрые матерчатые переплеты с тиснением. Потом стали ему подражать и другие букинисты. Издания в таких переплетах, имеющие очень приятный вид, попадаются и теперь. Магазин Соломина был уютный, светлый, с красиво расположенными на полках книгами. Неплоха была и уличная витрина с широкими зеркальными стеклами. В этом магазине я как-то встретил Анатолия Васильевича Луначарского. За все время существования магазина (по 1929 год) был выпущен один печатный каталог. В 1929 году Соломин перестал заниматься книжным делом.

У решетки Мариинской больницы (ныне больница им. В. В. Куйбышева) на Литейном торговал почтенный букинист Николай Яковлевич Пантелеев. У Николая Яковлевича была своя большая клиентура солидных покупателей (они любовно называли его Пантелеичем). Пантелеев работал со своей младшей дочерью. В начале двадцатых годов ленинградским библиофилом М. А. Сергеевым была у Пантелеича куплена среди мелких книг брошюра К. А. Военского «Из редкостей моего книгохранилища. Материалы

для истории наполеоновской сатирической литературы и иконографии XIX века». В этой брошюре, помимо репродукции, оказался и сам знаменитый «Платок Наполеона». Об этом платке автор брошюры говорит: «Платок английской работы 1813 года, отпечатанный в красках, с изображением сатирических картин из политической жизни Наполеона I. Изображенный на прилагаемом рисунке фотографический снимок с английского платка является одним из интереснейших сатирических изданий Наполеоновской эпохи, изданий тем более редких, что даже в книге известного знатока английских карикатур того времени — Картерета (John Grand Carteret Napoleon in images) об этом не упоминается. А между тем это был один из первых по времени рисунков, изображавших бегство Наполеона из России, подобно тому, как современная ему брошюра майора Фуля * под заглавием „Rückzug der Franzosen", отпечатанная в Вильне в марте 1813 года, была первым печатным произведением, оповестившим Западную Европу о катастрофе, постигшей Великую армию в России. Брошюра эта была вскоре переведена на главнейшие европейские языки, покупалась и читалась нарасхват. О широком ее распространении можно судить уже по тому, что в течение двух лет она выдержала свыше тридцати изданий на разных языках (не исключая и еврейского). Впрочем, страх перед Наполеоном в Германии был еще так велик и жестокая расправа его с нюренбергским книгопродавцем Пальмом была еще

* Майор русской службы Фуль, которого не следует смешивать с генералом Пфулем, строителем пресловутого укрепленного лагеря при Дриссе.

так свежа в памяти*, что немецкие издатели на экземплярах брошюры не решались выставлять ни года издания, ни места ее печатания, прибегая к вымышленным названиям городов, как, например, «Stockolm», «Polotzk», «Smolensk», или просто писали «Germania». Этот же страх перед Наполеоном, вероятно, был причиною того, что и на описываемом платке не выставлено ни место печатания, ни имя художника. Что касается происхождения этого платка, то, по отзыву известного знатока эпохи и собирателя, покойного П. Я. Дашкова, он был в начале 1813 года заказан Пруссией одной из английских фабрик в количестве нескольких тысяч экземпляров с целью распространения его в Австрии и Южной Германии, которая была еще на стороне Наполеона. Заказ был принят, платки изготовлены и на торговом судне отправлены в Германию. Между тем, не дойдя до места назначения, судно потерпело крушение в Немецком море, и вместе с ним погибли и заказанные платки. Таким образом, сохранились лишь немногие запасные экземпляры, оставшиеся на фабрике, с течением времени сделавшиеся большой редкостью». В России, кроме экземпляра К. А. Военского, имеются лишь два экземпляра этого платка, хранящиеся в Публичной

---

* Об этом Пальме (Johann Philipp Palm) существует обширная литература в Германии. Авторы книг причисляют его к числу национальных героев, мучеников за отечество. Пальм в 1806 году напечатал брошюру под заглавием «Германия в своем глубоком унижении», в которой содержался ряд чрезвычайно резких отзывов о Наполеоне. Пальм был схвачен агентами Наполеона в Нюренберге и 25 августа 1806 года расстрелян в г. Браунау, где 60 лет спустя ему воздвигли памятник.

библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в зале «Rossica», и в Московском музее 1812 года. За границей известен лишь экземпляр, принадлежавший в свое время Кенигсбергскому историческому музею.

В двадцатых годах одним из библиофилов была отыскана у уличного букиниста на Литейном среди случайных книг редчайшая инкунабула 1490 года «Библия для бедных», которой не было в то время в фондах Ленинградской публичной библиотеки.

В маленькой лавочке на Александровском рынке торговал букинист Ф. П. Наумов. Во второй половине двадцатых годов он перебрался в просторное помещение на Литейном проспекте, в доме № 56, стал закупать большими партиями книги и широко развернул дело. Он вел торговлю старыми книгами на вес. Книги в ту пору продавались туго, покупателей на старинные издания было мало, происходила переоценка ценностей: то, что раньше продавалось очень дорого и считалось даже редкостью, стало продаваться очень дешево. Торговлей книгами на вес начали заниматься и некоторые другие букинисты.

Здесь, на Литейном, промышляли также и уличные букинисты, так называемые «холодные книжники»*, и книжники-крикуны. Подробнее о них говорится в следующей главе.

---

* В XIX веке такого рода книжников называли «стрелками». В сороковых годах были уличные букинисты, которых называли «ходебщики». Они ходили с мешками, «сорочками», которые находились у них на спине и на груди. Эти мешки надевались с головы, и в них клались книги. Кроме мешков на себе, «ходебщики» носили связки книг в руках.

Литейный проспект был постоянным местом прогулок, частых встреч и оживленных бесед многих книголюбов. Посетителями букинистических магазинов были известные в своем кругу библиофилы, обладатели колоссальных книжных собраний: историк-искусствовед Н. П. Лихачев (академик с 1925 г.); историк древнего мира А. И. Тюменев (академик с 1932 г.); этнограф и фольклорист Д. К. Зеленин (чл.-корр. АН СССР с 1925 г.); драматический актер Н. Н. Ходотов; певец Ф. И. Стравинский; автор многих трудов по гравюрам и художественным репродукциям В. Я. Адарюков; бывший директор Театрального музея Л. И. Жевержеев; библиограф Д. В. Ульянинский и многие другие, чьи библиотеки в дальнейшем обогатили фонды государственных книгохранилищ страны.

В свое время на самом проспекте и ближайших к нему улицах жило немало известных писателей и деятелей культуры — книголюбов. В доме № 36 жил в течение двадцати лет до самой кончины Н. А. Некрасов. Здесь он написал «Размышления у парадного подъезда» и многие другие произведения. Описанный Некрасовым парадный подъезд находился против дома, где жил поэт. В этом же доме жили Н. А. Добролюбов, Н. И. Пирогов, русский певец Н. Н. Фигнер; в доме № 60 — М. Е. Салтыков-Щедрин; в доме № 26 — Н. С. Лесков; в доме № 64/78 на углу Литейного и Невского проспектов жил А. Ф. Можайский — создатель первого в мире самолета. В двадцатых годах на Литейном, в доме № 33, жил К. А. Федин; здесь он написал свой первый роман «Города и годы».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Букинистическая торговля за пределами Литейного проспекта. Уличные букинисты. Книжники-крикуны

Помимо Литейного проспекта, букинистические магазины, лавки, лари и книжные шкафы были разбросаны и на других улицах, проспектах и рынках города.

В 1918—1922 годах на углу Караванной улицы (ныне ул. Толмачева), близ набережной реки Фонтанки, в доме № 2/5 помещался книжный магазин, называвшийся «Книжный угол». На складе магазина имелись книги издательств «Скорпион», «Мусагет», «Альциона», «Пантеон», «Союз молодежи», «Центрифуга» и др. В первой половине двадцатых годов магазин стал покупать и продавать антикварные и подержанные книги и открыл букинистический отдел под названием «Подвал филолога» с подбором книг по истории литературы, критике, языкознанию, философии и библиографии. Заведовал магазином Виктор Романович Ховин, под редакцией которого выходил тоненький журнальчик, носивший название «Книжный угол.—Критика, Библиография, Хроника». Первые пять номеров вышли в 1918, шестой номер в 1919, седьмой—в 1921 году. С выходом восьмого номера в 1922 году издание жур-



И. Е. Козлов. Портрет работы Н. Я. Тальянцева. 1929 г.

нала прекратилось. В каждом номере журнала печатались статьи самого Виктора Ховина. С 1925 года магазин «Книжный угол» помещался на Литейном проспекте в доме № 64.

Старейший петербургский букинист И. Е. Козлов, организовавший в свое время объединение петербургских книгопродавцев «Книжная складчина», торговал в эти годы на Владимирском проспекте, в маленькой лавочке под названием «Наука и техника». В лавочке продавались книги по технике, медицине, естествознанию и спорту. Его сын К. И. Козлов стал тоже книжником, но не букинистом, а работником различных книжных объединений по распространению новых изданий.

Немного дальше по Владимирскому проспекту, на углу Колокольной улицы у ограды Владимирской церкви, лепились книжные шкафы букинистов Е. П. Алексеева, Г. И. Баринова (ноты и книги), Д. П. Богданова, Н. В. Бубнова, А. А. Рябинина и М. П. Евдокимова (старого книжника, около сорока лет проработавшего в магазинах Ивана Дмитриевича Сытина). У ограды всегда был словно маленький книжный базар. Собиратели-книголюбы охотно посещали этот уголок букинистов и всегда находили здесь что-нибудь интересное. Здесь они назначали встречи, обменивались своими дезидератами, рассказывали друг другу о своих находках. Хаживали сюда В. А. Десницкий, историк и литератор П. Е. Щеголев, известный библиограф и книговед М. Н. Куфаев, физиолог академик (с 1935 г.) Л. А. Орбели и другие известные библиофилы. Заглядывал сюда и Иван Петрович Павлов, я как-то встретил его здесь беседующим с Леоном Абгаровичем Орбели.

Со стороны Кузнечного переулка у этой же церковной ограды торговал букинист Ф. Я. Смирнов.

На Невском проспекте в эти годы букинистических магазинов почти не было. Высокая арендная плата не позволяла букинистам открывать здесь свои магазины. Да Невский, как очень оживленный проспект с гуляющей публикой, и не подходил для букинистической торговли. Покупатель букинистических магазинов любит тишину и уединение, чтобы иметь возможность в спокойной обстановке порыться в книгах и побеседовать с букинистом. Такие беседы любит и букинист. Из разговоров с покупателем он черпает много ценного для своей практической деятельности, а покупатель в свою очередь много узнает от него.

Петербургский антиквар Павел Викентьевич Губар был страстным книголюбом. Он начал собирать книги и гравюры с 1910 года и, чтоб иметь лучшую возможность заниматься любимым делом, решил открыть книжный магазин. Компаньоном он пригласил букиниста Николая Михайловича Волкова, который работал до революции у известного петербургского книгопродавца-антиквара В. И. Клочкова. Таким образом в 1923 году открылся на Невском проспекте, в доме 72, солидный книжный магазин фирмы П. В. Губара и Н. М. Волкова «Антиквариат». В этом магазине продавались русские и иностранные книги XVI—XIX столетий. Богато были представлены отделы искусства, литературы и истории. Продавались также старинные гравюры, литографии, рисунки и автографы. Можно было найти здесь и старопечатные книги — инкунабулы, альды, эльзевиры.

В свое время (в 1918 году) П. В. Губар содействовал передаче Публичной библиотеке в Петрограде большой, свыше сорока тысяч томов, библиотеки издателя газеты «Новое время» А. С. Суворина. Эта библиотека была упакована в пятидесяти больших ящиках и отправлена в Публичную библиотеку.

В 1926 году «Антиквариатом» был издан каталог книг по искусству, истории, археологии, нумизматике, архитектуре, путешествиям и художественной литературе из библиотеки Ф. С. Малышева. Выпуск «Антиквариатом» первого печатного каталога совпал с кончиной одного из его организаторов — Николая Михайловича Волкова. Он умер 30 января 1926 года в возрасте 45 лет, проработав на книжном поприще 33 года.

После смерти Н. М. Волкова «Антиквариатом» заведовал некоторое время Ф. Г. Шилов. В 1927 году он стал владельцем этого магазина и добавил к его названию свою фамилию. Во второй половине двадцатых годов Ф. Г. Шилов выпустил следующие каталоги: № 2 «Последние приобретения. Книги русские и иностранные», Л., 1927; № 3 «Последние приобретения. Книги русские и иностранные. Из библиотек Н. К. Синягина, П. В. Губара и др.», Л., 1928; № 4 «Книги русские и иностранные. Из библиотек Н. К. Синягина, П. В. Губара и др.», Л., 1929.

Торговля антикварными книгами в магазине Губара шла далеко не блестяще, поэтому он и передал его Шилову. Последний потом очень сожалел, что взял магазин, который приносил ему только убытки. Очень большие эксплуатационные расходы и различного рода сборы вынудили Шилова вернуться восвояси, т. е. на Литейный, но уже не в старое помещение в доме № 56,

а немного подальше от центра, в дом № 51, рядом с бывшим магазином Н. В. Соловьева.

Книжники боялись перебираться на Невский проспект. В свое время даже известный петербургский книжник-антиквар Э. К. Гартье, открывший на Невском первоклассный магазин и широко поставивший дело на европейский лад, впоследствии разорился и перебрался с Невского в маленький магазин на Литейный (№ 58), а позднее еще в меньший.

Старейший петербургский библиофил и большой книголюб, автор и издатель множества интересных книг в области библиографии, библиофилии, фольклора и этнографии Александр Евгеньевич Бурцев был подлинным гуманистом по складу характера и убеждениям. Он старался употреблять имевшиеся в его распоряжении значительные средства на хорошие дела. Бурцев числился попечителем Общества призрения нищих. Ему нередко предлагали свои работы бедные начинающие художники, и, чтобы они не падали духом, он покупал их произведения. Собрание нужных и ненужных ему картин и рисунков все росло и росло, и Бурцев стал продавать не интересующие его вещи с очень скромной по тому времени накидкой в 20%, чтобы только покрыть расходы и налоги, связанные с их реализацией. Он не гнался за колоссальными барышами, как это делали в то время многие торговцы.

В двадцатых годах Бурцев открыл на Бассейной улице (ныне ул. Некрасова), недалеко от Литейного, маленькую лавочку на имя своего сына Германа Александровича. Здесь продавались старые книги, эстампы, картины и рисунки. Сам Александр Евгеньевич был в то время не совсем здоров и находился в лавке только для

консультаций и встреч, он был известен и уважаем всеми библиофилами и коллекционерами. Со страстью коллекционера Бурцев продолжал, как и прежде, покупать книги, картины, рисунки, автографы, подчас и ненужные ему, но чтоб не отказать продающему и помочь ему. Эта лавочка была кладом для коллекционеров и библиофилов, здесь можно было приобрести хорошую вещь и по доступной цене. Бурцева посещали и были с ним хорошо знакомы А. М. Горький, А. В. Луначарский, Демьян Бедный, В. А. Десницкий, К. И. Чуковский, П. Е. Щеголев, В. Я. Курбатов, Г. С. Верейский, М. А. Сергеев, И. И. Рыбаков и многие другие деятели науки, литературы и искусства.

Личное собрание А. Е. Бурцева состояло из редкостных и интересных книг и альманахов XVIII—XIX веков, гравюр, литографий, рисунков, картин масляной живописи и множества автографов. Перед отъездом в 1935 году семьи Бурцевых в Астрахань Александр Евгеньевич расстался с частью своего собрания, продав в «Международную книгу» некоторые картины, рисунки и книги, в том числе коллекцию альманахов пушкинского времени в исключительно хорошем состоянии. Коллекцию автографов в количестве нескольких тысяч, некоторые картины и наиболее привлекавшие его книги Бурцев взял в собой в Астрахань. Через несколько лет он умер там, потом умерла и его жена. Осталась их дочь, Ольга Александровна, со своей малолетней дочерью. В собственности О. А. Бурцевой и остались сохранившиеся вещи отца. В начале войны О. А. Бурцева с дочерью эвакуировалась в Актюбинск, где и умерла. В настоящее время жива только внучка Бурцева, Екатерина Николаевна,

которая живет в Актюбинске. О том, как в дальнейшем рассеивалась эта уникальная коллекция, говорится в книге Ираклия Андроникова «Личная собственность» (М., 1960). Автор рассказывает, что однажды ему позвонили по телефону и сообщили, что есть неизвестное письмо Лермонтова, но находится оно среди других рукописных документов и писем в городе Актюбинске. Андроников был ошеломлен этим сообщением и, не поверив, решил, что это шутка какого-нибудь приятеля. Через некоторое время пришел к Андроникову доктор Михаил Николаевич Воскресенский и выложил на стол перед ним несколько писем Тургенева, Гоголя, Чехова, Чайковского и Рахманинова.

М. Н. Воскресенский рассказал, что, находясь в Актюбинске, он видел у сотрудницы Актюбинского горисполкома Ольги Александровны Бурцевой много ценных рукописей и писем писателей, композиторов, художников и других деятелей. Бурцева сказала, что желала бы предложить все это в какой-либо из московских архивов и уполномочивает его переговорить в Москве по этому вопросу. «Письма, которые лежат перед нами,— сказал Воскресенский,— это образцы, переданные мне Ольгой Александровной для показа в Москве».

Андроников сообщил об этой коллекции в Центральный государственный архив литературы и искусства, который и поручил ему связаться с Актюбинском, осмотреть эти документы и приобрести их для Архива. Заручившись доверенностью Архива, он поехал в Актюбинск разыскивать коллекцию. Поиск этих документов и выяснение, как они попали в Актюбинск из Астрахани, был сопряжен с большим треволнением для

Андроникова. В Актюбинске у Бурцевой Андроников увидел поразившую его необыкновенную коллекцию рукописей, писем и других документов. Разбирая эти материалы, он обнаружил множество подлинных и большей частью неопубликованных автографов Ломоносова, Державина, Крылова, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Дениса Давыдова, Катенина, Кюхельбекера, Козлова, Дельвига, Баратынского, Веневитинова, Языкова, Хомякова, Аксакова, Даля, Гоголя, Лермонтова, Герцена, Огарева, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Толстого, Тургенева, Достоевского, Горького, Чехова, Блока, Есенина и Серафимовича; писем мореплавателя Крузенштерна, революционера Кропоткина, кавалерист-девицы Дуровой, художника Карла Брюллова, генерала Скобелева, академика Павлова и многих других исторических лиц. Насчитал Андроников 1508 ценнейших рукописей.

В дореволюционные годы и в первое десятилетие после Октябрьской революции наряду с букинистической торговлей в магазинах, лавках, ларях и лотках на рынках всегда существовала уличная торговля вразнос, которой занимались «холодные книжники». Они формировались обычно из бывших работников книжных магазинов, оставивших работу по тем или иным причинам. Промыслом этим занимались также лица из среды мелких собирателей-книголюбов. Среди этой категории книжников были честные, хорошие люди, которым по воле судьбы пришлось работать на улице. Многие из них очень умело, различными способами раздобывали интересные старые книги и проявляли при этом большую ловкость. Разгуливая по улицам, «холодный

книжник» видел, как возле какого-нибудь дома нагружали на подводы проданную мебель, среди которой находились и книжные шкафы. «Значит,— смекал он,— должны быть книги». В таких случаях иногда наталкивался он на книжные сокровища и покупал их. Отдыхает от долгих поисков такой книжник в садике, а мысли о добыче товара не покидают его и здесь. Он подсаживается к какой-нибудь старушке-няне, поиграет с детьми, разговорится и помаленьку выспросит, нет ли у них в доме ненужных книг, которые собираются выбрасывать, а он, мол, и деньги заплатит за них. Нет-нет да и клюнет старушка на такое предложение, пригласит его в дом и продаст ненужные книги или принесет небольшую пачку книг в садик.

Некоторые «холодные книжники» были связаны в свое время с татарами-старьевщиками и тряпичниками, которые ходили по домам и скупали старые вещи, а также и с домовой прислугой — лакеями, швейцарами, дворниками — и узнавали от них о старых книгах.

В двадцатых годах «холодных книжников» в Ленинграде было уже немного, два или три десятка. Большинство из них вело дело с небольшими средствами, а иные и совсем без средств. Вырученные от продажи книг деньги они в тот же день и проедали, редко кому из них хватало средств на несколько дней. Некоторые из этих книжников, выходя утром на промысел без денег и товара, заходили к какому-нибудь знакомому букинисту и просили дать «для развода» ненужную ему книгу. Тот обычно давал книгу, считавшуюся «неинтересной», которая давно мозолила ему глаза и не продавалась. Выбрасывать ее было жаль, и он вручал ее «холодному книжнику»,

уважая закон букинистов: «Каждая книга найдет своего покупателя».

Получив от букиниста «для развода» неинтересную книгу, «холодный книжник» быстро ее просматривает, находит интересные, по его мнению, места, заходит в чайную или пивную и с успехом продает эту книгу, рассказывая о ее содержании с добавлением весьма вольных комментариев. На вырученные таким образом деньги он покупает еще несколько книг по дешевке, так же успешно их продает, тоже со своими пояснениями. И некоторое время он не нуждается в выпрашивании книг у магазинного букиниста.

Более солидные «холодные книжники» обслуживали крупных собирателей-книголюбов на дому, принося им подчас очень интересные книги, и они были у собирателей в большом почете. Уличный букинист нередко интересовался темой, которую разрабатывает тот или иной ученый, писатель, композитор, и старался подобрать для него литературный материал. Бывали случаи, когда «холодные книжники» прививали любовь к чтению таким людям, которые ранее совершенно не интересовались книгами. Приходит однажды в букинистический магазин человек и слезно просит «пополнить» объемистый том, в котором нет ни начала, ни конца. Книга эта оказалась частью популярного в те времена романа Всеволода Соловьева «Сергей Горбатов». Он эту книгу случайно купил у «холодного книжника» в пивной, будучи в не совсем трезвом состоянии. «Я прежде,—говорил посетитель,—книг совсем не читал, а любил свободное время проводить в пивной, тем более что материальное положение это позволяло. Но случайно купленная книга меня так захватила, что я несколько вечеров даже

в пивную не ходил. Достаньте мне начало и конец». Ему помогли заменить дефектный экземпляр на полный, и он все чаще и чаще стал ходить в букинистические магазины. Впоследствии он стал обладателем обширной библиотеки художественной литературы и мемуаров. Вспоминая о том, как он впервые зашел в букинистический магазин, он смеялся и говорил: «Ведь букинисты меня переродили, я совсем забыл про пивные, увлекшись книгами». В практике букинистической торговли было немало случаев, когда случайно приобретенная увлекательная книга пробуждала в людях любовь к литературе.

Узнает «холодный книжник» адрес, где лежат редкостные книги, но одному ему их не купить — не позволяют средства, да и не всегда он может разобраться в их ценности. Тогда он вынужден обратиться к другим книжникам, предлагая им вступить с ним в долю для приобретения книг. Для крупной покупки обычно приглашались один-два, а то и более книжников; случалось, что к ним присоединялись и солидные магазинные букинисты. Такого рода артельная покупка на языке «холодных книжников» называлась «вязка». Они говорили: «Придется вязку вязать, чтоб не упустить хорошей покупки». Некоторые «холодные книжники» называли эту операцию «бергой» и говорили: «Пойдем покупать товар на берге», т. е. вместе, в долю.

Среди уличных букинистов в те годы особенно выделялись братья Роговы, Василий и Николай, которые прекрасно знали букинистическую книгу и до некоторой степени антикварную. Часто они раскапывали такие раритеты, что им могли позавидовать почтенные букинисты, сидевшие в своих лавках. Роговы были желанными поставщиками

товаров магазинным букинистам. Они подыскивали интересные старые книги для многих собирателей-книголюбов того времени. Их обычно ожидали с нетерпением и говорили: «Что-то Роговы давно не появлялись...» А Роговы в это время производили свои розыски-раскопки где-нибудь в пригороде: в Детском Селе (ныне г. Пушкин), Гатчине, Павловске, Петергофе. Но вот братья Роговы появляются с пачками и мешками, плотно набитыми книгами. Глаза магазинного букиниста начинают весело блестеть, он предвкушает удовольствие увидеть что-нибудь интересное, необычное. Начинается внимательное рассматривание книг. Среди рядовых изданий попадаются и книжные «жемчужины»: то книга Овидия Назона «Наука любви», то новеллы королевы Наваррской «Гептамерон», «Наедине с собой» Марка Аврелия, пастушеский роман Лонга «Дафнис и Хлоя» или «Сатирикон» Петрония. И так каждый раз эти труженики приносили много интересной и ценной литературы. Иногда из их мешков появлялись библиографические труды В. С. Сопикова, авантюрные повести и романы XVIII века — «Похождение Ивана, гостиного сына» Ив. Новикова или «Пригожая повариха» М. Д. Чулкова, а то комплекты журналов «Старые годы», «Столица и усадьбы», «Аполлон». Как-то у Роговых был куплен комплект «Российского феатра», да еще с редчайшим XXXIX томом, где помещен «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина.

В большинстве своем «холодные книжники» были не просто торговцами, а людьми, которые действительно любили книгу. Некоторые из них имели грошовый заработок, жили очень скромно, но не переходили на работу с другим, более выгодным в смысле заработка, товаром.

Существовали в те годы и уличные торговцы, которых называли «крикунами». Залежался у какого-нибудь мелкого издателя или книготорговца тираж книги — «горит капитал»... В таком случае приглашали «крикунов», у тех были помощники — «поэты», сочинители «крика». Сидя в чайной или пивной, они обсуждали намеченную для продажи книгу и сочиняли «крик». Так, например, для брошюры по домоводству был предложен «крик»: «Что делает жена, когда мужа дома нет». Несколько крикунов появлялись с этой книгой на оживленных улицах и привлекали внимание людей, пожелавших приобрести такое произведение. Книга бывала быстро распродана, «капитал» спасен, заработали и «крикуны», и их помощники — «поэты». В зимнее время, даже в сильный мороз, эти труженики неизменно продавали свой книжный товар на улицах, потом делали небольшой перерыв, шли в чайную, чтобы погреться и пообедать. Здесь, после обеда, они тоже не оставались без дела, «криком» заинтересовывали присутствующих и продавали оставшиеся книги; содержимое их мешков все таяло и таяло.

В двадцатых годах в Ленинграде были уличные букинисты, которые развозили старые книги на тележках по улицам. Появлялись они также и на некоторых рынках: Андреевском, Сытном, Обуховском, Покровском.

Все букинисты того времени работали в своих магазинах сами, не имея служащих; некоторым из них помогали члены их семей. Только в магазинах П. В. Губара, И. С. Соломина и Н. А. Полякова были наемные служащие. У Полякова служили букинисты А. И. Кондратьев, С. А. Наумов, некоторое время А. П. Воронин и другие.

А. И. Кондратьев был замечательным букинистом, старую книгу он знал, как говорится, «на зубок» и обладал прекрасной собственной библиотекой.

Бухгалтеров или счетоводов в скромных магазинах и лавках букинистов не было, торговые книги вели сами букинисты. Только в большие магазины ходил один бухгалтер, который и вел всю отчетность.

Рабочий день букиниста не ограничивался определенным временем. Поздно вечером букиниста можно было видеть роющимся в грудах книг на отдаленных улицах города, а в 7—8 часов утра, задолго до открытия магазина, у него уже шла разборка и сортировка купленных книг, расстановка их на полки по отделам. Все букинисты очень любили просматривать приобретенные книги и относились к этому занятию с большим вниманием; они считали его главным в своей практической деятельности. Букинисты должны были быстро все взвесить: на кого рассчитана купленная книга, какую цену можно ей назначить в зависимости от сохранности экземпляра, полноты издания и спроса на данный вид литературы. Они проявляли недовольство, если их в это время отрывали от дела, так как испытывали большое умственное и зрительное напряжение, ведь им приходилось иметь дело с книгами, напечатанными в XV—XIX столетиях!

Покупатель, заметив пополнение на полках книжного магазина, не всегда догадывался, что этому предшествовала большая, утомительная



П. Н. Мартынов за работой

работа букиниста: ему приходилось ехать в отдаленный район города, подниматься на 4—5-й этаж (как правило, почему-то большинство хороших и больших частных библиотек находилось в верхних этажах), перебирать десятки пудов пыльных книг иногда в полутемном, неудобном помещении. Затем следовал утомительный торг букиниста с владельцем книг, чтобы выговорить более выгодные условия. Букинист всегда проявлял осторожность в затрате средств, так как не знал, скоро будет продана та или иная книга или ей суждено пролежать месяцы, а то и годы на полках. Владелец книг часто оказывался тоже довольно прижимист и нелегко расставался со своей библиотекой. Покупка книг у наследников тоже была не всегда легким делом. Наследники, перед тем как продать книги, обычно советовались с малосведущими людьми, получали от них самые разноречивые советы, и когда появлялся букинист, то были уверены, что он пришел их обмануть. Букинисту приходилось в таких случаях вести долгий и утомительный торг.

Купив книги на дому, букинист должен был позаботиться о доставке их в магазин. Большие партии книг перевозили на тележке, однако многие букинисты носили тяжелые пачки книг на спине. Александр Иванович Кондратьев, обладавший большой силой, в один прием переносил на расстояние нескольких улиц полный комплект Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, состоящий из 86 томов.

Некоторые посетители букинистических магазинов любили при покупке книг поторговаться. Букинисты, учитывая это, назначали вздутую цену и при уступках оставались с нужной им прибылью, а покупатели подчас хвалились, что очень хорошо выторговали книгу, и были до-

вольны. С теми букинистами, которые назначали цены не вздутые, а скромные, покупатели все равно торговались. Букинисты оставались подчас с очень небольшой прибылью, но все же продавали книги, рассчитывая заработать в другой раз, да и девизом каждого из них было: «Не упускать покупателя, не продав ему книги».

Тогда в букинистических магазинах существовал хороший обычай подыскивать книги по заказам покупателей. Это и есть главный элемент в культуре обслуживания покупателей в книжной торговле. Получив заказ из провинции или от местного покупателя, букинист, если требуемых книг в его магазине не было, не отказывал заказчику, а «пускал в сборку» его заказ. Сборщик книг ходил по всем магазинам, складам и издательствам города и собирал книги по заказам. Книги приобретались сборщиком за наличный расчет или в счет взаимных расчетов, в кредит, с небольшой скидкой. Некоторые букинисты обращались за помощью и в другие города. Заказчики в свою очередь тоже посылали туда запросы на редкостные и очень им нужные старые издания; иной раз заказы шли даже за границу. Однажды был такой случай. Одно из научных учреждений Ленинграда разыскивало у антикваров редкостное старое издание: комплект «Acta Horti Petropolitani». Одновременно «Международная книга» получила заказ на это издание от антикварной фирмы Гирземана в Лейпциге и выполнила его. Впоследствии стало известно, что фирма Гирземана разыскивала этот комплект для нашего научного учреждения в Ленинграде. Библиотекарь учреждения, получившего из Лейпцига нужное им издание, хвастался и говорил: «Вот Гирземан в Лейпциге разыскал для меня этот труд, а местные букинисты разыскать не смогли».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Букинистическая торговля на рынках Петрограда - Ленинграда

Петербургский Ново-Александровский рынок, основанный в 60-х годах прошлого века, занимал целый квартал на Садовой улице (д. № 54), Набережной реки Фонтанки, Вознесенском проспекте (ныне пр. Майорова) и Александровской улице. Рынок имел внутри Большой пассаж, Владимирский пассаж, Первый поперечный и Второй поперечный пассажи, Татарскую площадь, Большую и Малую толкучие площади. По галереям рынка были расположены маленькие лавочки и магазины, торговавшие всевозможными случайными вещами. На площадях торговали вразнос, на лотках и на развале, прямо на земле, подстелив под товар бумагу или клеенку. Этот рынок в Петербурге славился тем, что там, как говорилось, можно было найти все.

После большого пожара в 1862 году, когда сгорел в Петербурге Апраксин рынок, где было много книжных магазинов и лавок букинистов, последние стали перебираться в только что выстроенный обществом петербургских торговцев

Александровский рынок*. В первой четверти XX века Александровский рынок уже изобиловал книжными магазинами, лавочками и лотками букинистов и был хорошо известен всем петербургским книголюбам. Шли сюда разыскивать и недавно вышедшую книгу, распроданную в больших магазинах, с уверенностью, что ее здесь найдут. На этом рынке можно было встретить многих книголюбов — от ученика средней школы до маститого ученого. Почти все тесные и маленькие на вид, лавочки имели запасные помещения в подвалах, куда можно было попасть через люк по лестнице. В таких лавочках не все книги могли уместиться на полках, они лежали сложенными в штабелях, а то и прямо в кучах на полу. Любители порыться в старых книгах подсаживались к штабелю или куче и разыскивали нужные им издания. В свое время посещали лавочки букинистов Александровского рынка артельщики — сборщики книг по заказам крупных книготорговых фирм Петербурга: М. О. Вольфа, И. Д. Сытина, А. С. Суворина и других. Приезжали сюда представители книготорговых фирм из Москвы и других городов. Бывал здесь и сам Маврикий Осипович Вольф, разыскивая книги по особым заказам, поступившим к нему из-за границы. Он хорошо знал серьезную иностранную книгу и владел несколькими западноевропейскими языками. Преуспевающий издатель и реакционный журналист Алексей Сергеевич Суворин был страстным библиофилом и также часто

---

* На этом месте в XVIII веке находился дом кожевенного фабриканта Рихтера. Дом и участок при Петре III были приобретены в казну для склада водки, который просуществовал здесь до 1865 г.

рылся здесь в грудах старых книг: «Мне часто приходилось встречать покойного А. С. Суворина у старых букинистов Александровского рынка,— вспоминал один из петербургских библиофилов.— Стоит, бывало, чуть не на коленях около какого-нибудь ящика с книгами, роется в пыли, вскинет свои очки на лоб и близко-близко так воззрится в корешок какой-нибудь старой книги. Бывало, спросишь его:

— Неужели, Алексей Сергеевич, вы можете найти здесь что-нибудь интересное для себя?

— А то как же? Конечно! Настоящий библиофил везде сумеет сделать хорошее приобретение» («Русский библиофил». 1912. № 5).

Часто делали «вылазки» сюда и петербургские книгопродавцы А. Ф. Базунов и М. В. Попов и «выуживали» все интересное и ценное, за что и были прозваны «рыболовами».

Вот что писал об Александровском рынке беллетрист и критик А. А. Измайлов в рассказе «Букинист», напечатанном в журнале «Новая иллюстрация» (1903, №№ 51—52): «В свободный час я люблю бродить по лавкам наших антикваров разного рода. Под низкими потолками помещений Апраксина и Александровского рынков еще посейчас есть многое, стоящее высокого внимания. В старину водились в них настоящие сокровища. Теперь здесь не найти Рембрандта и Вандика за красненькую, но можно найти Айвазовского и наткнуться на великолепные уникумы старого искусства или на книгу, уцелевшую от воды, огня и даже от острия меча цензора эпохи Екатерины и Александра Благословенного. В этих лавках старинщиков среди всевозможного бумажного хлама не редкость встретить кой-кого из наших литературных стариков или записных

любителей старины. Несколько лет назад здесь можно было часто видеть старика Лескова, с палкой, в шубе и меховой шапке с козырем, покойного певца Стравинского, большого библиомана, или старообрядческой складки фигуру знаменитого библиографа Е*. Эти были уже аристократами в искусстве и людьми состоятельными, но сюда же властно тянет и литературную богему. Это для нее своего рода благородный спорт, захватывающий не практическим расчетом купить рубль за алтын, но удовлетворяющий законной потребности красивого, которое хочет-

---

* Измайлов имеет в виду Петра Александровича Ефремова (1830—1907), известного текстолога, библиографа и библиофила, автора многих литературно-библиографических трудов. Ефремов страстно любил литературу, юность его прошла среди любителей книг, в кругу старой литературной Москвы. Со школьной скамьи он увлекся собирательством книг, журналов, сборников, альманахов. Всю жизнь Ефремов посещал антикварные и букинистические магазины Москвы, Петербурга и других городов России. Петр Александрович составил исключительно ценную библиотеку по русской литературе и истории, заключавшую в себе сочинения почти всех русских писателей, а также журналы, сборники и альманахи XVIII—XIX веков. В свое время П. А. Ефремов высказал пожелание, чтобы составленное им уникальное собрание после его смерти рассеялось и книги попали в руки таким же, как и он, страстным библиофилам. Еще и в настоящее время попадаются книги из ефремовского собрания, а ведь каждая из них всегда чем-то примечательна. Среди библиофилов часто можно было слышать: «Мне удалось найти книгу из ефремовского собрания!», «Смотрите, какая прелесть, экземпляр девственной сохранности, с полями и с сохранением издательских обложек, это ведь из ефремовского собрания».

ся насадить и в убогой «меблировке». Потому-то эту в молодости заведенную слабость трудно бросать, и придя в возраст и завоевав положение».

В беседах со мной большой любитель и знаток антикварной книги покойный президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов с восхищением отзывался о лавках букинистов Александровского рынка, вспоминая, как он со студенческих лет посещал их и с наслаждением рылся в грудах старых книг. «Я там находил жемчужины, которые очень помогли мне в моей научной работе»,— говорил Сергей Иванович. Здесь, на рынке, у букинистов разыскал он прижизненные издания трудов Иоганна Кеплера, Исаака Ньютона и Михаила Ломоносова.

В одной из книжно-антикварных лавок Александровского рынка, принадлежавшей букинисту Ф. П. Наумову, в 1926 году появилось в продаже большое собрание иностранных антикварных книг, преимущественно изданий XVIII века, в роскошных переплетах с тиснеными вензелями и гербами. Все эти редчайшие книги продавались по очень низким ценам, почти как на бумагу. Вскоре, при посредстве перекупщиков, они замелькали и на других рынках Ленинграда,— их продавали на развале Андреевского рынка на Васильевском острове, Сытного рынка на Петроградской стороне и в других местах.

Неожиданное появление множества книжных редкостей вызвало настоящую сенсацию. Среди библиофилов и коллекционеров возникали различные толки об их происхождении. Впоследствии в результате исследований книговеда С. А. Мухина было выяснено, что все эти книги являются

частью большой библиотеки, принадлежавшей некогда великому князю Константину Павловичу, после смерти которого в 1831 году она перешла к его внебрачному сыну генералу П. К. Александрову (1808—1857). Последней владелицей библиотеки была его правнучка А. А. Львова, по мужу Яцко. В 1925 году эта часть библиотеки наследником Львовой И. В. Яцко предлагалась Библиотеке Академии наук, Публичной библиотеке в Ленинграде и акционерному обществу «Международная книга», и все эти организации отказались приобрести книги за неимением достаточных средств.

В связи с продажей этой библиотеки в Ленинград приезжал книжник-антиквар Павел Петрович Шибанов, который заведовал антикварным магазином «Международной книги» в Москве. Библиотека была упакована в ящики и с квартиры И. В. Яцко на Тверской улице перевезена на подводах (в то время автотранспорт мало использовался) в подвалы «Международной книги» на Литейном проспекте. Осмотр библиотеки производили П. П. Шибанов, М. К. Николаев, В. П. Гартман, С. А. Львов и я. Все восхищались этими книгами, но отсутствие средств тормозило приобретение этого собрания. Я доказывал Шибанову: «Павел Петрович, книги-то не плохи, много есть марокенов с суперэкслибрисами, надо бы их купить, часть отправить в Москву, а часть оставить в Ленинграде». Он отвечал мне: «Да, Петя, у тебя нюх есть, книги не плохие, но у нас кишка слаба, давай-ка укладывать книги обратно в ящики». Таким образом, библиотека была возвращена владельцу, который стал распродавать ее небольшими партиями, подчас даже отдельными книгами. Ис-

тория этого замечательного собрания XVIII века описана в книге С. А. Мухина «Судьба одной библиотеки», изданной в 1929 году Ленинградским обществом библиофилов.

Ленинградский коллекционер Евгений Арсеньевич Румянцев является в настоящее время обладателем большого собрания материалов по Петербургу — Ленинграду, касающихся всех сторон жизни города — его истории, революционного прошлого, науки, строительства, архитектуры, городского хозяйства, памятников искусства, быта и пр. Основа этого собрания была заложена на Александровском рынке. В 1923 году, прогуливаясь по галереям Александровского рынка, Е. А. Румянцев увидел, что в одной из букинистических лавок продают почти как макулатуру груды различных бумаг, документов, чертежей и пр. Он заинтересовался и купил какое-то количество килограммов этих материалов. Привезя покупку домой, он стал с увлечением разбирать бумаги и обнаружил много интересных документов, чертежей и рисунков XVIII—XIX столетий, связанных с историей Петербурга. С этого года Румянцев стал посещать букинистические магазины Ленинграда и усиленно пополнять свою коллекцию различными материалами по истории Петербурга — Ленинграда и его окрестностей. Затем он начал наведываться в архивы и делать выписки из интересующих его документов. Таких выписок у него накопилось более сорока тысяч. В последние годы домик на Васильевском острове, где живет Е. А. Румянцев, часто посещают писатели, историки, архитекторы и другие научные работники, чтобы навести справки по истории города. Об этом замечательном собрании была напечатана в газете «Смена» 10 мая

1957 года статья под названием «История одной коллекции».

У букинистов Александровского рынка мне приходилось бывать «по сборке», спускаться по лестницам в мрачные, полуосвещенные керосиновыми лампами подвалы и рыться там в грудах старых книг, среди которых находилось немало интересных и редких. Например, там отыскал я две любопытные книги Н. П. Макарова: «Мои семидесятилетние воспоминания и тем вместе моя полная предсмертная исповедь» (Спб., 1881—1882) и «Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (Спб., 1878). В подзаголовке указывалось, что составил этот словарь по французским источникам и перевел Н. Макаров. На титульном листе этой книги был интересный автограф — собственное изречение Макарова об уме.

Николай Петрович Макаров (1810—1890), один из представителей оскудевшего дворянства, с юношеских лет мечтал прославить свое имя на литературном поприще. Жизнь его была полна неудач и бурных треволнений. Он метался, меняя профессии, по разным городам России, Франции, Польши. Большинство его литературных произведений отвергалось и осмеивалось критикой, но он с неутомимым усердием продолжал писать и злобно бичевал критику, намекая на отсутствие у критиков ума. Некоторые свои книги он издавал под псевдонимом «Гермоген Трехзвездочкин». Под этим псевдонимом были напечатаны: «Сатирическая бывальщина», 1861; «Две сестрички, или Новое фарисейство», 1861; «Задушевная исповедь. Назидательная быль с вариациями на тему «Точки зрения»; «Пиф-Паф! или Чрезвычайное заседание представителей желтых домов»,

1874, и некоторые другие, не менее парадоксальные произведения.

Слава, которую хотел заслужить Макаров как беллетрист, к нему не пришла, но он получил широкую известность как лексикограф. Составленные им большие словари — французско-русский и русско-французский — выдержали до 25 изданий и выходили с 70-х годов вплоть до 1917 года. К сказанному можно еще добавить, что в 1933 году вышла интересная книга, написанная литературоведом Б. М. Эйхенбаумом: «Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова».

В тех же подвалах в Александровском рынке была мною куплена изданная в 1873 году забавная пятитомная «Энциклопедия весельчака». В обширном подзаголовке составитель писал: «Собрание 5000 анекдотов древних, новых и современных, извлеченных из специальных сборников, изданных до настоящего времени; книг редких и интересных о жизни, нравах и обычаях знаменитых людей всех времен и всех национальностей; записок путешественников и исторических памятников; сочинений известнейших русских и иностранных писателей; русской и иностранной журналистики; неизданных рукописей и устных рассказов. В этих 5000 анекдотах находятся мысли, положения, правила, нравоучения, суждения, эпиграммы, остроты, каламбуры, черты храбрости, доброты, ума, глупости, простоты и проч., равно как шутки, остроты, фарсы, забавные стихотворения и даже целые анекдотивные рассказы и повествования. Собрано по иностранным и русским источникам И. Поповым». Это издание во время последней войны

у меня пропало, но в дальнейшем я приобрел экземпляр, принадлежавший петербургскому книголюбу Николаю Яковлевичу Колобову. В свое время он обладал колоссальнейшей библиотекой (до полумиллиона томов), для которой построил в Петербурге специальное двухэтажное здание. Главными поставщиками книг Колобову были букинисты Александровского рынка и «холодные книжники».

Внутри Александровского рынка, на толкучих площадях, на развале, промышляли «холодные книжники» и «крикуны». Здесь по очень дешевой цене можно было подчас купить неплохие книги. Продавались здесь полные и разрозненные собрания сочинений, изданные как приложения к «Ниве», стояли штабельки самого журнала «Нива» и других периодических изданий: «Огонька», «Родины», «Вестника знания», «Солнца России» и т. д. В двадцатых годах здесь еще распродавались остатки изданий П. П. Сойкина — полные и разрозненные собрания сочинений Л. Буссенара, Л. Жаколио, капитана Ф. Марриета, Ф. Купера, Майна Рида, Р. Стивенсона, М. Твена, Р. Хагарда, Г. Эмара, А. Конан-Дойля и других. Встречались народные лубки в изданиях И. Д. Сытина, А. А. Холмушина, маленькие брошюрки стоимостью 2, 3, 5, 10 копеек. Слышались голоса «крикунов», предлагавших «Войну буров с англичанами» за 10 копеек, «Соловья-разбойника» — за 5 копеек, «Комаринского мужика» — за 3 копейки. В другом конце рынка раздавался «крик»: «„Про Гришку, про Сашку и царя Николашку“ (после февральской революции) — за 10 копеек». Продавались народные песенники — «Ах ты, береза», «Вниз по матушке по Волге», «Гусляр», «Как на матушке на реке Неве», «Садко-купец», «Тройка» и другие.

В проходах галерей Александровского рынка у стены ютились букинисты со шкафами. Владельцами книжных лавок, книжных шкафов и лотков на рынке в эти годы были В. Н. Басков, А. С. Верховский, С. Г. Верховская, Л. С. Гилинский, А. И. Лацко, А. Я. Климонов, Д. И. Кондрашов, З. А. Макеев, И. К. Мигле, В. М. Михайлов, Ф. П. Наумов, Д. В. Ратенберг, П. М. Смирнов, А. С. Степанов, К. Е. Умнягин, З. Н. Урядов, И. Ф. Филимонов, В. И. Романов.

Книжный магазин М. П. Петрова на Александровском рынке выделялся среди остальных тем, что в его ассортименте были дешевые, мелкие книжки, стоимостью от 2 копеек, по кустарному производству, различным ремеслам, технике и домоводству. М. П. Петров и сам издавал подобные брошюры. Дела у него шли хорошо, и, как мне приходилось слышать, он был почти монополистом по продаже такой литературы. Спрос на книги по ремеслам и промыслам был очень большой не только в Ленинграде; неиссякаемый поток заказов шел из разных городов и местностей Советского Союза.

Одним из ленинградских букинистических магазинов был получен из далекой провинции заказ на изданное много лет назад руководство по уходу и лечению голубей. Заказчик слезно умолял достать книгу, сообщал в своем письме, что гибнут почтовые голуби, начался какой-то мор, а в их местности голуби несли очень важную службу связи. В магазине указанной книги не оказалось. Пустили заказ «в сборку» по другим магазинам. После поисков требуемое руководство нашлось. Это была книга И. И. Юргенсона «Голубеводство» (Ревель, 1905). Разыскали ее, разумеется, в Александровском рынке,

у М. П. Петрова. Книгу немедленно выслали заказчику. Через некоторое время магазином была получена благодарственная телеграмма с сообщением, что в присланном руководстве заказчики нашли все нужные им сведения и рецептуру, начали применять указанные там средства, и мор прекратился: спасли 150 почтовых голубей.

Поэт Омулевский в стихотворении, посвященном букинистам Александровского рынка, писал:

О, подпившая муза моя,
Поддержи мою лиру, чтоб я,
Взяв пример с летописцев-подвижников,
Мог воспеть фарисеев и книжников
В Александровском рынке, гурьбой
Обступивших фасад лицевой...
О, сияющий книжной красой,
Александровский рынок ты мой!..
Откровенно сказать вам, друзья,
Все вы плуты большие. Но я
Одобряю вас с искренним жаром...*

У этого же автора есть и другое стихотворение на близкую тему — «Уличный букинист» (Из Сырокомли).

Некоторые букинисты Александровского рынка, так же как и букинисты из более солидных магазинов, выезжали с книгами на традиционные вербные базары. Большой вербный базар в те годы бывал на улице Софьи Перовской. Здесь букинисты мастерили легкие дощатые палатки, в которых и вели торговлю. На этом базаре также участвовали букинисты государственной и кооперативной букинистической торговли, они

* Отрывок из стихотворения Омулевского (И. В. Федорова) «Послание букинистам Александровского рынка» (Собр. соч. Спб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1906. Т. 2).

продавали старые и удешевленные книги. Книжные базары устраивались и на Исаакиевской площади. В конце двадцатых годов на книжных базарах можно было видеть плакаты со следующими лозунгами: «Без умения пользоваться книгой — нельзя построить социализм», «Книга — мощное орудие в борьбе за коммунизм», «Пусть каждая наша страничка крепит трудовую смычку!», «Трудовой народ, взявшись за книжицу, всем чемберленам пропишет ижицу», «Заходи, мал и стар, на весенний книжный базар!», «Кто мало читал, сам себя наказал», «Книга в культурной стране с хлебом идет наравне», «Книжный базар — боевой отряд, каждая книга — по врагу снаряд», «Крепи смычку с книжным базаром,— любая книга почти задаром».

Небольшая торговля старыми книгами велась и на многих других рынках Ленинграда: Андреевском на Васильевском острове, Сытном на Петроградской стороне, Покровском на Покровской площади (ныне пл. Тургенева). Торговали здесь обычно «холодные книжники» и «крикуны». Некоторые книжники возили свой товар на тележках с рынка на рынок.

Много уличных букинистов занималось продажей книг в конце двадцатых годов на известной «толкучке» Предтеченского рынка. Располагались они по Чубарову переулку (ныне Транспортный пер.), начиная от Лиговской улицы и по Предтеченской улице до самого Обводного канала. Здесь всегда было много народу, а в воскресные дни происходило какое-то столпотворение. Слышались голоса торговцев, нараспев, с прибаутками расхваливающих свой товар. Покупатели весело торговались с продавцами, повсюду раздавался несмолкаемый хо-

хот. И немало в те годы попадалось на «толкучке» интересных книг, гравюр, литографий и рисунков.

Некоторые «холодные книжники» здесь же, на Предтеченской улице, и жили. На чердаках или в сараях у них хранился небольшой запас книг, с которыми они и выходили на рынок. Иногда они приглашали покупателей порыться в своих случайных книгохранилищах. Зажигался фонарь или свечка, и страстный книголюб, разбираясь в кучах книг в сыром сарайчике или в мрачной клетушке полуосвещенного чердака, радовался своим книжным находкам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Букинисты-антиквары прежних лет и нашего времени. Характеристики некоторых букинистов. Книгопродавцы-литераторы

Большинство известных книжников, антикваров и букинистов, начинавших свою деятельность в раннем детстве, образование имели небольшое: университетом для них был книжный прилавок, а преподавателями — покупатели, среди которых нередко встречались профессора, академики и видные писатели. Учебными пособиями для букинистов служила вся проходящая через их руки литература по различным отраслям знаний. Они в течение всей своей жизни заглядывали в книги и черпали из них полезные для практической деятельности сведения.

Старые ленинградские букинисты в большинстве своем были скромными тружениками, для которых вопросы наживы и обогащения не стояли на первом плане, они, скорее, руководствовались любовью к книге и желанием содействовать распространению печатного слова в России. Таких книжников-букинистов относить к обычным торговцам-коммерсантам нельзя. В воспоминаниях старых букинистов часто слышались бичующие ноты, когда речь шла о книжниках, которые не совсем честно вели свое дело, подобно

плуту и вымогателю «Гордюшке-книгопродавцу» — герою сатирической сказки А. Е. Измайлова *. О скромности букинистов говорилось в воспоминаниях А. А. Астапова **, Я. И. Киселева ***, П. П. Шибанова ****.

На протяжении всей истории букинистической торговли в нашей стране существовало убеждение, что этот род деятельности не должен превращаться в средство наживы для отдельных людей. Да и книга не всегда была ходким товаром. «Книга не любит тех, которые смотрят на нее как на товар, и жестоко расправляется с таковыми,— говорил в своих заветах букинистам П. П. Шибанов.— Можно заранее предсказать неуспех или жалкое прозябание книжнику, который ведет это дело с одним намерением — извлечь из него выгоду» *****.

В букинистической торговле часто бывают застои, влияют на нее сезонность и другие явления внешнего и внутреннего порядка. Случается так, что магазины вдруг захлестывает поток старых книг, предлагаемых населением, а спрос в это время падает, и у букинистов нет средств на

---

* См.: Измайлов А. Е. Басни и сказки // Полн. собр. Спб., 1892. Ч. 2. С. 55—57.

** А. А. Астапов помещал свои произведения под псевдонимом «Старый букинист» в журнале «Библиографические записки», издававшемся П. Шибановым в 1892 году (№ 3, 7 и 10).

*** Яков Иванович Киселев выступал под псевдонимом «Русский книжник». Его «Заметки и воспоминания русского книжника» опубликованы в 12-м номере «Библиографических записок» за 1892 год.

**** Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России. М., 1925.

***** Там же.

пополнение запасов. Проходит некоторое время, и у населения возрастает потребность в старых изданиях, а предложение совершенно отсутствует. Букинист все время должен приспосабливаться к не совсем устойчивой конъюнктуре.

За многие годы работы букинист пропускает через свои руки многие миллионы книг, различных по внешнему оформлению и отпечатанных всевозможными шрифтами, подчас очень миниатюрными и сложными для распознавания. Постепенно у него сильно развивается зрительная память. Я, например, хорошо помню обстановку, в какой происходили мои беседы со старым петербургским книжником-антикваром Л. Ф. Мелиным, несмотря на то, что с тех пор прошло более тридцати лет. Я отчетливо представляю расположение книг на полках его библиотеки, помню, как я снимал Мелину с верхних полок увражи «Орнамента» и «Костюмов» Расинэ, аккуратно завернутые в газеты, со слоем пыли на пакетах (букинистам ведь часто приходится иметь дело с «пылью веков»). Газеты были грозных предвоенных месяцев 1914 года. Лев Федорович поинтересовался, что там за газеты. Я назвал ему «Новое время» и «Речь». «Верно»,— ответил он. Читать Мелин уже не мог, но не забыл, в какие именно газеты были завернуты книги. Потом я рассматривал у него «Живописную Россию» Филимонова и другие редкостные издания.

До сих пор я хорошо помню внешность многих букинистов того времени. Н. А. Поляков был человеком высокого роста, с умным, решительным выражением лица; И. И. Базлов запомнился мне своей постоянной милой улыбкой; худощавый и невысокий И. Ф. Косцов отличался энергичным и строгим выражением лица; А. К. Гому-

лин и А. Н. Урядов были хмурые и даже мрачные люди; в противоположность им Ф. П. Наумов всегда казался веселым, жизнерадостным и добродушным. После переезда на Литейный проспект он стал носить белую манишку с галстуком, прическу на прямой пробор, но не расставался с русскими сапогами... Можно также охарактеризовать внешность и манеру поведения многих других букинистов Ленинграда, но я считаю, что это утомит читателей, да к тому же о некоторых из них еще пойдет речь в моем повествовании.

Книги, которые долго не продавались, букинисты называли «запеканами». Настоящие высококвалифицированные букинисты не боялись таких книг и считали, что каждая книга должна ждать своего покупателя. Хорошие букинистические магазины выглядели всегда солидно, полки были заполнены разнообразнейшей литературой, новые пополнения тянули за собой и старые запасы. В таких магазинах покупатель имел больше шансов найти что-либо интересное. Бывало много случаев, когда книгу, залежавшуюся в магазине, с большой радостью приобретали покупатели, при этом они говорили, что долгое время ее искали и очень рады, что нашли.

Многие букинисты были действительно мастерами своего дела, от них редко уходили посетители магазина, не купив какой-либо книги. Эти букинисты придерживались своего профессионального девиза: «Нельзя отпускать покупателя, не продав ему книги». Ведь нередко в магазин заходит покупатель без определенной цели, вот здесь и должен продавец показать свои способности и заинтересовать покупателя теми или иными изданиями. Бывает и так, что покупатель

разыскивает одну определенную книгу, но это не значит, что ему безразличны другие книги; продавец должен и здесь не упустить случая и предложить покупателю все, что может ему приглянуться. Нередко случается, что покупатель уходит из магазина не с одной определенной книгой, а с пачкой купленных книг и бывает очень благодарен букинисту за хорошее обслуживание.

Были букинисты, которые не всегда радовались, когда продавалось то или иное издание, которое они любили, и не спешили с ним расставаться. В одном из заветов старого книжника П. П. Шибанова говорится: «Не спеши продавать хорошие вещи, а спеши их покупать».

У букинистов были свои «коньки», т. е. виды книг, которые они особенно любили и строили на них свою работу. Один букинист специализировался на истории, литературоведении, архивоведении, искусствоведении; другой — на востоковедении, лингвистике, фольклоре; третий — на естественных и точных науках, и т. д. Встречались и букинисты-универсалы, которые работали с литературой почти всех отделов.

Пометки цен на книгах некоторые букинисты делали не цифрами, а буквами, имея свой условный шифр. Например, у букиниста Н. А. Полякова для обозначения себестоимости и продажной цены в буквах было слово «трудолюбие»: т=1 рублю, р=2, у=3, д=4, о=5; л=6, ю=7, б=8, и=9, е=0. Все это выражалось в виде дроби, причем числителем была себестоимость, знаменателем — продажная цена. Если надо было обозначить не рубли, а копейки, то впереди букв ставилось тире. Например: себестоимость 5 копеек, продажная цена 10 копеек, обозначение буквами так: $\frac{-\text{о}}{-\text{те}}$. И в настоящее время по-

падаются книги с подобными условными пометками, опытный букинист без труда их расшифрует.

Мои встречи с известным московским книжником-антикваром П. П. Шибановым происходили во время поездок в Москву для обмена опытом. Мы с Шибановым принимали участие в антикварно-экспортной работе — я в Ленинграде, он в Москве — и участвовали в социалистическом соревновании книготорговых организаций двух городов. Павел Петрович тоже несколько раз приезжал в Ленинград. Мы с ним осматривали, разбирали и давали заключение о возможности приобретения букинистическими магазинами нескольких больших личных библиотек.

П. П. Шибанов был человеком рослым, даже высоким, но всегда профессионально сутулился, носил прическу под «ежик», говорил в нос, немного гнусавил. Работал он с душой, энергично и необыкновенно хорошо знал книжно-антикварное дело.

В продолжение многих десятилетий беззаветно служили благородному делу распространения печатного слова и другие русские книжники: А. А. Астапов, Н. Г. Мартынов, А. К. Гомулин, А. С. Молчанов, И. Г. Кольчугин, Н. М. Волков и Ф. Г. Шилов. Некоторые из них проработали в книжной торговле по 50 и даже по 60 лет.

В 1912 году книжный мир Москвы чествовал букиниста А. А. Астапова в связи с 50-летием его книготорговой деятельности. В адрес юбиляра было прислано много поздравлений от ученых, общественных деятелей и книжников. По инициативе московского библиофила и любителя руской литературы XIX века Л. Э. Бухгейма была издана иллюстрированная юбилейная памятка

«К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. 1862—22 октября 1912». Напечатано 99 экземпляров на особой бумаге. В этой памятке содержатся «Повесть о своем житие и книжном деле А. А. Астапова. 1864—1912» и его же «О покупке бумаг, рукописей и книг профессора О. М. Бодянского в 1880 году. Воспоминания старого букиниста».

В преклонные годы А. А. Астапов уже не мог сам работать, а с книгами ему расставаться было тяжело. При передаче своего товара книжнику Ивану Михайловичу Фадееву он выговорил себе право находиться в его магазине. Астапов неизменно присутствовал в магазине Фадеева и сидел в глубоком кресле, специально для него приобретенном. Так он пребывал до конца дней своих. Умер он в 1917 году, 77 лет от роду.

Французский писатель Виктор Жозеф Этьенн (1767—1846), выступавший в печати под псевдонимом Жуи, был автором многотомного описания нравов и обычаев парижан первой четверти прошлого века. В своей хронике «Пустынник с Шоссе д'Антен»* писатель уделяет внимание и парижским букинистам. «Сословие книгопродавцев в Париже,—пишет он,—с самого учреждения своего пользовалось почетными преимуществами, утвержденными за ним в различные времена, и новыми уложениями. Оно принадлежало к университету и по этому отношению повиновалось правилам, которые поддерживали между членами оного строгий

* Единственный перевод на русский язык этого произведения был издан в свое время А. Ф. Смирдиным: Антенский пустынник / Соч. г. Жуи, пер. с фр. С. де Шаплет. Спб., 1825—1826. Ч. 1—5.

порядок. Книгопродавцы того времени были не только честные купцы, но и достойные уважения ученые, из которых многие отличились на поприще литературы».

Русские книгопродавцы XIX—XX веков также прославили себя, оставив замечательные литературные и библиографические памятники, которыми многие пользуются и по сие время.

Василий Степанович Сопиков (1765—1818) создал «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанный на славянском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года». Александр Филиппович Смирдин (1795—1857) при активной помощи В. Г. Анастасевича составил «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина». Описано 12 032 названия книг.

Эмиль Карлович Гартье (1850—1911) в 1879 году начал издавать «Еженедельный вестник русской печати. Российская библиография». В 1888 году он составил и впервые в России издал замечательный каталог иллюстрированных французских книг XVIII века и других раритетов, с описаниями и ценами, в стиле известного французского библиографического справочника «Cohen»*. Гартье выпустил в свет и ряд других каталогов с описаниями русских и иностранных книг под общим названием «Rossica».

Николай Гаврилович Мартынов (1843—1915) в 1885 году издал каталог «Русская библиография морского дела за 1701—1882 гг. включительно». Эта библиография дополнила труд ро-

---

* Cohen Henry. Guide de l'amateur de livres à vignettes (et à figures) du XVIII siècle. Paris, 1880.

доначальника морской библиографии А. П. Соколова. На выставке морских изданий и видов, устроенной в 1910—1911 годах в Петербурге Комитетом морских экскурсий, принимал участие и Николай Гаврилович. Он экспонировал свою большую коллекцию в 5660 наименований, состоявшую из брошюр, многотомных сочинений, атласов, карт, различных сборников по морскому делу, составлявшуюся им в течение 30 лет. Им же была подготовлена к изданию «Систематическая роспись книг, брошюр, атласов и карт на русском и иностранных языках по всем отраслям исключительно морского дела. Из собрания книгоиздателя Николая Гавриловича Мартынова, составленная им самим». Выпуск 1. Отделы: Морская история и географическая библиография, Отечественная периодическая печать с начала ее возникновения, Критико-библиографические статьи и обозрения, Технические, географические и филологические словари, Книги XVIII века. Выпуск 2. Елизаветинское время и Ломоносов 1741—1761 гг.: Мореходство, География-картография, Путешествия, Войны, Кораблекрушения, История царствования, Дипломатические сношения, Законодательство, Мемуары, Биографии, Разные сочинения, Библиография (Спб., 1911). На этой же выставке демонстрировался подвижной каталог, устроенный по мысли и рисункам Н. Г. Мартынова. Выставка была на Набережной реки Мойки, в доме № 12. Николай Гаврилович составил статистические сведения о изданных в России русских книгах за 1909 год (всего было отпечатано 86 957 814 томов на сумму 26 836 919 р. 50 к.). Он основал и издавал журнал «Книжная биржа». Н. Г. Мартынов — автор многих статей и очерков по вопросам книжной торговли.

Павел Петрович Шибанов издавал в 1892 году «Библиографические записки». Кроме того, он составил с помощью своего младшего брата Льва Петровича и издал до 1916 года 168 антикварных каталогов. В двадцатых — тридцатых годах он продолжил свою составительскую деятельность вместе с Р. К. Караханом, С. С. Романовым и другими в «Международной книге» в Москве. Им была подготовлена дезидерата «Ищем купить» и «Дезидерата русского библиофила. Редчайшие книги и их современная расценка» (М., 1927). Павел Петрович — автор научного труда «История антикварной книжной торговли в России» (М., 1925).

Николай Васильевич Соловьев (1877—1915) написал несколько интересных монографий: «Русская книжная иллюстрация XVIII века», Спб., 1907; «Иллюстрированные издания в России начала XIX века», Спб., 1908; «Иностранцы в России в XVII веке», Спб., 1909; «Библиография усадеб», Спб., 1910; «Мария Тальони, 23 апреля 1804 г.— 23 апреля 1884 г.», Спб., 1912; «История одной жизни. А. А. Воейкова — Светлана», т. 1—2, Прг., 1915—1916. Он составил и издал также около 150 антикварных каталогов, среди которых были некоторые прекрасно иллюстрированные, с описанием множества редкостных и замечательных книг, гравюр и литографий. Следующие его каталоги носят характер справочников: № 104 «Русские портреты»; № 105 «Редкие книги»; № 118 «Двенадцатый год»; № 122 «Автографы и рукописи» (первый в России книгопродавческий каталог автографов); № 133 «Каталог портретов». Н. В. Соловьев был издателем двух иллюстрированных журналов. В 1902—1903 годах под его редакцией выходил «Антиквар.

Библиографический листок»; в 1911—1916 годах — «Русский Библиофил. Историко-литературный и библиографический журнал».

В «Библиографических записках» за 1892 год под нерасшифрованными инициалами «Н. В.» была помещена заметка о французских букинистах, которая называлась «Академик Мармье и букинисты»; в ней говорилось следующее: «Оригинальную вставку в своем завещании сделал умерший недавно в Париже французский академик Ксавье Мармье, завещавший тысячу франков букинистам левого берега Сены. „Я желаю,— писал Мармье в своем завещании,— чтобы эти добрые и честные коммерсанты, числом около пятидесяти, заказали себе на эти деньги обед, за которым бы помянули меня добрым словом. В этом будет заключаться моя благодарность за те многие и многие счастливые часы, которые я проводил в их обществе, во время моих ежедневных прогулок по набережным от Pont-Royal до моста Saint-Michel“.

Букинисты возложили роскошный венок на гроб завещателя».

В лавках букинистов люди забывали свои титулы и ранги, они превращались в скромных библиофилов, стоявших на одной ноге с букинистами, с которыми они часами вели задушевные беседы о книгах, вместилище самого прекрасного на земле — человеческого разума.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мои встречи с писателями, учеными, библиофилами и другими собирателями-книголюбами в двадцатых — тридцатых годах

Среди собирателей этого времени был Анатолий Васильевич Луначарский, который иногда приезжал в Ленинград из Москвы. Он интересовался старыми книгами; букинисты любили его как человека, глубоко понимавшего культуру букинистической торговли. Луначарский относился с большим уважением к старым работникам книжного дела и всячески содействовал успешному процветанию антикварно-букинистической торговли.

Поэт Демьян Бедный тоже часто бывал в Ленинграде, приобретал очень много старинных книг и был желанным покупателем у ленинградских букинистов и антикваров. В один из дней в конце двадцатых годов, под вечер, заходит Демьян Бедный в антикварный магазин Ф. Г. Шилова на Литейном проспекте, здоровается и говорит:

— Ну, старина, закрывай магазин, хороший покупатель к тебе явился, выкладывай, что приготовил мне вкусненького, но только при закрытых дверях.

— Особенного ничего нет, Ефим Алексеевич,— отвечает Шилов.— Есть несколько записок Майкова, Тютчева, Фета, да вот еще письмо неизвестного автора...

Демьян Бедный коллекционировал автографы. Просматривая письма, он спросил:

— Сколько же ты с меня слупишь за все это?

— Рублей двести ведь стоят?

Демьян Бедный для вида стал торговаться, и наконец они сошлись на 150 рублях. При разговоре присутствовал директор Государственного книжного фонда М. М. Саранчин. Беря за руку Шилова, Демьян Бедный говорит:

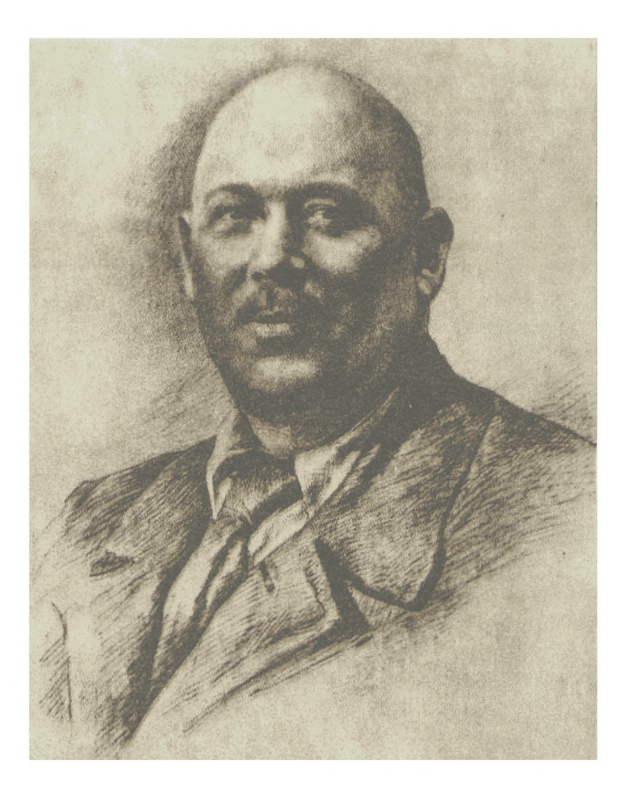
— Михайло Михайлыч! Разними-ка нас, будь свидетелем, чтобы не было потом ко мне претензий.

Ударили по рукам, и, забрав покупку, Демьян Бедный не без ехидства обратился к Шилову:

— На этот раз ты проморгал. Ведь письмо-то неизвестного — это же автограф Александра Сергеевича Пушкина!

Шилов заволновался, даже в лице изменился. Он затаил обиду и стал придумывать, как бы возместить потерю. Как-то появилось у него 12 писем, в приобретении которых Д. Бедный был очень заинтересован. Шилов вызвал его из Москвы и назначил цену по 100 рублей за письмо. Д. Бедный усиленно торговался, говоря: «Ты с ума спятил, чтоб я заплатил за это такие колоссальные деньги, ведь все равно это пойдет в печку». Шилов был неуступчив. После некоторых препирательств Д. Бедный заплатил ту сумму, которую назначил Шилов.

— Ну, — говорит, уходя, Демьян Бедный,— я тебя как-нибудь поддену, ты от меня не отделаешься.



Демьян Бедный. Портрет работы А. Н. Яр-Кравченко

— Не сердитесь, Ефим Алексеевич,— отвечал Шилов.— Это — невестке в отместку... Помните автограф Пушкина?..

Случай этот не помешал, конечно, дальнейшим дружеским встречам двух книголюбов. Шилов постоянно сообщал Демьяну Бедному об интересных изданиях, поступавших в магазин.

У Демьяна Бедного постепенно образовалась колоссальная библиотека редкостных и интересных книг, журналов, сборников, альманахов и рукописей XVIII—XIX столетий, которая потом послужила основой для библиотеки Государственного литературного музея в Москве.

В эти годы, почти до самой кончины, посещал букинистические магазины Аким Львович Волынский. С 1920 по 1924 год он был председателем правления Петроградского отдела Всероссийского союза писателей. Аким Львович — автор известной работы о Леонардо да Винчи, изданной в 1900 году, и многих иных искусствоведческих книг и статей. Монография А. Л. Волынского о Леонардо да Винчи была первой большой исследовательской работой на русском языке о гениальном итальянском художнике и ученом, всесторонне ознакомившей наших читателей с его творчеством. В знак особой благодарности за это Аким Львович Волынский был объявлен почетным гражданином города Милана. В начале текущего столетия состоялась торжественная передача ему серебряной доски работы Луки Бельтрами, известного итальянского архитектора-художника, основателя Raccolta Vinciana (в котором был создан зал имени А. Л. Волынского) и автора превосходнейших трудов о Леонардо да Винчи.

Захаживал часто в то время в магазины к букинистам литературовед и детский писатель



А. Л. Волынский

Корней Иванович Чуковский, автор многих научно-исследовательских работ о творчестве Н. А. Некрасова и других.

Заходил в магазины историк Павел Елисеевич Щеголев, почти всегда с пакетом уже приобретенных им где-то книг. Он не любил оставлять в магазинах купленные книги, так как боялся, что они затеряются или их отдадут другому покупателю и он их лишится. Павел Елисеевич собирал книги по истории революционного движения, по декабрьскому восстанию, интересовался Пушкинианой, историческими и литературными мемуарами и рукописями. Личная библиотека П. Е. Щеголева была колоссальная и занимала несколько больших комнат в отдельной квартире. Другая квартира, этажом ниже, в несколько больших комнат, была для жилья. Мне приходилось бывать в доме у Щеголева, беседовать с Павлом Елисеевичем и обозревать эти колоссальные книжные богатства.

Постоянно посещал букинистические магазины Петр Алексеевич Картавов, его всегда в эти годы можно было видеть в магазинах с пачками купленных книг. Человек он был юркий, суетливый, но мог часами говорить с букинистами на книжные темы. Он вел деятельность самую разностороннюю. В прошлом издатель и книгопродавец-антиквар, он был вместе с тем исследователем-книговедом, переводчиком, библиографом, библиофилом, собирателем образцов бумаг разных эпох, исторических документов, афиш и листовок, коллекционером книжных знаков. Позже он стал активным деятелем Ленинградского общества экслибрисистов и Общества библиофилов. Свои работы П. А. Картавов печатал под псевдонимами «Молодые новобранцы», «Не-

некрасов», «Обнорский Петр». Еще в конце XIX века им были составлены и изданы «Библиографические известия о редких книгах», № 1—2 (Спб., 1898). В 1900 году вышла книга Картавова «Исторические сведения о гербовой бумаге в России». Вышел в свет лишь один выпуск этого труда в количестве 100 экземпляров. В 1902 году им был издан «Литературный архив». В 1904 году он издал «Ростопчинские афиши», им собранные (летучие листки 1812 г.). В годы первой русской революции П. А. Картавов начал выпускать журнал революционной сатиры под названием «Бомбы», номера которого сразу же по выходе в свет конфисковывали, а потом это издание и совсем закрыли. Петр Алексеевич перевел на русский язык несколько исторических драм. В свое время Картавов устраивал книжные аукционы, для которых брал книги из своего собрания, а также принимал на комиссию антикварные издания от других владельцев. В 1903 году Картавов издал «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, немедленно уничтоженное цензурой и потому чрезвычайно редко встречающееся в продаже.

В мае 1930 года П. А. Картавов в Ленинградском обществе библиофилов делал сообщение: «Русские букинисты с 1883 года до наших дней» (проект биобиблиографического справочника). В выпущенной в 1931 году «Хронике Ленинградского общества библиофилов» есть фотография группы ленинградских работников книжной торговли и букинистов, присутствовавших на докладе П. А. Картавова. После смерти П. А. Картавова остались в его квартире и сарае в Новой Деревне десятки пудов различных бумаг XVII—XVIII столетий, образцы обоев и писчей бумаги

разных эпох, всевозможные афиши и листовки. Некоторая часть этих материалов попала в Библиотеку Академии наук СССР, а большая часть рассеялась куда попало.

Часто посещал книжные магазины и вел большую общественную работу среди букинистов и собирателей книг ленинградский библиофил Эрих Федорович Голлербах, критик, искусствовед, поэт, философ, художник-график и библиограф. Родился он 23 марта 1895 года в Царском Селе, в семье булочника Федора Голлербаха. Отец его имел пекарню и булочную на углу Московской и Леонтьевской улиц. Обучался Голлербах в Царскосельском реальном училище, затем на естественном факультете Петербургского университета. С 1918 года начал работать в музеях, а в следующем году окончательно перешел к художественной и литературной деятельности. С 1923 года Голлербах заведовал художественной частью Государственного издательства в Ленинграде и состоял председателем Ленинградского общества библиофилов. Принимал участие в работе Ленинградского общества экслибрисистов и Комитета поощрения художественных изданий.

Первая статья Э. Ф. Голлербаха: «Ценность индивидуализма» — появилась в 1915 году на страницах журнала «Северный гусляр». Затем он сотрудничал во многих советских журналах и газетах, иногда его произведения печатались в берлинских и рижских изданиях.

Некоторые свои литературные произведения Голлербах подписывал псевдонимами «Э-Бах», «Библиофил», «г. Викторов», «Вторая категория», «Г», «Г. Б.», «Э. Г-бах», «Искусствовед», «Л. Б.», «А. Ростовцев», «Читатель», «Э. Г.»,

«Ego». Кроме публикаций в периодической печати и сборниках, вышло в свет множество трудов Голлербаха отдельными изданиями. К ним относятся иллюстрированные монографии о художниках И. В. Симакове, Евг. Белухе, Е. И. Нарбуте, А. Я. Головине, М. Добужинском, В. Серове, В. Д. Замирайло, М. П. Бобышове, М. А. Кирнарском, о писателе А. Н. Толстом, архитекторе И. Е. Старове, а также и другие книги по советской графике и портретной живописи, путеводители по пригородам Ленинграда. Вот какой отзыв о книге Голлербаха «Детскосельские дворцы-музеи и парки» дал в свое время искусствовед и библиофил А. А. Сидоров: «Ничем, кроме привета самого радушного, нельзя встретить новую книгу неутомимого Э. Ф. Голлербаха. Путеводитель всегда в каком-то смысле самая нужная из всех книг по искусству.— Детское Село — музей самодержавия — в путеводителе нуждается преимущественно. Его автор должен быть особо тактичен в объяснении. Одной эрудиции мало для того, чтобы сделать приемлемым сквозь красоту памятник прошлого; вот почему особенно радует предисловие Э. Ф. Голлербаха, где учтена современность с ее требованиями, где столь ясно подчеркнуты великая роль искусства и музея в строительстве новой культуры. Здесь разногласия могут быть только в оттенках; в лице автора надо приветствовать одного из наиболее плодотворно работающих деятелей русского художественного просвещения» *. О вышедшей вторым изданием замечательной книжечке Голлербаха «Город муз (Детское Село как литературный символ и памятник быта)», изданной в 1930

* «Среди коллекционеров». 1922. № 9. С. 48—49.

году в количестве 500 экземпляров (из них 25 именных и 75 нумерованных, на веленевой бумаге), появились благоприятные отзывы во многих газетах и журналах*. Эта книга моментально разошлась и стала редкостью сразу же после того, как вышла в свет. Быстро расходились и все другие книги Голлербаха. Большая часть литературно-искусствоведческих трудов Эриха Федоровича проникнута тонкой поэтичностью.

В последние годы книги Голлербаха попадаются на антикварном книжном рынке очень редко и являются предметами коллекционирования для библиофилов. Особенно интересен в этом отношении его библиофильский дифирамб «Диоскуры и книга», изданный в количестве 100 нумерованных экземпляров. В этом произведении содержатся шутливые дифирамбы деятелям Комитета популяризации художественных изданий. За книжкой много лет охотился страстный библиофил Николай Павлович Смирнов-Сокольский, который очень хотел иметь ее в своей коллекции. Розыски его были безуспешны, несмотря на то, что он тратил много денег на угощения тех, кто ее имел. Как только речь заходила об уступке этой книжечки, собеседник тотчас же навострял уши и боялся даже дать ее в руки Смирнову-Сокольскому, зная настойчивость и пыл этого библиофила. Пожалуй, Николай Павлович до самой своей кончины эту книжечку так и не приобрел.

---

* Веч. Москва. 1930. 5 авг. (№ 180) (И. В-д); Книга и революция. 1930. № 20 (Михайлов); На лит. посту. 1930. № 12 (Б. Леонтьев); Известия. 1930. 8 июля (№ 186) (В. Киршон); Лит. газ. 1930. 10 июля (№ 28) (Перепечатка статьи В. Киршона).

Эрих Федорович Голлербах со школьных лет увлекался графикой, поэзией и собирательством русских и иностранных книг, эстампов и рисунков. В двадцатых годах он уже был библиофилом в полном смысле этого слова. Как руководитель Ленинградского общества библиофилов Голлербах с кипучей энергией выполнял свои общественные обязанности и в короткое время объединил книголюбов, работающих в области книговедения, искусствоведения, библиотековедения, издательского дела и книжной торговли. Благодаря неутомимой деятельности Эриха Федоровича Голлербаха и его соратников В. К. Лукомского, Ф. Ф. Нотгафта, М. Н. Куфаева, О. Э. Вольценбурга, С. А. Мухина, В. К. Охочинского, Б. М. Чистякова и других остался след в науке о книге в виде коллективного печатного труда «Альманах библиофила» и множества малотиражных иллюстрированных памяток.

Несмотря на большую занятость основной службой и непрестанную деятельность в Обществе библиофилов, Обществе экслибрисистов, Комитете популяризации художественных изданий и в различных комиссиях, Эрих Федорович всегда находил время посещать антикварные и букинистические магазины Ленинграда, разыскивая что-нибудь для себя интересное, беседовать с букинистами и покупателями. Все это он делал с пылкой страстью книголюба. Голлербах любил рассказывать увлекательные истории о поисках и книжных находках, описывал оригинальные эпизоды из жизни библиофилов, охотно острил и убедительно критиковал отрицательные явления в нашем быту. Голлербах иногда вспоминал свои школьные и юношеские годы. «Какой я был глупый в то время,— говорил Эрих Федорович.— Некоторые ученики в мое отсутствие

рисовали в моих тетрадях „крендель“, подчеркивая этим, что я сын простого булочника. Среди учащихся реального училища были дети царскосельской знати, которые к таким, как я, относились с пренебрежением. Я на эти грубые шутки очень сердился и даже стеснялся своего происхождения. А вот теперь даже лестно, что я не принадлежал к знати». Эрих Федорович был очень остроумен и моментально сочинял сатирические экспромты. Случалось ему писать и стихотворные приветствия к различным юбилеям.

11 ноября 1924 года по случаю исполнившейся первой годовщины существования Ленинградского общества библиофилов был устроен товарищеский банкет, на котором Эрих Федорович прочел следующее шутливое приветствие:

Дадим обет в день первой
годовщины —
Куда бы нас ни бросил буйный рок,
Пусть ежегодно ЛОБа именины
Объединяют книжников кружок.
Минувший год для ЛОБа был
победным,
И никакой завистник и злодей
Не назовет, хотя бы в шутку,
медным
Почтенный ЛОБ, в котором семь
пядей*.
Пройдя сквозь все преграды,
встряски, сдвиги
Дорогою искусства и труда,
Мы сохраним любовь и нежность
к книге,
Ей верными пребудем навсегда.

---

* Семь пядей — намек на число членов совета Ленинградского общества библиофилов.

Подымем выше пенные бокалы
И призовем благословленье муз!
Да здравствует младенец годовалый
Библиофилов дружеский союз!

На встрече Нового 1925 года в Ленинградском обществе библиофилов Э. Ф. Голлербах выступил со стихотворением «Тост». Привожу сохранившийся у меня текст этого произведения:

Кто ведает, что ЛОБу принесет
Загадочный и долгий Новый год,
Какие ждут нас радости и беды?
Я пью за то, чтоб в пестрой смене дней
Еще дружнее, крепче и тесней
Свой славный круг сомкнули книговеды;
Чтобы свое усердие продлил
Наш секретарь — Спасовский Михаил,
И бодрствовал, насторожившись ухо,
Великолепный график наш — Белуха;
Чтобы хмелел, под легкий звон стаканов,
Маститый книжник и эстет Молчанов,
И сохранил весь пыл свой абиссинский
Воинственный Володя Охочинский;
Чтоб далеко распространилась слава
«Владетельного князя» Владислава*,
И сочинил словарь библиофилов
Законный внук Ровинского — Корнилов**,

---

* Владислав — В. К. Лукомский, искусствовед, библиофил.

** Петр Евгеньевич Корнилов, искусствовед, библиофил, автор множества печатных работ.

— Чтоб, наконец, в торжественных
стихах
Всех шестерых прославил
Голлербах.

К этой встрече Нового года была издана памятка тиражом 50 экземпляров.

24 марта 1925 года Ленинградское общество библиофилов отметило десятилетний юбилей литературно-искусствоведческой деятельности Э. Ф. Голлербаха. Был устроен товарищеский ужин, выступали со стихотворными приветствиями Всеволод Рождественский и Алексей Алексеевич Сидоров. Рождественский посвятил юбиляру следующее стихотворение:

Много было послано подарков
В город, осененный Октябрем.
Мы ему из детскосельских парков
Лучшего садовника даем.

Помня прокатившиеся грозы,
В Госиздате—для иных годин—
Пусть и он выращивает розы
Посреди пожарищ и руин.

Пусть и он вперед не смотрит
хмуро,
А признав, что «вывезет соха»,
Будет смел, как русская гравюра,
Вдохновенной твердостью штриха.

Вольный ректор университета,
Он научит видеть, что народ
Из холстов старинного портрета
Для муки рогожи не сошьет.

Но, вступив в пленительное
детство,
До небес вздымая гнев костра,
Сохранит цветущее наследство

Русской кисти, слова и пера.

Для харит возвышенного брата
У меня особая хвала:
Он принес под глобус Госиздата
Вкус и меру Детского Села.

В новый сад мы все глядим без
страха,
Трижды светел Пушкинский союз.
Первый мой бокал — за Голлер-
баха,
А второй — за благосклонных муз.

К этому юбилею была подготовлена памятка, изданная под названием «Ленинградское общество библиофилов Эриху Федоровичу Голлербаху», напечатанная в количестве 100 экземпляров. Памятка имеет украшения: марку работы С. Чехонина, фронтиспис работы Т. Белоцветовой, изображающий обложки книг Голлербаха на фоне венка из цветов. Концовка-барельеф работы В. Хрусталева.

Голлербах был знаком со многими интереснейшими людьми того времени, с которыми он общался по служебным и общественным делам. После нескольких встреч и бесед Голлербаха с А. Толстым появилась приятно изданная книжечка Эриха Федоровича «Алексей Николаевич Толстой. Опыт критико-библиографического исследования». Книга была иллюстрирована портретами А. Н. Толстого работы Л. Бакста, Н. Ульянова, В. Масютина, В. Белкина, Е. Кругликовой. Общение Эриха Федоровича с известным художником А. Я. Головиным дало материал для замечательной и хорошо иллюстрированной его книги «А. Я. Головин. Жизнь и творчество».

Так же ревностно, как Э. Ф. Голлербах, посещали в двадцатых годах магазины букинистов

и другие собиратели-книголюбы. Известный гербовед В. К. Лукомский был любителем и знатоком старинной французской книги. Часто наведывался к букинистам литературовед Н. О. Лернер, автор многих исследовательских трудов о творчестве А. С. Пушкина. Постоянно бывал тогда в букинистических магазинах известный лингвист академик Виктор Максимович Жирмунский, автор книг «Композиция лирических стихотворений», «Введение в метрику» (теория стиха), «История немецкого языка», «Немецкая диалектология» и многих других научных трудов. Виктор Максимович в течение ряда лет собирал и продолжает собирать книги по лингвистике, фольклору, истории и теории литературы на многих языках мира.

Заглядывал в магазины букинистов в эти годы и старейший книголюб Петербурга — Ленинграда Павел Константинович Симони (1859—1939), библиограф, историк, автор множества биобиблиографических работ, посвященных известным библиографам, деятелям литературы, книготорговли и др. Им был подготовлен к изданию «Краткий указатель архивов разных лиц и учреждений, собранный с 1894 по 1906 год Г. В. Юдиным» (Спб., 1907). Симони составил также и снабдил примечаниями «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в допетровское время с XI по XVIII столетие».

В Ленинград часто приезжал вместе с Демьяном Бедным артист Московской эстрады народный артист РСФСР Николай Павлович Смирнов-Сокольский, который в эти годы начал усиленно собирать книги, альманахи и периодические издания XVIII—XIX столетий. Он соревновался

с Демьяном Бедным в поисках раритетов у антикваров и букинистов в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза, где ему приходилось бывать по роду своей артистической деятельности.

Постоянно посещали букинистов и собирали различный литературный и иллюстрированный материал по Петербургу большие знатоки истории и художественных достопримечательностей города, авторы многих трудов по Петербургу-Ленинграду и окрестностям: В. Я. Курбатов, Н. П. Анциферов, П. Н. Столпянский и А. Г. Яцевич.

Известный историк и искусствовед академик Николай Петрович Лихачев почти всегда заходил к букинистам с клетчатым рюкзаком за плечами, в который он клал приобретенные книги. Николай Петрович — автор следующих трудов: «Библиотека и архив московских государей в XVI столетии», «Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках», «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», «Книгопечатание в Казани», «Бумаги и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» и многих других замечательных исследований.

В первые послереволюционные годы колоссальнейшая библиотека Н. П. Лихачева (собрание книг по палеографии, сфрагистике, археографии, книговедению, истории и др.) была передана владельцем Археологическому институту, а в дальнейшем она легла в основу организованного Академией наук СССР Музея палеографии. Но страсть книголюба не покидала его и после передачи своей основной библиотеки Академии наук. Николай Петрович продолжал усиленно собирать интересные и редкостные книги по этим дисциплинам.

Магазины букинистов любили посещать режиссеры, сценаристы, постановщики и театральные художники, подбирая здесь нужный для творческой работы материал.

Букинисты были незаменимыми помощниками при комплектовании государственных книгохранилищ, музейных библиотек и самих музеев различными рукописями, гравюрами, литографиями и рисунками. В годы послевоенной разрухи они всегда, где возможно, старались спасать от уничтожения культурные ценности — старые книги.

В юношеские годы я очень увлекался поэзией, особенно произведениями Пушкина, Некрасова и Лермонтова. Я любил также поэтов Никитина, Кольцова, Майкова, Тютчева, Фета. У меня были антологии «Русская муза», «Волна» и другие, но я тогда еще не был знаком с поэзией Александра Блока. В 1918 году в газетах появилась революционная поэма Блока «Двенадцать». На буржуазную часть читающей публики поэма произвела ошеломляющее впечатление, подобно разорвавшейся бомбе. Начались бурные обсуждения поэмы, слышались «ахи» и «охи», как это автор «Стихов о Прекрасной Даме» мог создать произведение, прославляющее пролетарскую революцию. В демократических слоях поэма «Двенадцать» имела большой успех и вызывала сочувственные отклики. Прочитав поэму «Двенадцать», я впервые ознакомился с поэзией Александра Блока. Стал мечтать прочесть и «Стихи о Прекрасной Даме», о которых тогда было много толков.

Однажды, в конце 1920 года, я попал на Покровскую площадь (ныне пл. Тургенева), где у церковной ограды поторговывали старыми

книгами и журналами «холодные книжники». Я встретил А. Михайлова, который стал просить у меня денег в долг на предполагаемую покупку книг. «Подошел ко мне гражданин,— говорит Михайлов,— и пригласил на квартиру посмотреть продаваемые им книги. Вот его адрес: Офицерская улица (ныне ул. Декабристов.— *П. М.*), угол набережной реки Пряжки». Я Михайлову не совсем поверил, тогда он предложил мне пойти вместе с ним по этому адресу и посмотреть книги. Когда мы вошли в квартиру, в полутемной прихожей нас встретил болезненный, в полувоенной одежде человек и стал показывать приготовленную для продажи кучку книг, которая лежала на полу. Часть из предложенных им книг была нами куплена и произведен расчет. Среди этих книг были сборники стихотворений, литературоведческие труды и три номера журнала «Красный милиционер», издававшегося в 1919—1920 годах (всего вышло в свет четырнадцать номеров) Управлением Петроградского Совета депутатов, с корректурными пометками. Здесь оказалась и книжечка Блока «Стихи о Прекрасной Даме», которую я так страстно искал. Вместе с ней я приобрел и другие сборники Блока: «Снежная маска», «Ночные часы» и первые советские издания «Двенадцати», «Скифов» и «Соловьиного сада». Эти книжечки у меня любовно хранятся и по сей день.

Как известно, в журнале «Красный милиционер» сотрудничал Александр Блок и многие известные писатели того времени: Андрей Белый, Алексей Ремизов, Анна Радлова, Илья Садофьев, Корней Чуковский, Василий Князев, проф. Ю. Анненков и другие авторы, писавшие под псевдонимами.

Несколько лет спустя я узнал, что мы с Михайловым покупали книги у самого А. Блока, в его квартире, и он лично нас встречал в прихожей. Пометки в журнале «Красный милиционер» были сделаны рукой поэта. Эти номера журналов были переданы потом одному из исследователей творчества Блока.

В дальнейшем мне удалось приобрести книгу Блока «Последние дни императорской власти», составленную поэтом по неизданным документам. В этой книге есть эпизоды, свидетелем и очевидцем которых я был сам лично, они описаны с большой точностью. Таков эпизод на Знаменской площади (ныне пл. Восстания) с приставом Крыловым, которого толпа стащила с лошади на землю и расправилась с ним.

Вдова поэта Любовь Дмитриевна в 1925—1926 годы часть библиотеки Александра Блока продала антикварному магазину акционерного общества «Международная книга». Во время оформления этой продажи мне пришлось второй раз побывать в квартире поэта как представителю «Международной книги». Большое количество книг по балету и искусству, принадлежавших вдове поэта, и некоторые книги блоковской библиотеки попали в Ленинградскую театральную библиотеку им. А. В. Луначарского.

Будущий директор библиотеки Государственного Эрмитажа, библиограф, искусствовед и библиофил Оскар Эдуардович Вольценбург, в те годы еще сравнительно молодой человек, посещал лавки букинистов и усиленно собирал книги и другие материалы по искусству, библиографии и книговедению. Оскар Эдуардович — автор многих трудов по библиографии, в том числе «Библиографии книг по искусству и искусствоведению»;

он был активным деятелем Ленинградского общества библиофилов. Оскар Эдуардович подготовил к изданию первый многотомный «Словарь русских художников от XVIII века до наших дней», первые два тома этого труда уже закончены. Работа над словарем заняла у Оскара Эдуардовича несколько десятилетий и продолжается поныне. Мне приходилось бывать на квартире Вольценбурга: это в полном смысле слова творческая лаборатория крупного библиофила-искусствоведа. Кроме множества книг и иллюстративных материалов, повсюду масса картотек, ящики которых расположены на полках по стенам комнат в строго систематизированном порядке. Оскар Эдуардович охотно делился со мной результатами своего грандиозного для одного человека труда и высказывал опасение, хватит ли у него здоровья и сил, чтоб завершить словарь.

Занимался подбором литературы по истории книжной торговли собиратель книжных знаков и библиофил Александр Иванович Аникиев. Он был одним из первых директоров большого книжного магазина «Дом книги» (Невский пр., д. № 28) в начале двадцатых годов. Александр Иванович состоял членом совета Ленинградского общества экслибрисистов. Своими материалами по истории русской книжной торговли он оказывал большую помощь книговедам и библиофилам. В 1924 году известный библиограф Августа Владимировна Мезьер в своем труде «Словарный указатель по книговедению» (Л., 1924) выражала искреннюю благодарность А. И. Аникиеву за предоставленные в ее распоряжение ценные библиографические сведения, картотеки книжных собраний и сами книги. Впоследствии Аникиев много лет, вплоть до пенсии, работал в Государ-



Ленинградский Дом книги

ственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Бывал у букинистов Яков Максимович Каплан, научный работник и переводчик на иностранные языки трудов Академии наук. Каплан являлся крупным собирателем и знатоком западноевропейской книги XV—XVIII веков. К нему часто обращались за консультацией по иностранной литературе научные работники и библиографы, в том числе известный ленинградский библиограф профессор Михаил Николаевич Куфаев. Часто Яков Максимович давал консультации и книжникам-антикварам, его уважали букинисты, а он любил часами находиться в магазинах старой книги и беседовать с присутствующими на библиофильские темы. Для окружающих он был ходячей энциклопедией сведений из мира книг и собирательства, живым справочником «Брюне» *. Я наведывался на квартиру к Каплану и обозревал его многотысячное собрание иностранной литературы на различных языках. Книги его библиотеки размещались в шкафах, на открытых стеллажах, лежали стопками на столах, а то и прямо на полу, около стен. Он хорошо ориентировался в своих книжных сокровищах, быстро находил нужные ему издания. Разговорившись со мной об особенностях какой-либо книги, он сейчас же подходил к одному из шкафов или стеллажей и безошибочно доставал то, что ему было нужно. На фоне книг своего собрания он казался типичным ученым-книголюбом, каких часто изображают на старинных гравюрах.

---

* Manuel du libraire et de l'amateur de livres contenant 1° Un nouveau dictionnaire bibliographique... 2° Une table en forme de catalogue raisonnè... Par Jacques-Charles Brunnet... 5-oe èd. Paris, 1860—1865. T. 1—6.



А. И. Аникеев (в центре) с коллективом руководимого им Ленинградского Дома книги

Почтенный историк литературы Михаил Осипович Гершензон, автор и редактор многих замечательных книг и статей, с самого детства увлекался изучением жизни и творчества А. С. Пушкина. После выхода в свет его книги «Мудрость Пушкина», в которой была статья «Скрижаль Пушкина», содержавшая неточные сведения о приписываемом поэту произведении, Гершензон спешно приехал в Петроград, ходил по всем книжным магазинам и скупал свою книгу, чтобы вырвать из нее первую страницу. Очевидно, он это делал и в других городах, причем очень тщательно, потому что обычно встречаются экземпляры этой книги с вырезанными страницами. За всю мою длительную практику работы со старой книгой мне попался только один раз полный экземпляр «Мудрости Пушкина».

В начале двадцатых годов шли разговоры о том, что из Государственного издательства была выкрадена часть рукописи подготовленного и отредактированного В. Я. Брюсовым «Полного собрания сочинений А. С. Пушкина», со сводом вариантов, примечаниями и иллюстрациями по рисункам, гравюрам и литографиям пушкинской эпохи. Из-за утраты рукописи в 1920 году вышла только первая часть первого тома этого труда. Валерий Яковлевич очень болезненно переживал утрату с большой любовью подготовленного им издания. В дальнейшем, в 1929 году, уже после смерти Брюсова, вышел в свет другой его замечательный труд: «Мой Пушкин». Эту книгу Валерий Яковлевич также много лет вынашивал и хотел ее издать еще в 1911 году, но так при жизни и не смог осуществить своего намерения.

Часто приезжал в Ленинград поэт Сергей Александрович Есенин и всегда любил заходить в лавки и магазины букинистов. Как правило, его сопровождал кто-либо из ленинградских писателей. Нередко поэта можно было видеть с его закадычным другом полиграфистом Александром Михайловичем Сахаровым, который одно время занимал в Москве ответственный пост председателя Полиграфической коллегии ВСНХ. Сахаров очень уважал книжников-букинистов, был близок к ним, как страстный книголюб. При посещении лавок букинистов Есенин и Сахаров встречались со многими людьми из литературного мира, вели с ними длительные беседы о книгах, узнавали немало интересного об уникальных изданиях от маститых библиофилов.

Семья Сахарова жила в Ленинграде на Гагаринской улице (ныне ул. Фурманова). Здесь, в доме № 1, в квартире № 12, бывал у Сахарова и некоторое время даже жил Есенин. В семье у Сахаровых Сергей Александрович встречался с Ильей Садофьевым, Александром Жаровым, Николаем Клюевым, Николаем Никитиным, Иваном Приблудным, Александром Чапыгиным и другими. Гости говорили о своих литературных делах, обсуждали поэтические произведения, дискутировали, назначали встречи. Здесь возник своеобразный литературный салон. В этой квартире в 1924 году Есенин написал свое известное произведение «Русь Советская», посвященное его любимому другу — «Сашке» (А. М. Сахарову).

Александр Михайлович Сахаров до революции был рабочим-печатником. В 1917 году он вступил в Коммунистическую партию и стал ответственным секретарем Полиграфической сек-

ции ВСНХ в Петрограде. С Сахаровым С. А. Есенин впервые познакомился в Москве приблизительно в 1918 или 1919 году, в известном литературном кафе «Стойло Пегаса», где молодежь подчас распевала частушки и народные песни. В исполнении этих песен вместе с поэтами участвовал и Сахаров. Семья Сахарова состояла из его жены, Анны Ивановны Хватовой, по профессии портнихи, и троих детей; мальчиков звали Олег и Глеб, девочку Елена. Маленького Олега часто нянчил Есенин, носил на руках и укладывал спать, когда Анны Ивановны не было дома.

С публикацией своих произведений Есенин всегда испытывал большие затруднения. Он мечтал при посредстве Сахарова самостоятельно издавать свои сочинения. Написанную в марте — августе 1921 года поэму «Пугачев» поэт не мог издать из-за препятствий в различных инстанциях, а ему очень хотелось увидеть ее напечатанной. И вот в 1922 году А. М. Сахаров выпустил в свет на свои средства это произведение Есенина, назвав свое издательство «Эльзевир». Таким образом, этим издательством была выпущена всего только одна книга — «Пугачев» Есенина. Некоторые близкие знакомые поэта выражали недовольство, что Есенин очень много внимания уделял Сахарову, человеку из нелитературной среды, и даже ездил с ним к себе на родину. Они старались отдалить Есенина от Сахарова, поссорить их. Им это удалось осуществить перед самой смертью поэта. В последний свой приезд в Ленинград Есенин не остановился, как обычно, у Сахаровых, а поселился в гостинице «Англетер» на Исаакиевской площади.

Вести о трагической гибели поэта многие букинисты Литейного не поверили. Я не мог в тот

день побывать у гостиницы «Англетер», чтоб убедиться в правильности слухов. На Исаакиевскую площадь я попал лишь на другой день, когда тело Есенина уже было увезено. Вблизи гостиницы еще не расходились группы любопытных, обсуждавших на все лады трагическое событие.

У Сахарова была собрана хорошая личная библиотека, состоявшая из собраний сочинений классиков, сборников стихотворений, мемуаров, трудов по вопросам искусства и других замечательных книг в хороших изданиях и оформлении. Книги из этой библиотеки нередко читал Сергей Есенин, когда жил в семье Сахаровых. Пользовались ими и другие писатели, которые посещали квартиру Сахарова и общались с Есениным. В кругу букинистов и книголюбов двадцатых годов А. М. Сахаров имел прозвище «Есенинец». Архив А. М. Сахарова, где хранились различные материалы и фотографии, связанные с жизнью и литературной деятельностью Сергея Есенина, был передан в 1926 году сестре поэта, Александре Александровне. Как говорили в то время, Сахаров хранил у себя рукописный дневник Есенина и письма различных лиц к нему. Некоторые авторы писем — биографы Сергея Есенина, как, например, Иван Грузинов.

Замечательная библиотека А. М. Сахарова была куплена в 1926 году букинистом Николаем Васильевичем Базыкиным.

В эти годы продолжал свою библиографическую деятельность известный ленинградский собиратель И. И. Рыбаков, купивший в свое время большую коллекцию гравюр и литографий, принадлежавшую в прошлом великому князю Николаю Михайловичу. По материалам этой коллек-

ции прежним владельцем был составлен пятитомный справочный труд «Русские портреты XVIII—XIX столетий». В собрание первоисточников входили портреты русских людей эпохи царствования Екатерины II, Павла I и Александра I (1762—1825). Рыбаков покупал у букинистов много интересных и редкостных книг, гравюр, литографий и рисунков. Он коллекционировал также антикварные вещи и картины. Им была собрана обширная библиотека и коллекция народных лубочных изданий, картин, икон и нефрита. Впоследствии из этого собрания пополнили свои фонды государственные книгохранилища, Эрмитаж и многие музеи.

Однажды мне пришлось покупать книги в Детском Селе у автора историко-литературных работ по Петербургу и Царскому Селу Н. П. Анциферова. Большой популярностью у читателей пользовались его книги «Пушкин в Царском Селе (Литературная прогулка по Детскому Селу)», «Петербург Достоевского», «Быль и миф Петербурга» и другие. Когда Анциферов подписывал счет на проданные книги, он датировал его 1825 годом вместо 1925-го. На мое замечание, что он ошибся, Анциферов попросил извинить его и сказал: «Иначе я не могу написать». Пришлось взять такой счет. Говорили, что это психическое нарушение было связано у него с восстанием декабристов и пушкинской эпохой, которой он усиленно занимался.

Примерно в это же время я заходил к писателю Алексею Николаевичу Толстому. После возвращения из-за границы он жил в гостинице в Ленинграде; иногда на некоторое время уезжал жить и работать в частный пансион в Детском Селе, вблизи здания, где находился Лицей. Мои

посещения А. Н. Толстого были связаны с книжными делами.

Последующие мои встречи с Алексеем Николаевичем происходили в антикварном магазине «Международной книги». Иногда Толстой заходил к нам со своим сыном. Никита присматривался к букинистам и книгам, прислушивался к беседам, которые вел его отец со знакомыми библиофилами. Так зарождался будущий собиратель-книголюб. Позднее мне как-то попалась книга с автографом Алексея Николаевича Толстого: «Козьему барабанщику Никите от автора. А. Толстой». Эта надпись была сделана на романе «Гиперболоид инженера Гарина», изданном в 1927 году.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Государственная и кооперативная букинистическая торговля. Судьбы некоторых ленинградских библиотек и отдельных собраний книг в двадцатых годах

В двадцатые годы наряду с частным сектором стала развиваться государственная и кооперативная антикварная и букинистическая торговли.

Петроградский Дом искусств в начале двадцатых годов имел магазин на улице Герцена, в доме № 14, где продавались старые книги, гравюры, литографии и рисунки. Здесь были продавцами М. Г. Флеер, автор работ «Неизданный рисунок Агина», «О редкой книге», известный петербургский поэт Михаил Кузмин и другие лица, выступавшие в печати. Среди постоянных покупателей тоже встречалось немало литераторов. Этот магазин обычно называли лавкой писателей.

Петроградский Дом литераторов имел книжный магазин на Бассейной улице (ныне ул. Некрасова), в доме № 11. С ноября 1921 года открылась вторая книжная лавка Дома литераторов в доме № 51 по Литейному проспекту. В 1922 году была открыта третья книжная лавка литераторов на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов), в доме № 26. Здесь торговали новыми и старыми книгами, принимали на комиссию отдельные издания, целые библиотеки. Эти книжные лавки покупали у населения иллюстративные материалы: гравюры, литографии, рисунки, народный лубок и пр.

В начале двадцатых годов издавалась «Летопись Дома литераторов», в 1921 году вышли четыре номера этого журнала, в следующем году — еще пять номеров. В летописи печатались небольшие рассказы и очерки, велась хроника текущих событий в литературном и книжном мире нашей страны и за рубежом, публиковались критические заметки и библиография выходящих книг. Дом литераторов выпускал также «Литературные записки». В 1922 году вышло всего несколько номеров этого издания.

В дальнейшем в помещении книжной лавки Дома литераторов на Литейном проспекте открылся книжный магазин издательства «Петроград». Этот магазин занимался не только распространением книг своего издательства, но и производил покупку и продажу старых изданий. Здесь всегда имелась в избытке художественная, техническая и медицинская литература, попадались книги на иностранных языках. В букинистическом отделе магазина можно было приобрести всевозможные старые журналы целыми комплектами и за отдельные годы. Работал здесь опытный книжник Василий Васильевич Кутуев, всегда изящно одетый и очень вежливый. Он хорошо поставил комплектование через магазин библиотек различных учреждений — не только местных, но и других городов.

В доме № 40 по Литейному проспекту открылся книжный магазин издательства «Academia», основанного в 1921 году профессором Н. В. Болдыревым и А. А. Кроленко. Здесь, кроме продажи своих изданий и новых книг других издательств, торговали понемногу и старыми книгами, но не очень широко, так как не имели своего букиниста. В магазине встречались книги



А. А. Кроленко

по истории, литературоведению, искусству, философии в современных и дореволюционных изданиях. В конце двадцатых годов издательство «Academia» открыло второй магазин в доме № 53/б по Литейному проспекту и пригласило на работу опытного старого книжника-антиквара Андрея Сергеевича Молчанова, бывшего сотрудника фирмы Н. В. Соловьева. Он солидно поставил работу со старой и антикварной книгой. В этом магазине стал чувствоваться аромат настоящего антиквариата. Появились интересные и редкостные книги, альманахи, сборники XVIII—XIX столетий, роскошные иллюстрированные издания по искусству, старинные гравюры и литографии. На стенах висели старинные акварели, рисунки и портреты, написанные масляными красками.

В доме № 46 по Литейному проспекту находился книжный магазин, называвшийся «Русский библиофил». Здесь были хорошо представлены книги исторического, литературоведческого и искусствоведческого содержания и всевозможные библиографические труды. Магазин принимал заказы на пополнение и устройство всякого рода библиотек личного и общественного пользования.

Петрогосиздат открыл несколько магазинов удешевленной и старой книги для распродажи переданных издательству национализированных книжных фондов. В распоряжении Госиздата оказались миллионы книг. Были переполнены склады на Невском проспекте в доме № 12, на канале Грибоедова в доме № 26, склады в Апраксином и Гостином дворах, склады бывшего издательства А. Ф. Девриена на Васильевском острове, Кокоревские склады на Лиговской улице.

Хранились книги и в некоторых особняках Петрограда. На разборку, комплектование и приведение в соответствующий порядок огромной массы книг и периодических изданий была послана целая армия книжников — бывших работников национализированных магазинов. На складах хранилось много еще не сброшюрованных книг, которые лежали листами в штабелях. Здесь были «История живописи всех времен и народов» Александра Бенуа, «История русского искусства» Игоря Грабаря, «Энциклопедия архитектуры» Бароновского и многие другие. Вздымались нагромождения многотысячных комплектов собраний сочинений Белинского, Герцена, Жуковского, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Чехова и других писателей в изданиях Наркомпроса, напечатанных на очень плохой бумаге в 1918—1919 годах.

Ленинградское отделение Госиздата в двадцатых годах неоднократно переименовывалось. Оно поочередно называлось Петрогосиздат, Ленгиз, Ленотгиз. Издательство имело свои магазины старой и удешевленной книги на Литейном проспекте, в доме № 53/а, на 4-й линии Васильевского острова, в доме № 13, и на 7-й линии, в доме № 26, на Большом проспекте Петроградской стороны, в доме № 27, на Невском проспекте, в доме № 72. В конце двадцатых годов существовал букинистический отдел при Доме книги.

Для лучшего распространения старой и удешевленной книги как в самом городе, так и в провинции Госиздат регулярно выпускал рекламные каталоги, бюллетень, проспекты, листовки и рассылал их во все концы Советского Союза.

В 1922—1923 годах было создано в Петрограде Северо-Западное отделение акционерного

общества «Международная книга». Первыми организаторами Петроградского отделения были профессор химии М. А. Блох, начальник Химтехиздата, С. М. Алянский, основатель известного издательства «Алконост», выпустившего первые советские сборники стихотворений А. Блока, и В. П. Гартман. Поначалу сотрудников «Международной книги» было всего несколько человек, больших книготорговых операций тоже еще не производилось.

В стране после военной разрухи шла усиленная подготовка технических и медицинских кадров, резко увеличился спрос на технические и медицинские книги. Отечественной технической и медицинской литературы в ту пору выпускалось очень мало. Распродавались остатки дореволюционных изданий, главным образом издательской фирмы К. Л. Риккера.

В это время «Международная книга» получила из Берлина на комиссионных условиях большой транспорт научных книг, среди которых был трехтомный справочник для инженеров, архитекторов, механиков и студентов «Hütte» (издание Научно-технического отдела ВСНХ, Берлин, 1921). Все эти многотысячные издания были с успехом распроданы, и «Международная книга» создала себе хорошую финансовую базу для дальнейшей книготорговой деятельности. С этого момента начались более крупные экспортно-импортные операции «Международной книги» и расширилась торговля на внутреннем рынке. Все чаще стали прибывать из-за рубежа транспорты книг на русском языке. В Берлине набирались и печатались рукописи, подготовленные издательством Научно-технического отдела ВСНХ, Государственного издательства, медицинского

издательства товарищества «Врач» и русско-германского общества «Книга». Кроме научно-технической и медицинской литературы, в которой в это время сильно нуждалась наша страна, «Международная книга» получала и художественную литературу — сочинения классиков в берлинских изданиях З. И. Гржебина, издательств «Слово» и И. П. Ладыжникова. В дальнейшем «Международная книга» стала получать книги и периодические издания на английском, немецком, французском, итальянском и других языках народов мира. Производилась подписка на всевозможные иностранные журналы и газеты. «Международная книга» открыла в своих торговых помещениях на Литейном проспекте большой букинистический магазин, где продавалась русская и иностранная антикварная книга. Магазин имел в продаже книги, выпущенные в XVI—XIX столетиях, альманахи, периодические издания, старинные гравюры, литографии и рисунки. Были хорошо укомплектованы отделы истории, археологии, искусства, истории литературы, языковедения, фольклор и библиография. Магазин стал приобретать целые библиотеки и значительные личные собрания книг и периодических изданий. Весьма интересной была библиотека Константина Алексеевича Иванова, директора Царскосельской гимназии. Она состояла из книг по истории и различным видам искусства, художественной, мемуарной литературы и других изданий. Здесь были старинные гравюры, литографии и рисунки, виды Петербурга и его окрестностей. Несколько иной характер имела библиотека А. И. Шах-Назарова. Она состояла из юридических книг и периодических изданий. В нее входило также обширное собрание

восточных словарей и книг по Кавказу. Наиболее уникальной была библиотека Василия Николаевича Строева, внука известного археографа академика Павла Михайловича Строева, который первый в России осуществил археографическую экспедицию и обследовал важнейшие книгохранилища и архивы с целью собирания древнерусских рукописей. Библиотека Василия Николаевича представляла собой многотысячное собрание книг, различных актов, летописей, археографических исследований, исторических материалов, описаний архивов и других справочных изданий. В этой колоссальной библиотеке были книги самого Василия Николаевича, его отца и деда.

Василий Николаевич тяжело переживал расставание со своими книгами.

Когда я осматривал и разбирал эту библиотеку на квартире у Строева, он рассказывал мне, что одним из его студентов был будущий народный комиссар иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин. Василий Николаевич показал мне фотографию, на которой был заснят он сам в окружении студентов, среди которых находился и Г. В. Чичерин. Фотография была сделана во время экскурсии у каких-то древних развалин, псковских или новгородских, точно не помню.

Так же трагически переживал прощание со своей библиотекой известный петербургский библиофил Владимир Яковлевич Адарюков, по инициативе которого было основано в Москве «Русское общество друзей книги», просуществовавшее с 1920 по 1929 год. Он был автором многих трудов по гравюрам и художественным репродукциям. В своих воспоминаниях Владимир Яковлевич рассказывает, с какой душевной

болью расставался он со своими книгами, коллекциями гравюр, литографий и портретов, которые приобрела Публичная библиотека. «В этот злополучный день, когда увозили моих дорогих друзей, я ушел из дому»,—с грустью говорит В. Я. Адарюков.

Библиотека археографа Василия Григорьевича Дружинина состояла из нескольких тысяч исторических книг. В нее входили акты, летописи, археографические исследования, в том числе более тысячи книг по вопросам старообрядчества, раскола и сектантства. На последние «Международной книгой» был составлен и издан фотолитографированный каталог «Раскол и сектантство» (№ 75), который является хорошим библиографическим справочником по этим вопросам и охватывает множество изданий вплоть до начала 1917 года.

Антикварный отдел «Международной книги» приобрел значительную часть книг из собраний А. В. Преснякова, П. Н. Сакулина, П. Е. Щеголева, Л. И. Жевержеева и П. Е. Рейнбота.

Александр Евгеньевич Пресняков был автором книг «Княжое право в Древней Руси», «Образование Великорусского государства», «14 декабря 1825 года» и других. Из его библиотеки в «Международную книгу» попало большое собрание мемуаров, публикаций летописей и книг по истории.

У наследников академика литературоведа Павла Никитича Сакулина были куплены книги по истории литературы, многочисленные критические работы и мемуары.

Колоссальная библиотека историка революционного движения и литературоведа Павла Елисеевича Щеголева начала распродаваться еще при

жизни владельца, затем это продолжили его наследники. Книги продавались в разные магазины; значительную часть их приобрела «Международная книга». Здесь были исторические мемуары, научные труды по истории и литературоведению, библиографические справочники, социологические исследования, Пушкиниана и многие работы, посвященные восстанию декабристов.

Бывший директор Театрального музея Левкий Иванович Жевержеев был страстным собирателем книг и иллюстративных материалов. Мне приходилось заходить к Жевержееву на квартиру и беседовать с ним о книгах по искусству. Это был жизнерадостный человек, в его речи чувствовался прирожденный юмор, он любил шутить. Своеобразное впечатление оставляла и его внешность: он носил длинные волосы, почти до самых плеч. Библиотека Жевержеева находилась в его квартире на улице Рубинштейна, в доме № 18, и занимала несколько больших комнат. На полках хранились собрания сочинений русских писателей, отдельные издания художественных произведений, различные альманахи, сборники, журналы. Жевержеев собирал также книги по русской живописи, скульптуре и графике; было много книг по искусству, истории театра и музыки. По материалам этого собрания Л. И. Жевержеевым была устроена в свое время выставка памятников русского театра.

Библиотека Жевержеева в продолжение нескольких лет распродавалась самим владельцем. В 1918 году много книг из этой библиотеки приобрел книжный магазин, принадлежавший ранее фирме А. С. Суворина. В дальнейшем из собрания Жевержеева пополнила свои фонды Публичная библиотека. Магазин П. В. Губара «Антик-

вариат» купил здесь первые прижизненные издания сочинений А. С. Пушкина и некоторых его современников, а также альманахи XVIII—XIX столетий. Все эти книги были в исключительной сохранности, частично даже с издательскими обложками. Немало интересных и редкостных книг приобрела в двадцатые годы и «Международная книга». Многие книги собрания Л. И. Жевержеева имели различные художественные экслибрисы и книжный ярлык с факсимиле «Левкий Жевержеев». С экслибрисами Жевержеева попадаются книги и в настоящее время, но из других собраний.

Л. И. Жевержеев является автором незаконченного библиографического труда «Опись моего собрания», ч. 1, № 1—3257. Этот труд был отпечатан в количестве 99 экземпляров, именных и нумерованных, из коих 10—на веленевой бумаге большого формата и на бумаге верже.

Пушкинист Павел Евгеньевич Рейнбот, член кружка любителей русских изящных изданий, был владельцем необыкновенной библиотеки. Большая ее часть состояла из подносных экземпляров, отпечатанных на лучшей бумаге незначительным тиражом. Эти книги были заключены в цветные сафьяновые переплеты с множеством золототисненных украшений, с роскошными муаровыми подкладками перед текстом. Кроме русских, были и иностранные издания, главным образом французские, в марокенах лучших мастеров-переплетчиков XVIII—XX столетий, с гравюрами известных мастеров мировой графики. Уникальные издания из этой библиотеки продавались в разное время их владельцем «Международной книге» и некоторым собирателям-книголюбам. Отдельные книги из собрания

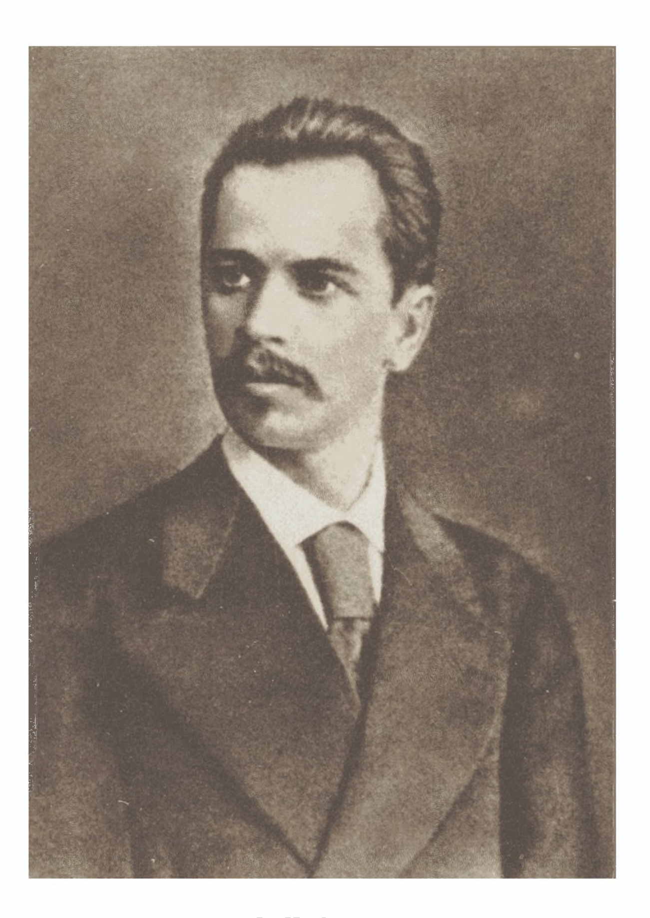
Рейнбота имеются и сейчас в коллекциях ленинградских библиофилов.

Мне приходилось бывать в квартире у Павла Евгеньевича на улице Петра Лаврова, обозревать его раритеты и наслаждаться неописуемой прелестью шедевров полиграфического искусства. Мы подолгу беседовали с Рейнботом, он рассказывал мне, как приобретал замечательные книги своего собрания, вышедшие в свет в XVIII—XIX веках. Я видел у него четырехтомное издание «Метаморфоз» Овидия и «Басни» Лафонтена с раскрашенными гравюрами XVIII века. Сам Павел Евгеньевич был воплощением высокой культуры и душевного благородства. В свое время он много времени и сил затратил на то, чтобы Академии наук было передано онегинское (А. Ф. Отто) собрание автографов А. С. Пушкина, которое находилось в Париже и по завещанию предназначалось для Пушкинского дома.

В двадцатых годах наследниками распродавались большие библиотеки старых собирателей В. И. Яковлева и Ф. И. Стравинского.

Василий Иванович Яковлев был издателем семидесятых годов прошлого века, его библиотека состояла из множества старинных книг. Антикварный магазин «Международной книги» купил у наследников много замечательных образцов книжного искусства из этой библиотеки, в том числе прижизненные издания сочинений Радищева, Ломоносова, Струйского и других авторов.

Федор Игнатьевич Стравинский (1876—1902), русский певец, знаменитый бас Мариинского театра, составил свою библиотеку в конце XIX века. Его собрание славилось тем, что большая часть книг оставалась в издательских печатных обложках. Очевидно, Федор Игнатьевич



Ф. И. Стравинский

любил издания, не изменившие своего облика. Некоторые книги были переплетены, но обязательно с сохранением обложек. Казалось, что все они только что вышли из печатного станка. Книги библиотеки Стравинского хранились в маленьких, заклеенных в бумагу пачках, без употребления веревок, потому что веревки при долгом лежании в пачках портят книги, врезаются в них, оставляя следы, которые ничем потом не уничтожить. Бережное отношение владельца библиотеки к книгам спасло их от проникновения пыли и обеспечило сохранность на долгие годы.

Антикварному магазину «Международная книга» удалось приобрести из этой прекрасной библиотеки первые издания «Евгения Онегина», «Пиковой дамы», «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайского фонтана» и других книг пушкинской поры с печатными обложками и в девственной сохранности. Были куплены также и некоторые издания 40—50-х годов XIX века.

Опытный библиофил и букинист безошибочно определяет первоначальную принадлежность экземпляра книги тому или иному известному собирателю, несмотря на то, что на них не всегда имеются экслибрисы. Например, мне попадались книги из собрания библиофила XIX века Петра Александровича Ефремова, которые можно было узнать по безупречной сохранности, наличию печатных обложек в переплетенных книгах и множеству приложений. Ефремов обычно собирал рецензии, биографические очерки, некрологи, портреты авторов и другие иллюстрации, которые затем сброшюровывал или переплетал вместе с основным текстом. Встречались книги из этого собрания, которые имели десятки таких приложений из различных источников, подчас без

титульного листа или заглавия. Такого рода книги очень любили приобретать библиофилы и библиографы, для них большим наслаждением было производить по этим экземплярам дальнейшие разыскания.

В 1930 году «Международная книга» купила остатки книг большой и ценной библиотеки, принадлежавшей некогда известному петербургскому библиофилу Максиму Екимовичу Синицыну. Эта библиотека славилась своеобразием и роскошью переплетов. Часть ее сгорела в городе Режице, часть погибла во время большого наводнения в Ленинграде в 1924 году. Остатки библиотеки состояли из редкостных иллюстрированных изданий на русском и иностранных языках в кожаных и полукожаных переплетах; встречались книги в цветном сафьяне и марокене, с золототисненными украшениями. Обращали на себя внимание замечательные образцы художественных переплетов известных петербургских переплетчиков XIX и начала XX века: Мейера, Ро, А. Шнеля и др. Например, экземпляр книги Стасова «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» был заключен в исключительный по красоте переплет вишневого марокена с богатыми мозаичными восточными орнаментами, состоящими из инкрустаций синего, оранжевого, красного, зеленого и голубого марокена. Я долго не мог отвести своего взора от этого тонкого произведения художественно-переплетного искусства.

«Международной книгой» был издан специальный каталог с описанием этого уникального собрания книг под названием «Собрание редких и ценных изданий из библиотеки Синицына» (Л., 1930). Сообщение о библиотеке М. Е. Синицына

всколыхнуло книжный мир и привлекло внимание представителей иностранных антикварных фирм: Бера во Франкфурте-на-Майне, Гирземана в Лейпциге, Гашета в Париже и других букинистов Европы.

К концу двадцатых годов «Международная книга» издала множество антикварных каталогов, бюллетеней, проспектов и других рекламных материалов. Все эти издания распространились как на внешнем, так и на внутреннем книжном рынке.

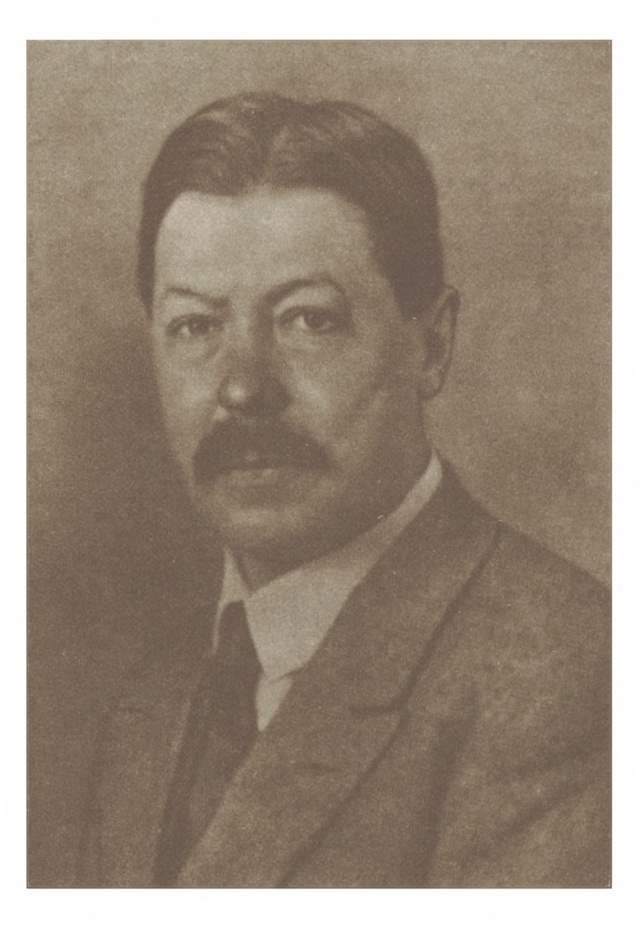
В числе многочисленных покупателей-заказчиков на антикварные книги и другую старую литературу за рубежом были в эти годы Анри Барбюс, Жан Ришар Блок, Ромен Роллан, Герберт Уэллс и Алексей Максимович Горький, живший тогда в Италии, в Сорренто. Алексей Максимович часто заказывал по каталогам книги, которые ему высылались в Сорренто по почте. В своих письмах Алексей Максимович обычно делал всевозможные замечания библиографического порядка, давал указания по технике обслуживания, отмечал допущенные в каталогах ошибки и опечатки. Так, например, по недосмотру машинистки была напечатана фамилия одного из авторов: Заразин — вместо правильной: Серазин. Получив такую сомнительную библиографическую справку, Горький в ответном письме задает вопрос: «Мне что-то не помнится автор с фамилией Заразин, не Серазин ли это!» Конечно, это был Серазин.

Алексей Максимович иногда присылал нам поручения, связанные с его литературной деятельностью. Мне приходилось выполнять некоторые из этих поручений. Так, я часто ездил по делам Алексея Максимовича к старому

большевику Ивану Павловичу Ладыжникову, который принимал активное участие в подготовке многотомного собрания сочинений писателя, печатавшегося в двадцатых годах издательством «Книга» в Берлине. В Ленинграде, в Лесном, проживала тогда старуха Ладыжникова Екатерина Ивановна, которая работала участковым врачом, и его дочь Наташа. Сам Иван Павлович в это время находился в Москве и являлся членом правления акционерного общества «Международная книга». Иногда Ладыжников приезжал в Ленинград, и я почти всегда в это время бывал на его квартире в Лесном. Меня часто просили разыскать те или иные старые книги как для Горького, так и для самого Ивана Павловича, с которым я вскоре подружился.

И. П. Ладыжников всегда был очень занят, так как, кроме работы в Москве, руководил еще и за границей изданием книг для Советского Союза, в которых тогда наша страна очень нуждалась из-за отсутствия бумаги и неналаженности типографского дела. В январе 1922 года «Летопись Дома литераторов» сообщала следующее: «Ивану Павловичу Ладыжникову поручено организовать в Берлине в очень крупном масштабе изготовление учебников, технических, научных и детских книг для России».

В середине двадцатых годов Ленинградское отделение «Международной книги» получило из Сорренто от А. М. Горького поручение отправить в Москву Екатерине Павловне Пешковой его библиотеку, которая находилась в квартире писателя на Кронверкском проспекте (ныне пр. Максима Горького), в доме № 23. Мне поручили разобрать и подготовить для транспортировки



И. П. Ладыжников

эту библиотеку. Я несколько дней работал в квартире писателя, передержал в руках все его книги. Здесь были исключительно русские издания конца XIX и начала XX века. Большинство книг не имело переплетов. Встречались книги по социологии и рабочему движению, популярные издания для народа, выпущенные в последней четверти прошлого столетия, политические брошюры периода революции 1905—1907 годов и другая литература. Книги хранились в нескольких открытых стеллажах и небольших шкафах. В квартире Горького тогда было много цветов, в кадках стояли большие, почти до потолка, зеленые декоративные растения, и комнаты напоминали маленький сад. В солнечные дни здесь было очень уютно.

В 1925 году я принимал участие совместно с С. А. Львовым и П. П. Шибановым в розысках и отборе старых академических изданий для юбилейной выставки в ознаменование двухсотлетия Академии наук. Эту выставку устраивала «Международная книга» в Москве, при содействии Академии наук СССР. Экспонаты на выставке были расположены в хронологической последовательности по следующим разделам: Периодические издания; Календари и Месяцесловы; Ломоносовиана; Библиография; Эстампы. В последнем разделе были широко представлены работы академических художников-оформителей и граверов — А. Зубова, П. Пикарта, Х. Вортмана, Ф. Матарнови, И. Соколова, Г. Качалова и многих других. В том же году «Международной книгой» был выпущен специальный юбилейный каталог антикварных книг для продажи. В каталог вошла литература об Академии наук, академиках, а также перечислялись книги, напечатанные

в академической типографии с 1720 по 1925 год. В розыске и подборе книг для этого каталога принимали участие букинисты ленинградского магазина «Международная книга».

Мы сейчас пользуемся канцелярскими принадлежностями: авторучкой, перьями, скрепками, кнопками, копировальной бумагой, лентами для пишущих машин ленинградской фабрики «Союз», а ведь это производство — детище «Международной книги». Фабрика была основана в конце двадцатых годов при непосредственном участии в ее организации В. В. Барсова, заведовавшего отделом канцелярских принадлежностей Ленинградского отделения «Международной книги», и А. П. Блескина, в дальнейшем директора этой фабрики. «Международная книга» основала фабрику для того, чтобы не быть зависимой от иностранных фирм, которые ввозили канцелярские принадлежности в нашу страну. Я помню, с какими большими трудностями был связан у нас выпуск этих предметов. Несведущий человек может подумать, что за сложность изготовлять перья, кнопки, скрепки, но это было действительно сложно. На освоение нового производства уходили годы кропотливой работы. Я нередко принимал участие в производственных совещаниях, был очевидцем неудач и успехов фабрики, которая помещалась в доме № 166 по Лиговской улице. В Ленинградском отделении «Международной книги» поговаривали тогда и о налаживании отечественного производства пишущих машинок, арифмометров и логарифмических линеек, но в те годы освоить это дело не смогли.

В Москве тоже была создана своя фабрика «Союз», которая изготовляла чертежную бумагу

и тушь. Новые предприятия должны были освободить страну от импорта канцелярских товаров, на которые расходовались значительные валютные фонды.

Читателю покажется странным, что я вдруг перешел к описанию другой отрасли народного хозяйства, но я это сделал сознательно, так как финансирование фабрик зависело от книготорговых операций, преимущественно от продажи старых и антикварных книг. Мне хочется напомнить и о том, что «Международная книга» принимала участие не только в снабжении молодых советских специалистов научно-технической литературой в трудные годы подготовки к индустриализации, но и сыграла положительную роль в создании новой для нашей страны отрасли промышленности.

В двадцатых годах на улице Герцена, в доме № 38, открылся антикварный книжный магазин Комитета популяризации художественных изданий. Магазин выглядел солидно, всегда был завален старинными увражами и другими книгами XVIII—XIX столетий, комплектами русских и иностранных журналов. Хорошо был представлен отдел изобразительного искусства. Висели на стенах остекленные или вставленные в рамки старинные гравюры, литографии и рисунки. В те годы среди покупателей, посещавших магазин, можно было встретить искусствоведов В. К. Лукомского, А. А. Сидорова, М. В. Доброклонского, П. Е. Корнилова, О. Э. Вольценбурга; художников Игоря Грабаря, И. И. Бродского, Г. С. Верейского, Л. С. Хижинского, М. В. Добужинского, В. В. Лебедева, С. П. Яремича и многих других деятелей искусства и литературы. Работали в магазине опытные книжники Лебедев и Константинов.

В конце десятилетия появилось еще несколько магазинов, торговавших антикварной и старой книгой. Издательство «Мысль» открыло магазин в доме № 19 по Невскому проспекту. Магазин был небольшой, находился в полуподвальном помещении, но был чистенький, уютный. Кроме новых книг своего издательства, магазин покупал и продавал старые книги, собрания сочинений и отдельные издания произведений русских и зарубежных писателей-классиков и других авторов. Хорошо были представлены поэзия и книги по изобразительному искусству. В этом магазине работал опытный книжник А. Г. Рахманов.

Артель Книготоргин обзавелась магазинами старой книги в домах № 34 и № 43 по Литейному проспекту*. Поблизости от них, в домах № 37 и 51, издательство «Красная газета» открыло свои букинистические магазины. В бывшем помещении магазина В. И. Клочкова на Литейном проспекте книжник Зеге, представитель артели, открыл магазин под названием «Советский букинист», но этот магазин существовал недолго.

Во время наводнения 1924 года вода на Невском проспекте разлилась от Адмиралтейства до Аничкова моста и затопила все нижние

* Со второй половины 1955 года произошло изменение в нумерации домов по правой стороне Литейного проспекта: № 51а изменился на № 53, № 51б и № 53— на № 55, № 53а—на № 57, № 55—на № 59, № 57— на № 61, № 59—на № 63. Таким образом, дом № 53а, в котором помещалась «Международная книга», стал числиться под № 57; дом № 55, где помещался в свое время известный петербургский антикварный книжный магазин В. И. Клочкова, стал числиться под № 59.

помещения: магазины, склады и жилища. На Дворцовую площадь выплыли с Невы барки, ближайшие к Неве улицы были забиты дровами и бревнами, плывшими с Невы. В Летнем саду было попорчено много вековых деревьев и декоративных украшений. Во время наводнения пострадало много антикварных книг. Запасы старых изданий и бро́ня Академии наук, находившиеся в нижних помещениях, были сильно подмочены и частично погибли. Некоторое количество книг и периодических изданий удалось сохранить после просушки, но на них остался неизгладимый отпечаток наводнения. На этих изданиях ставился специальный штамп: «Книга повреждена в наводнение 1924 года». В дальнейшем при покупке книг из частных собраний часто попадались экземпляры со следами порчи от наводнения. Была залита водой библиотека известного ученого-языковеда члена-корреспондента Академии наук СССР Василия Ильича Чернышева, состоявшая из нескольких тысяч книг по языкознанию, литературоведению и фольклору. В. И. Чернышев проживал в первом этаже дома на набережной лейтенанта Шмидта. В большой библиотеке члена-корреспондента Академии наук Бориса Львовича Модзалевского и его сына, ученого-архивиста Льва Борисовича Модзалевского, были тоже попорченные наводнением книги. Погибли во время наводнения значительная часть библиотеки известного библиофила М. Е. Синицына и библиотека археолога С. Н. Писарева.

Были и другие случаи порчи и утраты ценнейших собраний книг. Наша пресса сообщала о пренебрежительном отношении нерадивых работников к книжным сокровищам страны. В вечернем

выпуске «Красной газеты» появилась в 1928 году (№ 268) статья Н. Славинского «Старая книга». Автор рассказывает: «В 1925 году возникла идея организации «Всеуральской библиотеки» при Уральском университете. С Урала приехали представители, предварительно заручившиеся вескими документами в соответствующих организациях Москвы. Эти представители обратились за старыми книгами в существовавшую тогда в Ленинграде на Невском проспекте, в доме № 12, «Чрезвычайную комиссию по учету и распределению национализированных книжных запасов». При помощи московских документов, хотя и с небольшим желанием, была передана для Урала ценнейшая и идеально сохранившаяся библиотека бывшего Лицея, состоящая из 30 000 томов. Книги были упакованы и отправлены на Урал по железной дороге, но в Москве почему-то застряли на складах Октябрьской железной дороги. А потом эти книги с соответствующими наклейками стали обнаруживать у московских букинистов. Многие книги оказались подмоченными водой, очевидно, от долгого лежания в сырых железнодорожных подвалах».

В 1927 г. пришли тревожные вести из Кронштадта. Стало известно, что там местные работники собираются продать на бумагу громадную библиотеку бывшего Морского собрания, состоящую из книг по морскому делу и других ценных изданий. Эта библиотека насчитывала более сотни тысяч томов. С большими трудностями удалось приостановить уничтожение книг. Эти факты безобразного отношения к культурным ценностям отмечались в годы, когда уже налаживалась нормальная жизнь в стране. Но гораздо чаще наблюдались отрадные случаи заботливо-

го, бережного отношения граждан нашего города к национализированным библиотекам. В 1918 году матросы заняли княжеский особняк на Мойке и обнаружили там большое количество старых книг. Они немедленно позвонили в Государственный книжный фонд и просили приехать и забрать оставленные без присмотра книги.

В статье «Гибнут книги», напечатанной в вечернем выпуске «Красной газеты» в 1928 году (№ 277), говорилось следующее: «Экспертная комиссия Главнауки обследовала книгохранилища Ленинграда и области. Безупречное состояние книг установлено в Музейном фонде и бывших библиотеках Николая II и Марии Федоровны. В библиотеках «Отдел убранства жилья» и Павловского дворца уже начала появляться плесень. В библиотеке Строгановского дворца переплеты ценнейших книг XVIII в. покрыты сплошь плесенью. В некоторых местах плесень захватила тексты и гравюры. Пятна плесени имеются почти на всех рукописях. Ни в одном из книгохранилищ нет каталогов. Главнаука предложила уполнаркомпроса в Ленинграде срочно пересмотреть личный состав книгохранилищ и принять меры к улучшению хранения и инвентаризации книг».

Государственный книжный фонд, директором которого был М. М. Саранчин, принимал в те годы срочные меры по спасению старых книг и различных архивов. Была взята под охрану находившаяся вблизи Ленинграда библиотека М. В. Родзянко, насчитывавшая свыше 10 000 томов. Удалось спасти значительную часть книг из библиотеки графов Шереметевых. Но все-таки некоторые книжные сокровища были утрачены.

Книжным фондом было получено сообщение о находившейся на Казначейской улице большой библиотеке обер-прокурора синода В. К. Саблера-Десятовского. Когда представители фонда пришли на Казначейскую улицу, им сообщили, что из-за отсутствия дров книгами этой библиотеки прачки долгое время топили печи в прачечной. Книг и архива, конечно, здесь уже не оказалось.

Погиб интереснейший в историческом отношении архив адмирала Евгения Ивановича Алексеева, царского наместника на Дальнем Востоке и члена Государственного совета. В этом архиве хранилась обширная переписка Алексеева со статс-секретарем Безобразовым, с министром Плеве и другими сановниками правительства Николая II, касавшаяся дальневосточной политики России. Архив был переработан на бумагу, и только некоторая часть документов разошлась по рукам среди случайных лиц.

В начале 1924 года группа ленинградских книголюбов объединилась в Ленинградское общество библиофилов. Целью Общества была широкая популяризация книжного искусства. Но своим высоким гражданским долгом члены Общества считали также заботу о сохранении книжных сокровищ страны. Библиографы, книговеды, букинисты призывали современников беречь и любить книгу. С их помощью было сохранено для народа немало ценных изданий. Этим же целям в значительной мере служил и изданный Обществом в 1929 году «Альманах библиофила». Тираж был небольшой, всего только 300 экземпляров. Мое участие в издании альманаха ограничивалось чисто организационными делами. Я советовал, какую бумагу лучше применить для

этого сборника, и хлопотал в типографии Академии художеств об ускоренном его выпуске. «Международная книга» содействовала изданию альманаха. В ту пору напечатать что-либо было не так-то легко из-за «бумажного голода». Если бы не помощь «Международной книги», это важное для советского книговедения издание едва ли увидело свет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Антикварная и букинистическая торговля в «Международной книге» и в «Академкниге» в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах. Встречи с академиками-книголюбами и другими собирателями старых книг

В начале тридцатых годов в Ленинграде уже действует отделение Всесоюзного объединения «Международная книга», преобразованное из бывшего Акционерного общества. Отделение располагало многочисленным штатом служащих и отличалось хорошей организацией труда. В это время «Международная книга» широко проводила свои торговые операции не только за рубежом, но и во многих городах и республиках нашей страны. Огромная клиентура заставляла пользоваться в работе особыми кодами. Так, например, под цифрами 2/47/96/120 скрывались наименования страны, города, фирмы и сведения о заказчике, которые без шифровки не поместились бы и на двух-трех строках. Работники «Международной книги» были приучены к особой аккуратности, точности, быстроте в обширных операциях и связях со множеством фирм и отдельных лиц. Был установлен строгий учет всей отечественной и зарубежной корреспонденции, ответы по всем рекламациям давались немедленно. Когда поступали телеграфные запросы,

моментально находилась необходимая переписка и в распоряжении сотрудников оказывались исчерпывающие сведения. Антикварный отдел «Международной книги» к этому времени составил и издал более семидесяти каталогов и бюллетеней, помимо различных проспектов и списков. В перечнях приводились библиографические описания книг по истории, литературоведению, военной истории, истории искусств, археологии, генеалогии, геральдике, нумизматике, географии, этнографии, фольклору, философии, библиографии, художественной литературе, точным и естественным наукам и по богато иллюстрированным и старинным изданиям.

Чтобы составлять антикварные книжные каталоги, помимо самих книг, необходимы еще различные библиографические справочники и указатели. За долгое время моей работы в книжной торговле я трижды собрал почти с исчерпывающей полнотой важнейшие справочно-библиографические пособия по русской и иностранной книге и графике. Два раза я это проделал в «Международной книге», третий раз в «Академкниге». К сожалению, эти редчайшие библиографические справочники не выделялись из общего товарного фонда магазинов и долгое время мозолили глаза нашим администраторам, которые считали их залежавшимися книгами. По распоряжению начальства, чтобы уменьшить запасы книг, эти необходимые для нашей работы справочники были пущены в продажу, несмотря на возражения и протесты букинистов.

Был и такой случай. После смерти старого книжника-антиквара Андрея Сергеевича Молчанова магазином Ленокогиза был куплен у его наследников знаменитый справочник по иностранным

книгам — шеститомный «Брюне», в изумительном виде, оцененный в 2000 рублей. Им долгое время пользовались в магазине для справок. Московский книжник Р. К. Карахан узнал, что в Ленокогизе есть этот редчайший справочник, и решил в отсутствие директора магазина И. С. Наумова «выудить» нужное ему издание. Карахан пришел в магазин, когда торговля была тихая, и продавец обрадовался, что нашелся покупатель на столь дорогую книгу, которая долго не продавалась, и с радостью выписал чек в кассу. Когда пришел директор, то продавец похвастался ему, что в такое тихое время в торговле ему удалось продать двухтысячную книгу. Он ожидал от директора похвалы, а директор от этого сообщения пришел в ужас и долгое время не мог оправиться. Великолепный комплект справочника «Брюне» уплыл из Ленинграда в конце сороковых годов, и до сего времени других его экземпляров не попадалось.

В начале тридцатых годов в «Международной книге» работали старые книжники-антиквары Ф. Г. Шилов, А. С. Молчанов, А. А. Мельников и бывший нотник фирмы Юргенсона Э. Э. Эйдемиллер. Очень энергичным работником был Эдуард Эдуардович Эйдемиллер, он развернул широкую заготовку антикварных книг, старинных гравюр и литографий. В эти годы в «Международной книге» работали также букинисты Александр Александрович Энгельке и Сергей Павлович Кузмин. Последний некоторое время был даже управляющим Ленинградским отделением объединения.

В эти годы антикварным магазином «Международной книги» была куплена большая библиотека известного историка Сергея Федоровича

Платонова. В многотысячное собрание С. Ф. Платонова входили труды по русской истории, публикации различных архивных материалов, актов, летописей, документов и пр. Вся эта масса книг была доставлена на четырнадцати ломовых подводах в склады «Международной книги» на Литейном проспекте.

Была приобретена в тридцатых годах значительная часть библиотеки известного в свое время петербургского собирателя-библиофила Николая Кузьмича Синягина. В его собрании хранились русские иллюстрированные издания, книги по городам и различным местностям России, альбомы исторического характера. В «Международную книгу» поступило в этот период времени также много других собраний книг, журналов, газет, гравюр и литографий известных собирателей Петербурга — Ленинграда.

В начале тридцатых годов в стенах Академии наук произошла своего рода «революция». Издания Академии наук до этого времени печатались небольшими тиражами в 300, 500, 1000, 2000 экземпляров и не носили коммерческого характера. Большинство академических изданий выдавалось академикам, членам-корреспондентам Академии наук и другим научным работникам по их заявлениям, бесплатно, через непременного секретаря Академии. Книги Академии наук чаще всего носили сугубо официальный характер, научно-популярных изданий не выпускалось совсем. Несмотря на небольшие тиражи, остатки изданий на складах Академии наук из года в год росли. Значительное количество экземпляров каждого издания выделялось в так называемую броню. Из брони книги и периодика выдавались научным работникам только в особо

исключительных случаях. Для хранения остатков и брони требовались обширные складские помещения и обслуживающий персонал. Ежегодно тратились колоссальные суммы государственных средств для переучета этих больших книжных фондов, работала целая армия книжников, переучеты длились три-четыре месяца.

Была создана специальная организация по распространению изданий Академии наук СССР, названная «Академкнигой». Эта организация произвела полный переворот в издании и распространении академических книг. Были раскрыты для читателя большие книжные фонды, которые прежде лежали под спудом и ими мало кто пользовался. Для брони стали оставлять незначительное количество экземпляров, а некоторые издания, утратившие актуальность, полностью поступили в свободную продажу. Для приведения в порядок разрозненных старых академических трудов и комплектования повременных и периодических изданий были привлечены видные книжники. Всю организационную работу в Ленинграде осуществлял большой энтузиаст своего дела, заведующий сектором распространения «Академкниги» Я. Б. Поверенный. Для оценки старых академических изданий была создана экспертная комиссия, в которую входили представители «Главнауки», «Международной книги» и Ленкнигоцентра. Мне пришлось работать в этой комиссии вместе с Михаилом Михайловичем Саранчиным и еще одним букинистом, имени и фамилии которого не помню. Мы произвели оценку и переоценку всех старых изданий Академии наук с начала ее существования.

Ленинградское отделение «Академкниги» создало группу уполномоченных, которые занима-

лись распространением изданий Академии наук по всем большим городам Советского Союза. Для этой же цели началось издание печатных каталогов, которые рассылались специалистам и научным учреждениям во все концы страны. Книжные запасы на академических складах таяли и таяли, а средства от их продажи шли на расширение издательской деятельности Академии наук, что дало возможность увеличить тиражи научных трудов и приступить к выпуску научно-популярной литературы. Распространение научной литературы теперь было поставлено на прочную экономическую основу, и на все книги Академии наук стали назначать строго определенные цены.

Главное книгохранилище Академии наук находилось на Менделеевской линии Васильевского острова, в доме № 1, там работала старейшая книжница Елизавета Николаевна Галкина. Затем был открыт еще один антикварно-букинистический магазин — на Невском проспекте в доме № 29.

В 1936 году «Международная книга» в Ленинграде прекратила свою деятельность. Налаженная ею торговля на внутреннем рынке была передана «Академкниге». Но основной заботой этой книготорговой организации по-прежнему оставалось распространение изданий Академии наук. Некоторые опытные работники «Международной книги» перешли в «Академкнигу». В освободившемся помещении на Литейном проспекте разместился весь штат Ленинградского отделения «Академкниги». Антикварный книжный магазин «Международной книги» также перешел к «Академкниге», но уже без экспортно-импортных операций. Работа со старой книгой стала

вестись в меньшем объеме и к концу тридцатых годов почти совсем прекратилась. Не стало среди сотрудников этой организации таких старых книжников, как Ф. Г. Шилов, А. С. Молчанов, А. А. Мельников, П. Н. Мартынов, Э. Э. Эйдемиллер, С. А. Львов, А. А. Энгельке, С. П. Кузмин и другие. Продолжал работать лишь один знающий книжник — Антон Константинович Явойша и несколько случайных его помощников.

В военные годы торговые операции «Академкниги» сильно сократились, издавалось очень мало научных книг, продажа старых запасов тоже замедлилась. Букинистический отдел некоторое время вообще не действовал. Только в начале 1944 года Ленинградское отделение «Академкниги» стало оживать. Снова был открыт антикварно-букинистический отдел, операции которого со старой книгой послужили «Академкниге» в 1944—1946 годах хорошей финансовой основой для развертывания деятельности Отделения.

Работа со старой книгой стала развиваться шире и шире. Антикварно-букинистический отдел «Академкниги» в Ленинграде располагал большим ассортиментом книг по истории, литературоведению, философии, языкознанию, фольклору, библиографии, естествознанию, географии, изобразительному искусству, театру, музыке. Широко была представлена художественная литература, а также словари и справочники. Имелись не только русские книги, но и книги на других языках: английском, немецком, французском, итальянском, на языках народов скандинавских стран и стран Азии. Здесь можно было найти книги и более ранних изданий: инкунабулы, альды, эльзевиры.

Во время сессий и заседаний Академии наук СССР, на которые съезжались ученые Москвы и других городов Советского Союза, антикварный отдел «Академкниги» часто устраивал для них выставки и вел продажу редкостных и замечательных книг. К этим дням дирекция магазина готовилась заранее: расстилались ковры, помещение украшалось цветами. Продажа книг происходила в торжественной, праздничной обстановке. Ученые, посещавшие магазин, всегда находили для себя что-нибудь интересное, от души благодарили букинистов, оставляли добрые отзывы и пожелания. Постоянно заглядывали в букинистические магазины страстные собиратели старых книг академики С. И. Вавилов, В. П. Волгин, И. Ю. Крачковский, Д. В. Наливкин, К. М. Быков, В. М. Алексеев, Л. С. Берг, Б. В. Асафьев, В. П. Линник, И. А. Орбели, Л. А. Орбели, Е. Н. Павловский, Е. В. Тарле, А. И. Тюменев, В. В. Шулейкин; члены-корреспонденты М. В. Доброклонский, В. М. Жирмунский, Д. К. Зеленин, Г. А. Гринберг, Т. П. Кравец, Н. К. Пиксанов, В. П. Равдоникас, В. И. Чернышев и др.

В середине сороковых годов при магазине «Академкниги» была организована Комната академика; в дальнейшем она стала называться Комнатой научного работника, в ассортименте которой всегда имелась новая научная литература. Снабжалась эта Комната и научной антикварной и старой книгой на русском и иностранных языках. Книги здесь бронировались на известный срок, в первую очередь для академиков и членов-корреспондентов Академии наук.

В 1945 году приехал в Ленинград после избрания на пост президента Академии наук СССР

Сергей Иванович Вавилов. Мы с ним просидели на диване в антикварном отделе «Академкниги» несколько часов и беседовали о налаживании букинистической торговли и лучшем обслуживании сотрудников различных исследовательских учреждений Академии наук антикварной научной книгой. Когда речь зашла о предполагаемом издании антикварных каталогов для академиков и других научных работников, Сергей Иванович заметил, что в дореволюционное время многие известные букинисты (Клочков, Шибанов, Соловьев и др.) выпускали хорошие каталоги антикварных книг; они делали большое культурное дело, но наряду с ценными в научном отношении книгами они включали в свои каталоги и проспекты и такие книги, которые были предназначены только для забавы богачей; нам это не нужно.

Отмечая важное культурное значение букинистической торговли, Сергей Иванович обратил внимание на то, что через руки букиниста проходят книги столпов мировой науки различных эпох, их и нужно распространять прежде всего; для каталогов необходимо отбирать только настоящую научную антикварную литературу, чтобы она помогла нам овладевать вершинами знаний и обогащать советскую науку.

При содействии академика С. И. Вавилова с 1945 года стали выходить в свет каталоги «Академкниги» под названием «Антикварные книги». В них описывались наиболее интересные в научном отношении старые издания из заготавливаемой магазином литературы. Каталоги издавались в Москве, но в них упоминались и книги Ленинградского отделения «Академкниги». Карточки для антикварного каталога составляли сотрудники Комнаты научного работника

М. И. Жукова и Е. Н. Галкина. Помогали им и другие букинисты. Отпечатанные на машинке списки с карточек отсылались в московскую редакцию каталогов «Антикварные книги». Книги по каталогам расходились успешно, на многие издания, имевшиеся лишь в одном экземпляре, поступало сразу несколько заявок.

Нередко приходили благодарственные отзывы от научных работников. В отзывах обычно говорилось, что каталог помог им найти книгу, нужную для исследовательской работы. Вот что писал академик Василий Михайлович Алексеев, известный китаевед, обладавший колоссальнейшим собранием книг и ксилографов на китайском и других языках мира: «Есть научные труды, которые не стареют и являются драгоценностью на протяжении чуть ли не целого века. За такими книгами охотятся одинаково и старые ученые и начинающие, которые затем уже с ними не расстаются, и, таким образом, эти редкостные издания мало-помалу исчезают. На днях в вашем каталоге я прочел извещение о поступлении редкой книги о Китае, изданной в 1861 году в Лондоне. За ней я охотился 46 лет... Воистину книги имеют свою судьбу! Кто-то из приобревших в 1884 году эту книгу и торжественно в этом расписавшийся на первом ее листе помял ее, истрепал, испачкал, но... не разрезал ни одного листа! И вот теперь эта книга, наконец, у меня»*.

Свое большое собрание старопечатных книг и ксилографов Василий Михайлович составлял в продолжение многих десятков лет, рьяно охотясь по антикварным магазинам за нужными ему

---

* Алексеев В. М. Судьба одной книги // Веч. Ленинград. 1946. 13 дек. (№ 290).

изданиями. Много научных трудов выписывал он из различных стран мира, в его библиотеке встречались книги с дарственными автографами виднейших деятелей мировой науки. После кончины Василия Михайловича по решению президиума Академии наук была создана академическая комиссия по оценке его библиотеки, состоявшая из представителей Ленинградского восточного института Б. И. Панкратова и З. И. Горбачевой, представителя Московского института востоковедения Академии наук Л. З. Эйдлина и представителя Ленинградского отделения «Академкниги» П. Н. Мартынова. Библиотека В. М. Алексеева насчитывала более десяти тысяч книг, в нее входили многотомные труды и исследования, словари, энциклопедии, всевозможные справочники, периодические издания на китайском, русском и западноевропейском языках по вопросам истории, литературы, искусства, языка и культуры Китая. Все это уникальное собрание было передано через «Академкнигу» Московскому институту востоковедения Академии наук СССР.

Президент Географического общества СССР Лев Семенович Берг писал: «Я приобрел в магазине „Академкниги“ старинную книгу Соймонова „Лоция Каспийского моря“ 1731 года. Когда я в 1929 году писал свою работу „История исследования Туркмении“ (сборник „Туркмения“, Изд. АН СССР, I, 1929), то в библиотеке Академии наук имелся только экземпляр второго издания 1783 года, с которого и воспроизведены мною рисунки на стр. 80 моей работы. Весьма приятно, что наконец отыскалось первое издание этой книжки, написанной моряком, производившим в 1719—1726 гг. первые точные съемки на

Каспийском море. Адмирал Ф. И. Соймонов род. в 1682 году, умер в 1780 году»*.

После кончины Льва Семеновича его огромное собрание книг и периодических изданий по географии, ихтиологии, климатологии, истории географических открытий, путешествий пополнило фонды фундаментальной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Я эту библиотеку осматривал на квартире Берга, на проспекте Маклина в доме № 2. Она была размещена в нескольких больших комнатах, в открытых стеллажах, набитых книгами и журналами в несколько рядов, от пола и почти до потолка.

Известный востоковед-арабист, академик Игнатий Юлианович Крачковский в 1946 году писал, что для его работы об арабском историке X века Ас-Сули была необходима книга Мэррея по истории шахмат на английском языке. В течение двадцати лет Игнатий Юлианович разыскивал эту книгу, запрашивал Публичную библиотеку в Ленинграде, Библиотеку им. В. И. Ленина в Москве и другие крупные книгохранилища, но нигде нужной ему книги не оказалось. «Недавно судьба вознаградила меня за двадцатилетние искания,— сообщает Крачковский.— Как-то вечером я получил по почте очередной антикварный каталог „Академкниги“ и, как всегда, сразу же начал его просматривать. Я не поверил своим глазам, когда среди малоинтересных для меня иностранных книг вдруг увидел: „История шахмат Мэррея“. Каталог пришел вечером, когда ехать в магазин было поздно. Стыдно сознаться,

---

* Кабинет академика // Ленингр. правда. 1948. 17 февр. (№ 39).—Заметка без указания автора.

но в эту ночь я плохо спал... На утро я первым явился на Литейный проспект к открытию антикварного отдела. Пока сотрудница неторопливо проверяла мой запрос по картотеке, я сразу увидал на полке никогда не бывшую в моих руках книгу... Теперь мечтаю о том, как бы выкроить время, чтобы сопоставить накопившиеся у меня материалы по истории шахмат у арабов с исследованиями Мэррея. Книга его стоит у меня на почетном месте, на полке истории арабской науки. Ведь другого экземпляра у нас пока неизвестно»*.

Антикварные каталоги «Академкниги» выходили в свет с 1945 по 1951 год, выпускались они по 8—10 номеров ежегодно. Издание каталогов, к сожалению, не было возобновлено в дальнейшем. Имена книжников-букинистов, принимавших участие в отборе книг и составлении библиографических описаний для антикварных каталогов, почему-то не указывались.

Через антикварный отдел «Академкниги» в Ленинграде прошло в эти годы много замечательных библиотек и отдельных собраний, принадлежавших старейшим петербургским, а затем ленинградским библиофилам. Любовно собранные ими книги обогатили фонды многих крупных государственных книгохранилищ Советского Союза.

В течение нескольких десятков лет посещал магазины букинистов известный ленинградский библиограф профессор русской истории Михаил Николаевич Куфаев, автор многих трудов по

---

* Максимов А. Книги и люди. В гостях у академика И. Ю. Крачковского // Веч. Ленинград. 1946. 27 дек. (№ 302).



М. Н. Куфаев

библиографии и книговедению. Он собирал книги и периодические издания по библиографии, библиотековедению, истории литературы, критике, всеобщей истории и русской истории. После смерти М. Н. Куфаева в 1948 году большая библиотека ученого была куплена у его вдовы Ленинградским отделением «Академкниги». Библиотека насчитывала более 5500 книг, журналов, брошюр и отдельных оттисков. Книгами из этого собрания обогатились фонды Ленинградского библиотечного института, Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук, Ленинградского университета и других крупных книгохранилищ. Приобретали книги из библиотеки Куфаева некоторые библиографы и другие научные работники.

Известный советский исследователь Севера, Сибири, Камчатки и Дальнего Востока Михаил Алексеевич Сергеев, автор множества географических трудов, собрал в течение пятидесяти лет своей трудовой жизни солидную коллекцию интересовавшей его научной литературы. Ввиду своего болезненного состояния и преклонного возраста Михаил Алексеевич решил расстаться со своим ценным собранием заблаговременно и еще при жизни определить книги в соответствующие государственные книгохранилища. Его собрание насчитывало более 4000 книг, журналов, сборников, альманахов, атласов, различных карт, многотомных географических трудов, материалов экспедиций, брошюр и оттисков. Все это через «Академкнигу» было передано Сибирскому филиалу Академии наук СССР. Приобретение уникального собрания географических книг было воспринято в Новосибирске как радостное событие. После ознакомления ученых с книгами по-

явилась большая статья в местной газете «Вечерний Новосибирск» под названием «Клад для библиографов». В статье содержалась краткая лестная характеристика подбора книг по Северу, Сибири и Дальнему Востоку в библиотеке М. А. Сергеева.

Антикварный магазин «Академкниги» на Литейном охотно посещали иностранные гости и старались приобрести какую-нибудь оригинальную книгу на память о пребывании в Ленинграде. Я дважды встречался с известным чилийским поэтом Пабло Нерудой в начале пятидесятых годов, когда он приезжал в СССР и, будучи в Ленинграде, заходил в наш магазин. Его сопровождал, как видно, один из его друзей, который в то время, когда поэт просматривал на полках книги, напевал ему веселые песенки на испанском языке. Пабло Неруда время от времени улыбался, удовлетворенный этим пением. Поэт с большим усердием поднимался по лесенке к верхним полкам шкафов, выискивая нужные ему старинные издания, и, когда находил их, с радостью покупал. В этот момент в нем чувствовался страстный собиратель-книголюб.

Букинистические магазины обычно посещали иностранные туристы-книголюбы различных профессий в сопровождении гидов. Однажды в антикварный магазин «Академкниги» зашла англичанка-учительница и начала объяснять через переводчика, что именно из старых книг могло бы ее заинтересовать. Продавцы стали показывать ей книгу за книгой, но она ими не заинтересовалась и уже собралась уходить из магазина, не купив ничего на память. Я слышал ее обращение к продавцам, кое-что понял и, сняв с одной из полок книгу на французском

языке «Поэзия флоры» с раскрашенными гравюрами, подал эту книгу англичанке. Она перелистала ее, потом с выражением большой радости прижала книгу к груди, послав в мою сторону воздушный поцелуй, в знак того, что книга пришлась ей по душе.

Как-то зашел в «Академкнигу» покупатель француз и с волнением стал выяснять, цела ли книга по археологии, которая, как ему сообщили в Париже, была в свое время в нашем антикварном отделе. «Я,—говорил он,—большой любитель старинных книг и уже несколько лет разыскиваю повсюду эту книгу. Мне сказали в Париже, что ее видели на витрине вашего магазина, и проездом по служебным делам в Финляндию ради этого я сделал остановку в Ленинграде». Описанная им книга по-прежнему лежала на витрине. Это был старинный увраж по археологии, с гравюрами. Он пролежал на полках магазина довольно долго, изредка выставлялся на уличную витрину и дождался все-таки человека, который хотел его приобрести. Недаром принято говорить среди букинистов, что каждая книга рано или поздно найдет своего покупателя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Книготоргин — Смолторгин. Главсевморпуть. Лавка писателей. Государственный книжный фонд. Вывоз старых книг из Ленинграда. Совещание букинистов СССР

В тридцатых годах в инвалидной артели Книготоргин, в дальнейшем переименованной в Смолторгин, работой букинистических магазинов руководил бывший издатель Михаил Васильевич Аверьянов, который выпустил в 1916 году в Петрограде первый сборник стихов Сергея Есенина «Радуница».

У Аверьянова хранилась подлинная рукопись стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда». После смерти Аверьянова у его вдовы Валентины Ивановны один делец выманил во время войны эту рукопись за банку консервов и бутылку подсолнечного масла. Знакомые, узнав об обмене, стали говорить Валентине Ивановне, что она совершила большую ошибку. Они пошли к этому человеку и потребовали, чтобы он вернул рукопись владелице, причем предлагали ему взамен много больше продуктов, чем он сам ей дал. Но он ответил, что рукопись уже отправлена в какой-то музей в Сибири. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна. Любопытно случайное совпадение: Аверьянов

работал в доме № 34 по Литейному проспекту — рядом с домом, где жил Некрасов, и напротив дома, где находится знаменитый «парадный подъезд». У Аверьянова хранилось также 10 писем Павла I, написанных, когда он был еще цесаревичем, и адресованных полковнику фон Паткулю. Эти письма в дальнейшем приобрел у Аверьянова антиквар Ф. Г. Шилов, который в свою очередь продал их известному ленинградскому библиофилу Кутепову.

Через букинистические магазины Смолторгина распродавалась большая интересная библиотека графа Строганова, которая находилась в Порховском уезде. В библиотеке Строганова встречалось много антикварных книг, среди которых была редкостная книга XVI века «Выездка лошади», на английском языке, с прекрасными гравюрами. Книгу купил польский консул, но на границе ему не разрешили вывезти из СССР это редчайшее издание и вернули 500 рублей, которые он уплатил в магазине. Консул был очень опечален случившимся и долго сетовал на свою неудачу.

Букинистическая торговля в магазинах Книготоргина, а затем Смолторгина велась с 1928 по 1940 год.

В 1934 году в помещении бывшего магазина И. Ф. Косцова в доме № 46 по Литейному проспекту Литературный фонд открыл букинистический магазин, получивший название «Книжная лавка писателей». Здесь работал старый букинист В. Г. Погодин, помогал ему молодой в то время книжник Н. А. Победоносцев. Погодин торговал раньше на улице с книжным шкафом. Это был полный человек, который почти всегда ходил в русской рубахе,

подпоясанной шнурковым поясом, и в русских сапогах. В продолжение нескольких лет он умело руководил работой Книжной лавки писателей. В дальнейшем Ленинградское отделение Литературного фонда открыло второй книжный магазин в бывшем помещении магазина детской и юношеской книги «Молодая гвардия» (Невский пр., д. № 66). Здесь продавали книги по изобразительному искусству, театру, музыке и литературоведению. Старая книга была представлена преимущественно сочинениями русских и зарубежных писателей-классиков. Некоторое время магазин торговал гравюрами, литографиями и рисунками. В помещении магазина была создана Комната писателя, куда поступала вся необходимая прозаикам, драматургам и поэтам литература. Здесь продавались не только новые книги, но и уникальные старые издания, приобретенные от населения. Букинисты принимали в Комнате писателя заявки на книги, которые трудно было приобрести в обычных магазинах, и стремились полнее удовлетворить запросы посетителей.

После войны Литературный фонд открыл еще один книжный магазин, тоже названный Лавкой писателей, на Литейном проспекте в доме № 59. В этом магазине торговали больше новыми книгами местных и центральных издательств, старых книг было мало.

В настоящее время в Ленинграде работает только один такой книжный магазин—Книжная лавка писателей на Невском проспекте в доме № 66. Здесь широко представлены произведения советских прозаиков, поэтов и драматургов, книги по литературоведению, изобразительному искусству, театру и музыке различных издательств

Советского Союза. Магазин имеет небольшой фонд старых и антикварных книг.

В послевоенные годы Книжная лавка писателей часто устраивала книжные базары, на которые заранее рассылались пригласительные билеты. На базарах всегда было много книг издательства «Советский писатель» и других издательств, выпускающих художественную литературу. Продавались также книги по изобразительному искусству, театру, музыке, балету и кино. Встречались интересные антикварные книги по истории, литературоведению, философии, библиографии, фольклору, старые издания произведений русских и зарубежных писателей-классиков и мемуаристов. Базары пользовались успехом у населения, покупатели часто находили книги, много лет ими разыскиваемые. У книжных прилавков можно было встретить ленинградских писателей: Л. И. Борисова, К. И. Коничева, Е. А. Федорова, Л. И. Раковского, Ю. П. Германа, Г. С. Гора; поэтов: В. А. Рождественского, Б. А. Кежуна, М. А. Дудина; литературоведов И. Я. Айзенштока и В. Н. Орлова, режиссера Г. М. Козинцева и других деятелей литературы и искусства. Посетители магазина обычно уходили в такие дни довольные, оставив в книге «Пожеланий и отзывов» много добрых записей, благодарили за найденные ими книги. Вот один из отзывов: «Пожалуй, такого базара не было в течение многих лет. Интересные, любопытные старые книги. Организация базара, как всегда радушное отношение к его посетителям со стороны всех работников магазина заслуживают искренней признательности. Спасибо! Почаще бы такие праздники для любителей книги. Старый книголюб Р. Рубинштейн, Мастер художественного слова».

Книги на базарах продавались в торжественной обстановке. Здесь писатели встречались с библиофилами, деятелями искусства и науки. Посетители знакомились с литературными новинками, рассказывали друг другу об интересных книжных находках, повсюду слышались веселые шутки и остроты. Базары привлекали внимание новых покупателей, которые становились потом постоянными покупателями Книжной лавки писателей.

Немалую роль в развитии букинистической торговли в Ленинграде сыграл начальник издательства Главсевморпути Иван Гаврилович Новиков. Моряк Балтийского флота в прошлом, он некоторое время работал управляющим Ленинградским отделением «Международной книги». Большой любитель старой книги и страстный собиратель, он с уважением относился к букинистам и при их содействии собрал несколько тысяч ценных книг по естествознанию, философии, истории и охоте. И. Г. Новиков имел личный художественный экслибрис, на котором были изображены портреты Ленина, Чернышевского и Плеханова.

В 1936 году при содействии И. Г. Новикова был открыт на улице Жуковского, в доме № 2 на углу Литейного проспекта, специализированный антикварно-букинистический магазин, который подбирал для судовых библиотек, зимовщиков и участников экспедиций Главсевморпути новинки современной художественной литературы, произведения классиков и книги с описаниями морских путешествий. Со временем магазин развернул крупные книготорговые операции, привлек внимание собирателей-книголюбов и стал подбирать старые книги для государственных

книгохранилищ. Покупка целых библиотек и значительных частных собраний обогатила фонды магазина. На полках и витринах появилось много антикварной литературы, всевозможных замечательных книг, редкостных гравюр, литографий и рисунков. Встречались в магазине и выполненные масляными красками портреты писателей и других выдающихся людей. Здесь как-то был продан подлинный рисунок Пушкина, его купил собиратель книг, рисунков и произведений живописи народный артист СССР В. Р. Гардин. Здесь же народный артист РСФСР Николай Павлович Смирнов-Сокольский приобрел замечательный портрет А. С. Пушкина работы неизвестного художника.

В магазине Главсевморпути работали опытные букинисты-антиквары — Андрей Сергеевич Молчанов и Иван Сергеевич Наумов. Ранее А. С. Молчанов некоторое время вел книжную торговлю в киоске при гостинице «Астория» как представитель фирмы «Антиквариат». Молчанову помогала в киоске Екатерина Васильевна Ушнёва. Она знала три иностранных языка и под руководством опытного букиниста Молчанова приобрела необходимый коммерческий опыт и научилась работать с антикварной книгой. В дальнейшем Ушнёва работала в иностранных отделах магазинов Ленокогиза и «Академкниги». Второй помощницей у Молчанова была Екатерина Николаевна Сергеева, которая тоже стала знатоком старой книги. Позже она работала в антикварно-букинистическом магазине Главсевморпути и в букинистическом магазине Ленокогиза на Невском проспекте в доме № 72, где директором был старый книжник-антиквар Вениамин Михайлович Лебедев. Во время блокады



А. С. Молчанов. Гравюра на дереве Н. Л. Бриммера

я заходил в этот магазин и видел Екатерину Николаевну в жутко истощенном виде, а Лебедева — обросшего большой бородой, но более крепкого: он был донором и его поддерживал донорский паек. Я заходил также в букинистический магазин Ленокогиза в Гостином дворе и видел работавших там книжников С. В. Топтыгина и А. Я. Герца сильно истощенными. Они допытывались, не знаю ли я, чтобы кто-нибудь мог уступить им немного дуранды, о хлебе и речи быть не могло. Букинист М. Н. Мусатов, высокого роста детина, еле стоял на ногах. Магазины почти не работали от бесконечных тревог и бомбежек. Стекла витрин и дверей были заделаны досками и засыпаны песком, освещались магазины коптилками, в них царил полумрак. Но даже в такое тяжелое время я встречал в букинистических магазинах заядлых собирателей-книголюбов; преодолевая свою слабость, они рылись на полках и покупали старые книги.

Антикварно-букинистический магазин Главсевморпути на улице Жуковского просуществовал до 1942 года, потом был законсервирован ввиду ухода на войну многих книжников. А. С. Молчанов умер еще до войны. Сразу после окончания войны, во второй половине 1945 года, этот книжный магазин возобновил свою деятельность под руководством книжника Сергея Павловича Кузмина. Но работа со старой и антикварной книгой велась здесь уже в меньшем объеме. Попутно со старой книгой магазин распространял и новые книги, выпущенные издательством Главсевморпути. Этот магазин просуществовал шесть лет. После его ликвидации освободившееся помещение было передано Ленокогизу (ныне объединение «Ленкнига»). В настоящее время здесь поме-

щается магазин «Старая книга» № 10, в котором хорошо налажена работа по обслуживанию различных книгохранилищ, иногородних и местных покупателей. В магазине создан значительный фонд антикварно-букинистической литературы с разнообразным ассортиментом редкостных и замечательных книг, привлекающий многих собирателей-книголюбов. Это единственный букинистический магазин в Ленинграде, который составляет, издает и периодически рассылает в другие города Советского Союза печатные каталоги и проспекты антикварно-букинистической литературы.

В середине тридцатых годов в доме № 29 на Невском проспекте был открыт книжный магазин «Академкниги», который распространял не только новую научную литературу, но и старые издания Академии наук. Магазин производил также покупку и продажу антикварных и других старых книг. Здесь работала опытная книжница Елизавета Николаевна Галкина, прекрасно знавшая всю старую академическую литературу. Вместе с ней некоторое время трудился старейший петербургский букинист Александр Кузьмич Гомулин. В беседах со мной Гомулин говорил, что никак не может привыкнуть работать лишь в строго установленное советским законодательством время. Представители профсоюза его часто упрекали за то, что он не торопится уходить на отдых домой, а задерживается в магазине после окончания рабочего дня, находя всегда какое-нибудь дело. Он ведь прежде в течение нескольких десятков лет проводил целые дни в своей душной и пыльной конуре, не считаясь с затрачиваемым временем, и от длительной работы со старой книгой в наклон стал горбиться.

Со временем он привык к новой для него обстановке и стал уходить из магазина более или менее нормально. Но домой Александр Кузьмич все-таки не мог возвращаться рано, его часто можно было встретить на улице, он пользовался отдыхом на свежем воздухе, у него посвежело лицо, появился даже румянец на щеках, несмотря на его уже преклонный возраст.

В Ленинграде длительное время существовал Государственный резервный книжный фонд, куда свозились ликвидированные библиотеки, остатки нераспроданных изданий и бесхозные книги. Сюда в свое время поступили и национализированные старые книги. Фонды эти хранились в складах Петропавловской крепости и на Фонтанке в доме № 20. Здесь производилась разборка и сортировка книг, комплектовались многотомные и периодические издания. Сюда приезжали представители библиотек из различных республик и областей Советского Союза, отбирали нужные им книги. Резервный книжный фонд выполнял заказы по заявкам библиотек и отправлял книги почтой или багажом по железной дороге. При обработке этих книжных запасов выявлялись дублетные экземпляры, которые могли быть пущены в свободную продажу. Эти книги переносились в особые помещения, и на их обложках и переплетах ставился специальный штамп: «Выпущено из резервного книжного фонда». Книги обычно продавались научным работникам, из этого фонда приобретали со скидкой нужные им издания также букинистические магазины Ленинграда и других городов Советского Союза. Книжный фонд существовал приблизительно до 1946 года. Почему-то эту полезную работу со старой книгой постепенно свели на нет, из года

в год сокращали штаты, а потом ликвидировали и сам резервный фонд. После прекращения его деятельности представители некоторых библиотек не знали, куда сдать лишние книги или при ликвидации — целые библиотеки.

В тридцатых годах ввиду большой разницы в ценах на старую книгу между Ленинградом, Москвой и другими городами начался нездоровый ажиотаж, усиленный вывоз книги в Москву и на Украину, в Киев, Одессу, Харьков и другие места.

Московская Книжная лавка писателей имела в Ленинграде своего постоянного представителя В. М. Лебедева, который закупал старые и антикварные книги и журналы. Другой московский книжник, Н. К. Шенько, изредка делал наезды в Ленинград за книгами для этой же лавки, а потом и для Академии архитектуры. Он закупал в Ленинграде антикварные увражи с гравюрами классической архитектуры. Приезжали и другие представители различных книготорговых организаций и тоже увозили старую книгу из Ленинграда.

В Ленинградском отделении Укркниготорга в эти годы работал книжник-антиквар Ф. Г. Шилов, который наряду с тиражами новых изданий ленинградских издательств усиленно закупал для Украины старые книги в букинистических магазинах и в Государственном книжном фонде. Антикварные книги вагонами и контейнерами вывозились из нашего города.

В конце тридцатых годов ленинградские букинисты решили составить единые каталоги-прейскуранты на основную букинистическую литературу для устранения большого разнобоя в ценах и упорядочения букинистической торговли.

С этой целью ведущие букинисты-товароведы Г. В. Винокуров, С. Н. Котов, В. М. Лебедев, П. Н. Мартынов, И. С. Наумов, М. Н. Мусатов, В. Г. Погодин и другие представители книжных организаций Ленокогиза, Ленкультторга, Книжной лавки писателей, Ленинградского областного издательства постоянно собирались по вечерам, вспоминали и описывали старые книги и многотомные издания, устанавливали количество томов, наименование издательства, год издания и цену. Таким образом возникли в Ленинграде первые советские каталоги-прейскуранты государственной букинистической торговли на произведения классиков и собрания сочинений русских и иностранных писателей (на русском языке), на книги по искусству и роскошные художественные издания, словари и энциклопедии, исторические и литературоведческие труды, книги по естественным наукам.

Конечно, указанные каталоги-прейскуранты не блистали аккуратностью исполнения и имели немало погрешностей, встречались ошибки в ценах, в указании количества томов, издательств. В дальнейшем каталоги-прейскуранты неоднократно перепечатывались, дополнялись, делались новые ошибки, оставались неисправленными старые. После войны решили обновить каталоги-прейскуранты, сделать их общими и пригодными не только для Ленинграда, но и для других городов Советского Союза, где производилась букинистическая торговля. В Москву были вызваны представители Ленокогиза для составления совместно с московскими книговедами новых каталогов-прейскурантов. Такие каталоги были подготовлены и напечатаны с некоторыми дополнениями, но эта работа, к сожалению, оказалась выполненной столь же неряшливо.

В дальнейшем каталоги-прейскуранты издавались Управлением розничной торговли КОГИЗа более точно.

В Москве Рекламно-издательская контора Могиза в 1937 году издала хороший справочник «Словари и энциклопедии. Библиографический указатель. Выпуск I. Дореволюционные издания». Составил И. М. Кауфман. Замечателен труд Кауфмана тем, что в течение многих лет мне и другим книжникам приходилось обращаться за справками к этому указателю, и никто не находил в нем ошибок и расхождений с описаниями de visu.

Как я уже отмечал, первые советские каталоги-прейскуранты на букинистическую литературу появились в Ленинграде. Они были напечатаны на пишущей машинке и сброшюрованы в виде отдельных томов. Книги в них располагались по отделам, а авторы — в алфавитном порядке. Это мероприятие в некоторой мере стабилизировало положение с ценами на ленинградском книжном рынке, и уменьшился нездоровый ажиотаж с букинистической литературой.

В конце 1954 года книготорговое объединение ОГИЗа созвало в Москве совещание представителей букинистической торговли Советского Союза. На это совещание съехались букинисты из Ленинграда, Киева, Харькова, Ярославля, Риги и других городов нашей страны. Мне и букинисту Ивану Сергеевичу Наумову выпала честь быть представителями ленинградских книжников. На совещании присутствовали представители Отдела печати Центрального Комитета партии, Министерства культуры. Участники совещания обсуждали проект новой инструкции о покупке и продаже букинистических и антикварных изда-

ний и внесли много ценных предложений, облегчающих работу со старой книгой. Через несколько месяцев после совещания инструкция вышла в свет, и ее положительно оценили все книжники.

В настоящее время ленинградская букинистическая торговля сосредоточена в основном в трех довольно больших специализированных магазинах объединения «Ленкнига». Эти магазины известны под названием «Старая книга» и расположены в доме № 94 на Невском проспекте, в доме № 2 по улице Жуковского и в доме № 59 на Литейном проспекте. Последний из названных магазинов имеет еще несколько уличных киосков, которые успешно распространяют уже бывшие в употреблении книги советских авторов и другую литературу.

«Ленкнига» открыла также два небольших букинистических магазина в других районах города: на Петроградской стороне в доме № 29а по Большому проспекту и на Васильевском острове в доме № 30 по Среднему проспекту. Отдел старой книги существовал одно время и при центральном книжном магазине Дома книги. Успешно работают букинистические отделы в Книжной лавке писателей на Невском проспекте и при книжном магазине «Академкнига» на Литейном.

С бурным развитием народного хозяйства нашей страны все большее значение стал приобретать женский труд. Пришли женщины и в книжную торговлю.

В 1932 году после окончания книжного техникума получили назначение букинистами две молодые девушки: Лидия Яковлевна Козлова и Ревекка Иосифовна Гуревич. Они начали работать в букинистическом магазине № 31 Ленкнигоцентра, директором которого был тогда книж-

ник-букинист К. М. Моторин. Это был первый случай, когда женщины со специальным книжным образованием стали заниматься распространением букинистической книги. Козлова и Гуревич работают в букинистической торговле и по настоящее время. В дальнейшем в букинистической торговле появились и другие женщины-книжницы: Е. В. Ушнёва, Е. Н. Сергеева, М. М. Рубцова, А. К. Вейтман, Н. И. Чернявская, М. И. Жукова.

В только что открытый в середине тридцатых годов на Невском проспекте в доме № 29 магазин «Академкнига» перешла работать старейшая сотрудница книгохранилища Академии наук Елизавета Николаевна Галкина. После Великой Отечественной войны Е. Н. Галкина стала заведовать в центральном магазине «Академкниги» на Литейном проспекте Комнатой научного работника. Как опытный букинист, хорошо знающий всю академическую старую книгу, Галкина привлекла в Комнату научного работника многих новых посетителей из числа академиков и научных сотрудников академических учреждений. Е. Н. Галкина, а потом и М. И. Жукова занимались также составлением библиографических карточек для каталогов «Антикварные книги». Мария Ивановна Жукова работала ранее в солидной экспортно-импортной фирме «Антиквариат», была знакома с русской и зарубежной антикварной книгой, знала иностранные языки и имела обширное знакомство с людьми из мира науки, литературы и искусства.

В послевоенные годы в букинистическую торговлю приходило много молодых девушек, но они обычно долго не задерживались, уходили после одного-двух лет работы. Зато те женщины,

которые полюбили работу со старой книгой, быстро растут в производственном отношении, становятся старшими продавцами, товароведами, заведующими отделами и директорами магазинов.

В последнее время в букинистической торговле занято несколько десятков книжных работников — женщин. Некоторые из них ушли уже на пенсию — Е. Н. Галкина, Е. В. Ушнёва и М. И. Жукова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Отделы комплектования Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук и библиотеки Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного геологоразведочного института. Встречи с библиофилами в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах. Букинисты и книголюбы-оригиналы

Букинистические магазины оказывали большую помощь в комплектовании крупнейших государственных книгохранилищ страны.

В конце сороковых годов перешли на регулярное комплектование старыми книгами через букинистическую торговлю такие крупные ленинградские книгохранилища, как Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Научная библиотека им. М. Горького Ленинградского университета. Для этой цели были назначены специальные библиотечные работники — комплектаторы, которые все время поддерживали связь с букинистическими магазинами и разыскивали в них всевозможную литературу по дезидератам. Этой работой с большим умением занимались многие опытные библиотекари. От Публичной библиотеки комплектовали книги Н. Д. Левкович, Е. А. Морачевская, М. Ф. Минков и С. Ф. Варламова; от Ленинградского университета — А. М. Соколов. Они подчас находи-

ли в магазинах особо интересные и уникальные издания, которые отсутствовали в книгохранилищах, разыскивали книги, пропущенные при комплектовании во время войны или по каким-либо другим причинам утраченные в фондах, неутомимо старались «закрыть лакуны». Научные библиотеки обращались также к услугам книжных магазинов по розыску старых изданий для целей международного книгообмена.

Немалую роль во всей этой кропотливой работе играют букинисты. Книжные работники подбирают литературу по заявкам и учитывают запросы библиотек, когда приобретают книги от населения. Квалифицированное и чуткое отношение букиниста к предлагаемым населением книгам лучше обеспечивает успешную работу комплектаторов, и посетители библиотек все реже получают неприятный ответ: «Этой книги нет в фонде».

Публичная библиотека приобретает много интересных и редкостных книг, журналов, полных личных библиотек и отдельных собраний по различным отраслям знаний через свою закупочную комиссию Отдела комплектования. В эту комиссию нередко доставляются рукописи различных эпох, автографы писателей, ученых и общественных деятелей. Сотрудники Отдела комплектования обычно привлекают в таких случаях для экспертизы опытных букинистов.

Большую помощь библиотекарям при комплектовании научных фондов крупнейшего в СССР книгохранилища — Библиотеки Академии наук — оказывали ученые различных специальностей. В экспертно-оценочных комиссиях постоянно участвовали: доктор филологических наук В. А. Десницкий, доктор химических наук

и искусствовед В. Я. Курбатов, сибиревед и библиограф М. А. Сергеев, библиограф, ученый секретарь библиотеки К. И. Шафрановский, ботаник, кандидат биологических наук Д. В. Лебедев. Членами этих комиссий были также главный библиотекарь К. И. Гусак, заведующий Отделом редкой книги М. М. Гуревич и книжники-антиквары Ф. Г. Шилов, П. Н. Мартынов и др.

Большие финансовые ассигнования на книги для пополнения научных библиотек предоставлял президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов. Как выдающийся знаток русской и иностранной антикварной научной книги, он замечал пробелы в фондах академического книгохранилища и всемерно стремился их устранить.

В 1930 году была создана библиотека Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного геологоразведочного института. С этого же времени в ней начала работать Нина Васильевна Татаринова, которая принимала участие в комплектовании всех книжных и журнальных фондов библиотеки. Осенью 1942 года погибли от огня и вражеских бомб все ценнейшие книжные собрания института. Н. В. Татаринова немедленно с большим усердием принялась за создание новых книжных и журнальных фондов библиотеки. Она разыскивала книги у специалистов-геологов, покупала у них целые библиотеки и неутомимо обходила в поисках нужных изданий букинистические магазины. В дни блокады полуистощенная Нина Васильевна переносила на себе в библиотеку тяжелые книги. Случалось, что из отдаленных районов города она перевозила с помощниками книги на детском роллере. Им часто приходилось это делать во время артиллерийских обстрелов и бомбежек. Ценнейшая библиотека Нефтяного

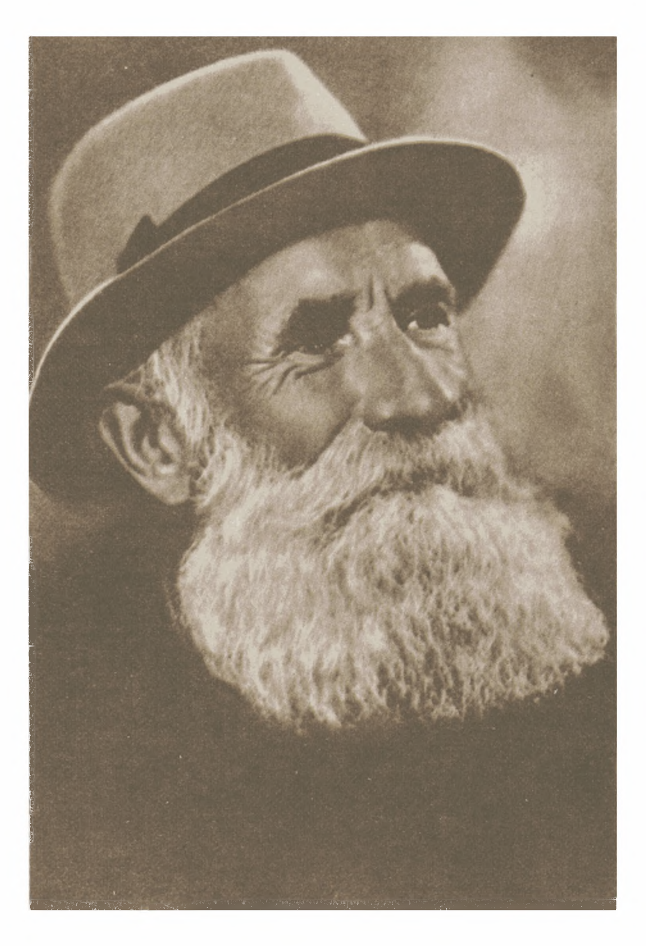
института с большим трудом была все-таки восстановлена, причем в большем, чем прежде, объеме. Библиотека успешно обслуживает специальной литературой многочисленных читателей. В ней имеется прекрасный справочно-энциклопедический и словарный отдел, укомплектованный книгами на русском и иностранных языках.

Много лет посещал букинистические магазины Ленинграда деревенский мужичок, с красивой русской старинной бородой, в поношенной, выгоревшей шляпе, в русских сапогах, всегда почти со следами дорожной грязи и пыли на них, под мышкой он обычно держал мешок из простой мешковины. Таких простых на вид людей, которые увлекались старинными книгами, я всегда любил обслуживать. От них обязательно узнаешь что-нибудь интересное, они умно и вдумчиво рассказывают, для какой цели покупают букинистические книги. Первое мое знакомство с этим собирателем относится к началу тридцатых годов. Он зашел в магазин и спросил у меня, есть ли что-нибудь по народному лубку и фольклору. Я показал ему несколько книг, которые он с удовольствием приобрел. В дальнейшем он изредка появлялся в Ленинграде, заходил в магазин и всегда покупал старые книги по фольклору. Когда ему хотели купленные книги завернуть в бумагу и перевязать веревкой, он говорил, что не надо затрачивать труд на упаковку, и клал их в свой мешок. Как-то мы с ним разговорились, он оказался очень развитым и начитанным человеком, сказал, что давно собирает книги и имеет значительное собрание лубочных изданий русских народных песен и частушек. Но о себе он не сообщил ничего. Впоследствии оказалось, что это известный краевед, собиратель русского лубка

и книг по фольклору Василий Иванович Симаков, составитель сборников частушек и народных песен, автор стихотворений и рассказов, а также статей по устному народному творчеству, печатавшихся еще в дореволюционное время. В прошлом он тоже торговал книгами на ярмарках, был уличным букинистом, служил несколько лет в издательстве К. Ф. Некрасова. Большую часть своей жизни он провел в деревне Челагино Кашинского района Калининской области, откуда был родом. В деревне Симаков занимался не только литературным трудом, но и сельским хозяйством. Здесь же находилась и его большая библиотека, насчитывавшая более 5000 книг. Симаков собирал не только труды по фольклору, но и неопубликованные записи произведений народных сказителей: частушки, прибаутки, песни и сказки. Деятельность его как исследователя и распространителя народного творчества, конечно, заслуживает не только беглого упоминания, но и серьезного изучения.

У Василия Ивановича был сын Алексей Васильевич Симаков, букинист, глубоко преданный своему делу. Он работал в московской Книжной лавке писателей и был хорошо знаком многим литераторам и книголюбам как опытный книжник.

В начале тридцатых годов в букинистические магазины изредка заходила поэтесса и детская писательница Лидия Алексеевна Чарская (1875—1937), автор стихотворений и многих популярных в свое время детских книг. Она распродавала остатки своей библиотеки. Я несколько раз бывал у нее на квартире в доме № 7 по Разъезжей улице, просматривал и приобретал книги для книготорговой организации, в которой тогда работал.



В. И. Симаков

Мне приходилось встречаться и с другими интересными людьми, оставившими заметный след в истории русской печати. Моим сослуживцем по Ленокогизу был старый петербургский книжник Михаил Петрович Евдокимов, проработавший в магазинах Ивана Дмитриевича Сытина около сорока лет. Как-то в тридцатых годах, будучи в Москве, мы посетили И. Д. Сытина незадолго до его смерти. Евдокимов еще с ученических лет считался любимцем Сытина. Ивана Дмитриевича мы застали уже в плохом состоянии, он был прикован к постели. В беседе с Евдокимовым Сытин, вздохнув, сказал: «Вот, Миша, я нищим пришел в книжное дело, нищим и ухожу, я ничего не потерял, помог просветить русский народ и уйду в другой мир спокойно».

У М. П. Евдокимова был сын, командир Красной Армии, который принимал участие в сражениях за революционную Испанию. Незадолго перед финской войной его, израненного, привезли в Советский Союз и поместили в госпиталь, где он через некоторое время умер. Евдокимов и его жена тяжело переживали потерю сына. Как-то летом Евдокимов с женой отдыхали на пляже у Петропавловской крепости, погода была жаркая, и они решили выкупаться в Неве. После этого старики опасно заболели, и их положили в Обуховскую больницу, где им была назначена операция. В больнице оказались знакомые Евдокимову врачи и профессора, которые выражали ему свое уважение и благодарность, как старому букинисту, снабжавшему их в продолжение многих лет книгами. Они предложили Евдокимову и его жене сделать операцию омоложения, на что оба согласились. Евдокимов после операции приступил к работе за книжным

прилавком бодрым и свежим, на вид вполне здоровым человеком. Я наблюдал, как в его глазах появился блеск, на лице румянец. Евдокимов говорил мне, что у него стал хороший аппетит, пропали усталость и боль в ногах. Однажды Евдокимов стоял за прилавком в букинистическом магазине и увидел, как покупатель украл книгу и уже направился к выходу. Чтобы не терять времени на обход прилавка, Евдокимов перескочил через него и задержал вора. А было ему в то время около восьмидесяти лет. Он оставил работу в книжной торговле только из-за войны, так как закрылось много книжных магазинов, а в остальных работа была свернута.

В сентябре 1941 года я проходил по Большой Московской улице и увидел, что дом № 13, где жил Евдокимов, разрушен бомбой, пожитки жильцов вынесены на улицу и людей возле них почти нет. Посмотрел, цела ли квартира Евдокимова (он жил на первом этаже), и убедился, что все там разворочено. Ну, думаю, все кончено, Евдокимовых нет. У случайного прохожего я узнал, что пострадавших от бомбы жильцов увезли в госпиталь, а погибших — в морг. Немного позже, во время большой беспрерывной бомбежки, я находился в бомбоубежище на улице Правды и неожиданно встретил здесь Михаила Петровича. Он рассказал мне, что, когда в их дом попала бомба, они с женой были завалены рухнувшим потолком, их разрыли израненных и исцарапанных, отправили для оказания медицинской помощи в госпиталь, а через три недели выписали на амбулаторное лечение. В суровые морозные дни 1942 года я как-то встретил Михаила Петровича в очереди за водой у обледенелой проруби на Фонтанке,

он стоял, закутавшись в доху, оставшуюся от погибшего сына. Он был бодр, мы расцеловались и расплакались: ведь встретить тогда живого близкого знакомого было чудом. После этой встречи я уже больше не видел моего старого сослуживца.

Известный химик академик Николай Дмитриевич Зелинский любил в свое время посещать магазины и лавки букинистов. Как-то раз разговор зашел о колоссальных собраниях книг, принадлежавших большим книголюбам: Николаю Яковлевичу Колобову, Николаю Николаевичу Ходотову и Дмитрию Васильевичу Ульянинскому, которого называли «поэтом книги». Ульянинский был составителем трехтомного библиографического труда, выпущенного в свет под названием «Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание» (М., 1912—1915. Т. 1—3). Н. Д. Зелинский заметил, что, по его наблюдениям, любовь к книгам и общение с книгами облагораживающе действуют на человека и даже способствуют долголетию. Книги отвлекают от многих житейских сует и излишеств, которые болезненно влияют на нервную систему и преждевременно вызывают старость. В продолжение моей долгой книжной практики я не раз имел возможность убедиться в справедливости наблюдений Зелинского. Многие обладатели больших собраний книг, с которыми я встречался, доживали до 80—85 лет и сохраняли в преклонном возрасте бодрый, здоровый вид, мало болели.

Однажды в послевоенные годы ко мне явился старый ленинградский книжник М. М. Андронников, которого товарищи по работе в шутку называли «князем Андронниковым». Он выгля-

дел усталым, сильно похудевшим. Я с трудом узнал его.

«Князь Андронников» когда-то был очень известен в книжном мире как знаток старой книги. До революции он работал в иностранном отделе книжной фирмы М. Вольфа и хорошо знал европейские языки. Среди покупателей, которые к нему обращались, был и настоящий князь Андронников. Между букинистом и князем установились дружеские отношения на почве книжных дел. М. М. Андронников приносил ему редкостные книги, князь угощал его, оба они любили выпить. Рассказы старого букиниста об этом странном знакомстве и послужили причиной того, что его стали называть «князем».

Великая Отечественная война застала М. М. Андронникова на даче в Сиверской, он в то время был не совсем здоров и не мог передвигаться. Дом, где он жил, во время обстрела был разрушен. Андронников сильно бедствовал, спасаясь от пуль, снарядов и бомб по ямам и заброшенным землянкам в лесу. Долгое время он голодал и питался чем попало.

После войны ленинградские книжники, как могли, помогали М. М. Андронникову. Небольшая группа книжников решила написать ходатайство в Ленсовет с просьбой устроить Андронникова в Дом инвалидов. В своем обращении мы удостоверили его личность. Андронникова направили в Дом инвалидов в Приозерск, и он, как писал об этом в дальнейшем, был очень доволен оказанной ему помощью.

Однажды в ленинградской Книжной лавке писателей я встретил Анну Александровну Андрееву, вдову сына писателя Леонида Андреева — Даниила Леонидовича Андреева. Мы разговори-

лись с ней о вышедшей в свет в 1959 году книге Ф. Г. Шилова «Записки старого книжника», в которой были воспроизведены две фотографии, связанные с жизнью М. Горького и Леонида Андреева. Они сопровождались ошибочной подписью. Анна Александровна сказала мне: «Надо дать точное разъяснение и раз и навсегда покончить с неправильной версией». Узнав, что я пишу воспоминания, она прислала мне следующую записку:

«Я хочу сказать несколько слов по поводу фотографии Л. Андреева, который якобы снят с Екатериной Павловной Пешковой (фотография приведена в книге Ф. Шилова.— *П. М.*). Леонид Андреев сфотографирован со своей собственной женой Александрой Михайловной Велигорской, скончавшейся в ноябре 1906 года. От ее сестры, Елизаветы Михайловны Добровой, я знаю всю историю. Леонид Николаевич с Александрой Михайловной и Горький со своей второй женой М. Ф. Андреевой пошли вместе в какую-то фотографию и сфотографировались каждый со своей женой. Через некоторое время появились фотографии-открытки с надписями: „Горький с женой Андреева“ и „Андреев с женой Горького“. Елизавета Михайловна Доброва попыталась выяснить недоразумение, но получила ответ вроде: „Нам лучше знать, кто с чьей женой снимается“. После этого Александра Михайловна умерла, и всем было уже не до фотографии.

Эту историю я слышала в добровском доме несколько раз, и мой муж — Даниил Леонидович Андреев — тоже мне это говорил.

А. А. Андреева.»

Потом я получил от Анны Александровны фотографию Леонида Андреева с его женой Александрой Михайловной Велигорской и письмо следующего содержания.

«Уважаемый Петр Николаевич, посылаю Вам фотографию, которую обещала. Даже по ней, дважды переснятой, видно, что и на той фотографии, о которой мы с Вами говорили, Леонид Андреев снят с этой же женщиной — своей женой. Всего Вам доброго.

Анна Андреева.»

Фотоснимок был сделан в 1906 году в Бутове, под Москвой.

Еще во время войны, в первой половине 1944 года, я получил предложение от старейшего ленинградского букиниста Федора Григорьевича Шилова приступить с ним вместе к антикварной книжной торговле в какой-либо организации. В это время я работал в Ленинградском Доме ученых им. А. М. Горького, помогал директору библиотеки А. А. Палтову восстанавливать подорванное войной библиотечное хозяйство. Мы с Шиловым решили основать магазин антикварной книги при Доме ученых. Дирекция согласилась с нашим замыслом и отвела для магазина хорошее помещение. Был составлен и отпечатан на машинке проект. Предполагалось купить несколько значительных антикварных библиотек, которые дали бы возможность развернуть работу магазина. Это начинание не было осуществлено, так как меня перевели в «Академкнигу» для восстановления свернутого во время войны антикварно-букинистического отдела. Я застал Ленинградское отделение «Академкниги» в хаотическом состоянии: горы разбитой и поломанной

мебели, груды мусора и разбитых колоссальных зеркальных стекол, тонны песка, которым были засыпаны большие уличные витрины. Все было в сырости и плесени. Мне с небольшой группой книжников пришлось наводить порядок и подготавливать отделение к более или менее нормальной работе.

Антикварно-букинистическим отделом Ленокогиза руководил тогда Александр Яковлевич Герц. Еще с дореволюционного времени он был страстным собирателем старых книг и журналов, главным образом по сатире и юмору. Сам Александр Яковлевич, можно сказать, обладал прирожденным юмором, легко сочинял сатирические экспромты. При любых обстоятельствах остроты так и сыпались из его уст, как из рога изобилия. Часто на деловых книжных совещаниях в присутствии высшего начальства он прибегал к обычному своему оружию — юмору и ставил начальство в тупик. Как-то на одном из совещаний ему было предложено увеличить ассортимент старой художественной литературы, на которую был большой спрос, а полки в магазинах пустовали, книг от населения поступало мало. Герц с серьезным видом выступил и сказал: «Давайте составим ходатайство в Министерство финансов и Министерство высшего образования о снижении зарплаты профессорскому и преподавательскому составу, главным потребителям духовной пищи, и тогда книгами нас завалят». Некоторые присутствующие были возмущены его словами, начался ропот, но потом все поняли смысл сказанного, и на лицах появились улыбки. Он сам в конце своей речи сделал комическую гримасу и окончательно всех рассмешил. Своей шуткой он дал понять, что не от букинистов все это

зависит, а определяется материальным благополучием потребителей книг. Нашим же издательствам следует больше выпускать книг, на которые существует спрос у населения.

Герца книжники называли «великим балагуром». Слушать его было одно наслаждение. Замечания и даже выговоры подчиненным он делал всегда полунасмешливо, но подчас его сарказм доводил некоторых до слез. Это чаще всего случалось с теми, кто его хорошо не знал. Пришедших к нему в дом гостей он сразу же развлекал шутками, например говорил так: «Мы живем богато, имеем лакея, а пока он нам готовит выпивку и закуску, попробую занять вас музыкой, я ведь большой мастер игры на пианино». Александр Яковлевич садился за пианолу, запускал ее и изображал виртуоза-пианиста, извлекающего из музыкального инструмента божественные мелодии. При этом он не прекращал разговора с присутствующими, пересыпал его своими обычными шутками и остротами.

Когда А. Я. Герцу приходилось посещать различные учреждения, связанные с его служебной деятельностью, он и здесь не терялся, а прибегал к обычным для него сатирическим средствам. Александр Яковлевич был хорошо подготовлен юридически, быстро ориентировался в том, что законно, а что незаконно. Как-то раз его вызвали в прокуратуру по делу о хищении книг. Работник прокуратуры был еще молодой, сразу же, как только появился Герц, стал на него кричать и стучать по столу кулаком. Герц же с обычной своей иронической улыбкой говорит ему: «Ты, товарищ, не кричи, меня этим не возьмешь, я ведь стреляный воробей. Давай-ка лучше беседовать тихо, пользы будет больше». Работник

прокуратуры сперва рассердился, но потом не выдержал, тоже рассмеялся и сменил напускную строгость на спокойный и даже ласковый тон. Герц без труда доказал ему, что дело искусственно раздуто, и оба они расстались удовлетворенными.

Как-то Александр Яковлевич сказал мне: «Тебе, Петр Николаевич, можно позавидовать, ты ведь все время работаешь в букинистических магазинах, общаешься с людьми различных профессий. Через твои руки проходит много интересных книг, на твоих глазах растут люди, из школьников становятся студентами, из студентов профессорами, академиками и продолжают посещать букинистов. Я вот мечтаю на старости лет перейти в маленький магазинчик и поторговать старыми книгами». Герц исполнил свое намерение. В послевоенные годы он работал товароведом в букинистическом магазине Ленокогиза на Петроградской стороне.

В беседе со мной Герц как-то коснулся дальнейшей судьбы своего интересного собрания книг и журналов по сатире и юмору. С обычной иронией, но немного грустно он сказал: «У меня ведь нет прямых наследников, но есть друг врач, вот я и сделаю на его имя завещание, а он позаботится, чтобы поскорее осуществилось все то, что там предусмотрено, они ведь мастера на это дело». Как говорил Герц, так и поступил, написал завещание на имя своего друга врача, который и унаследовал его библиотеку.

В довоенные годы всем книжникам Ленинграда был хорошо знаком своеобразный человек — букинист А. А. Брюшков. В свободное от работы время он любил ходить по букинистическим магазинам города и узнавать о новостях

и событиях, которые там происходили. Брюшков со всеми подробностями знал, какие интересные покупки или продажу произвели букинисты Васильевского острова, Петроградской стороны и других мест. Появляясь в магазинах старой книги на Литейном проспекте, он спешил сообщить букинистам свои новости и был очень недоволен, если что-либо оказывалось уже известным без его участия. Он огорченно допытывался, кто бы это мог узнать раньше его, потому что считал себя монополистом на подобные сообщения. Все, что удавалось ему услышать на Литейном, он немедленно сообщал букинистам Васильевского острова, Петроградской стороны и других районов. Таким образом, мы всегда знали, что делается в книжной торговле города. Во время болезни Брюшкова букинисты скучали и сожалели, что нет привычных сообщений о работе букинистических магазинов. После выздоровления Брюшков обычно с особой горячностью принимался добывать дорогую его сердцу информацию; глаза его блестели, он волновался, не пропустил ли каких-либо важных сведений во время своей болезни.

Как-то однажды ночью был взломан букинистический магазин на Васильевском острове и украдено много ценных книг. Об этом происшествии букинисты Литейного и других районов города немедленно узнали от Брюшкова. Взломщики при продаже краденых книг были сразу же пойманы.

Большой книголюб, прозектор Обуховской больницы в Ленинграде Н. Лукин был знаком и даже дружил со многими старыми букинистами. Собирать книги он начал еще в дореволюционные годы и особенно пополнил свою

библиотеку в двадцатых-тридцатых годах, когда на букинистическом рынке было много разнообразных интересных и редкостных книг. В его собрании имелись исторические и литературные мемуары, книги по искусству, литературно-художественные произведения в хороших изданиях. Лукин любил, чтобы книги в его библиотеке были в полной сохранности. Некоторые книги он облекал в кожаные и полукожаные переплеты с золотым тиснением. Его заказы исполняли несколько искусных мастеров переплетного дела. Лукина считали мрачным, угрюмым, неразговорчивым человеком, но в лавках букинистов он оживлялся, острил, шутил и вел интересные, оживленные беседы с книголюбами по вопросам библиофилии.

Среди ленинградских любителей книг видное место занимал известный зоолог, академик, лауреат Государственных премий, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Евгений Никанорович Павловский, по инициативе которого в нашей стране был организован ряд научно-исследовательских учреждений и осуществлены многочисленные экспедиции. Павловским написано много научных исследований по борьбе с врагами человечества — переносчиками инфекций, паразитами. Евгений Никанорович всю свою сознательную жизнь собирал русскую и зарубежную литературу по зоологии, паразитологии и другим смежным дисциплинам, а также книги по истории естественных наук, материальной культуры, искусства и мировой литературы. Он посещал антикварные и букинистические магазины Ленинграда, Москвы и других городов, где ему приходилось бывать по роду своей деятельности. Часто посещал

Е. Н. Павловский антикварные магазины «Международной книги» и «Академкниги», был знаком со многими старыми букинистами, которые выражали свое особое уважение к ученому тем, что припасали для него редкостные и замечательные книги.

Мне приходилось бывать в доме у Евгения Никаноровича и обозревать собранные им колоссальные книжные сокровища. Он рассказывал мне много интересного о новых научных открытиях и книжных находках. Как страстный книголюб, Евгений Никанорович даже сочинил и издал оригинальную книгу под названием «Поэзия, наука и ученые» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958). Он рассказывает в ней, как можно использовать фольклорные материалы для научных исследований в различных областях человеческих знаний и через устное народное поэтическое творчество получать представление о далеких истоках науки еще до начала письменности. Автор затрагивает и стихотворную форму изложения научных вопросов, к которой часто прибегали поэты-ученые в прошлом. Замечательная книга Е. Н. Павловского с его теплой дарственной надписью красуется на полке моей личной библиотеки.

Мне пришлось как-то приобрести книги из личной библиотеки большого ценителя старинных изданий А. М. Ясного, работавшего последнее время переводчиком в Академии наук. Он рассказывал мне, что ввиду плохого состояния здоровья и старости решил при жизни определить своих друзей — любимые книги — в надежные руки. Для этого он стал приглашать к себе интересующихся книгами людей, но они при просмотре так неумело с книгами обращались, что Ясный им в продаже отказывал, несмотря на то

что некоторые из них предлагали ему хорошие цены. Приходили к нему и профессионалы книжники, обращение которых с книгами ему тоже не понравилось, и он отказывал им в продаже. Библиотека А. М. Ясного отличалась исключительной сохранностью, все книги были в девственном состоянии, несмотря на то что он с ними много работал. Книги он приобретал всегда в безукоризненном виде и, перед тем как водворить на полки своей библиотеки, делал для них специальные обложки. Знавшие его люди говорили, что он работал с книгой в белых тонких перчатках.

Не менее своеобразным человеком был собиратель книг и картин Леонид Иванович Максимовский, которого хорошо знали многие крупные любители-коллекционеры. Кроме интересной коллекции картин художников «Мира искусства», он имел солидную библиотеку различных иллюстрированных изданий на русском и иностранных языках по искусству. Здесь было много выставочных каталогов картин художников XIX—XX столетий, всевозможных справочных книг по картинам, гравюрам и литографии. Я дружил с Максимовским, часто бывал у него в доме на проспекте Карла Маркса и вел с ним длительные беседы. Он сильно заикался, но, несмотря на недостаток речи, слушать его было очень приятно. Л. И. Максимовский умер во время блокады от истощения, его библиотека и хорошая коллекция картин рассеялись в разные места.

Рост благосостояния советского народа увеличил спрос не только на автомобили, телевизоры и другие ценные вещи, но и на книги. Многие простые люди, особенно рабочие, стали

обзаводиться личными библиотеками. Книголюб Михаил Никитич Жигулин, по профессии сапожник, в течение длительного времени собирает классическую и современную художественную литературу. Особенно он любит Крылова, Л. Толстого, Тургенева и Гончарова. Ознакомившись с приобретенным произведением, Жигулин обязательно приходит в магазин и делится своим впечатлением о прочитанном. Он громко восклицает при этом: «Какая прелесть! Какая прелесть!», обращая внимание покупателей. Както Жигулин пришел ко мне в магазин и говорит: «Вот, Петр Николаевич, прожил я много лет на свете, а только недавно прочитал книги Стасова и Страхова и получил большое наслаждение. Вот прелесть-то! Стасов мне попался в кратком издании, обязательно приобрету полное, в трех томах, и прочитаю все до корочки».

Жигулин с детства работал с различными видами кожи и у него пробудился интерес к предметам, изготовленным из этого материала. Он охотно покупал книги, оформленные в кожаные переплеты, и восторженно отзывался о работе мастеров-художников переплетного дела: Ро, Шнеля, Тарасова и др. Благодаря чтению у него развился эстетический вкус. Жигулин очень любил Крылова, и, когда ему встречалось какоелибо неизвестное ранее издание сочинений баснописца, он радостно восклицал: «Вот какой Крылышко попался, я такого и не видел еще!»

Гражданин С., по профессии пекарь, много лет собирал серьезную классическую и философскую литературу. Ему удалось составить значительную библиотеку, в которой классики философии были представлены почти с исчерпывающей полнотой.

Столяр Н. Антонов долгое время собирал художественно оформленные книги, выпущенные издательствами «Academia», «Аквилон», Кружком любителей русских изящных изданий и Комитетом популяризации художественных изданий. Он собрал хорошую коллекцию антикварных книг.

Железнодорожник И. Павлов подбирал книги небольшого формата в изданиях Смирдина, Саблина, издательства «Просвещение». Он объяснял это скромностью своей жилплощади и желанием иметь больше книг разных авторов. Павлов сам изготовлял книжные шкафы специально под небольшой формат книг.

До Отечественной войны в Ленинграде было несколько скромных книголюбов-оригиналов, которые не имели достаточных средств на покупку книг, а читать очень любили. Они старались приобретать книги с дефектами: без начала, без конца, с пропусками страниц или же очень потрепанные экземпляры. Дефектные книги не все букинисты покупали, а кто покупал, то ценил их очень дешево. Когда такой книголюб обнаруживал потрепанную книгу, он очень радовался и выражал надежду, что цена будет значительно снижена. Эти книголюбы обменивались друг с другом страницами, частями страниц и даже отдельными строчками, подклеивая поля, и приводили книги в порядок. Побывавшая в их руках книга начинала снова служить читателям.

Даже к такого рода книголюбам букинист должен был приспосабливаться, учитывать их спрос, не упускать ходких дефектных экземпляров.

Эти люди обычно собирались около букинистических магазинов. Они обменивались

реставрированными или прочитанными книгами, иногда продавали их в букинистические магазины, честно предупреждая товароведов, что книга составлена из разных страниц. Подчас трудно было заметить сделанные ими исправления, настолько искусно и с любовью выполняли они свою работу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ленинградские библиофилы тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. Кто что собирает. Интересные находки последних лет

В тридцатые годы было много различных собирателей книг. Первое место среди них занимали пушкинисты. Некоторые библиофилы коллекционировали все издания «Горе от ума» Грибоедова и литературу о нем. Иные собирали издания «Слова о полку Игореве», книги по нумизматике, по флагам и гербам, по кладбищенским памятникам и надгробиям, много было собирателей книг по архитектуре Петербурга, изобразительному искусству, театру, музыке, балету, мемуарам и другим видам литературы. Любители-экслибрисисты коллекционировали не только сами экслибрисы, но и книги о них.

Страстным библиофилом, много лет посещавшим магазины букинистов, был Николай Дмитриевич Багинский. Он составил большую, почти исчерпывающую коллекцию изданий, рукописных списков «Горя от ума» и трудов о творчестве Грибоедова.

Вячеслав Александрович Домбровский с двадцатых годов собирает книги и журналы на русском и иностранных языках по шахматам и составил библиографический указатель литературы

на эту тему. Он коллекционирует также гравюры, литографии, рисунки и картины, посвященные шахматной игре, собирает шахматы разных эпох, изготовленные из кости, бронзы, фарфора, стекла, глины, теста, различных пород дерева и других материалов. У него дома получился маленький музей по шахматам, о котором знают теперь во многих странах мира. Я бывал в этом музее и наслаждался прелестью собранных в нем предметов.

Еще в довоенные годы начал посещать букинистические магазины всегда небрежно одетый гражданин, которого звали Василий Васильевич. Он собирал издания и списки «Слова о полку Игореве». Как говорили, у него была большая коллекция книг и рукописных текстов, имеющих отношение к этому замечательному памятнику древнерусской литературы. Рассказывали, что он жил не богато, скромно, но на покупку книг средств не жалел. По профессии он был сапожником. После войны Василий Васильевич перестал посещать магазины букинистов, очевидно, умер. О судьбе его интересной коллекции ничего неизвестно.

К числу исследователей-энтузиастов «Слова о полку Игореве» принадлежит Леонид Александрович Творогов. Он автор книги «К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста ”Слова о полку Игореве“ XIII века и других трудов». Творогов со школьных лет интересовался древними рукописями, встречался в Петрограде с видными учеными — академиками Н. П. Лихачевым, С. Ф. Платоновым, В. Н. Перетцом. К этому времени относится и его увлечение «Словом о полку Игореве».

Леонид Александрович перебрался на постоянное жительство в Псков, и там из собранной им литературы и различных иллюстрированных материалов в его маленьком домике возник небольшой личный музей по «Слову о полку Игореве». Л. А. Творогов изредка наведывается в Ленинград и в поисках нужных ему книг заходит в букинистические магазины.

В годы Великой Отечественной войны ряды ленинградских собирателей и книголюбов поредели. Многие ушли на фронт, некоторых война забросила в далекие края. Но даже в самые тяжелые времена страсть к собирательству книг, гравюр, литографий у них не угасла. Раненные, оказавшиеся в различных городах Советского Союза, они писали букинистам из госпиталей, интересовались делами и судьбой ленинградцев. Оставшиеся в живых библиофилы после войны вернулись в Ленинград и с большим рвением вновь обратились к собирательской деятельности.

Старейший ленинградский учитель-математик Владимир Иванович Марков с детских лет полюбил книги. Детство его прошло в Твери (ныне г. Калинин). Вблизи их дома на улице был лоток букиниста с разложенными на нем детскими книжками в ярких обложках. Этот лоток, как магнит, притягивал взоры детворы. Мальчик получал от дедушки на лакомства по 10—20 копеек, но тратил их на книги. Здесь, на лотке, как вспоминает Владимир Иванович, им были куплены первые его книги: «Бова Королевич» и «Чурилко объедало, каких не бывало». В дальнейшем он стал знакомиться и с другими лубочными книжками в изданиях Сытина, Холмушина и Губинского. Окончив успешно в Твери среднюю школу,

Марков в разгар гражданской войны отправился на фронт добровольцем и участвовал в сражениях, которые вела Первая Конная армия. После войны, уже будучи студентом, он начал с увлечением собирать книги. В его библиотеке появились лучшие произведения художественной литературы, книги по искусству, мемуары, труды по математике и другим точным наукам. Ради книг Владимир Иванович подчас отказывал себе во многом. Он посещает букинистические магазины Ленинграда с 1922 года, его хорошо знают все букинисты города как страстного собирателя книг.

В Отечественную войну Марков командовал ротой инженерных войск на знаменитом «невском пятачке», в районе Невской Дубровки.

Еще до отправки на фронт Владимир Иванович получил как-то кратковременный отпуск в город и захотел проверить, цела ли его библиотека. Квартира его оказалась разрушенной, домашние вещи исчезли, а книги остались нетронутыми. Марков решил их спасти, перевезти к родственнице в дом на соседнюю улицу. Времени у него оставалось мало, да и сил не было из-за истощения и голода. Он стал упрашивать старика дворника помочь ему перенести книги, но у того тоже не было сил. Тогда Марков предложил дворнику две банки консервов из своего неприкосновенного запаса. С большим трудом библиотека была спасена. Срок увольнения у Владимира Ивановича истекал, и он волновался, чтоб не опоздать в часть, но все, к счастью, обошлось благополучно.

Из-под Невской Дубровки живыми вышли немногие — не случайно маленький плацдарм на левом берегу Невы называли «пятачком смерти».

Марков выбрался из этого пекла с тяжелой контузией головы, изрешеченный осколками снаряда. На некоторое время он потерял зрение, выпали все волосы на голове. Один из осколков находится в его теле по сие время и порой дает о себе знать. Об упорных сражениях на «невском пятачке» и об участии в них В. И. Маркова и бойцов его саперной роты сообщали газеты. В 1943 году «Ленинградская правда» поместила статью Александра Решетова под названием «Душа солдата». В ней говорилось о скромном учителе математики, который оставил свои мирные занятия и книги, чтобы сражаться с фашистами на самом горячем участке Ленинградского фронта.

В. И. Марков много лет жил на Литейном проспекте в доме № 33, там же находилась и квартира известного советского писателя Константина Александровича Федина. К. А. Федин и В. И. Марков были не только соседями, но и друзьями, они часто встречались в домашнем кругу. У Федина Марков познакомился с Алексеем Николаевичем Толстым. Федин любил Неву и часто приглашал Маркова для прогулок по набережной. Любуясь на закате солнца Петропавловской крепостью, зданием биржи и ростральными колоннами на Васильевском острове, он говорил Владимиру Ивановичу: «Смотри, Вольдемар, какая незабываемая прелесть!».

В настоящее время Владимир Иванович Марков по-прежнему работает учителем математики и часы своего небольшого досуга уделяет книгам. Его обширная, тщательно подобранная библиотека насчитывает несколько тысяч томов.

Однофамилец Владимира Ивановича, ленинградский библиофил Сергей Леонидович Марков, инженер-строитель по специальности, тоже

был участником Великой Отечественной войны, сражался в рядах 3-й армии на Юге. С фронта он вернулся без правой руки. В настоящее время он продолжает работать по своей прежней специальности и усердно собирает книги. Его интересуют первые и прижизненные издания сочинений А. С. Пушкина и литераторов — современников великого поэта. Он коллекционирует также книги, гравюры, литографии, рисунки по старому Петербургу, альманахи пушкинской поры и более позднего времени, автографы и книги по искусству. Ему удалось составить замечательное собрание уникальных изданий, рисунков, гравюр и литографий.

В послевоенные годы интересы ленинградских библиофилов несколько изменились: поредел легион «пушкинистов», не стало людей, собирающих различные издания «Горя от ума» и «Слова о полку Игореве». По-прежнему верен «Слову о полку Игореве» только псковитянин Л. А. Творогов. В последние годы усилился спрос на художественную литературу, некоторые любители стали собирать переводную беллетристику, выпущенную издательствами «Мысль», «Петроград», «Земля и фабрика», «Современные проблемы», «Книжные новинки», «Никитинские субботники» и старыми издателями — П. П. Сойкиным и Л. Ф. Пантелеевым. Остались по-прежнему в почете у собирателей художественные издания, выпущенные издательствами «Academia», «Аквилон», Кружком любителей русских изящных изданий и Комитетом популяризации художественных изданий. Число собирателей этих книг сильно увеличилось. Расширились ряды любителей поэзии. Многие библиофилы приобретают сборники стихотворений

символистов, акмеистов, футуристов, имажинистов, но особенно популярны произведения поэтов наших дней. Невероятно вырос спрос на шахматную литературу. Увеличился спрос на русских и переводных классиков, на книги советских писателей, а также на приключенческую литературу.

Стало больше и собирателей книжных знаков — экслибрисов. Наиболее значительной коллекцией экслибрисов обладает Борис Афанасьевич Вилинбахов, секретарь секции коллекционеров Дома ученых. Он собирает экслибрисы с тридцатых годов, в его коллекции насчитывается около 20 000 знаков и более двухсот трудов по книжным знакам. Оскар Эдуардович Вольценбург собрал около 3500 экслибрисов, у Павла Викентьевича Губара коллекция состоит из 3000 знаков. Иван Яковлевич Депман собрал около 8000 знаков. Многотысячная коллекция редкостных экслибрисов, составленная Борисом Михайловичем Чистяковым, перешла впоследствии к Е. А. Розенбладту. После его смерти все это собрание в количестве более 20 000 знаков было продано наследником в Библиотеку Академии наук СССР вместе со систематизированной росписью экслибрисов.

Коллекционирование книг и различного рода печатной продукции — очень полезное культурное дело, его надо поощрять, чтобы «огонек» собирательства не затухал, а разгорался ярче. Ведь, как известно из прошлого, многие частные собрания книг в конце концов вливались в государственные книгохранилища, обогащая их фонды. Во всех крупнейших наших библиотеках в основу их фондов легли частные собрания книг. Из собрания книг и рукописей известного государст-

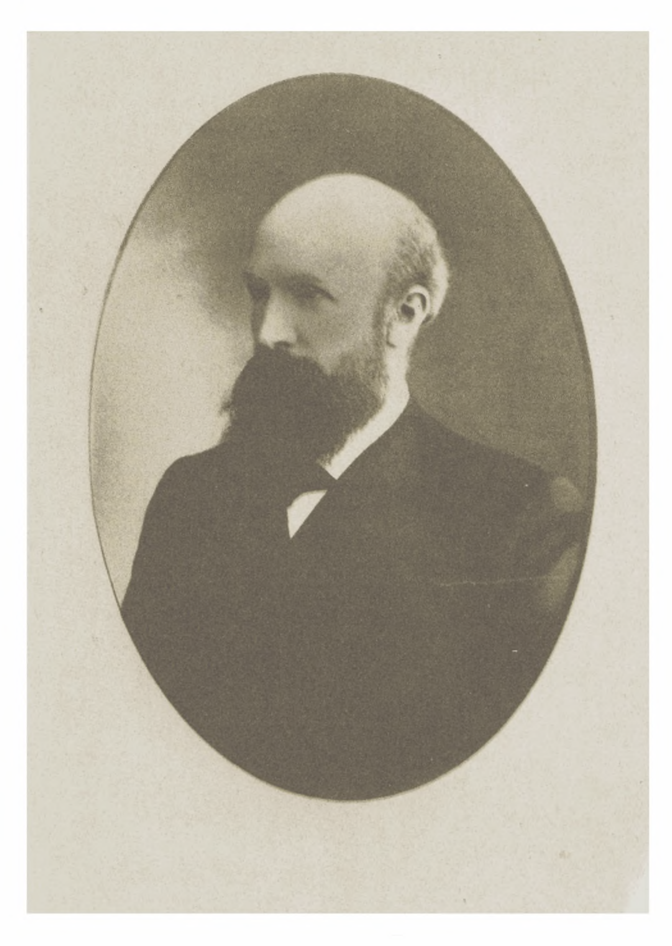
венного деятеля и ученого времен Екатерины II и Александра I Николая Петровича Румянцева зародилась Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина в Москве. Из ряда частных библиотек иностранных и русских библиофилов и ученых возникла нынешняя Ленинградская публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, которая впоследствии неоднократно пополнялась другими частными собраниями книг, гравюр и рукописей. В нее влилась большая и ценная библиотека Вольтера, состоящая из книг и рукописей XVIII века. В фонды библиотеки вошли позднее собрания книг, рукописей и автографов известных библиофилов П. К. Сухтелена и Ф. А. Толстого, собрание русских рукописей и старопечатных книг П. К. Фролова, уникальное «древлехранилище» М. П. Погодина, в котором находились редчайшие памятники XI—XII веков, и много других библиотек, собраний и коллекций. Библиотека Эрмитажа возникла во второй половине XVIII века из коллекции книг, принадлежавших Екатерине II и купленных ею в дальнейшем частных собраний знаменитых французских философов Д'Аламбера и Дидро. Библиотека Академии наук сложилась из нескольких частных собраний книг, купленных по распоряжению Петра Великого за границей, и из его личной библиотеки, подаренной Академии наук Екатериной I. Эта библиотека затем много раз пополнялась и продолжает пополняться различными печатными материалами из частных собраний.

Букинист — незаменимый помощник библиофила в его кропотливых поисках редкостных книг. Труд собирателей-энтузиастов устраняет распыленность книжных сокровищ минувших веков. Без помощи библиофилов и букинистов

никакой сверхквалифицированный библиотекарь не мог бы так добротно укомплектовать книжные фонды, как это сделано в наших научных библиотеках. Как важно исследователю, ученому, писателю получить в библиотеке нужную ему книгу, брошюру, подчас оттиск, состоящий из двух-трех страниц, но более ценный для него, чем тяжеловесный фолиант. А ведь эти полузабытые или утраченные тексты нередко становятся достоянием научной общественности лишь благодаря самоотверженной деятельности собирателей и коллекционеров.

К числу таких неутомимых собирателей относился Иван Афанасьевич Бычков, виднейший русский археограф и библиограф, член-корреспондент Академии наук СССР, сын директора Публичной библиотеки академика Афанасия Федоровича Бычкова, проработавшего в ней в прошлом столетии 55 лет. Иван Афанасьевич с конца XIX века тоже работал в Публичной библиотеке, в продолжение нескольких десятилетий был научным хранителем Отдела рукописей. Он разыскивал у букинистов вспомогательные и справочные материалы, связанные с изучением рукописей и древних рукописных книг. Большая часть собранных им лично материалов и книг хранится в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Иван Афанасьевич Бычков умер в 1944 году, проработав в Публичной библиотеке, как и его отец, более полувека.

В 1856 году, когда хранителем Отдела рукописей был академик А. Ф. Бычков, Публичной библиотеке предложили приобрести драгоценную «Супрасльскую рукопись». Говорили, что тогда рукопись была оценена в 2000 рублей, но средств на ее покупку у библиотеки не было. Чтобы не



И. А. Бычков

упустить рукопись, этот величайший памятник древнеславянского языка X века, хранитель Бычков уплатил за нее свои личные деньги и держал рукопись у себя до более благоприятного времени. После смерти Афанасия Федоровича в 1899 году эта рукопись перешла в собственность к его сыну И. А. Бычкову. В 1946 году в Публичной библиотеке вспомнили, что в семье Бычковых хранится «Супрасльская рукопись», и решили приобрести ее для библиотеки. Начались переговоры с вдовой Ивана Афанасьевича, Марией Константиновной Бычковой. Ей предложили за рукопись 10 000 рублей. Бычкова обратилась за советом в Книжную лавку писателей к антиквару-консультанту Ф. Г. Шилову, который сказал ей, что эта рукопись может стоить до 50 000 рублей. Вдова медлила с ответом. Решили, что она передумала. В это время в Библиотеке Академии наук узнали о переговорах и собирались уплатить Бычковой 50 000 рублей. Но вдова предпочла вручить рукопись как дар Публичной библиотеке. Администрация библиотеки решила все-таки уплатить М. К. Бычковой 20 000 рублей.

Отец и сын Бычковы трудились в Публичной библиотеке свыше ста лет и обогатили ее фонды своими уникальными собраниями рукописей и вспомогательных исследовательских материалов.

В течение многих лет собирал старые книги писатель Виссарион Михайлович Саянов. Он был приветлив, очень любил букинистов, часто беседовал с ними о книжных делах и событиях в книжном мире. Виссарион Михайлович мог часами просматривать книги на полках и всегда находил для себя что-нибудь нужное. Букинисты рассказывали ему, какие книги проходили за время его отсутствия, и он очень сожалел, если про-



В. М. Саянов

пускал интересующие его издания. Часто Саянов делился со мной замыслами своих новых литературных работ и просил меня готовить для него материалы по намеченной теме. Как-то Саянов заходит ко мне в магазин и говорит: «Дорогой Петр Николаевич, подыщи мне литературу по Греции и греческому языку, как видишь, мне понадобился и такой материал. Я когда-то занимался греческим языком, но знал его не твердо и забыл, не практикуясь». Я постарался выполнить его просьбу. Среди подысканных мною книг по Греции была «Библиотека греческих классиков» в переводе Мартынова, в двадцати томах, которую Саянов с благодарностью приобрел.

Перед своей поездкой на Нюрнбергский процесс Виссарион Михайлович заходил ко мне в магазин. Я не сразу узнал его, он был элегантно одет, на нем было габардиновое, бежевого цвета пальто, изящный костюм и шляпа; до этого же он часто ходил в поношенной шинели, в гимнастерке и русских сапогах. Саянов сказал, что уезжает в Германию и пришел попрощаться со мной, обещал, когда вернется, рассказать о своих заграничных впечатлениях.

По возвращении из Нюрнберга Саянов рассказывал мне, что видел в Германии много почти полностью разрушенных бомбардировками городов и селений, война отразилась и на состоянии антикварно-книжной торговли, уменьшилось число букинистов, было закрыто много книжных магазинов. Пострадали и книжные богатства страны. Германия славилась в Европе своими колоссальными запасами всевозможных антикварных и других старых книг в изданиях от начала книгопечатания до нашего времени. Кладовые запасных фондов фирм Гирземана, Бера и других

в довоенное время ломились от избытка антикварных книг. Эти фирмы составляли обширные рекламные каталоги и рассылали их во многие страны мира для распространения накопившихся на складах изданий. Во время войны много книг сгорело, погибло от взрывов бомб и снарядов, было залито водой. Мировые запасы редкостных антикварных книг и рукописей сильно уменьшились.

Я познакомился с Виссарионом Михайловичем еще в двадцатых годах, когда он только начинал свою писательскую деятельность, и часто помогал ему в розысках материалов для его литературных работ. Иногда он заходил ко мне в магазин перед самым закрытием, я провожал его домой, и мы по пути долго беседовали. Он говорил мне, что со временем напишет что-нибудь о книжниках-букинистах и книжном мире — это ведь очень интересная тема.

За несколько недель до кончины Виссариона Михайловича я встретил его на Невском проспекте в очень плохом состоянии, он с трудом шел, опираясь на палку и волоча одну ногу. Говорил он с тяжелой одышкой, речь заплеталась. Я поздоровался с ним и шутя сказал, что он, наверное, не узнает меня. Он с улыбкой ответил: «Дорогой Петр Николаевич, я не только узнаю вас, но даже помню о таких подробностях из вашей жизни, о которых вы, может быть, и сами забыли» — и упомянул о нескольких фактах из моей трудовой биографии. Я был крайне удивлен этим. После нашей встречи на Невском за несколько дней до кончины В. М. Саянов заходил в Книжную лавку писателей и хотел меня видеть. Но, к моему огорчению, меня тогда не было на месте, и наша встреча на Невском оказалась последней.

В тридцатых—сороковых годах постоянно посещал букинистические магазины сын писателя Николая Семеновича Лескова Андрей Николаевич Лесков, автор замечательной книги воспоминаний «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям» (М., 1954).

Андрей Николаевич усердно собирал по букинистическим магазинам печатные и рукописные материалы о жизни и литературной деятельности своего отца в дополнение к обширному архиву, имевшемуся в его распоряжении. Я разыскал для Андрея Николаевича некоторые забытые издания произведений писателя, иллюстрации и рукописи. Обширная «Лесковиана», собранная Андреем Николаевичем, дала ему возможность завершить кропотливый труд биографа-исследователя. В 1935 году рукопись одобрил М. Горький, но по ряду причин она не была издана. Во время блокады Ленинграда рукопись погибла. В последние годы А. Н. Лесков снова принялся собирать материалы и работать над книгой. Он часто посещал книжные магазины, любил беседовать с букинистами и всегда рассказывал о различных эпизодах из жизни своего отца. Мне он часто высказывал опасения, будет ли когда-нибудь напечатана его книга. Однажды шутя он сказал: «Сочинить книгу—нужен талант, а чтобы издать ее—нужна гениальность». Потом добавил: «Вот, Петр Николаевич, издам книгу, преподнесу Вам первый экземпляр с автографом». А. Н. Лескову было тогда более восьмидесяти лет. Несмотря на свой преклонный возраст и одышку, которой страдал, он много трудился и производил впечатление вполне здорового человека. Увидеть свою книгу изданной ему не пришлось. Андрей Нико-

лаевич скончался в 1953 году, а книга вышла в 1954 году. И нет на полках моей библиотеки книги Андрея Николаевича Лескова с его автографом.

Сын писателя Алексея Николаевича Толстого, Никита Алексеевич, о котором я уже рассказывал выше, в тридцатых годах превратился в серьезного юношу и стал усиленно покупать всевозможные книги на русском и иностранных языках. Он покупал много книг на французском языке, который хорошо знал. С годами он все чаще и чаще стал посещать книжные магазины и завел знакомства со всеми букинистами Ленинграда и Москвы.

Н. А. Толстой — обладатель значительной и интересной библиотеки, насчитывающей до 5000 книг.

Библиофилам-книголюбам Ленинграда хорошо известен теплотехник профессор Леонид Владимирович Арнольд. Он более сорока лет собирает мемуары и книги по искусству, им тщательно подобраны литература по Петербургу — Ленинграду и различные издания по графике. У него много оригинальных гравюр, литографий и рисунков. Я бывал в доме Леонида Владимировича и видел его прекрасную библиотеку. Все книги в исключительной сохранности, многие из них в особых кожаных переплетах, есть малотиражные подносные и нумерованные экземпляры и книги с дополнительными сюитами гравюр и рисунков. Библиотека Арнольда насчитывает до десяти тысяч единиц.

Профессор Кораблестроительного института дважды лауреат Государственной премии Виктор Владимирович Ашик более тридцати лет собирает книги по русскому изобразительному искус-

ству и отчасти по западноевропейскому искусству. Им собрана почти исчерпывающая библиотека трудов по русскому искусству XX века, в нее входят всевозможные выставочные каталоги и все справочные издания, как-то: Морозова, Щукина, Булгакова, Кондакова и др. В библиотеке Ашика много малоизвестных провинциальных изданий, выпущенных в ограниченном количестве экземпляров. Есть книги с раскрашенными уже после выхода в свет иллюстрациями и различные литературные курьезы. Весьма интересно его собрание иллюстрированных сказок. Ашиком составлена также коллекция миниатюр и других художественных предметов.

Виктор Владимирович — внук Антона Антоновича Ашика, автора знаменитого исторического труда «Боспорское царство» и многих других научных работ, и сын Владимира Антоновича Ашика, известного своими исследованиями по медалям. Дед и отец Виктора Владимировича были в свое время большими библиофилами-книголюбами и обладали колоссальнейшими личными библиотеками. На книгах библиотеки Владимира Антоновича стоял штамп: «Эта книга взята из библиотеки Владимира Антоновича Ашика». Иногда и сейчас еще встречаются на букинистическом рынке старые книги с таким штампом, как правило, интересные и редкостные.

Старейший ленинградский собиратель, историк искусства, автор множества печатных трудов Петр Евгеньевич Корнилов еще в двадцатых годах принимал живейшее участие в деятельности Ленинградского общества библиофилов и Общества экслибрисистов. Петром Евгеньевичем собрана большая библиотека по изобразительному искусству на русском и иностранных языках.

В его собрании представлены дореволюционные издания и почти вся советская художественная иллюстрированная книга. Здесь есть монографии о художниках-графиках и живописцах, о скульпторах, литературные произведения с иллюстрациями известных мастеров, детские книги, всевозможные сказки, каталоги художественных выставок за период с двадцатых годов до нашего времени, провинциальные малотиражные издания. У П. Е. Корнилова имеется также разнообразная коллекция эстампов. На книгах его личной библиотеки можно увидеть оригинальные экслибрисы, выполненные талантливыми художниками-иллюстраторами. П. Е. Корнилов постоянно участвует в организации художественных выставок работ советских мастеров живописи и графики.

Страстный библиограф профессор Ленинградского горного института Сергей Ефимович Андреев пятый десяток лет собирает антикварные книги, гравюры, литографии и рисунки по старому Петербургу, научные труды и различные издания по изобразительному искусству. С помощью букинистов Сергей Ефимович составил за эти годы значительную библиотеку, книги которой отличаются изумительной сохранностью, многие из них заключены в великолепные переплеты работы известных мастеров переплетного дела — Ро, Шнеля, Мейера, Тарасова и др. При посещении магазинов С. Е. Андреев всегда охотно рассказывает букинистам о найденных им редкостных книгах, отмечает особенности того или иного старинного издания. Долго он охотился за старопечатной книгой XVII века — сочинениями Петра Могилы, наконец приобрел ее, но экземпляр оказался дефектным. Его это очень беспоко-

ило, и он всегда, когда заходил в магазин, начинал разговор с сочинений Петра Могилы. Однажды Сергей Ефимович заходит в магазин радостный и сообщает, что приобрел лучший экземпляр этой книги, а дефектный с убытком обменял на другую книгу. Денежные потери его не волновали, но если он не находил нужной книги, то сильно огорчался и долго переживал свою неудачу, в нем чувствовался подлинный библиофил.

Известный ленинградский художник-график Геннадий Дмитриевич Епифанов, заслуженный деятель искусств, впервые в советское время создал серию гравюр на дереве — иллюстраций к «Одиссее» Гомера. Его рисунки, над созданием которых Епифанов работал много лет, вызвали немало восторженных откликов как в нашей стране, так и за рубежом. Епифанов в течение многих лет собирает книги по искусству на русском и иностранных языках, а также иллюстративный материал. В его библиотеке, кроме множества прекрасных книг по искусству и комплектов иллюстрированных журналов, представлена коллекция всевозможных эстампов и рисунков известных русских и западноевропейских мастеров графики.

Писатель Леонтий Иосифович Раковский увлекся собирательством книг и исторических журналов еще в начале двадцатых годов, когда ему удалось приобрести некоторое количество интересных старых книг, среди которых оказались замечательные издания об Отечественной войне 1812 года и других событиях этого периода. Л. И. Раковский стал постоянно посещать букинистические магазины и лавки Ленинграда, Москвы и других городов. За время длительного общения с букинистами и антикварами он завел

с многими из них дружеские отношения, его уважают букинисты, часто разыскивают по его заказам всевозможные исторические материалы. В литературу Леонтий Раковский вступил в 1927 году. Рабочим издательством «Прибой» была выпущена его первая книга повестей и рассказов под названием «Зеленая Америка». В дальнейшем неоднократно издавались его исторические романы: «Генералиссимус Суворов», «Кутузов», «Адмирал Ушаков», «Изумленный капитан», повесть из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны «Константин Заслонов» и многие другие произведения. Л. И. Раковский — активный общественник. Им составлено многотысячное собрание книг, в его коллекциях альманахов и журналов есть интересные и ценные издания. Так, например, в его библиотеке имеется полный комплект не потерявшего до наших дней своего значения литературно-исторического журнала «Русская старина» за 1870—1918 годы.

Много лет собирал книги по искусству, иллюстрированные английские и французские издания XIX века эпохи романтизма критик-искусствовед Сергей Петрович Варшавский, автор книг «Эрмитаж», «Упадочное искусство Запада перед судом русских художников-реалистов» и др. Как вспоминал Сергей Петрович, он еще в свои школьные годы начал посещать с отцом, большим книголюбом, лавки и магазины букинистов и антикваров. Кроме множества монографий по графическому искусству, Варшавским собрана коллекция до 40 000 листов оригинальных гравюр и литографий многих мастеров мировой графики: Ж. Калло, Делла Белла, Ф. Гойи, Домье, Гаварни (Г. Шевалье), Пиранези, О. Фраго-

нара, Ф. Буше, Лепренса, Ж.-Ж. Буасье, Г. Гравело, Л. Дебюкура и др. Некоторые мастера представлены в коллекции С. П. Варшавского в полных сюитах.

Инженер-кораблестроитель Дмитрий Дмитриевич Корнилов с двадцатых годов собирает книги по искусству и литературе, описания русских усадеб и мемуары. В его библиотеке, насчитывающей около 60 000 книг, есть много провинциальных малотиражных изданий и литературных курьезов. Этот книголюб приобретает книги только в полной сохранности, для каждой из них делает особую обложку. В 1931 году он сочинил безыскусное стихотворение, посвященное библиофилу. В этом стихотворении есть следующие строчки:

Хотя карман твой и не пуст,
Но не заметно в нем излишка.
Ты забываешь про обед,
Тебе всего дороже — книжка.

Хоть книга старая совсем,
Но для тебя она — новинка,
Готов без хлеба ты сидеть,
Ее же купишь без заминки...

Старейший ленинградский библиофил Павел Викентьевич Губар неизменно посещает с давних пор букинистические магазины. Им собрана хорошая коллекция книг, гравюр, литографий и рисунков по старому Петербургу, альманахов XVIII—XIX веков, прижизненных изданий сочинений А. С. Пушкина и авторов его поры.

Известный литературовед, исследователь творчества Александра Блока и главный редактор «Библиотеки поэта» Владимир Николаевич

Орлов много лет собирает труды по литературоведению и философии, сборники стихотворений, мемуарную литературу, некоторые книги XVIII—XIX веков. В его библиотеке широко представлены произведения поэтов XX века, многие сборники стихотворений имеют автографы и дарственные надписи, встречаются малоизвестные провинциальные издания. Среди редкостей, имеющихся в этой библиотеке, есть следующие книги: «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков. Сочинения аббата де Мабли» (1773); «Купец Анатолийский. История Георгианская» (1779); Иван Пнин «Опыт о просвещении относительно к России» (1804). Последняя книга особенно интересна. Приверженец Радищева, поэт и публицист Иван Петрович Пнин смело высказывался за освобождение крестьян, всеобщее народное обучение и широкое просвещение. Его книга моментально разошлась, но вскоре последовало распоряжение о запрещении, и она не увидела второго издания.

С дореволюционных лет занимается собирательством книг известный ленинградский библиограф Юрий Алексеевич Меженко, принимавший после войны участие в организации при Ленинградском Доме ученых секции коллекционеров, работой которой он много лет руководил. Меженко коллекционирует и книжные знаки — экслибрисы. Он с давних пор интересуется жизнью и творчеством украинского поэта Тараса Шевченко, им собрано много книг, журналов, иллюстративного материала, вырезок из газет и журналов со статьями о поэте или его произведениях. Ю. А. Меженко привлекают карманные, малого формата книги, находившиеся в се-



Ю. А. Меженко

риях «Дешевая библиотека», «Всеобщая библиотека», «Универсальная библиотека», «Общедоступная библиотека» и в других подобных изданиях. У него имеются почти все книги этих серий. Меженко собрал также большое число трудов по библиографии, библиотековедению, книжной торговле, книговедению и полиграфии. В библиотеке Юрия Алексеевича насчитывается свыше 15 000 названий, среди которых встречаются уникальные книги, такие, например, как прижизненные издания сочинений Т. Г. Шевченко.

Около сорока лет собирает книги, гравюры, литографии, рисунки и автографы, связанные с музыкой и музыкантами, артист оркестра Малого оперного театра Иван Борисович Семенов. В его замечательном собрании есть «Театральный альбом» 1842 года, in folio, с прекрасными литографиями портретов композиторов, актеров, актрис и певцов, рисованных с натуры К. Брюлловым, П. Басиным, В. Тиммом и другими известными художниками. Это издание очень редко встречается в продаже, и мало у кого имеются экземпляры с полным количеством рисунков. Приобрести «Театральный альбом» — это мечта каждого серьезного библиофила. Я бывал в доме у Семенова и обозревал его оригинальное собрание. Комнаты его квартиры заполнены книгами по музыке и театру, на стенах висят гравюры, литографии, рисунки и выполненные масляными красками портреты композиторов и музыкантов. Квартира И. Б. Семенова напоминает маленький домашний музей. Об его коллекциях писали в газетах и была помещена интересная статья в сборнике «Музыкальный Ленинград» (1958).

Заслуженный артист РСФСР Юрий Михайлович Свирин в течение десятилетий собирает русские и иностранные книги по театру, изобразительному искусству и иллюстрированные издания XVIII—XIX столетий на французском и английском языках, а также гравюры, литографии и рисунки этого времени. Юрий Михайлович составил значительную и разнообразную коллекцию.

Ленинградский писатель Константин Иванович Коничев, автор биографических книг о художниках и архитекторах «Повесть о Верещагине», «Повесть о Федоте Шубине», «А. Н. Воронихин» и других, посещает магазины букинистов уже в продолжение четверти века. Он собрал значительное количество книг по эпохе Петра Первого, по русскому Северу и древним монастырям, сборников произведений устного народного творчества и научных трудов по фольклору, искусствоведческих работ и мемуарных произведений — всего свыше 4000 томов. К. И. Коничев имеет несколько книжных знаков, исполненных художниками-графиками: В. А. Меньшиковым в Ленинграде и Н. В. Железняком в Вологде.

Несколько десятков лет посещает букинистические магазины Ленинграда преподаватель-экономист, ныне пенсионер Сергей Михайлович Вяземский. Он собирает книги, документы, старинные гравюры, различные иллюстрированные издания по Петербургу — Ленинграду. С. М. Вяземский — энтузиаст-общественник, член секции коллекционеров Дома ученых, возглавляет совет содействия в Музее истории города Ленинграда. Сергей Михайлович собрал богатейшую коллекцию всевозможных материалов по истории города. Им составлено около 5000 справочных карто-

чек о Ленинграде. Я с большим восхищением осматривал его бесценные научные сокровища. Мне за всю мою длительную книжную практику ничего подобного видеть еще не приходилось. Свою коллекцию С. М. Вяземский решил передать Музею истории Ленинграда. Он не хочет допустить, чтобы то, что им собрано с большим трудом за многие годы, могло когда-нибудь распылиться и разойтись в разные места. Во время моих посещений квартиры Вяземского его очень часто вызывали по телефону и просили ответить на вопросы, связанные с историей города, отдельных улиц, домов и предприятий. Выслушав обратившегося к нему человека, Вяземский говорил: «Подождите минуточку» — и, посмотрев в своих материалах, давал моментально по телефону исчерпывающую справку. За справками к Вяземскому обращаются научные работники и преподаватели вузов, сотрудники редакций и музеев, журналисты и писатели. Они обычно оставляют свои записи в «Книге посещений», выражают признательность Вяземскому за помощь в работе.

Многие годы посещал букинистические магазины артист Академического театра драмы им. А. С. Пушкина А. С. Любош. Он любил природу, был страстным охотником и всю жизнь увлекался книгами по охоте. Любош собрал прекрасную библиотеку, состоявшую из книг на русском и иностранных языках по птицам, зверям, охотничьим собакам и рыбному спорту. Он рассказывал мне, что ему предлагали написать воспоминания о его долголетней артистической деятельности, но у него не лежит душа к этому. Вот об охоте он написал бы с большим удовольствием. И он осуществил свое намерение и напи-

сал две книги об охоте*. Потом Любош решил написать пьесу из колхозной жизни, выезжал для этого в деревню, наблюдал жизнь и труд колхозников, но пьесу так и не успел закончить.

Я часто посещал квартиру известного литературоведа доктора филологических наук профессора Василия Алексеевича Десницкого. Он был страстным библиофилом и лучшим в городе знатоком антикварной русской и иностранной книги. Я всегда заставал Василия Алексеевича в его рабочем кабинете за большим письменным столом, заваленным книгами и кипами диссертаций, на которые он должен был писать отзывы. Десницкий любил беседовать со мной, мы часто сидели с ним за традиционным старым самоваром, пили чай и делились книжными новостями. Василий Алексеевич рассказывал мне, как он приобретал свои раритеты и какие бывали при этом курьезы. Он часто снимал с полок и показывал мне уникальные издания и редкостные подносные экземпляры, говорил об особенностях русских и иностранных иллюстрированных изданий XVII, XVIII и XIX веков. Я в свою очередь рассказывал ему о событиях в букинистической торговле, какие интересные книги у нас появлялись и проходили. Он ведь всегда был очень занят и иногда подолгу не заглядывал в магазины. Василий Алексеевич скучал в это время и после перерыва с большим усердием бросался просматривать книги.

Я бывал у Десницкого еще в начале двадцатых годов, когда он жил с семьей в небольшом двухэтажном доме на нынешнем Кировском

---

* Любош А. С. Охотник из города. (Руководство для начинающих охотников). Л., 1947.

проспекте. Тогда он не имел еще такой обширной редчайшей библиотеки.

В. А. Десницкий посещал магазины букинистов в продолжение всего времени, к которому относится мое повествование. Последние годы он почти всегда находил для себя что-нибудь интересное в антикварном отделе «Академкниги». Он уже обладал прекрасным собранием уникальных книг, и угодить ему было трудно, но все же он покупал приглянувшиеся ему издания и был ими очень доволен.

Как-то раз Десницкий зашел в магазин, когда меня не было, и в ожидании решил порыться на полках с антикварными книгами. На одной из них он нашел книгу, которую разыскивал более пятнадцати лет, а она пролежала там тоже почти такой же срок, еще с тех времен, когда магазин принадлежал «Международной книге». Книга эта по непонятным причинам оставалась не замеченной Десницким, несмотря на частые его посещения.

Василий Алексеевич часто приглашал меня для покупки у него антикварных книг, он время от времени производил чистку своих фондов и отбирал для продажи, как он выражался, «отходы». Это были такие «отходы», которые с радостью приобретали не только искушенные собиратели книг и библиофилы, но и Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР, библиотеки Ленинградского университета и Государственного Эрмитажа.

В. А. Десницкий рассказывал мне, как он во время войны готовился к эвакуации, очень волновался и не мог представить себе, как рас-

станется со своими верными друзьями — книгами. Он плохо спал, ночью вставал и уходил в кабинет к шкафам с книгами, вынимал их одну за другой, любовался ими и ставил обратно на полки. После долгих раздумий и бессонных ночей он решил упаковать и взять с собой небольшой тючок самых заветных книг, так как на самолет много груза брать было нельзя. «Так я с этим тючком и путешествовал, а потом привез его обратно в Ленинград», — говорил Василий Алексеевич. Последний раз я посетил В. А. Десницкого ранней весной 1957 года, за полтора года до его кончины. Мы, как всегда, сидели за самоваром, и он с большим вниманием слушал мой рассказ об удачных находках раритетов. Василий Алексеевич уже побаливал и редко заходил в букинистические магазины. Он с грустью говорил мне: «Я вот сейчас, Петр Николаевич, не могу себе доставить такого удовольствия — посещать букинистов. А все из-за недомогания. Делал я доклад в Пушкинском доме, за спиной находилось окно, закрытое большой шторой, и в спину мне очень дуло. Я старался не прерывать доклада и терпел. После доклада посмотрел за штору, а там оказалась приоткрытая рама окна. И вот, Петр Николаевич, результат моего упущения, я прикован к дому и даже скрючен. Надо бы мне что-нибудь показать Вам, но не могу сейчас этого сделать, как видите, и поручить кому-либо тоже невозможно».

После этого мы с ним уже больше не виделись.

Бывал я и в скромной рабочей комнате писателя-реалиста и драматурга Глеба Викторовича Алехина, автора замечательного романа «Неуч»,

изданного в 1938 году, и широко известных драматических произведений. Во время Великой Отечественной войны Алехин находился в рядах Советской Армии и написал два очерка о воинах Ленинградского фронта — краснофлотце-разведчике Михаиле Козеко и лейтенанте В. Гомора. Эти очерки вошли в сборник «На рубежах Ленинграда», выпущенный Воениздатом в 1943 году в осажденном городе. Кроме очерков Алехина, здесь были напечатаны очерк Н. Тихонова «Подвиг», в котором рассказывалось о боевом подвиге молодого разведчика Ивана Кузьмича Суханова, стихотворение А. Прокофьева «Иван Суханов», стихотворение Джамбула «Ленинграду — городу Ленинских зорь» и произведения других авторов — бойцов и командиров Советской Армии, сражавшихся с фашистами на подступах к городу. Эта интересная книжечка, иллюстрированная портретами бойцов и командиров Советской Армии, роман Г. В. Алехина «Неуч» и другие его произведения с теплыми дарственными надписями украшают мою библиотеку.

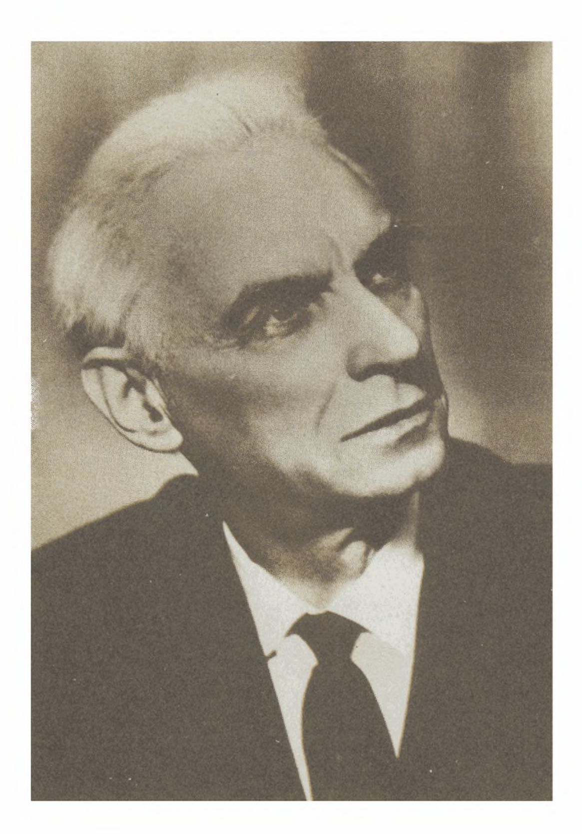
В малюсенькой комнатке — творческой лаборатории писателя, загроможденной от пола до потолка книгами на стеллажах, заваленной рукописями и всевозможными вспомогательными материалами,— Г. В. Алехиным создавался его большой роман — трилогия «Мертвые хватают живого» и другие прозаические и драматургические произведения. В квартире Глеба Викторовича свято хранится шкаф с книгами героини его романа «Неуч» — Белочки, первой жены писателя.

Г. В. Алехин — большой книголюб. Он в течение десятилетий собирает книги по философии и литературоведению, стихотворные сборники и мемуарную литературу.

Известный ленинградский писатель Леонид Ильич Борисов, поэт и прозаик, в 1922 году выступил в Петрограде со стихами «По солнечной стороне». В двадцатых годах его стихотворения печатались в журналах «Огонек», «Ленинград», «Зори», «Весь мир», «Жизнь искусства», «Записки Передвижного театра», в сборнике Ленинградского отделения Союза писателей и в других изданиях. В 1926 году вышла в свет сказка Борисова для детей «Глупая плита». В 1927 году издательство «Прибой» выпустило его роман «Ход конем», который пользовался успехом у читателей и принес автору известность. В дальнейшем издавались биографические повести и романы Борисова — «Под флагом Катрионы» (о Р.-Л. Стивенсоне), «Волшебник из Гель-Гью» (об А. Грине), «Жюль Верн», «Золотой петушок» (о Н. А. Римском-Корсакове) и др.

Л. И. Борисов усердно собирает книги, нужные ему для творческой работы, лучшие произведения советских писателей, поэзию, мемуары, научные труды по различным видам искусства. В его библиотеке насчитывается около 3000 томов. Он имеет личный художественный книжный знак, нарисованный художником-графиком В. П. Тиморевым. На экслибрисе изображен «ход конем» на шахматной доске, символизирующий первое значительное произведение автора, определившее его место в литературе.

Известный филолог профессор Ленинградского университета член-корреспондент Академии наук СССР Павел Наумович Берков собирает книги с начала двадцатых годов. Он составил обширную библиотеку, в которую входит более 30 000 названий научных трудов, брошюр, оттисков статей по литературе, театру, книговедению



П. Н. Берков

и библиографии. В его собрании хорошо представлена справочная биобиблиографическая литература. Свою библиотеку Павел Наумович создавал как рабочую, а не с библиофильской целью. Однако среди принадлежащих ему книг есть редкостные и замечательные издания. Таковы, например, «Примечания ко 2-му тому Русских драматических произведений 1672—1725 годов» или «Хронологический список русских сочинителей» П. А. Плетнева.

К шестидесятилетию со дня рождения Павла Наумовича, в 1956 году, Отделом печатных библиографических работ Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина был издан список его научных печатных трудов. В этот список вошли книги, статьи и рецензии П. Н. Беркова, а также его редакторские работы с 1925 по 1956 год.

Историк искусства Григорий Сергеевич Серый уже пятый десяток лет собирает книги по искусству, литературе, истории и библиографии. Он был знаком со многими старыми букинистами, посещал их лавки и магазины. В его собрании насчитывается около 10 000 томов замечательных книг, среди которых есть редкостные женевские, лондонские, берлинские издания на русском языке, которые в свое время были запрещены в России. В библиотеке Г. С. Серого имеются книги, выпущенные сразу после Великой Октябрьской социалистической революции.

Журналист Владимир Самойлович Гиль в течение тридцати лет коллекционирует иллюстративные материалы по истории русского балета, литературу по театру и изобразительному искусству. Собрание Гиля представляет собою подбор оригинальных фотопортретов артистов балета Мариинского театра, а затем Академического

театра оперы и балета им. С. М. Кирова в различных ролях и в жизни. В его коллекциях имеются портреты и других деятелей хореографии (балетмейстеров, композиторов, драматургов, художников, режиссеров, педагогов и даже балетоманов), фотографии и рисунки сцен и мизансцен из спектаклей с 1850 по 1960 год. В. С. Гилем собрано свыше 20 000 экземпляров таких материалов, среди которых преобладают фотографии современных деятелей хореографического искусства. Есть некоторое количество гравюр, рисунков, программ, негативов, газетных и журнальных вырезок. В этом собрании особенно полно представлены выдающиеся деятели русского и советского балета. Так, фонд А. П. Павловой насчитывает 500 сюжетов, Т. П. Карсавиной — 200, О. О. Преображенской — 140, Г. С. Улановой — 1200, Н. М. Дудинской — 700, К. М. Сергеева — 800 и многих других. Весьма ценным является подбор фотографий по первым постановкам таких балетов, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Раймонда», «Жизель», «Дон-Кихот», «Корсар», «Баядерка», «Эсмеральда», «Конек-горбунок», и других, а также по эволюции постановок этих же балетов в последующие годы. Иконографическая коллекция В. С. Гиля отражает историю балета за 110 лет, дает возможность наглядно проследить развитие русского хореографического искусства во второй половине XIX века, когда оно приобрело мировое признание, и в первой половине XX века, когда русский и советский балет завоевал абсолютное первенство в мире. Многие фотографии являются уникальными, они снабжены автографами. Собрание систематизировано по персоналиям. Часть материалов каталогизирована.

По отзывам историков балета Ю. Слонимского, В. М. Красовской и многих выдающихся деятелей хореографии, это собрание не имеет себе равных ни в государственных, ни в частных коллекциях.

Преподаватель Военно-морской академии им. акад. А. Н. Крылова полковник Александр Александрович Тимофеев уже много лет собирает художественную литературу, главным образом переводную, выпущенную издательствами Л. Ф. Пантелеева, П. П. Сойкина, «Никитинские субботники», «Academia», «Мысль», «Петроград», «Зиф», «Книжные новинки» и некоторыми другими. Книги в его библиотеке распределены по странам Западной и Центральной Европы, Северной и Латинской Америки. Имеются у него также книги по русскому искусству и справочная литература по живописи.

А. А. Тимофеев собрал хорошую коллекцию документов, воззваний, плакатов, журналов, газет-однодневок и других революционных изданий 1905—1907 годов, периода столыпинской реакции, дней Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций. Особенно интересны брошюры «Искры», издававшиеся на русском языке в Женеве, и первомайские дореволюционные листовки. Есть у него значительное количество листовок, памяток, наказов и прочих материалов, печатавшихся на кораблях Военно-Морского Флота СССР в годы Великой Отечественной войны.

Старейший деятель русской кинематографии, актер и режиссер, народный артист Советского Союза Владимир Ростиславович Гардин был также и старейшим ленинградским книголюбом, который начал посещать лавки букинистов еще в дореволюционные годы. Гардин собирал книги

по кинематографии, театру, изобразительному искусству, философии, мемуарные произведения, русскую и переводную художественную литературу. В библиотеке Гардина почти с исчерпывающей полнотой представлена зарубежная литература, особенно французские авторы в советских изданиях двадцатых — тридцатых годов. В его коллекции имеются также гравюры, литографии, рисунки и акварели. Среди них много оригинальных эскизов и набросков Бориса Михайловича Кустодиева и других русских и советских художников.

Мы с Гардиным дружили с давних пор, я много помогал ему в розысках необходимых для его творческой работы книг, консультировал по книжным делам и сам часто обращался к нему за советами при оценке рисунков, в которых он хорошо разбирался. Вот один из его автографов на подаренной мне книге: «Дорогому Петру Николаевичу на добрую память о многих годах знакомства на любимом книжном фронте. С лучшими пожеланиями здоровья и успехов! Приветствую и благодарю за частую помощь советом и выбором книги. Ваш Вл. Гардин. 6 II 1952 г.».

У Гардина была значительная коллекция китайского фарфора и фаянса, он считался большим знатоком и в этой области.

Я часто бывал в доме Гардиных. За чашкой чая мы вели беседы на библиофильские темы и о коллекционировании картин; в беседах часто принимала участие супруга Владимира Ростиславовича Татьяна Дмитриевна, которая также неплохо разбиралась в живописи. В. Р. Гардин перенес тяжелый паралич и был надолго прикован к постели. Однажды я зашел навестить его и застал сидящим в кресле-коляске. От Татьяны Дмитриевны узнал, что врачи не разрешили ему

выехать на дачу, не позволяют даже выходить в Таврический сад, хотя он жил поблизости и любил там прогуливаться. Я пробовал завести беседу с Владимиром Ростиславовичем, но ничего не получилось, он, видимо, меня не узнал, и разговор не клеился. «Все кончено,— подумал я.— Потерян интересный собеседник и друг». Спустя некоторое время я опять зашел к Гардиным, чтоб узнать о состоянии здоровья Владимира Ростиславовича. Вошел в комнату и увидел, что он сидит на кровати, обложенный подушками. Меня он сразу узнал и встретил на этот раз с распростертыми объятиями и доброй улыбкой. Он очень крепко пожал мне руку, так, что я даже почувствовал боль, а ему в то время было уже под восемьдесят. Он засыпал меня вопросами о литературных делах, о выпуске новых книг, об интересных книжных находках у букинистов и антикваров. Я рассказал ему, что знал о встречах в среде библиофилов и какие у них были в это время интересные приобретения.

В конце сороковых годов были изданы «Воспоминания» Владимира Ростиславовича Гардина в двух томах*. Затем появились книги о нем самом и о его многолетнем труде в искусстве**.

---

* Гардин В. Р. Воспоминания. М.: Госкиноиздат, 1949—1952. Т. 1. 1912—1921. 1949 (с ил.); Т. 2 / При участии Т. Д. Булах-Гардиной; Под общ. ред. и с предисл. С. С. Кара. М., 1952 (с ил. и портр.).

** Ждан В. 1) Народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин. М., 1951 (с ил. и портр. на обл.); 2) В. Р. Гардин. Жизнь и труд артиста. М.: Искусство, 1960 (с ил.).

Среди ленинградских собирателей-книголюбов часто можно встретить известного поэта и переводчика Всеволода Александровича Рождественского. У букинистов он обычно подбирает литературу, необходимую ему для творческой работы в области поэзии и переводов. На книгах его личной библиотеки имеются художественные экслибрисы. Один из них нарисован художником Борисом Васильевичем Дмитриевым. На книжном знаке изображены античные развалины, на которых полулежит поэт-романтик с книжкой стихов в руках; на заднем плане — эрехтейон афинского Акрополя. Вьющийся вокруг колонны плющ символизирует жизнь среди руин. Здесь отчетливо видно сочетание классической и романтической традиций, характерное для творчества самого поэта. Другой рисунок сделан художником Сергеем Михайловичем Пожарским. На книжном знаке изображена ваза из диорита в Летнем саду. Простотой и благородством своих очертаний она отвечает духу русской поэзии XIX века. Ваза напоминает о Петербурге, городе, популярном в поэзии акмеистов, к которым был близок в молодости владелец книжного знака. Этот экслибрис предназначался для книг по теории и истории поэзии и для стихов.

Я бывал в рабочем кабинете поэта и всегда заставал его погруженным в труд среди любимых книг, лежащих на письменном столе, и пачек рукописей, присланных для отзывов и рецензий. Всеволод Александрович охотно отрывался от своих занятий для бесед со мной, длившихся иногда часами.

В. А. Рождественский не только автор поэтических произведений, но и мемуарист, который красочным языком большого мастера рассказы-

вает о своей жизни, о семье, о том, как он сделался поэтом. Особенно интересны его воспоминания о встречах со многими писателями-современниками в Царском Селе — Пушкине, в Петербурге — Ленинграде и в других городах. Я с наслаждением читал его мемуары еще до выхода в свет, в верстке, с корректурными исправлениями и пометками автора.

Всеволод Александрович переживал немало радостных минут, когда находил у букинистов ту или иную необходимую ему для работы книгу. Он глубоко, душевно понимает важность и культурное значение букинистической торговли для общества. Большой любовью к труженикам-букинистам проникнуто его стихотворение «Старые книжники»*, которое воспроизведено на помещенной в тексте фотографии с автографа.

Собиратель книг по русской военной истории военно-библиотечный работник Роман Шарлевич Сот с детских лет увлекался историей войн и жизнеописаниями русских полководцев, прежде всего Суворова и Скобелева. В начале двадцатых годов Р. Ш. Сот начал усиленно собирать научную военно-историческую литературу и продолжает этим заниматься по сие время. Он автор большого военно-исторического труда и составитель

---

* Стихотворение Всеволода Рождественского «Старые книжники» впервые было опубликовано в газете «Вечерний Ленинград» 20 сентября 1960 г. После выступления на Всесоюзном совещании книжных работников в Москве в июле 1960 года Н. П. Смирнова-Сокольского, который прочел присутствующим это стихотворение по рукописи, оно было напечатано также в посвященном совещанию сентябрьском номере журнала «Советская книжная торговля» за 1960 год.

нескольких библиографических указателей литературы по военной истории. Сот — обладатель большой личной библиотеки, состоящей из книг по истории войн, биографий полководцев, истории возникновения и формирования армий, дивизий и полков. В библиотеке Сота есть энциклопедии, различные справочники по военной истории и военному искусству. Количество книг в его собрании достигает 5000 томов. Эта библиотека — единственная в Ленинграде по полноте собранных в ней военно-исторических трудов.

Страстным собирателем и большим знатоком русской антикварной книги и древнерусских рукописей является геолог Всеволод Александрович Крылов. Познакомились мы с ним на почве книжных дел. В беседе со мной он как-то сказал: «Петр Николаевич, вам можно позавидовать, вы работаете на таком благородном фронте, как книжный, да еще имеете дело со старыми антикварными книгами. Ведь ваш труд должен быть усыпан розами, вы в почете у культурной части нашего общества. Я с большим удовольствием поработал бы так же, как вы». Он осуществил свое намерение. В середине сороковых годов Крылов некоторое время работал со старой книгой в библиотечном коллекторе Ленокогиза. После увольнения из коллектора Всеволод Александрович заходил ко мне и, смеясь, говорил: «Помните, Петр Николаевич, я думал, что ваш трудовой путь усыпан розами, а когда поработал сам, то не увидел никаких роз, а только натыкался все время на шипы и шипы, да какие еще шипы!». После этого неудачного опыта он отправился в экспедицию по своей прежней специальности.

У Крылова собрана интересная библиотека, состоящая из русских книг в изданиях XVIII —

XIX столетий и старинных рукописей. Им подобрана хорошая коллекция иллюстрированных сказок дореволюционных и современных изданий. О его собрании русских рукописей говорится в труде В. И. Малышева «Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов»*. В своем обзоре В. И. Малышев приводит сведения и о рукописных собраниях многих других ленинградских коллекционеров: Ф. А. Каликина, В. Ф. Груздева, В. А. Десницкого, Ф. М. Морозова, В. И. Цветкова, Е. А. Мезенцева, С. Г. Тимофеева и И. М. Карпова.

Литературовед профессор Илья Александрович Груздев, автор многих книг о А. М. Горьком, собрал с помощью букинистов большую интересную библиотеку по искусству, литературоведению, художественной и мемуарной литературе в изданиях XVIII—XX веков. Я бывал в доме у Груздевых и видел это замечательное собрание книг и журналов. Выезжал я к нему и на дачу в Ушково, где он арендовал маленькую хибарку в живописной местности, вблизи побережья Финского залива. Возле дома Груздевых был небольшой огород с несколькими грядками овощей и клубники. За ними любила ухаживать заботливая супруга Ильи Александровича — Татьяна Дмитриевна. Последние годы своей жизни Илья Александрович очень хворал и плохо ходил. Както летом, будучи вблизи Ушкова, я зашел навестить И. А. Груздева и занес ему книги, которые он разыскивал. День был теплый, солнечный, я застал Илью Александровича сидящим на стуле недалеко от дома, он смотрел, как сушат

* Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 455—468.

и скучивают сено. Аромат от свежего сена был опьяняющий. Груздев в то время выглядел свежо, был бодр, сильно загорел, но ноги плохо ходили и руки не совсем ему повиновались.

Писатель Евгений Александрович Федоров, автор большого романа «Каменный пояс» и многих других произведений, более тридцати лет собирал книги по Западной Сибири и Уралу, мемуары, исторические и литературные материалы. Мне часто приходилось разыскивать для него различные книги. Е. А. Федоров собрал прекрасную библиотеку. Последние годы Евгений Александрович интересовался литературой о гражданской войне и книгами, связанными с историей заводов и фабрик Петербурга — Ленинграда. Когда я бывал у Евгения Александровича дома, в его рабочем кабинете, он всегда рассказывал мне много интересных историй, говорил о том, как создавал свои литературные произведения и какие в его жизни случались курьезы. Показывал мне кипы писем, которые он получал от читателей из различных городов и местностей, и говорил мне: «Вот, Петр Николаевич, вы видели эту массу писем, признаюсь вам, что нет никакой физической возможности всем аккуратно отвечать. Этим заняты все члены моей семьи, но я ведь должен это раньше сам обдумывать, голова-то одна. И новой литературной работы намечено немало».

Инженер-кораблестроитель Сергей Николаевич Быстров, ныне вышедший на пенсию, несколько десятков лет собирает антикварные книги и древнерусские рукописи. У него имеется несколько тысяч интересных и редкостных книг и некоторое количество рукописей. Недавно С. Н. Быстров передал Публичной библиотеке

в Ленинграде наиболее важные рукописи и расстался с некоторыми антикварными книгами из своего собрания. Сергею Николаевичу иногда попадались плохо сохранившиеся старые книги. Он со страстью настоящего книголюба старался их не упускать, боясь, что лучший экземпляр может ему и не встретиться. Быстров занимался реставрацией утраченной части старинного текста и делал это с большим искусством. Он владел древнеславянской каллиграфией настолько хорошо, что трудно было отличить подлинный текст от им написанного.

Время от времени посещал букинистов старый петербургский книголюб Николай Алексеевич Соколов, автор замечательного библиографического труда о произведениях Ф. М. Достоевского* и многих статей, печатавшихся в различных периодических изданиях и сборниках. Еще до революции им был составлен «Краткий обзор архива Петербургской духовной академии», для которого ему пришлось описать и систематизировать все хранящиеся там материалы. Николай Алексеевич работал в прошлом вместе с известным петербургским критиком, историком литературы и библиографом С. А. Венгеровым. Н. А. Соколов — специалист по древнерусским рукописям. В настоящее время он работает в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыко-

---

* Соколов Н. А. Библиография Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский. Л., 1925. Сб. 2.— Этот труд представляет собою продолжение известного «Библиографического указателя сочинений и произведений искусств, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского», составленного А. Г. Достоевской (Спб., 1906).

ва-Щедрина, в которой находится описанный им архив Петербургской духовной академии.

Оптик, научный сотрудник Государственного оптического института им. С. И. Вавилова Вячеслав Игнатьевич Пясецкий подыскивал у букинистов книги по фарфору, нумизматике, изобразительному и сценическому искусству и музыке. Это был старейший петербургский коллекционер и очень своеобразный человек. Он составил коллекцию старинных монет, фарфора, эстампов и всевозможных каминных музыкальных часов. Пясецкий увлекался также игрой на скрипке и как любитель многие годы изучал историю старинных скрипок и мастеров, их создавших. Он рассказывал, что в начале девятисотых годов был в доме у адмирала А. П. Кашерининова, где лежало на рояле семь скрипок Страдивариуса, и пробовал играть на одной из них. Интересовала Вячеслава Игнатьевича и астрономия, у него был большой телескоп. Иногда в ясную погоду он вывозил телескоп на воздух в укромное место, где и вел наблюдения за ночным небом или, как он выражался, «беседовал со звездами и планетами». Когда Пясецкий отправлялся отдыхать в Крым или на Кавказ, он изредка брал с собой телескоп, чтоб наблюдать звездный мир, находясь в горах.

Вячеслав Игнатьевич любил развлекать гостей игрой своих музыкальных часов, которые заводил одновременно. Слышались чудесные мелодии, гармоничный перезвон, часы исполняли целые небольшие музыкальные произведения.

Пясецкий часто рассказывал мне о своей долгой, интересно прожитой жизни. Ему в то время было уже более 85 лет, но он держался бодро, всегда всем интересовался, мало пользовался

транспортом и совершал большие переходы пешком, несмотря на непогоду. Как-то я сообщил ему о книге, которую он разыскивал. Пясецкий не заставил себя долго ждать и немедленно явился в магазин на Невском проспекте; пришел он туда пешком с Карповки, в ненастье.

Я уговаривал В. И. Пясецкого начать записывать свои воспоминания, он меня послушал и начал работать над мемуарами.

Профессор-геолог Ленинградского университета Павел Алексеевич Шильников большой книголюб. Он усердно собирает книги не только по своей специальности, но и по многим другим вопросам. У него почти с исчерпывающей полнотой представлены серьезные труды по библиографии. Бывало, Павел Алексеевич зайдет в букинистический магазин и, как всегда, с милой улыбкой спросит: «Что новенького из старенького приготовил мне Петр Николаевич?» Он просмотрит все, от первого шкафа до последнего, и обязательно отберет несколько десятков книг, брошюр и оттисков. Так он обойдет все магазины. Павел Алексеевич очень любил приобретать мелкие книги и относился к ним с большим уважением. Покупал он и солидные монографии, если это были особенно нужные ему труды. Он говорил, что большую книгу трудно прочесть, а брошюры и оттиски он прочитывает, ведь в них содержится самое основное из того, что знает сам автор.

В Ленинграде время от времени устраивались выставки книг, журналов, альманахов, гравюр, литографий и рисунков из коллекций библиофилов и собирателей. Образцы редкостных изданий демонстрировались в Домах культуры, в Доме писателя им. В. В. Маяковского, в Доме ученых и в других местах. В конце тридцатых годов

в Доме писателя были выставки антикварной книги из собраний видных ленинградских библиофилов: В. А. Десницкого, В. Я. Курбатова, В. П. Исакова, С. Л. Маркова и др. Внимание посетителей привлекли первые прижизненные издания сочинений А. С. Пушкина, «Евгений Онегин», отпечатанный отдельными главами в обложках, уникальные издания «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайского фонтана» и «Бориса Годунова», «Мертвых душ» и «Ревизора» Н. В. Гоголя, стихотворений М. Ю. Лермонтова, сочинений других русских авторов первой половины XIX века. Были представлены иллюстрированные французские книги XVIII века с гравюрами прославленных мастеров: Франсуа Буше, Антуана Ватто, Оноре Фрагонара, Гюбера Гравело, Жана Лепренса и многих других. Демонстрировались именные и подносные экземпляры, предназначенные для знатных вельмож и особ, с приложениями дополнительных сюит гравюр и рисунков знаменитых художников, особо для этого случая исполненных и заключенных в уникальные, цветной кожи, переплеты со всевозможными, тисненными золотом украшениями работы переплетчиков-художников XVII—XIX столетий. Известный критик-литературовед профессор Н. К. Пиксанов представил на выставку различные издания «Горя от ума» А. С. Грибоедова и рукописные списки этого сочинения. Историк литературы Г. А. Гуковский показывал редкостные русские и французские издания XVIII—XIX веков.

К 110-летию со дня смерти А. С. Пушкина и к 150-летию со дня его рождения (1947—1949) членом правления Пушкинского общества библиофилом Сергеем Николаевичем Жарновским

была смонтирована на восьми стендах-ширмах передвижная выставка, посвященная жизни и творчеству поэта. Выставка состояла из репродуцированных и скопированных документов, автографов, рисунков, фотографий, гравюр, портретов, иллюстраций к книгам и копий картин, хранящихся в центральных государственных музеях и библиотеках. В ней было восемь отделов: 1. Детство и Лицей (1799—1817); 2. Петербургский период (1817—1820); 3. Ссылка на Юг (1820—1824); 4. Ссылка в Михайловское (1824—1826); 5. Декабристы и Пушкин; 6. Годы странствований (1826—1830); 7. Петербургский период (1830—1836); 8. Последние дни Пушкина (1837). Выставка существовала с 1947 по 1949 год и поочередно находилась во Дворце культуры им. С. М. Кирова, во Дворце культуры им. М. Горького, в Доме культуры промкооперации (ныне Дворец культуры им. Ленсовета), в Оперной студии Ленинградской консерватории, во многих районных Домах культуры и заводских клубах. Для посетителей выставки читались лекции и доклады о творчестве Пушкина, иногда устраивались музыкально-вокальные вечера и концерты. Был издан художественный проспект выставки, печатались художественные афиши и пригласительные билеты. Все это осуществлялось Пушкинским обществом, а руководил работой и давал советы энтузиаст-пушкинист С. Н. Жарновский. При его участии еще в двадцатых годах начались восстановление и реконструкция дома и последней квартиры А. С. Пушкина на набережной Мойки в доме № 12. С. Н. Жарновский в то время был вице-председателем совета Общества «Старый Петербург», учрежденного для охраны, изучения и популяризации художественных

ценностей города и его окрестностей. Общество проводило художественные и исторические экскурсии по достопримечательным местам Ленинграда и пригородов.

В 1925 году, когда дом на Мойке и пушкинская квартира были переданы в ведение Пушкинского кружка Общества «Старый Петербург», они находились в крайне запущенном состоянии. Там жили беженцы с Поволжья, которые приехали сюда в 1921 году, спасаясь от голода. В квартире Пушкина до революции помещалось даже жандармское охранное отделение, и ничего, напоминавшего о поэте, там не сохранилось. У С. Н. Жарновского имеются документальные фотографии, по которым видно, в каком состоянии находились дом и квартира поэта до восстановительных работ и после их завершения, когда была открыта Мемориальная квартира-музей А. С. Пушкина.

В юбилейные дни 1949 года, посвященные 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Ленинградском Доме ученых секция коллекционеров открыла интересную выставку, на которой были представлены книги и графические материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта. Выставка имела следующие разделы: I. Пушкинское литературное наследие (прижизненные издания сочинений писателя, издания его сочинений в дореволюционное время и в послеоктябрьские годы); II. Литература о жизни, творчестве и гибели Пушкина; III. Пушкиниана (библиография и справочные материалы о Пушкине); IV. Пушкинская иконография (портреты Пушкина, его родных, близких друзей и современников, портреты декабристов); V. Пушкинские памятные места и Пушкинский заповедник; VI. Пушкин-

ский Петербург; VII. Отражение жизни, творчества и гибели Пушкина в произведениях искусства (живопись, скульптура, графика, музыка, бытовое и народное искусство, полиграфия). На выставке были представлены экспонаты из собраний ленинградских библиофилов и коллекционеров: почетного члена секции В. А. Десницкого; членов секции — Б. А. Вилинбахова, О. Э. Вольценбурга, И. А. Камышко, М. С. Лесмана, Ю. А. Меженко, Е. А. Румянцева, Д. В. Робинсона, И. Б. Семенова, Н. С. Тагрина, Н. З. Цигера; коллекционеров и художников — А. А. Войтова, В. М. Измайловича, И. И. Кареля, П. Е. Корнилова, С. Л. Маркова, В. Д. Семеновой-Тян-Шанской, А. Г. Шибанова.

Были и другие выставки, организованные собирателями книг, которые приурочивались к юбилеям видных революционеров, писателей, ученых, артистов, художников, композиторов и многих иных деятелей культуры.

Как известно, в начале XIX века было издано очень мало детских книг, в XVIII веке их выходило еще меньше. Оживление с выпуском этих книг наметилось лишь во второй половине прошлого столетия, когда начал свою издательскую деятельность Маврикий Осипович Вольф. Он выпускал детские иллюстрированные книги русских и зарубежных авторов, журналы для юных читателей всех возрастов. XX век дает уже подлинное изобилие разнообразнейших детских книг, в большинстве своем хорошо иллюстрированных. Книги зачитывались и рвались их маленькими хозяевами, так что на букинистическом рынке детских книг всегда встречалось очень мало. В Ленинграде есть несколько собирателей, которые разыскивают для своих коллекций только

детские книги, журналы и альманахи в изданиях XVIII—XX веков.

Из Москвы в ленинградские букинистические и антикварные магазины часто приезжали собиратели-энтузиасты. Среди них были профессор Евгений Владимирович Михальцев, профессор Григорий Ильич Маньковский, разыскивавший литературу по фольклору и истории наук, драматург и критик Николай Дмитриевич Волков, вице-президент Академии педагогических наук профессор Алексей Иванович Маркушевич, автор многих математических трудов, народный артист РСФСР и Таджикской ССР Борис Михайлович Тенин и, как уже сказано выше, народный артист РСФСР Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Последний из названных книголюбов посещал букинистические магазины Ленинграда в продолжение всего времени, когда я работал в книжной торговле; я помню его первые, еще робкие шаги как собирателя в начале двадцатых годов. На моих глазах он вырос в знатока-библиофила, а потом и в известного библиографа. Н. П. Смирнов-Сокольский — автор многих литературно-библиографических статей, печатавшихся в советских газетах и журналах, и нескольких мемуарно-книговедческих работ. Я бывал у Николая Павловича и видел его обширное собрание книг, сборников, альманахов и журналов в изданиях XVIII—XIX столетий.

Часто приезжал в Ленинград и московский букинист, собиратель автографов Эммануил Филиппович Ципельзон. Он занимается коллекционированием автографов еще с двадцатых годов. В его библиотеке насчитывается около 3000 книг с дарственными надписями авторов, а также много рукописей неопубликованных произведений,

документов, писем известных литераторов, артистов, государственных и общественных деятелей и пр. Я видел коллекцию автографов Эммануила Филипповича. Она у него тщательно систематизирована, письма и документы находятся в конвертах и распределены по эпохам и авторам. На всю коллекцию составлены описательные каталоги. Эту сложную библиографическую работу осуществил в основном сам Эммануил Филиппович. Ему помогала в кропотливом труде его жена Софья Александровна. Э. Ф. Ципельзон опубликовал много описаний автографов из своего собрания и других статей на книжные темы, помещенных в различных газетах и журналах.

Жены собирателей и библиофилов обычно не любят, когда их мужья тратят много денег на покупку книг. Но мужья не в состоянии погасить в себе эту страсть и стараются приспособиться к обстоятельствам так, чтобы их покупки проходили более безболезненно... Одни стирают цены: купив книгу за 100 рублей, ставят на ней «10 рублей», другие приобретенные ими дорогие многотомные издания приносят домой по одному, по два тома, дабы они не бросались в глаза строгому стражу бюджета — жене. Иные закидывают пакеты с книгами между дверей, при входе в квартиру. Один собиратель был очень занят и долгое время не водворял книги на полки своей библиотеки. Жена его случайно обнаружила между дверей много пакетов с книгами. Произошла драматическая сцена. Уличенному собирателю пришлось придумывать новый способ доставки купленных книг на квартиру. Несмотря на все препятствия, собрания книг таких любителей-библиофилов росли и росли.

Одна вдова, у которой я покупал книги, рассказывала о своем муже, страстном библиофиле: «Как я его, бедняжку, часто „пилила“ за то, что он очень увлекался книгами. Только это не помогало, книг у него в библиотеке становилось все больше, и теперь они мне самой пригодились. Я ведь совсем нетрудоспособная, время от времени продаю букинистам оставшиеся от мужа книги и имею некоторое подспорье на старости. Почему я не продаю всю библиотеку сразу? Мне все-таки тяжело расставаться с книгами, ведь это память о моем муже, да и я сама полюбила книги».

В последние годы сильно расширились ряды книголюбов из среды студентов, рабочей молодежи и молодых научных работников. Они чаще всего собирают книги по своей специальности или обзаводятся сочинениями классиков и произведениями советских писателей. Многие молодые библиофилы интересуются книгами по изобразительному искусству, театру, музыке, балету, спорту, шахматам и пр.

После Великой Отечественной войны через мои руки прошли редкостные материалы и книги. Особенно интересной была коллекция прижизненных изданий сочинений А. С. Пушкина. Встречались мне также письма и произведения русских писателей и поэтов XVIII, XIX и XX веков с автографами. Можно назвать имена К. Рылеева, М. Лермонтова, Т. Шевченко, А. Чехова, А. Куприна, А. Блока и многих других выдающихся деятелей нашей литературы. Мне удалось приобрести и передать Пушкинскому дому автограф А. С. Пушкина «Замечания на издание Энциклопедического словаря Плюшара». Большой находкой были рукописи: «Дневник декаб-

риста Раевского», «Материалы следственной комиссии о декабристах». Нередко встречались рукописные книги с миниатюрами XIV—XV веков, инкунабулы, альды, эльзевиры—все они переданы в Библиотеку Академии наук. Для Государственного Эрмитажа была приобретена полная сюита оригинальных гравюр XVIII века испанского художника Гойи, серия «Каприччио». Увражи оригинальных изданий XVI—XVIII столетий Витрувия, Палладио, Пиранези, Кваренги, Тома Томона с гравюрами поступили в Академию архитектуры. Изредка удавалось обнаружить и первопечатные книги. Замечательным приобретением послевоенных лет была Острожская библия, изданная Иваном Федоровым в конце XVI века. Были и другие книжные находки, перечислять которые слишком сложно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Судьбы библиотек ленинградских книголюбов в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах

Терпеливыми собирателями книг по русскому и западноевропейскому искусству были видные искусствоведы: Д. А. Шмидт, О. Ф. Вальдгауер и С. П. Яремич. Составленные ими колоссальные книжные собрания впоследствии влились в фонды библиотеки Государственного Эрмитажа. Библиотека профессора Д. А. Шмидта поступила в эрмитажную библиотеку в 1934 году, библиотека профессора О. Ф. Вальдгауера — в 1935-м и библиотека С. П. Яремича — в 1939 году.

Не совсем обычным был жизненный и научный путь Степана Петровича Яремича. Сын украинского крестьянина, Яремич воспитывался в семье художника Ге и все время находился в кругу художников и знатоков искусства. Он встречался с художником А. Н. Бенуа, автором трудов: «История живописи всех времен и народов», «Царское Село в царствование Елизаветы Петровны» — и многих других интересных исследований. С. П. Яремич не получил специального искусствоведческого образования, но среда, в которой он жил, увлеченность искусством и непрестанный труд обогатили и расширили его знания. Яремич оказался талантливым искусствоведом

и художником. Он долгое время был художественным экспертом Эрмитажа и считался одним из наиболее авторитетных историков искусства. С. П. Яремич собрал новые данные по истории Петербургской академии художеств, обнаружил много неизвестных ранее материалов, касающихся жизни и творчества художников XVIII века. В 1924 году, по поручению Российской академии истории материальной культуры, Комитет популяризации художественных изданий приступил к подготовке фундаментального труда под названием «Русская академическая художественная школа в XVIII веке». Для намечавшегося издания в основном были использованы материалы С. П. Яремича. Авторы работали над текстом в продолжение многих лет. Их труд был доведен до конца уже после того, как Комитет популяризации художественных изданий прекратил свою деятельность в начале тридцатых годов. «Русская академическая художественная школа в XVIII веке» вышла в свет лишь в 1934 году в серии «Записки Государственной академии истории материальной культуры», но на титуле этого издания имя С. П. Яремича не указано.

Степан Петрович был большим книголюбом, собрал замечательную библиотеку русских и иностранных книг по искусствоведению. Усердно коллекционировал он и гравюры, литографии и рисунки, все это после его кончины поступило в библиотеку Эрмитажа. Директор библиотеки О. Э. Вольценбург заказал эрмитажному художнику М. В. Ушакову-Поскочину экслибрис и распорядился наклеить его на все книги личной библиотеки С. П. Яремича. Часть книг этой библиотеки, оказавшихся ненужными Эрмитажу, была снабжена погасительными штампами и пущена

в продажу. Букинистам сейчас еще попадаются книги с экслибрисом С. П. Яремича и погасительным штампом библиотеки.

В 1939 году академиком А. И. Тюменевым была передана в архив Эрмитажа коллекция репродукций с картин и рисунков иностранных художников в количестве около 30 000 листов, в которую входили и вырезки из различных газет и журналов. Эту коллекцию собирал отец академика, И. Ф. Тюменев, в продолжение сорока лет, начиная с семидесятых годов прошлого века. И. Ф. Тюменевым была в свое время куплена библиотека писателя Николая Семеновича Лескова, которую он, а затем его сын значительно пополнили не только всевозможными книгами на русском и иностранных языках, но и гравюрами, рисунками и литографиями. Библиотека Тюменева имела отделы русской и всеобщей истории, социально-экономических наук, географии, этнографии, фольклора, истории литературы, изобразительного искусства, театра, музыки, художественной литературы и др. Эта колоссальнейшая библиотека впоследствии распродавалась вдовой А. И. Тюменева различным лицам и организациям. Значительная часть книг была приобретена Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Театральной библиотекой им. А. В. Луначарского, Институтом театра, музыки и кинематографии в Ленинграде. В Москве книги из библиотеки Тюменевых покупали Академия общественных наук, «Академкнига» и Книжная лавка писателей.

В тридцатых годах заходил в букинистические магазины литературный критик Павел Николаевич Медведев, автор книг об Александре Блоке, Демьяне Бедном и Сергее Есенине. Медведев со-

бирал русские книги XVIII века, прижизненные издания сочинений А. С. Пушкина и авторов его окружения. Павел Николаевич появлялся в магазинах жизнерадостный, с сияющей улыбкой, часто в сопровождении своей жены Олимпиады Макаровны. Он увлеченно беседовал со знакомыми библиофилами и вносил оживление в будничную обстановку магазина. Каждую приобретенную у букинистов старинную книгу Медведев чистил каким-то кремом для дезинфекции и обновления. Кожаные переплеты начинали блестеть, но прелесть и аромат эпохи при этом ослабевали. Библиотека Медведева начала распродаваться перед самой Великой Отечественной войной. Многие его книги разошлись среди ленинградских библиофилов. Когда такие книги снова попадали в букинистические магазины, по перечисленным мною признакам можно было безошибочно определить, что они когда-то принадлежали Медведеву.

В предвоенные годы искусствоведом Эрихом Федоровичем Голлербахом была создана обширная библиотека, состоявшая из нескольких тысяч книг по искусству, литературоведению, поэзии, библиографии на русском и иностранных языках в изданиях XVIII—XIX столетий. Кроме того, он обладал уникальной коллекцией экслибрисов, гравюр, литографий, рисунков и произведений масляной живописи, выполненных известными художниками различных эпох. В феврале 1942 года Э. Ф. Голлербах решил эвакуироваться из Ленинграда, и о дальнейшей судьбе ничего не известно.

Библиотека Э. Ф. Голлербаха распродавалась после войны его сыном разным организациям и отдельным библиофилам. Архив и часть книг

попали в Ленинградскую публичную библиотеку. Некоторые картины и рисунки обогатили ленинградские музеи и личные собрания библиофилов. Так рассеялись замечательная библиотека и коллекция видного ленинградского критика, искусствоведа и поэта Э. Ф. Голлербаха.

Колоссальнейшая библиотека принадлежала академику Ивану Ивановичу Толстому, работавшему в области классической филологии. Эта библиотека находилась в идеальной сохранности, большая часть книг была в дорогих полукожаных переплетах работы известных петербургских мастеров переплетного дела. В состав библиотеки входили книги по искусству, нумизматике, археологии и более всего — по классической филологии. Здесь были собраны почти с исчерпывающей полнотой произведения античной литературы, имелись отдельные издания литературных памятников на древнегреческом и латинском языках, многотомные собрания сочинений, исследования и справочные издания.

Библиотека создавалась еще отцом Ивана Ивановича, автором многих трудов по нумизматике. После смерти академика Толстого его дочь, Людмила Ивановна Толстая, передала библиотеку отца во владение Восточному институту Грузинской ССР в г. Тбилиси. Уникальная нумизматическая коллекция Ивана Ивановича поступила в дар Эрмитажу от его сына, Ивана Ивановича Толстого.

Мне приходилось бывать по книжным делам в семье И. И. Толстого, и я познакомился там с его приятелем Александром Николаевичем Скарлато. Это был интереснейший человек, который еще в отроческие годы ушел юнгой во флот. Он четверть века плавал по морям и океанам на

больших и малых судах морского флота, служил даже на парусниках. В октябре 1917 года революционные моряки избрали его капитаном. На судне «Полярная звезда» он стал членом Центробалта и одним из семи комиссаров Балтийского флота. После революции и гражданской войны Скарлато много лет работал судоиспытателем. Теперь он уже давно персональный пенсионер. Александр Николаевич очень любит природу, каждый год летом отправляется в горы Западного Кавказа и остается до поздней осени. Бродит в диком высокогорье один, без ружья, только с фотоаппаратом на груди. У Скарлато накопились тысячи фотоснимков горных мест, подчас таких, куда до него не ступала нога человека. Александр Николаевич богатырски сложен, ему сейчас около 80 лет, но он юношески бодр и говорит, что почти не болеет. По его словам, в горах он питается тремя «с»: сухарями, сахаром и салом... Во время походов ему нередко попадались на пути всевозможные звери, они «с удивлением» смотрели на него, а потом, озираясь, уходили. А. Н. Скарлато — член Географического общества. Он часто делает там доклады о своих наблюдениях в горах Кавказа и знакомит присутствующих с уникальными фотографиями, на которых запечатлена живая красота горной природы.

Писатель Аким Львович Волынский был автором многих литературно-философских и историко-искусствоведческих книг. В последние годы его жизни я несколько раз с ним встречался по книжным делам. Через тридцать лет судьба заставила меня снова вспомнить имя Волынского. На этот раз я уже встретился не с живым человеком, а с его обширной библиотекой, над книгами которой он работал в продолжение нескольких

десятков лет. Здесь были тысячи томов научных трудов на латинском, греческом, итальянском, немецком, французском и русском языках. Волынского интересовали вопросы философии, классической филологии, истории русской и зарубежной литературы, искусствоведения и других гуманитарных наук. В библиотеке громоздились комплекты многотомных изданий сочинений классиков философии, античной литературы, античного и средневекового искусства. Было много книг эпохи Возрождения на итальянском, немецком и французском языках. Встречались старинные увражи до пуда весом, насчитывающие тысячи страниц текста. Поражало обилие иконографического материала. Но самым удивительным казалось то, что все это многотысячное собрание книг было тщательно изучено Акимом Львовичем. Почти в каждой книге на многих страницах виднелись следы его неустанной работы, встречались записи и пометки. Большая часть книг собрания А. Л. Волынского прошла через «Академкнигу» и пополнила фонды Публичной библиотеки, библиотеки Эрмитажа и других крупных книгохранилищ Москвы и Ленинграда.

Печальной была судьба интересной библиотеки старейшего ленинградского книжника-антиквара Федора Григорьевича Шилова. В начале революции часть его библиотеки была национализирована, а часть осталась в распоряжении Шилова. Во время войны, в январе 1942 года, сгорел дом № 3 по улице Жуковского, в котором жил Федор Григорьевич. Во время пожара жена Шилова выбрасывала вещи и книги из окна горящего дома, а истощенный и слабый Федор Григорьевич принимал их внизу. Книги нередко разлетались в разные стороны и попадали в подта-

явший снег. Уцелевшая от огня и воды часть книг была ими упакована в двадцать больших двойных пачек и передана на хранение знакомым. Там все эти книги и пропали бесследно. Так было утрачено замечательное собрание антикварных книг и гравюр старого книжника — ярославца Федора Шилова.

Описание пожара в доме, где жил Шилов, имеется в рассказе Всеволода Воеводина «Книжная лавка», опубликованном в третьей книжке журнала «Звезда» за 1945 год. Но почему-то Воеводин называет потерпевшего Павлом Федоровичем и дает ему характеристику, совсем не напоминающую Шилова, а более похожую на Ивана Федоровича Косцова, который тоже работал тогда в этой книжной лавке.

Во время войны была утрачена большая библиотека старого коммуниста Василия Тимофеевича Белобородова, корреспондента многих газет и драматурга, автора известных в двадцатых годах пьес. В его библиотеке насчитывалось около 20 000 книг русских и зарубежных писателей-классиков, исторических и литературных мемуаров, трудов по фольклору, сборников афоризмов, изречений и крылатых слов.

Сильно пострадала во время войны библиотека С. М. Алянского, друга Александра Блока и издателя его произведений. В первые годы Советской власти Алянский руководил издательством «Алконост», выпускавшим сборники стихотворений поэта. В продолжение многих лет Алянский собирал книги по искусству, литературоведению, поэзии русской и зарубежной. У него было много книг с дарственными надписями и автографами, встречались подносные нумерованные экземпляры, изданные в небольшом

количестве. В дни блокады Ленинграда Алянский отдал свою библиотеку на хранение знакомым. Многие его книги при этом затерялись. В послевоенные годы книги из библиотеки Алянского иногда мелькали на букинистическом рынке. Вот одна из них, купленная мною в каком-то ленинградском букинистическом магазине: «Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктора Дапертутто (Вс. Э. Мейерхольда), книга 2. Спб., 1914». В начале книги автограф: «Вновь обретенному другу — товарищу Алянскому в память совместной работы в Театральном отделе. 1919, апрель. В. Мейерхольд».

До Великой Отечественной войны в продолжение многих лет собирал книги по истории русской и зарубежной литературы, искусствоведению и библиографии профессор Ленинградского библиотечного института Лев Рудольфович Коган. Особый раздел в его библиотеке занимали прижизненные и посмертные издания сочинений А. С. Пушкина. Семья Льва Рудольфовича жила до войны в Детском Селе (ныне город Пушкин), в домике Китаева, там, где находилась когда-то квартира А. С. Пушкина. Квартира была в свое время реставрирована Коганом. Лев Рудольфович старался поддерживать внутренний вид домика в стиле двадцатых — тридцатых годов прошлого века, когда поэт приезжал в Царское Село на дачу. Здесь была размещена интереснейшая библиотека Когана и хранились уникальные предметы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина. Когда город оккупировали фашисты, библиотека была расхищена.

Хорошая библиотека в количестве около 4000 томов по литературе и искусству принадлежала ленинградскому книголюбу А. М. Бродскому,

редактору многих трудов по театру и изобразительному искусству, бывшему владельцу издательства «Светозар». В конце войны, во время отсутствия владельца, эта библиотека была вывезена из его квартиры на пятитонной машине неизвестными лицами, которые предъявили малограмотному управхозу какие-то сомнительные документы.

В первой половине пятидесятых годов, после смерти известного литературоведа Григория Александровича Гуковского, автора книг по истории русской литературы XVIII—XIX веков, наследники продавали целиком его библиотеку. Здесь было уникальное собрание произведений русских поэтов и прозаиков в изданиях XVIII — начала XIX столетия. Библиотеку предлагали магазинам Ленкниготорга, Книжной лавке писателей, «Академкниге», и все они отказались от покупки, не получив разрешения от своего начальства. Библиотека распродавалась разным лицам, большая часть ее была отправлена в Москву и другие города Советского Союза.

В начале двадцатых годов в Петрограде существовало частное издательство «Аквилон», владельцем которого был инженер-химик В. М. Кантор. Издательство выпускало замечательные по своему художественному оформлению книги, которые до настоящего времени служат предметом коллекционирования для любителей изящной литературы. «Аквилоном» были изданы «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, «Тупейный художник» Н. С. Лескова с рисунками М. В. Добужинского, «Три рассказа» Анри де Ренье с рисунками Д. Д. Бушена, «Золотой жук» Эдгара По с рисунками Д. И. Митрохина и другие классические

произведения. Многие книги иллюстрировали художники А. Н. Бенуа, К. А. Сомов и Б. М. Кустодиев. Издавались и особые экземпляры с рисунками, раскрашенными самими художниками. В. М. Кантор был не только издателем, но и страстным библиофилом-книголюбом. В свое время он задался мыслью собрать у себя лучшие образцы рукописных книг XII—XIV столетий и первопечатных изданий—инкунабул. Отчасти ему это удалось осуществить. Перед Великой Отечественной войной у него уже было немало рукописных книг с художественными миниатюрами, лучшие образцы альдов и эльзевиров. Он особенно гордился раскрашенным экземпляром знаменитой иллюстрированной «Нюрнбергской хроники», напечатанной в 1493 году. Были в его коллекции древнерусские книги и издания петровского времени. В. М. Кантор собирал антикварные книги по эпохам. XVIII век у него был представлен главным образом французскими, английскими и немецкими иллюстрированными книгами. Очень хорошо были представлены издания произведений писателей-романтиков.

Слух о намерении владельца продать это уникальное собрание книг и рукописей дошел до президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова. У него возникла мысль приобрести это собрание и на его основе создать при Библиотеке Академии наук «Музей редкостной книги». Сергей Иванович собирался обсудить этот вопрос в президиуме Академии наук и обратиться с ходатайством в Совет Министров СССР о выделении необходимых средств. Намечалась даже академическая комиссия по оценке библиотеки В. М. Кантора, в которую входили доктор филологических наук В. А. Десницкий,

профессор В. Я. Курбатов, книжники-антиквары Ф. Г. Шилов и П. Н. Мартынов. К сожалению, члены предполагаемой комиссии часто болели, а Сергей Иванович всегда был очень занят, и эта идея постепенно заглохла.

Часть книг Кантора попала во Всесоюзную библиотеку им. В. И. Ленина в Москве, часть — в Библиотеку Академии наук в Ленинграде. Некоторые книги из этого собрания продавались после смерти владельца его вдовой библиофилам Ленинграда и Москвы. Раскрашенный экземпляр инкунабулы «Нюрнбергская хроника» попал в коллекцию известного московского библиофила Алексея Ивановича Маркушевича. Так распылилось это уникальное собрание книг и рукописей.

В Павловске во время войны сгорел дом, в котором находилась большая библиотека старого ленинградского собирателя, полиграфиста и библиотечного работника Л. Р. Подольского. Его библиотека насчитывала более 14 000 художественных произведений русских и иностранных писателей, книг по искусству, фольклору, библиографии, книговедению и полиграфии. Здесь были комплекты иллюстрированных журналов, таких, как «Русский библиофил», «Аполлон» и «Весы». Подольский собирал богато иллюстрированные издания Общества поощрения художеств, «Памятники мировой литературы», издававшиеся М. и С. Сабашниковыми, «Художественную библиотеку», в которую входили монографии о великих художниках. Были у него и особо ценные издания, например «Византийские эмали» А. Звенигородского — шедевр полиграфического искусства. Во время пожара погибли сотни листов китайских и японских гравюр работы старых мастеров

и большая коллекция орнаментов народов Советского Союза и других народов мира в русских и иностранных изданиях. Горечь потери не убила у Л. Р. Подольского страсти к собиранию книг. После войны он с прежней горячностью принялся за восстановление своей коллекции редкостных изданий. В настоящее время его библиотека уже снова насчитывает более 3000 томов.

Старейший мастер советской графики действительный член Академии художеств СССР Георгий Семенович Верейский несколько десятков лет собирал литературу по изобразительному искусству, особенно по книжной графике. Нам, книжникам-букинистам, часто приходится иметь дело с различными рисунками, гравюрами и художественной литографией. Бывало подчас трудно установить имя того или иного мастера, и всегда на помощь к нам приходил Георгий Семенович. Он безошибочно разбирался во всех видах графики и цветной печати и был экспертом Художественной комиссии Государственного Эрмитажа.

Верейский любил бывать в букинистических магазинах и уважал букинистов. Он старался обратить их внимание на достопримечательные издания, делился сведениями, полезными для практической деятельности книжников, рассказывал о своих последних приобретениях. От него я узнал, что в 1905 году, когда он был студентом Харьковского университета, за участие в революционном движении его посадили в тюрьму. Карандаш художника помог ему освободить из заключения нескольких революционеров. В тюрьме был надзиратель, который хотел, чтобы кто-либо из заключенных нарисовал его портрет. Ему указали на Верейского. Увлекшись позированием,

надзиратель забыл о своих обязанностях. Этим воспользовались арестованные революционеры и бежали из тюрьмы.

Георгий Семенович жил и работал на Васильевском острове, окна его комнаты выходили на Большой проспект. Здесь я ознакомился с его коллекцией рисунков, гравюр и литографий. Показывал он мне и свои рисунки, литографии и офорты, созданные за многие годы творческой деятельности. Моему взору открылась живая галерея наших современников: революционных деятелей, ученых, писателей, артистов, композиторов, художников, героев войны и труда. Среди пейзажей Верейского мне особенно запомнился «Большой проспект Васильевского острова», который он рисовал из окна своей квартиры. Г. С. Верейский написал мой портрет и подарил его мне. На память о художнике у меня остались прекрасный альбом его работ «Рисунки и литографии» с теплой дарственной надписью и несколько отдельных литографий с автографами.

На Большом проспекте, в доме рядом с изображенным на рисунке Верейского, жил другой большой книголюб Владимир Яковлевич Курбатов, профессор химии Ленинградского технологического института. Он был известен среди библиофилов и деятелей искусства как автор замечательных книг об архитектурно-художественных сокровищах Петербурга и его окрестностей. Хочется перечислить его работы. В 1913 году вышел в свет двухтомный труд Курбатова «Петербург. Художественно-исторический очерк и обзор художественных богатств». Несколько экземпляров этого издания было отпечатано на особой бумаге. В том же году была издана и другая его книга — «Павловск. Художественно-исторический

очерк и путеводитель». К книге прилагался план Павловска, в ней содержалось около ста иллюстраций с видами дворца, парка, павильонов, воспроизводились оригинальные чертежи великих зодчих, создававших город. В 1916 году появилась написанная Курбатовым и роскошно изданная книга большого формата со множеством иллюстраций «Сады и парки. История и теория садового искусства». Этот монументальный труд был любовно и со вкусом издан под личным наблюдением самого Владимира Яковлевича. Другого подобного русского издания пока не существует. В 1925—1930 годах вышли в свет небольшие монографии Курбатова о Детском Селе, Гатчине, Петергофе, Павловском дворце и парке. Все его книги попадаются теперь у букинистов очень редко. Владимир Яковлевич продолжал свой творческий труд до глубокой старости. В последние годы жизни он готовил к переизданию свою книгу «Петербург — Ленинград», дополнив ее новыми описаниями архитектурно-художественных богатств города и многими иллюстрациями. Ученый тревожился, удастся ли ему довести до конца свои изыскания и закончить работу к предстоявшему тогда 250-летию нашего города-героя.

В. Я. Курбатов был большим знатоком иностранной и русской антикварной книги, принимал участие в работе Комитета поощрения художественных изданий, являлся членом библиотечного совета Библиотеки Академии наук СССР и Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Владимир Яковлевич был желанным покупателем у книжников и приятным собеседником, от которого мы всегда узнавали что-нибудь новое, полезное для нашей антикварно-книжной

практики. Мое знакомство и общение с Курбатовым продолжалось более 35 лет, я доставал книги, необходимые для его научной работы, и часто получал от него ценные сведения и советы по иностранным изданиям XV—XVIII веков. Владимир Яковлевич помогал нам в комплектовании крупных государственных книгохранилищ антикварными книгами и рукописями. При посещении букинистических магазинов он часто находил на полках малораспространенные издания, которые отсутствовали в том или ином книгохранилище, и советовал книжникам предложить их туда, где они необходимы. Как только работники библиотек узнавали о находках, они с благодарностью приобретали книги, рекомендованные Курбатовым. Мы часто слышали от них, что библиотеки в продолжение многих лет отвечали отказами на заявки научных работников из-за отсутствия в фондах этих уникальных книг. Владимир Яковлевич помогал букинистам и библиотекам всегда тихо, скромно, без лишних рассуждений.

Когда В. Я. Курбатов вернулся после войны из эвакуации в Ленинград, он застал свои книги в хаотическом состоянии. Опасаясь за дальнейшую судьбу и сохранность своей библиотеки, он решил продать букинистам значительную часть книг, гравюр и увражей с гравюрами по садово-парковому искусству. Он предложил антикварному отделу «Академкниги» приобрести эти издания. Но у нас не было средств, и покупка не состоялась. Я посоветовал Владимиру Яковлевичу обратиться к В. М. Лебедеву, директору антикварно-букинистического магазина Ленокогиза. Лебедев пригласил меня для консультации и оценки этого прекрасного собрания. Здесь были

замечательные, богато иллюстрированные гравюрами и литографиями издания XVIII—XIX веков, как русские, так и иностранные, по теории и практике садоводства и паркового искусства, вошедшие затем в фонды библиотек Эрмитажа, Академии архитектуры, Музея истории Ленинграда и других научных учреждений. После смерти В. Я. Курбатова были проданы и остальные его книги. Некоторые из них приобрела библиотека Академии архитектуры в Москве. В распоряжении академии оказался, в частности, уникальный большой альбом оригинальных акварелей Павловска.

Хочется вспомнить в заключение еще об одном страстном собирателе всевозможных книг научном сотруднике Академии наук СССР Михаиле Алексеевиче Лихареве. Он начал посещать магазины антикваров и букинистов еще до Октябрьской социалистической революции. К концу тридцатых годов его библиотека состояла уже из 15 000 томов. Большая часть книг была переплетена в красивые массивные полукожаные переплеты, на корешках которых стояли инициалы: «М. Л.». Лихарев собирал преимущественно книги по международным отношениям, по истории дипломатии и воспоминания политических деятелей. В его библиотеке было много различных справочников, словарей и энциклопедий. Имелись также полные комплекты трудов классиков философии и отдельные издания научных работ новых авторов.

Михаил Алексеевич как-то сказал мне, что он уже стар и хотел бы, чтобы после его смерти книги его библиотеки попали в мои руки. Умер он от паралича сердца в 1941 году, в момент объявления войны. В послевоенные годы, когда

я работал внештатным экспертом по антикварным книгам в Ленинградской торговой палате, меня вызвали для консультации в Академию наук. Оказалось, что один из филиалов Академии намеревается приобрести лихаревскую библиотеку. Пожелание Михаила Алексеевича сбылось — мне суждено было снова встретиться с его книгами. К сожалению, покупка этой библиотеки Академией наук не состоялась. Книги М. А. Лихарева наследники распродавали в продолжение нескольких лет в разные места. Большая их часть прошла все-таки через мои руки. Некоторые книги влились в фонды Публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук и в Иностранный отдел Центральной библиотеки им. В. В. Маяковского в Ленинграде.

За время моей длительной работы в букинистической торговле мне пришлось ознакомиться со многими старинными собраниями книг и коллекциями всевозможных иллюстраций и экслибрисов. Через мои руки проходили библиотеки, которые создавались еще в XVIII веке. Большое количество старопечатных книг по искусству и литературе, принадлежавших некогда вельможам екатерининского времени, поступило в научную библиотеку Института театра, музыки и кинематографии. Фонды этой библиотеки обогатились также книгами, собранными профессорами С. К. Буличем, А. А. Гвоздевым, Р. Р. Беккером, преподавателем Института истории искусств Б. П. Брюлловым, композиторами Н. А. Римским-Корсаковым и Э. Ф. Направником. Все это лишний раз говорит о большом культурном значении букинистической торговли, которая способствует розыскам и сохранению книжных сокровищ страны.

Кроме уникальных изданий далекого прошлого, через букинистическую торговлю проходят книги нашей, Советской эпохи, вышедшие в свет после Великой Октябрьской социалистической революции и в последующие годы. Эти издания тоже стали уже редкостными, на них сильно увеличился спрос со стороны библиотек, научных работников и писателей. Тиражи таких книг чаще всего были незначительными.

Букинистические магазины приобретают от населения не только старые, но и современные книги по всем отраслям знаний. Это делает менее острой потребность в их переиздании и сберегает бумажные фонды страны.

1967

ПРИМЕЧАНИЯ

Ф. Г. ШИЛОВ

ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

Текст воспоминаний печатается по изданию: Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. 2-е изд. М.: Книга, 1969, с уточнениями по изданию: Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. М.: Искусство, 1959.

С. 23. *«Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям...»* — альбом, изданный П. П. Бекетовым (М., 1821 — 1824). В нем помещено 50 гравированных портретов. Этот альбом был в какой-то мере продолжением другого издания Бекетова «Пантеон российских авторов» (М., 1801 — 1803), который содержал 20 гравированных портретов писателей — от мифического Бояна до Ломоносова — и сопроводительные к ним тексты, написанные Н. М. Карамзиным.

С. 24. *Продажа библиотеки Лескова...* — По свидетельству И. А. Шляпкина, после Лескова «осталась библиотека, заключавшая в себе до трех тысяч томов» (Шляпкин И. А. К биографии Н. С. Лескова // Рус. старина. 1895. № 12. С. 211). Сын писателя А. Н. Лесков продал почти всю библиотеку антикварной книжной торговле Я. А. Соколова, оставив себе лишь небольшую ее часть. Книги, оставшиеся у сына, составили основу собрания, которое ныне хранится в Музее Н. С. Лескова в Орле (289 книг, брошюр, оттисков, номеров газет). Книги из лесковской библиотеки приобрели Ф. А. Витберг, М. О. Меньшиков, А. Е. Бурцев, А. С. Суворин, И. И. Ясинский и другие.

Значительную часть библиотеки купил литератор, либреттист и композитор Илья Федорович Тюменев (1855—1927). Лишь недавно стала известна судьба книжного собрания, приобретенного им. (Лит. наследство. 1977. Т. 87. С. 132). Библиотека И. Ф. Тюменева перешла к его сыну Александру Ильичу, специалисту по истории древнего Востока, академику. После кончины А. И. Тюменева в 1959 г. его вдова стала продавать огромную библиотеку Тюменевых по частям. Самые ценные и интересные книги и рукописи были приобретены через «Академкнигу» Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, книги по музыке и театру—Театральным музеем и библиотекой Института театра, музыки и кино. Часть художественной литературы продана в ленинградские магазины «Старой книги». Наконец, уже после смерти Е. А. Тюменевой, оставшаяся часть библиотеки была перевезена ее родственницей на дачу Тюменевых в Комарово и затем включена при продаже дачи в ее стоимость (по оценке—на 4 тыс. рублей). Судьба же этой части библиотеки неизвестна до сих пор. Таким образом, вполне вероятно, что хотя бы какая-то часть книг из личной библиотеки Лескова попала в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

С. 28. *...Мельников издал две его книги по литературе...*—Речь идет о двух книгах А. И. Введенского: 1) Общественное самосознание в русской литературе. Критические очерки. (Спб., М. П. Мельников, 1900. VI, [2]); 2) Литературные характеристики. Последние произведения Тургенева, Гончарова, Достоевского. Сатиры Щедрина. Литературное народничество. Гл. Успенский, Н. Златовратский. (Спб., М. П. Мельников, 1903. VI, [2]).

С. 28. *...портрет какого-то его современника, молодого офицера...*—В «Стихотворениях» А. И. Полежаева, изданных А. Ф. Марксом под редакцией А. И. Введенского (Спб., 1892), вместо портрета автора ошибочно помещен портрет А. Е. Рынкевича.

С. 29. *...антиквару-книжнику Евдокиму Акимовичу Иванову.*— Петербургский букинист И. Е. Козлов,

старший товарищ Шилова, в своих неопубликованных воспоминаниях писал о Е. А. Иванове: «...появились новые книжники, между которыми был некто Евдоким Акимович Иванов (он был ранее мебельщиком и получил в то время большое наследство) — до этого я его не знал. И он открыл на Невском (угол Троицкой улицы) в доме великого князя шикарный книжный магазин. У него служили в то время Ф. Г. Шилов, ученик М. П. Мельникова, С. Н. Котов, ученик П. П. Глебова на Петербургской стороне, и Н. В. Базыкин, ученик Воронина, к этому времени уже прекратившего почему-то свое дело. И часто в этот магазин я захаживал, когда еще служил у Попова. Е. А. Иванов был человек хороший, но слабый и любил порядочно выпить. После он попрожился, переехал на Загородный пр. (угол Лештукова пер.), распродавал остаток своих книг и еще имел торговлю на Казанской улице против Казанского собора. Ф. Г. Шилов просил меня купить у Иванова, его хозяина, книжную лавку с товаром, которая была на Казанской, для него, Шилова, ибо ему он бы не продал из самолюбия, что я и сделал. Пригласил его угоститься и всю лавку с товаром купил для Шилова, кажется, за сто двадцать пять рублей, ибо Иванов в это время очень ужс нуждался, прожив все свое полученное наследство, и, кроме того, очень выпивал. И умер в большой бедности, и хоронили его, кажется, его же бывшие приказчики Шилов, Котов и Базыкин. Шилов же купленный через меня у Иванова магазинчик перевез на Литейный, рядом с домом Победоносцева, в подвальное помещение и там открыл свое дело; и очень удачно и быстро пошел в гору» (Козлов И. Е. За пятьдесят пять лет мои воспоминания и записки из виденного, слышанного и испытанного. Машинопись. Копия. Л. 80—81).

С. 35. ...*С. Р. Минцлов выпустил два издания под названием «Редчайшие книги моего собрания»...* — Библиографическую работу С. Р. Минцлова о книжных редкостях Шилов называет неточно. Ее название — «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке» (Спб., 1904). Вышло всего одно издание, да и то —

«на правах рукописи», тиражом 100 экз. Возможно, под вторым изданием Шилов подразумевал другую книгу — «Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова» (Спб., 1905). Позднее было издано более полное описание этой библиотеки — «Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова» (Спб., 1913).

С. 40. *«Описание вши».*— Имеется в виду работа Ф. В. Каржавина «Description du pou vu au microscope» («Описание вши, видимой в микроскоп»), изданная в Каруже в 1789 г. на французском и русском языках. Бытовавшее мнение, что эта брошюра всего-навсего литературный курьез, давно опровергнуто. Так, С. Л. Соболь в своем труде «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949) перепечатал сочинение Каржавина (с. 576—580) и отметил: «Каржавин не ограничивается, однако, описанием микроскопического строения вши или пчелиного жала. Попутно он сообщает много других сведений, в частности медико-санитарные сведения, что вместе с простым, доступным стилем изложения делает произведение Каржавина как бы массовой книжкой для народа, ставящей задачу популяризации знаний и санитарного просвещения» (с. 385).

С. 40. *«Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека».*— Полное название брошюры директора Музея Московского Университета, вице-президента медико-хирургической академии в Москве профессора Г. И. Фишера фон Вальдгейма (1771—1853) — «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека с присовокуплением некоторых наблюдений и ее изображения, изданная профессором Фишером» (М., 1815).

С. 49. *...стоит упомянуть имя Евдокимова.* — Речь идет о Леониде Викторовиче Евдокимове, генерал-майоре, писателе по военному праву, библиофиле. Характеризуя его собрание, У. Г. Иваск писал: «Библиотека около 1200 названий книг, преимущественно по истории царствования императрицы Елисаветы Петровны и ее эпохи, и собрание лубочных картин (до 5000)» (Рус. библиофил. 1911.).

С. 50. *Очень небольшую часть материалов из журнала генерал-адъютантов Евдокимов опубликовал в «Русской старине»...*— См.: Журнал дежурных генерал-адъютантов. Царствование имп. Елизаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщ. Л. В. Евдокимов // Рус. старина. 1897. Т. 89—92, янв.—дек.; 1898. Т. 93—94, янв.—май.

С. 64. *...у Дашкова хранился родовой сервиз, подаренный Вашингтоном его деду, государственному деятелю, во время его посольства в Америке.*—Назначенный на должность генерального консула в Филадельфии и поверенного в делах САСШ (США), А. Я. Дашков прибыл в Вашингтон летом 1809 г., т. е. спустя 10 лет после кончины Джорджа Вашингтона, и, естественно, встречаться с ним никак не мог. Он встречался с президентами Дж. Мэдисоном, Т. Джефферсоном и Дж. Монро.

С. 66. *«Библейская история» Базарова.*—Полное название книги—«Библейская история, сокращенно извлеченная из священных книг Ветхого и Нового завета протоиереем Иоанном Базаровым» (Спб., 1879. Ч. 1—2).

С. 92. *...записки современницы Пушкина Смирновой-Россет...*—Впервые «Записки А. О. Смирновой» были напечатаны в журнале «Северный вестник» (1893—1894), а в 1895 г. вышли отдельной книгой. Вскоре выяснилось, что текст записок в этом издании, редактором которого была дочь Смирновой Ольга Николаевна, явно фальсифицирован (критические разборы принадлежали В. Д. Спасовичу, В. В. Каллашу, Л. В. Крестовой и др.). В 1929 г. издательство «Федерация» выпустило научно выверенную книгу А. О. Смирновой, в которую вошли ее записки, дневник, воспоминания, письма. Издание было подготовлено Л. В. Крестовой под редакцией М. А. Цявловского. К сожалению, кроме свидетельства Шилова, мы не располагаем другими сведениями о причастности П. Е. Рейнбота к изданию записок Смирновой-Россет, к разоблачению литературной подделки ее дочери.

С. 92. *Однажды Деларов приобрел картину у кассира Общества поощрения художеств И. В. Васильева.* — И. И. Лазаревский так передает этот эпизод. Иван Васильевич Васильев, реставратор и антиквар, купил по случаю и очень дешево старинную картину. Собиратель П. В. Деларов перекупил ее за 3 тыс. рублей. Эксперты доказали, что это — подлинная работа Рембрандта, знаменитый ныне «Портрет еврея», и Деларов перепродал портрет за 125 тыс. рублей американскому коллекционеру Моргану. Васильев, узнав об этом, сошел с ума (См.: Среди коллекционеров. 1922. № 1. С. 33 — 37).

С. 94. *«Византийские эмали».* — Более точное название книги, в которой описаны и воспроизведены эмали коллекции А. В. Звенигородского — «История и памятники византийской эмали» (Спб., 1892 — 1894). Это едва ли не самая роскошно изданная книга в России. Современники называли ее «русским чудом». Исследование и художественный анализ византийских эмалей были осуществлены профессором Петербургского университета Н. П. Кондаковым, крупнейшим авторитетом в области византийского искусства, автором трудов «История византийского искусства и иконографии по миньятюрам греческих рукописей» (1877), «История и памятники Византийской земли» (1892) и др., и немецким историком искусства Альзином Шульцем, автором четырехтомной «Всеобщей истории изобразительного искусства» (1894, на нем. яз.). Гравюры, воспроизводящие эмали, исполнил В. В. Матэ. Художественное оформление книги в византийско-русском стиле разработал архитектор И. П. Ропет. Для книги специально отливались шрифты, по особому заказу изготовлялась в Страсбурге бумага. В украшении использовалось даже червонное золото. Звенигородский истратил на издание книги 120 тыс. рублей. Общий тираж составил 600 экз., по 200 экз. — на русском, немецком и французском языках.

С. 94. *В. В. Стасов написал специальную книгу, тоже изданную роскошно.* — Вероятно, Шилов имеет в виду работу В. В. Стасова «История книги „Византийские эмали А. В. Звенигородского“» (Спб., 1898).

С. 97. *Увраж* — роскошное, богато иллюстрированное художественное издание большого формата.

С. 104 ... *его* (П. И. Щукина) *коллекция персидских вещей не уступала коллекции Вильгельма II.* — Подробно о коллекции П. И. Щукина см.: Персидские вещи Щукинского собрания / Описание, сост. П. И. Щукиным. М., 1917. 32 с.: фототипии.

С. 104. *«Историческое описание одежды и вооружения российских войск с древних времен»* — ценный труд военного историка Александра Васильевича Висковатова (1804—1858). Выдержало два издания (Спб., 1841—1862. Ч. 1—30; 2-е изд. Спб., 1899—1948. Ч. 1—34). Оба эти издания чрезвычайно редко встречаются в полном виде в букинистической торговле.

С. 107. *После смерти отца и брата он ... стал издавать каталоги.* — Каталоги, в которых в основном помещались сведения о книгах гражданской печати, П. П. Шибанов начал выпускать с 1885 г., еще при жизни отца П. В. Шибанова (1823—1892) и брата Л. П. Шибанова (1868—1908). Всего у Шибанова вышло 168 каталогов, а не более 200, как написал Шилов.

С. 107. *Василий Шибанов* — историческое лицо, стремянный князя А. М. Курбского, передавший письмо князя Ивану Грозному. Шибановы почитали его за своего легендарного предка. Упоминается в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом; кровь лилася из язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся о жезл и велел читать вслух письмо Курбского...» Василий Шибанов стал героем одноименной баллады А. К. Толстого. В этой балладе, кстати, жезл Ивана Грозного называется также костылем (в значении: посох).

С. 110. *Дезидерата* — от лат. desiderata — желаемое, желанное. Здесь: редкие книги, желанные для библиофила.

С. 110. *«Езда в остров любви».* — Первое издание аллегорического романа Поля Тальмана «Езда в остров любви», переведенное с французского В. К. Тредиаковским, вышло в 1730 г. В книге, кроме этого

произведения, помещены, с отдельным шмуцтитулом, «Стихи на разныя случаи» самого Тредиаковского на русском и французском языках. Впоследствии, по свидетельству академика Г. Ф. Миллера, Тредиаковский будто бы скупал экземпляры книги и сжигал. Поэтому издание стало редким. В 1778 г., уже после смерти автора, вышло второе издание «Езды в остров любви».

С. 110. *«Путешествие» Радищева.*— Речь идет о первом издании книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 г.

С. 110. ... *библия Скорины...*— Имеется в виду Библия (вышли 22 части), изданная в 1517—1522 гг. в Праге чешской одним из славянских первопечатников белорусом Франциском Скориной.

С. 112. *«Антикварная книжная торговля в России».*— Эта работа П. П. Шибанова напечатана в сб.: Кн. торговля: Пособ. для работников кн. дела / Под ред. М. В. Муратова, Н. Н. Накорякова. М.: Л., 1925. С. 199—265. Кроме того, она вышла и в виде отдельного оттиска.

С. 112. *Жевержеев Левкий Иванович* (1881—1942)— кандидат коммерции, меценат, коллекционер, искусствовед, был казначеем «Союза молодежи», с 1917 г. до кончины—заместителем директора Театрального музея в Петрограде-Ленинграде. Собрал замечательную коллекцию книг и журналов, подвергшихся цензурным репрессиям (Жевержеев Л. И. Опись моего собрания. Пг., 1915. Т. 1). Часть этого собрания была в 1918 г. продана магазину Суворина. Многие редкие издания подарены Жевержеевым в 1920 г. Публичной библиотеке. Немало книг приобретено и магазином «Антиквар» и «Международной книгой» (Дрюбин Г. Р. Левкий Жевержеев и его коллекция // Дрюбин Г. Р. Книги, восставшие из пепла. М., 1966. С. 128—147. См. также с. 356—357 наст. изд.).

С. 118. *«Вятская незабудка»*— сборник обличительного содержания, три выпуска которого были напечатаны в 1877—1878 гг. кружком вятской прогрессивной интеллигенции во главе с издателем и публицистом Ф. Ф. Павленковым. Министр внутренних дел

А. Е. Тимашев писал о третьем выпуске «Вятской незабудки»: это — «орган той своеобразной редакции, которая, организовавшись в форме постоянного агентства, имеет целью собирать и излагать историю вятских преступлений... Возбуждение полнейшего недоверия к правительству, избирающему будто бы своими агентами самых возмутительных администраторов, судей, наставников юношества и охранителей государственных имуществ, оставляет неизбежное для неразвитых читателей впечатление после чтения этой книги». Далее министр отмечал, что на некоторых страницах выпуска «проводятся чисто революционные идеи» (цит. по кн.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Арх.-библиогр. разыскания. М., 1962. С. 129).

С. 122. *...Козлов... в 1905 году был случайно убит.*— Шилов здесь допустил неточность. Автор книги о Суворове генерал-майор Сергей Викторович Козлов был застрелен террористом (по ошибке) 1 (14) июля 1906 г. в Петергофе.

С. 122. *Картыков ... написал второй том («Суворов», 1911), который был издан так же роскошно, как и первый.*— Первый том, составленный С. В. Козловым, вышел в 1901 г. Его правильное название — «Суворов. 1730 — 1800. (Очерки из его жизни)». В 1911 г. под этим же названием вышли сразу два тома: первый — переиздание книги С. В. Козлова, второй том — труд М. Н. Картыкова.

С. 129. *...А. С. Сидорова, известного общественного деятеля на Севере.*— Шилов неверно называет инициалы Сидорова. Речь идет о Михаиле Константиновиче Сидорове (1823 — 1887). Огромный его личный архив (более 5000 единиц хранения) находится в Архиве АН СССР. Все книги, статьи и доклады М. К. Сидорова перечислены в его книге «Труды для ознакомления с севером России» (Спб.,1882). О нем см.: Ист. вестн. 1887. № 9; Рус. старина. 1887. № 9; Знакомые. Альбом М. И. Семевского. Спб., 1888; Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных писателей. Вып. 7. Писатели, умершие в 1887 // Прилож. к журн.: Библиогр. записки. 1892. № 12.

С. 138.*запрещенные возглашения Иоанна Антоновича...*— Иоанн VI Антонович (1740—1764), малолетний император, наследовавший Анне Иоанновне. В конце 1741 г. ниспровергнут дочерью Петра I Елизаветой Петровной, находился под арестом, с 1756 г.— секретный узник Шлиссельбургской крепости. Был убит при попытке его освобождения в июле 1764 г., уже в царствование Екатерины II.

С. 144. *...письма ... Фаддея Булгарина к своему приятелю, некоему Ушакову.*— Письма Ф. В. Булгарина к писателю В. А. Ушакову от 21 февраля 1827 г. и 6 января 1828 г. были приобретены у Шилова пушкинистом Н. О. Лернером и опубликованы им в журнале «Русская старина» (1909, № 11, с. 347—357). Во втором письме, действительно, есть абзац, посвященный Пушкину, однако Шилов воспроизводит его по памяти и очень неточно. Булгарин писал: «Я познакомился с Пушкиным. Другой человек как мне его описывали, и каковым он был прежде в самом деле. Скромен в суждениях, любезен в обществе и дитя в душе. Гусары испортили его в лицее, Москва подбаловала, а несчастия и тихая здешняя жизнь его образумили. Он кажется полюбил меня, хотя по правилам сектатора Вяземского, меня не должно ему любить» (Там же. С. 350).

С. 145. *«Угро-русских песен» Головацкого.*— Название книги Якова Федоровича Головацкого (1814—1888), историка и фольклориста, бывшего профессора русского языка и литературы в Львовском университете, приведено неверно. Правильно: «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (1878). Эта книга — ценный источник для изучения языка и поэзии Западной Украины.

С. 146. *...сохранился лишь единственный ее экземпляр.*— Речь идет об однотомнике «Сочинений» Д. Свифта (в переводе В. А. Зайцева), которые печатались в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. Н. П. Поляковым, но по требованию цензуры были сожжены в неоконченном виде. Наряду с «Путешествиями Гулливера» и другими произведениями здесь помещена также «Сказка о бочке» (под названием «Сказка — бочка»). Возможно,

вместе с Н. П. Поляковым в подготовке этого издания участвовал и Василий Иванович Яковлев (1847—1916), сменивший Полякова в качестве руководителя книготорговой и издательской фирмы «Русская книжная торговля». Сам Н. П. Поляков считал это издание Свифта «величайшей редкостью». По сведениям Н. П. Смирнова-Сокольского, сохранились не более трех экземпляров книги. Один из них был в его библиотеке (ныне — в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека: Библиогр. описание. В 2-х т. М., 1969. Т. 1. С. 497—498.

С. 148. *Мúро* — благовонное масло, употребляемое при христианских церковных обрядах.

С. 148. *В 1880 году, еще школьником, он перевел элегию Стефана Яворского.* — Отрывки из элегии крупного церковного деятеля петровского времени Стефана Яворского (1658—1722) в переводе К. А. Иванова приведены здесь по тексту сборника «Похвала книге» (Пг., 1917), составленного И. А. Шляпкиным и изданного Ф. Г. Шиловым.

С. 152. *... в справочниках Селиванова и Петрова...* — Имеются в виду справочники: Селиванов А. В. Фарфор и фаянс Российской империи: Описание фабрик и заводов с изображением фабричного клейма. [Основная часть и два прибавления]. Владимир, 1903—1906; Селиванов А. В. Фабричные марки на фарфоре и фаянсовые изделия России, Польши и Финляндии. Рязань, 1911; Петров В. Метки русского и иностранного фарфора, фаянса и майолики. С изображ. марок. М., 1903.

С. 156. *... к Любимову — секретарю «Московских ведомостей».* — Профессор физики и публицист Николай Алексеевич Любимов (1830—1897) был в 1863—1882 гг. соредактором М. Н. Каткова в журнале «Русский вестник», а не в газете «Московские ведомости». Известны 33 письма Достоевского к нему за 1866—1880 гг., связанные с печатанием в «Русском вестнике» романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы».

С. 156. *...к метранпажу типографии А. Траншеля...* — речь идет о Михаиле Александровиче Александрове. Опубликованы 60 записок Достоевского к нему (сохранились автографы 52 записок). Александров оставил воспоминания «Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг.» (Рус. старина. 1892. № 4—5).

С. 156. *Кузнецов написал краткие воспоминания о своей работе у Ф. М. Достоевского...* — Подлинник воспоминаний П. Г. Кузнецова «На службе у Достоевского в 1879—1881 гг.» оказался у И. С. Зильберштейна и был им опубликован в т. 86 «Литературного наследства». В предисловии к публикации И. С. Зильберштейн привел рассказ Шилова о книжной торговле Достоевских, о П. Г. Кузнецове, написавшем воспоминания и передавшем их в 1940 г. Шилову, но опустил сведения о передаче этих воспоминаний Шиловым О. Цехновицеру, от которого они попали к Л. П. Гроссману, а от него в Государственный архив литературы и искусства. И. С. Зильберштейн иначе излагает историю миграции подлинника воспоминаний: «Ф. Г. Шилов, очень ценивший наше издание, через несколько лет после войны передал мне совсем выцветшую машинопись этих воспоминаний, со словами: „Когда-нибудь напечатайте в „Литературном наследстве“ и скажите доброе слово о Кузнецове“. И только теперь, спустя четверть века, довелось сделать это» (Лит. наследство. 1973. Т. 86. С. 333).

С. 158. *«О тевтонской брани на Словени»* — точное название книги: «Летописец в лицах о тевтонской брани на словени» (В 3 вып. Пг.: [изд-е Ф. Г. Шилова], 1914). Вышло два литографированных издания «Летописца»: первое, с раскрашенными от руки иллюстрациями, отпечатано в количестве 250 экз., из них 25 — на полотне; второе — в количестве 500 экз.

С. 158. *«Народные картинки».* — Имеется в виду альбом лубочных картин Н. П. Шаховского «Картинки — война русских с немцами» (Пг.: [изд-е Ф. Г. Шилова], 1915). В альбоме 100 листов в 4° с литографиями,

раскрашенными от руки. Издание вышло в ограниченном количестве экземпляров.

С. 158. *«Наши недруги в карикатуре»* — альбом литографированных рисунков в двух выпусках (Пг.: [изд-е Ф. Г. Шилова], 1915). Всего в альбоме 12 листов в 4° (по 6 листов в каждом выпуске). Его тираж — 500 экз. — на бумаге и 25 экз. — на сатине.

С. 161. *Архив Балашева...* — Архив генерал-адъютанта Александра Дмитриевича Балашева (1770—1837), министра полиции в 1810—1819 гг., ныне хранится в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

С. 164. *...выписки из Оренбургского архива...* — Речь идет о документах из архива Пушкина, относящихся к его работе над «Историей Пугачева». Они попали к П. В. Анненкову в 1854 г. Это — выписка Пушкина «О Белобородове и Перфильеве», а также писарские копии протоколов двух допросов еще одного пугачевца, И. С. Аристова. Материалы были опубликованы Ю. Г. Оксманом с примечанием: «Копии документов об Аристове вместе с заметками Пушкина о Белобородове и Перфильеве приобретены были П. Е. Щеголевым в 1924 г. у антиквара Ф. Г. Шилова» (Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. С. 465, прим. 17).

С. 165. *...путешествие Корба...* — Австрийский дипломат Иоганн Георг Корб (ок. 1670—ок. 1741) побывал в Москве в 1698—1699 гг. В своем «Дневнике путешествия в Московию» описал страшный стрелецкий розыск, а также приближенных Петра. По требованию русского правительства «Дневник» Корба уничтожался, и экземпляры его оригинального издания — большая редкость. В русском переводе был напечатан в «Чтениях Общества истории и древностей российских» (1866—1867). Тогда же вышел и отдельным изданием.

С. 167. *«Историческое описание Российской коммерции».* — Полное название труда М. Д. Чулкова — Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... (Спб., 1781—1788. Т. 1—7. Кн. 1—21).

С. 168. *Стали появляться книги, считавшиеся сожженными, вроде ...«История Екатерины II» Бильбасова.*— Во втором томе книги В. А. Бильбасова «История Екатерины Второй» (Спб., 1890) цензура нашла разоблачение «интимных и исторических фактов», «часто резкое суждение и освещение пером исследователя не только фактов, но и системы и действий правителей». По мнению министра внутренних дел И. Н. Дурново, все старания автора «направлены к тому, чтобы развенчать Екатерину Вторую, выставить ее в неблаговидном свете и как государыню, и как женщину, причем суждения его о событиях и деятельности правительства отмечены нередко фальшивым либерализмом». В дело вмешался сам Александр III. Назвав Бильбасова «скотом» и «негодяем», он заметил: «По настоящему следовало бы вовсе запретить Бильбасову заниматься историей; во всяком случае примите меры, чтоб он не выпускал вторым изданием и первый том своего сочинения». (См.: Добровольский Л. М. Указ. соч. С. 180). Книга была запрещена. 1195 экз. были переданы на хранение в кладовую Главного управления по делам печати, где они находились до Октябрьской революции, а затем поступили в продажу.

С. 169. *Ростопчинские афиши*— патриотические воззвания к народу, которые выпускались в 1812 г. московским главнокомандующим Ф. В. Ростопчиным. Они были переизданы А. С. Сувориным в 1889 г. и П. А. Картавовым — в 1904 г.

С. 169. *Карикатуры Теребенева*— серия лубочных карикатур на Наполеона и французскую армию, выполненная в 1812—1815 гг. скульптором и художником Иваном Ивановичем Теребеневым (1780—1815).

С. 172. *К юбилею Астапова в 1912 г. Л. Э. Бухгейм издал посвященную ему книжку...*— Имеется в виду книга: К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова: 1862—22 октября 1912 / [Ред. издания и прим. П. К. Симони]. М., 1912. 82 с.: ил. 99 экз., выпущенных «не для продажи».

С. 174. *Пандекты,* или *дигесты*— название важнейшей части законодательного сборника Юстиниана

(Corpus juris civiles), составленного в 530—532 гг. Пандекты состоят из 50 книг, в которых собраны отрывки сочинений многих римских юристов по вопросам частного права, а также выдержки из законов и других нормативных актов.

С. 177. *...дневник капитана Вакселя...*—Рукопись Свена Вакселя была найдена и приобретена сотрудником магазина издательства «Главсевморпуть» И. С. Наумовым (см.: Казанков Б. Е. Букинист-антиквар И. С. Наумов // Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 27. С. 202). Издана под названием «Вторая Камчатская экспедиция Беринга» в 1940 г. под редакцией и с предисловием А. И. Андреева.

С. 178. *... первого издания «Капитала» К. Маркса на русском языке...*— изданный Н. П. Поляковым в 1872 г. первый том «Капитала» К. Маркса (в переводе Г. А. Лопатина, Н. Ф. Даниельсона и Н. Н. Любавина) был первым переводным изданием этого труда не только в России, но и в мире. Тираж составил 3000 экз.

С. 178. *...«Библиографическое описание книг» Сопикова со страницей о Радищеве...*— Основной труд русского книговеда, одного из основоположников русской библиографии, В. С. Сопикова назван неверно. Правильно: Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года... (Спб., 1813—1821. Ч. 1—5). В четвертом томе «Опыта» лист со страницей 250, на которой было воспроизведено посвящение Радищева А. М. Кутузову из первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» 1790 г., перепечатывался по требованию цензуры, причем страница 250 оставлялась пустой. Экземпляры с «радищевской страницей» очень редки.

С. 178. *«Книжные редкости» Геннади.*— Более точное название книги Г. Н. Геннади: Русские книжные редкости: Библиографический список русских редких книг (Спб., 1872). По словам П. Н. Беркова, это издание стало «своего рода кораном русских библиофилов конца XIX—начала XX века» и вызвало «целое течение „библиофилов геннадиевского толка“», которые

ревностно собирали библиотеки редких изданий по списку Геннади (Берков П. Н. Русские книголюбы. М.; Л., 1967. С. 188). Книга явилась родоначальницей библиотечки библиофильских книготорговых каталогов и указателей редких книг: И. М. Остроглазова, А. Е. Бурцева, Н. Б. (Н. И. Березина), С. Р. Минцлова, Ю. Ю. Битовта и др.

С. 180. *«Древности Российского государства» Ф. Солнцева.*— Художник, академик акварельной живописи и археолог Федор Григорьевич Солнцев (1801—1892) много времени уделял реставрации и рисованию московских и киевских древностей, открыл в киевском Софийском соборе фрески XI в. Им подготовлено издание «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению» (М., 1849—1853). Оно содержит 6 отдельных тетрадей текста и 508 хромолитографированных цветных таблиц, исполненных по рисункам Ф. Г. Солнцева.

С. 187. *Через Книжный фонд мы получили прекрасные библиотеки, например... библиотеку И. А. Всеволожского...*— Здесь память изменила мемуаристу. Он сам же в работе «Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора)», опубликованный в «Альманахе библиофила» (Л., 1929), сообщал, что в библиотеку «Всемирной литературы» поступила литературная часть библиотеки В. П. Всеволожского из его имения Рябово. Архив директора Эрмитажа и императорских театров И. А. Всеволожского попал в Центрархив (с. 174). О библиотеке И. А. Всеволожского сведений нет.

С. 198 *... собрание Худекова, автора трехтомной «Истории танцев»...*— Сергей Николаевич Худеков (1837—1928)— журналист, редактор-издатель «Петербургской газеты», драматург, критик, историк балета. Первые три тома его популярного труда «История танцев всех времен и народов» вышли в 1913—1915 гг. В 1917 г. был отпечатан и четвертый том. Однако по каким-то причинам в свет он не вышел, не был даже переплетен. В 1920 г. весь его тираж был продан как макулатура на обертку в один из продуктовых магази-

нов Петрограда. Удалось спасти только три полных несфальцованных экземпляра (см.: Охочинский В. К. Книжные редкости // Ленинградское общество библиофилов. Л., 1924. Т. 1. С. 24.— Подп.: В. О.).

С. 199. *...Любовь Дмитриевна купила у меня целый архив балерины Трефиловой, задумав написать книгу по балету, но развившаяся болезнь помешала этому.*— Главный труд Любови Дмитриевны Блок (1881—1939), посвященный балету,— «Возникновение и развитие техники классического танца» — был ею полностью завершен и вместе с некоторыми другими работами опубликован в ее книге «Классический танец: История и современность» (М., 1987).

С. 204. *Так он архива и не купил.*— Этот эпизод с Демьяном Бедным Шиловым из осторожности не досказан и даже намеренно искажен. Однако он подробно изложен в воспоминаниях П. Н. Мартынова (с. 318—320) и «Записках книголюба» Е. Д. Петряева (Киров, 1978. С. 161—162).

С. 204. *«43 способа завязывания галстука».*— Очевидно, речь идет о книге: Описание и рисунки сорока фасонов повязывать галстух. Выбор цвета и искусство составлять банты. Книга необходимая для человека хорошего общества. Галстух математически, по итальянски, по ирландски, по турецки, по Биронски, по Вальтер-Скоттовски, по д'Арленкурски, бальный, военный, троном любви, меланхолический, неглиже, галстух опахалом и проч. и проч. и проч. (Пер. с фр. М., 1829). К книге приложена гравированная таблица с фасонами галстуков. В переводе встречаются курьезные неточности. Так, «галстух по Байроновски» переводчик передал: по Биронски...» (см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека: Библиогр. описание: В 2-х т. М., 1969. Т. 1. С. 517. № 1370).

С. 205. *«Позорище странных и смешных обрядов».*— Шилов здесь упоминает книгу Г. И. Громова, полное название которой — «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и при том Нечто для холостых и женатых» (Спб., 1797). В ней приведено

описание брачных обрядов 43 иноземных народов и 18 народов, обитающих в России. Материал о последних заимствован Громовым из сочинений С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина и И.-Г. Георги. Приложение «Нечто для холостых и женатых», явно переводное,— апология супружества.

С. 211. *У меня имелась любопытная переписка Л. Н. Толстого с редактором «Правительственного вестника» К. Случевским.*— В каталоге № 27 «Антикварной книжной торговли Ф. Шилова» (Пг., 1915) под № 1069 записано: «Толстой, Лев Николаевич, граф. 1) Два письма к редактору «Правительственного вестника» с просьбою их напечатать в опровержение выдержек из статьи «О голоде», напечатанных в «Московских ведомостях». Каждое по 3 стран. почтовой бумаги. 1892 г. 2) 3 письма графини С. А. Толстой по тому же поводу. 3) 4 письма Е. Феоктистова к редактору «Правительственного вестника» по поводу означенных выше писем и отказывающего в разрешении печатать их. 200 [руб.]». Здесь же факсимильно воспроизведена часть автографа письма Толстого. Шилов по памяти и весьма приблизительно воспроизводит это письмо. Толстой писал редактору «Правительственного вестника»: «...Писем никаких я в английские газеты не писал. То же, что напечатано в № 22 «М[осковских] в[едомостей]» мелким шрифтом, есть не письмо, а выдержка из моей статьи о голоде, написанной для русского журнала, выдержка весьма измененная, вследствие двукратного и слишком вольного перевода ее сначала на английский, а потом опять на русский язык. То же, что напечатано крупным шрифтом вслед за этой выдержкой и выдается за изложение второго моего письма, есть вымысел. В этом месте составитель статьи «М[осковских] в[едомостей]» пользуется словами, употребленными мною в одном смысле, для выражения мысли не только совершенно чуждой мне, но и противной всем моим убеждениям. Примите, милостивый государь, уверения моего уважения. Лев Толстой. 12 февраля 1892. ...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 66. М., 1953. С. 160—161).

С. 215. *Босфор Киммерийский* — древнее название Керченского пролива.

С. 217. *«Полное собрание русских летописей»* — продолжающееся издание. Выходит с 1841 г., в 1968 г. вышел т. 31.

С. 217. *«Патрология»* («Patrologiae cursus completus») — свод творений отцов церкви, изданный французским аббатом Ж.-П. Минем и состоящий из 220 томов латинской серии (1844—1856; 2-е изд. 1877) и 161 тома греческой серии (1857—1866).

С. 217. *«Псалтирь» 1459 года на пергаменте.* — Очевидно, это так называемая Бенедиктинская Псалтырь, напечатанная в типографии Й. Фуста и П. Шёффера.

С. 217. *...географический атлас Птолемея.* — Речь идет об атласе Птолемея под названием «География», включавшем в себя 26 карт ин-фолио — десять изображали Европу, двенадцать — Азию и четыре — Африку. Карты были отпечатаны с гравюр на меди в 1477 г. в Болонье, затем в 1478 г. в Риме. До конца XV в. было осуществлено еще несколько изданий атласа.

В Библиотеке Академии наук СССР есть географические атласы Птолемея, напечатанные в Ульме в 1482 г. и в Венеции в 1484 и 1493 гг. (Киселева Л. И. Редкие книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1987. С. 49—50). По-видимому, один из этих атласов и расценивал Шилов.

С. 218. *...венецианского издания Аристотеля.* — Очевидно, имеется в виду замечательное по своему оформлению издание сочинений Аристотеля на греческом языке, выпущенное Альдом Мануцием Старшим в Венеции в 1495—1497 гг.

С. 218. *...«Горе от ума» Грибоедова без указания года и места напечатания: этого издания известны только 2 экземпляра.* — Действительно, до недавнего времени было известно всего два экземпляра (причем в разных изданиях) комедии Грибоедова «Горе от ума», напечатанных без указания места и года выпуска: один из них находится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, подарен в 1858 г. казанским книгопродавцем А. Г. Мясниковым, другой

принадлежал И. О. Сержпутовскому, затем был в собрании Н. К. Пиксанова. Таким образом, экземпляр «Горя от ума», который пришлось расценивать Шилову, фактически третий из анонимно изданных. В настоящее время этот экземпляр находится в Библиотеке Академии наук СССР. Мемуарное свидетельство Шилова об этом экземпляре недавно получило подтверждение в литературе (Киселева Л. И. Указ. соч. С. 32). Что касается его датировки, ученые склоняются к тому, что оно было напечатано в период между первым изданием 1833 г. и вторым легальным изданием 1839 г. Так, И. Д. Гарусов, тщательно исследовав экземпляр Публичной библиотеки, определил, что бумага, на которой он напечатан, поступила в продажу только с 1834 г. (см.: Грибоедов А. С. Горе от ума. Спб., 1875. С. 43—45).

С. 218. *...воспроизведение номера газеты коммунаров с запекшейся кровью Марата.*— Имеется в виду фототипическое переиздание последнего номера газеты «Друг народа», которую выпускал один из вождей якобинцев Жан-Поль Марат. Этот номер он просматривал в ванне в последние минуты жизни. На газете остались следы крови Марата, заколотого кинжалом Шарлоттой Корде. Этот экземпляр достался владельцу антикварного книжного магазина Ф. Н. Тибо, а тот подарил его сыну — будущему писателю Анатолю Франсу, который решил воспроизвести его фототипически — для друзей-библиофилов. Экземпляр этого чрезвычайно редкого издания был приобретен Н. П. Лихачевым и затем хранился в библиотеке Института книги, документа, письма. В дальнейшем фонды библиотеки были переданы в Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР, однако следы редчайшей брошюры, может быть, единственной в нашей стране, затерялись (см.: Берков П. Н. О людях и книгах: (из записок книголюба). М., 1965. С. 96—97).

Шилов допустил ошибку, назвав газету «Друг народа» — газетой коммунаров, в то время как она являлась органом якобинцев.

С. 219. *Атлас Крузенштерна.*— Речь идет о трудах адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна — «Атлас

Южного моря» и «Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря» (1823—1826; дополнения — 1835—1836). Он руководил первой русской морской кругосветной экспедицией в 1803—1805 гг., во время которой исследовал Камчатку, Курильские острова и Сахалин.

С. 219. *«Житие святых» Ключевского.*— Имеется в виду труд историка В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871), который и поныне остается «самым надежным и полным руководством по русской агиографии» (см.: Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 8).

С. 220. ... *Яна Казимира,* польского короля, современника Иоанна Грозного.— Польский король Ян II Казимир (1609—1672) был современником царя Алексея Михайловича, а не Ивана Грозного, как пишет Шилов. Ян II Казимир вел неудачные войны со шведами и русскими, в результате вынужден был в 1660 г. отказаться от ленного владения Пруссией, а в 1667 г. по Андрусовскому миру потерял Белоруссию с Украиной до Днепра. В 1668 г. отказался от престола. Умер во Франции.

С. 226. *«Библиография библиографических словарей и справочников»* — книга И. М. Кауфмана вышла в свет под названием «Русские библиографические и биобиблиографические словари» (М., 1950; 2-е изд., перераб. и расшир. М., 1955). Выражая «искреннюю благодарность всем, кто оказал ту или иную помощь в этой крайне трудоемкой работе», составитель писал в предисловии: «Первым я должен назвать светлой памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского, встретившего мой скромный труд неожиданно для меня высокой и лестной оценкой».

П. Н. МАРТЫНОВ

ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ

Текст воспоминаний печатается по изданию: Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л.: Наука, 1969.

С. 253. *Для них он издал более 600 каталогов...* — С 1885 по 1915 г. антикваром-книжником В. И. Клочковым было выпущено 576 каталогов.

С. 255. *...раскрашенных гравюр Гейслера...* — Раскрашенные гравюры немецкого художника Г. Гейсслера, относящиеся ко времени его пребывания в России (1790—1798 гг.), составили несколько альбомов, например: «Изображение мундиров Российско-Императорского войска, состоящих из 88 лиц илюминованных» (1793) и «Strafen der Russen, dargestellt in Gemälden und Beschreibungen von J. Richter und C. G. H. Geissler».

С. 255. *...«Картинах России» П. П. Свиньина...* — Речь идет о последнем большом труде писателя и художника П. П. Свиньина (1788—1839) — «Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньина». (ч. I [единственная]. Спб., 1839). Книга состоит из небольших очерков, таких, как «Церковь Василия Блаженного», «Село Коломенское», «Царицыно», «Бородинское поле», «Одесса», «Донские казаки» и др. В книге 40 гравюр на отдельных листах: портрет Свиньина, рисованный В. А. Тропининым и гравированный Д. Кохом, а также 39 видов и типов, гравированных по рисункам автора. Встречаются экземпляры с теми же рисунками, исполненными литографией (их 23).

Искусствовед А. Ф. Коростин писал о Свиньине: «Как литератора Свиньина называют нередко писателем-этнографом; в такой же степени его можно назвать художником-этнографом. Годы странствий по Америке и Англии... сменились вскоре бесконечными путешествиями по России... Плодом каждого путешествия... наряду с литературными очерками, являлись альбомы рисунков и акварелей... У Свиньина были: жадный интерес к виденному, уменье рисовать и исключительная способность точнейшим образом фиксировать виденное в самых различных областях России: природу, быт, ремесла, типы, промыслы, города и усадьбы, фабрики и заводы. Свиньин — небольшой художник, но уменье рассказать карандашом и красками живо и содержательно в нем бесподобно». (Коростин А. Ф. Начало литографии в России. М., 1943. С. 62—63).

С. 255. *...рисунках (виды Петербурга) Патерсена...* — Шведский художник Бенжамен Патерсен (1750—1815) создал многочисленную серию петербургских видов. По технике это — очерковые гравюры, раскрашенные от руки самим художником. (См.: Комелова Г., Принцева Г., Котельникова И. Петербург в произведениях Патерсена. М., 1978).

С. 258. *«Полное собрание гравюр Рембрандта».*— Точное название альбома Д. А. Ровинского — «Полное собрание гравюр Рембрандта, со всеми разницами в отпечатках: 1000 фототипий без ретуши» (Спб., 1890). Издание вышло в 4-х томах — том текста и атлас в 3-х томах. Тираж — 535 экз. Существует также издание, выпущенное с двумя атласами в 6-ти томах. Встречаются оттиски с французским текстом.

С. 262. *«Сопротивление материалов» Лауэнштейна.*— Правильное название работы Рудольфа Лауэнштейна — «Курс сопротивления материалов (учение о прочности сооружений)» (Спб., 1901; 2-е изд. Спб., 1904).

С. 277. *Инкунабулы* — «колыбельные» книги, книги, напечатанные в Европе в XV в. подвижными литерами (по 31 декабря 1500 г.).

Альды или альдины — книги, выпущенные династией венецианских типографов-издателей Мануциев, родоначальником которых был Альд Мануций Старший (1449—1515).

Эльзевиры — книги, выпущенные династией голландских типографов-издателей Эльзевиров в XVI—XVII вв. Отличались большим изяществом.

С. 298. *...Евгений Арсеньевич Румянцев является в настоящее время обладателем большого собрания материалов по Петербургу-Ленинграду...*— Е. А. Румянцев (1894 — 1964) — старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, по специальности геофизик. Его собрание по истории Ленинграда насчитывало около 10 тыс. единиц: примерно 2000 книг, а также старинные планы, гравюры, открытки. Кроме того, 40 тыс. выписок из архивных материалов, книг, журналов и газет. После смерти Е. А. Румянцева, его

собрание было распродано через букинистический магазин. Много книг купил С. М. Вяземский (см. прим. к с. 525). Папки с коллекцией материалов приобретены киностудией «Ленфильм» (см.: Петрицкий В. А. Старейшая в стране // Книга и время: Сб. статей. М., 1980. С. 131—133, 136, 138, 149).

С. 308. *...рассматривал ... «Живописную Россию» Филимонова...*— Полное название книги — «Живописная Россия, или Историко-статистическая Панорама государства Российского, составленная при содействии некоторых отечественных литераторов В. Филимоновым» (Спб., 1837—1838. Тетр. 1—3). Это очень редкое издание осталось незаконченным. Подробнее об этом издании см.: Геннади Г. Н. Русские книжные редкости. Спб., 1872. С. 18, 147—148.

С. 313. *«Русская библиография морского дела за 1701—1882 гг. включительно»* — библиографический указатель, составленный З. М. Пенкиной-Триполитовой (1861—1888), первой в России женщиной-библиографом.

С. 313—314. *...труд родоначальника морской библиографии А. П. Соколова.*— Упоминается библиографический указатель: Соколов А. П. Русская морская библиотека 1701—1851 // Записки Гидрографического департамента, 1847—1852. Ч. V—X; То же. 2-е изд. Спб., 1883.

С. 315. *...автор научного труда «История антикварной книжной торговли в России»* (М., 1925).— Работа П. П. Шибанова называется «Антикварная книжная торговля в России». См. прим. к. с. 112.

С. 316. *...под нерасшифрованными инициалами «Н. В.» была помещена заметка ... «Академик Мармье и букинисты».*— Заметка «Академик Мармье и букинисты» напечатана в № 11 журнала «Библиографические заметки» за 1892 г. (с. 845). «Н. В.» — не псевдоним автора, а сокращенное название газеты «Новое время», откуда была перепечатана заметка.

С. 318. *...12 писем, в приобретении которых Д. Бедный был очень заинтересован.*— Речь идет о 12 письмах молодого Е. Придворова (будущего поэта-сатирика

Демьяна Бедного) к известному поэту К. Р. (великому князю Константину Константиновичу) (см.: Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978. С. 161).

С. 336. *«Библиография книг по искусству и искусствоведению».*— Название работы искусствоведа-библиографа О. Э. Вольценбурга (1886—1971) приведено неправильно; имеется в виду его указатель «Библиография изобразительного искусства» (Пг., 1923. Ч. 1—2).

С. 337. *«Словарь русских художников от XVIII века до наших дней»*—основная работа О. Э. Вольценбурга, она вошла в состав шеститомного биобиблиографического словаря «Художники народов СССР» (М., 1970—1983. Т. 1—4). Издание продолжается.

С. 357. *Веленевая бумага*—гладкая плотная бумага, напоминающая пергамент.

Верже—бумага с водяными знаками в виде просвечивающих продольных и поперечных линий, в одном направлении расположенных часто, в другом—реже.

С. 454. *Свою коллекцию С. М. Вяземский решил передать Музею истории Ленинграда.*— В настоящее время собрание С. М. Вяземского (1895—1983) находится в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства.

С. 455. *...написал две книги об охоте.*— Вторая книга А. С. Любоша—«Пешком поперек Африки» (Л., 1960)—об исследователе Южной и Центральной Африки охотнике-натуралисте Э. Фоа.

С. 459. *Он составил обширную библиотеку, в которую входит более 30 000 названий научных трудов, брошюр, оттисков, статей...*— Подробно о своей библиотеке П. Н. Берков рассказал в очерке «Биография моей библиотеки», который вошел в его книгу: Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению. (М., 1978. С. 220—225). Библиотека П. Н. Беркова (1896—1969) поступила после его кончины в Белорусский государственный университет.

С. 461. *«Примечания ко 2-му тому Русских драматических произведений 1672—1725 годов»*—в 1874 г. петербургский издатель Д. Е. Кожанчиков выпустил «Русские драматические произведения 1672—1725 годов» в двух

томах, собранные и подготовленные Н. С. Тихонравовым. Им также были приготовлены... «примечания к пьесам», где помещены сведения о рукописях, по которым пьесы напечатаны, и историко-литературные разыскания, имеющие главной целью разъяснить происхождение и литературную историю каждой пьесы старого русского репертуара. Но эти «примечания», хотя и напечатанные, не были приложены к сборнику «Русских драматических произведений» и, как редкость, существуют в нескольких отдельных экземплярах» (Языков Д. Д. Н. С. Тихонравов. Очерк его учено-литературной деятельности // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 151).

С. 461. *«Хронологический список русских сочинителей» П. А. Плетнева.*— Известно лишь несколько экземпляров анонимно напечатанной книги «Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях» (без места и года печати. 164 с.). Книга состоит из таблиц с хронологическими и биографическими сведениями о русских писателях, доведенными до 1836 г. По сообщению Я. К. Грота, «этот список составил П. А. Плетнев, преподавая русскую литературу ныне царствующему государю императору» — Александру II (см.: Геннади Г. Н. Русские книжные редкости... Спб., 1872. С. 106—107. № 168).

С. 466. *Эрехтейон* — один из знаменитых храмов Афинского Акрополя, специально построенный в V в. до н. э. для хранения древней культовой статуи Афины, главной святыни города.

С. 467. *Он автор большого военно-исторического труда...*— Имеется в виду книга «Разгром немцев под Ленинградом» (Л., 1949), написанная Р. Ш. Сотом совместно с Д. Е. Скородумовым.

С. 491. *...частное издательство «Аквилон», владельцем которого был инженер-химик В. М. Кантор.*— Автор статьи об издательстве «Аквилон» пишет: «При регистрации издательства в Петроглавлите, состоявшейся 1 марта 1922 г., ответственными лицами были указаны Ф. Ф. Нотгафт и В. М. Кантор. Однако фак-

тическим создателем и единственным руководителем его был Федор Федорович Нотгафт, юрист по образованию» (Матышев А. А. 22 книги «Аквилона» // Книга: Исслед. и материалы. 1988. Сб. 57. С. 94). Очевидно, инженер-химик, директор общества «Диагаз» В. М. Кантор и зубной врач Б. В. Элькан были, вместе с Ф. Ф. Нотгафтом, совладельцами-пайщиками «Аквилона». (См.: Среди коллекционеров. 1921. № 8—9. С. 67).

С. 492. *...знаменитой иллюстрированной «Нюрнбергской хроники»...* — «Нюрнбергской хроникой» здесь названа «Книга хроник» Х. Шеделя, напечатанная в Нюрнберге Антоном Кобергером в 1493 г. Этот богато иллюстрированный фолиант вышел в двух вариантах — на латинском и немецком языках. Всего в томе 1809 гравюр. Большую гравюру «Пляски смерти» искусствоведы приписывают молодому Альбрехту Дюреру. Ныне экземпляр «Книги хроник», принадлежавший В. М. Кантору, хранится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, куда профессор А. И. Маркушевич подарил все свое собрание инкунабулов (75 полных экземпляров и 61 фрагмент). См.: Инвентарь инкунабулов. Вып. 3. Коллекция А. И. Маркушевича. М., 1979. С. 57. № 119 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. ред. книг).

С. 496. *Другого подобного русского издания пока не существует.* — В последние годы появились книги: Д. С. Лихачева «Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей» (Л., 1982), А. П. Вергунова и В. А. Горохова «Русские сады и парки» (М., 1988) и др.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

П. Н. МАРТЫНОВ
ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Федор Григорьевич Шилов
ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

Пётр Николаевич Мартынов
ПОЛВЕКА В МИРЕ КНИГ

Художественный редактор Н. Д. Карандашов
Технический редактор Е. Н. Волкова
Корректор Э. В. Ежова
Ретушер Е. А. Маньшина
ИБ № 1788

Сдано в набор 03.11.89. Подписано в печать 08.05.90.
Формат 70×90/32. Бум. офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,48. Усл. кр.-отт. 40,96.
Уч.-изд. л. 21,01. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4796.
Заказ 9—327. Цена 2р.20к
Издательство «Книга». 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, ул. Валовая, 28

Отпечатано на Киевской книжной фабрике «Жовтень».
252053, Киев, ул. Артема, 25

